

ВѢРА

КАКЪ УВѢРЕННОСТЬ ПО УЧЕНІЮ ПРАВОСЛАВІЯ.

Исслѣдованіе по вопросу объ отношеніи вѣры
и знанія.

Часть первая.

Алексѣя Струнникова.

САМАРА.

Типографія М. Гранъ, Дворянск. ул. соб. д.

1887.

Отъ Совѣта Московской Духовной Академіи печатать дозволяется 8 Декабря
1886 года.

Ректоръ Академіи Архим. Христофоръ.

*Дондеже свѣтъ имате, вѣ-
руйте во свѣтъ, да сынове
свѣта будете. Иоан. XII. 36.*

*Свѣтъ прииде въ міръ, и
возлюбиха человецы. паче
тму, неже свѣтъ Иоан. III. 19.*

ВВЕДЕНІЕ.

Превѣчное слово, явившись на землѣ, принесло съ собою и предлагаетъ всѣмъ желающимъ небесный даръ, залогъ жизни и обновленія, — сказать вѣрнѣе, самую жизнь и благо въ ихъ дѣйствительномъ, реальномъ бытіи. Какъ такое, какъ нѣчто реальное (а не исключительно лишь мыслимое), какъ нѣчто долженствующее, по мысли Подателя, проникнуть и возродить все существо человѣка, эта жизнь и обновленіе естественно должны и усвоиться не тою или иною стороною нашего существа, нашего духа, но всѣмъ имъ, всѣми его силами, — должны проникнуть, возвысить, оживотворить всё ихъ съ цѣлю привести ихъ въ одно чудное гармоническое цѣлое, стоящее въ свою очередь въ такой же гармоніи съ Единымъ Вѣчнымъ Источникомъ жизни и блага во всѣхъ ихъ видахъ. Такое полное и всестороннее усвоеніе новой жизни, новыхъ началъ и даровъ, воспринятіе ихъ въ самое существо свое во всей его цѣлости носить перѣдко, какъ въ устахъ Господа въ Евангеліи, такъ и вообще въ Писаніи, на языкѣ Церкви и даже въ обычномъ нашемъ словоупотребленіи названіе „вѣры“. Понимаемая въ такомъ смыслѣ, она не есть лишь исключительно дѣло одной умозрительно-познавательной стороны нашего духа, но вмѣстѣ съ этой послѣдней также и дѣло всѣхъ другихъ силъ: чувства и

воли во всѣхъ ихъ проявленіяхъ; есть не только согласіе ума, признаніе имъ истиннымъ и непреложнымъ того, что считаетъ таковымъ ученіе Христово, но и согласіе, отзывчивость на эти истины, правила и предписанія вмѣстѣ и сердца, увлеченіе ими и чувства,—увлеченіе настолько сильное, настолько проникающее человѣка, что даетъ направленіе его волѣ и дѣлаетъ изъ него одинъ стройный отголосокъ высшей, божественной жизни. Но не о той вѣрѣ, не объ этомъ всецѣломъ усвоеніи—въ которомъ, скажемъ мимоходомъ, только и лежитъ залогъ спасенія и жизни, подѣ условіемъ котораго только и могутъ дотолѣ сыны мрака истинно и дѣйствительно стать сынами свѣта, тогда какъ разорванное, частичное усвоеніе того или другаго изъ даровъ Слова тою или другою стороною духа не приведетъ къ благой цѣли,—такъ, говоримъ, не о такомъ всецѣломъ усвоеніи Христовой истины у насъ здѣсь рѣчь. Правда, въ дѣйствительности всѣ силы нашего духа: умъ, чувство, воля по большей части проявляются совмѣстно, взаимно обуславливая и обуславливаясь одно другимъ; тѣмъ не менѣе уже и самая дѣйствительность нерѣдко даетъ примѣры распадѣнія этого единства духовной жизни: отвлеченное сознаніе, напримѣръ, нравственной невозможности извѣстнаго дѣйствія нерѣдко соединяется съ такимъ превратнымъ настроеніемъ чувства, что непосредственное, такъ сказать, ощущеніе нравственной красоты слѣдованія долгу почти исчезаетъ, оставляя въ душѣ лишь преступное влеченіе выставляющее въ заманчиво-прекрасномъ видѣ то, о низости чего свидѣтельствуетъ наше же собственное сознаніе. Тѣмъ удобнѣе отвлечь и разсматривать отдѣльно какую либо изъ указанныхъ сторонъ духа въ мысли. Поэтому въ видахъ болѣе успѣшнаго изслѣдованія съ одной стороны, и въ виду намѣченныхъ нами цѣлей съ другой, въ данномъ случаѣ мы отвлечемъ въ усвоеніи нашимъ духомъ животворной Христовой истины одинъ лишь теоретико-познавательный моментъ убѣжденія въ ней нашего духа и разсмотримъ взглядъ Православія на этотъ пред-

меть *). При этомъ въ тѣхъ же видахъ и цѣляхъ мы не будемъ обращать вниманія и на объективную сторону, на содержаніе того, что усвоается, а займемся исключительно лишь изслѣдованіемъ ученія Православія о субъективно-формальной сторонѣ усвоенія,—будемъ разсматривать вѣру, какъ увѣренность, какъ убѣжденіе, по мимо ея слѣдствій для жизни

---

*) Нѣкоторые, какъ напр. славянофилы, и въ частности Хомяковъ, считаютъ не дозволительнымъ не только разрывать указанныя стороны въ усвоеніи новой жизни во Христѣ на дѣлѣ и въ жизни, но, повидимому, запрещаютъ—и чуть ли не видятъ въ этомъ измѣну Православію и рационализмъ—даже отвлекать ихъ лишь въ мысли, раздѣлять въ словахъ, не забывая того взаимоотношенія, въ какомъ онѣ существуютъ въ дѣйствительности, и помня, что это лишь отвлечение, которымъ мы пользуемся временно для удобнѣйшаго разсмотрѣнія и большей точности мышленія. Такъ, обвиняя православную школу въ томъ, что она сошла съ твердаго материка Церкви на зыбкую почву рационалистическихъ католичества и протеставства, Хомяковъ, въ качествѣ примѣра, указываетъ на то, что эта школа приняла существовавшій у послѣднихъ вопросъ и ввязалась въ ихъ споры о томъ, чѣмъ оправдывается человекъ: вѣрою или дѣлами. По его мнѣнію ошибка въ самомъ вопросѣ: вѣра можетъ быть лишь живая, т. е. проявляющаяся въ дѣлахъ; безъ дѣлъ нѣтъ и вѣры, а слѣдомательно безсмысленъ и вопросъ.—Но такъ ли на дѣлѣ? Если понимать подъ словомъ „вѣра“ то, что разумѣетъ Хомяковъ,—вѣру живую, то его разсужденіе конечно имѣетъ смыслъ; но неужели же католическіе и протестантскіе богословы, всоенные, вскормленные на схоластицѣ, не сѣумѣли понять такого чисто виѣшняго, формально-логическаго недоразумѣнія, какое, по мысли Хомякова, заставляло ихъ спорить? Еслижъ этого нельзя сказать, то неужели ихъ грѣхъ состоялъ въ томъ, что они вздумали частіе разъяснить моменты живой вѣры? Безспорно и тѣ и другіе могли впасть въ крайность, рѣзко разъединяя и разграничивая эти моменты: увѣренность, признаніе основныхъ началъ Христіанства съ одной стороны и ихъ осуществленіе съ другой, какъ нѣчто одно другому вполне чуждое и лишь случайно соединяющееся по требованію христіанскихъ условій спасенія; но неужели грѣхъ и рационализмъ уже въ томъ, если мы въ видахъ ясности мышленія отвлечемъ лишь въ мысли эти моменты, назвавъ первый вѣрою, а второй дѣлами, не отрицаемъ ихъ связи и обоюдной нужды для спасенія? Вѣдь разница съ Хомяковымъ у насъ будетъ лишь въ словахъ:—то, что у него называется однимъ словомъ „вѣрою“, мы назвали бы двумя „вѣрою“ и „дѣлами“. Итакъ смертный грѣхъ и рационализмъ православной дохомяковской школы заключается лишь въ словахъ, въ преступленіи буквы, убивающаго письмени, а не духа животворящаго, чего и самъ Хомяковъ не считаетъ грѣхомъ. Но здѣсь нѣтъ даже и преступленія буквы, такъ какъ само Писаніе употребляетъ слово „вѣра“—особенно увидимъ это ниже,—въ слишкомъ различныхъ смыслахъ и между прочимъ въ смыслѣ лишь увѣренности, какъ такой; и что бы ни говорилъ Хомяковъ, ему не перетолковать

и помимо даже ея содержанія, хотя не помимо оснований—напротивъ вопросъ о ея основаніяхъ, о томъ, въ чемъ она коренится, такъ сказать, о природѣ и свойствахъ этой увѣренности и составить нашу главную задачу *).

ни при какихъ натяжкахъ одного извѣстнаго выраженія Апостола Іакова: „и бѣси вѣрують“. Писаніе указываетъ, что можетъ быть на сколько сильная вѣра, что будетъ творить чудеса,—и однако не доводитъ до спасенія; можетъ случиться, что такому чудотворцу будетъ сказано, какъ и многимъ другимъ, взывавшимъ: Господи, Господи, и не творившимъ волю Того, къ Кому такъ взывали,—„не вѣмъ васъ“. Еслижъ моменты усвоенія жизни во Христѣ, иначе вѣры живой, при нашей слабости могутъ разъединяться до извѣстной степени и па дѣлѣ, то почему нельзя, кто запретить разчленять ихъ и различать въ языкѣ и мысли? Другіе (напр. нѣкоторыя протестанскія направленія) хотѣли, повидимому, совершенно исключить теоретико-познавательный моментъ изъ области вѣры, сводя послѣднюю исключительно къ области нравственной дѣятельности и уничтожая такимъ образомъ предметъ нашего изслѣдованія. Но всякая нравственная дѣятельность есть проведеніе разъ принятыхъ началъ (принциповъ), въ значимости и важности которыхъ человѣкъ убѣдился,—иначе она теряетъ всякій смыслъ и нравственное значеніе, не подлежа нравственной оцѣнкѣ, а лишь описанію; или, если и оцѣнкѣ, то развѣ съ какихъ либо иныхъ точекъ зрѣнія.

Еслижъ нравственная дѣятельность необходимо предполагаетъ моментъ убѣжденія,—моментъ теоретико-познавательный, то совершенно исключать послѣдній изъ вѣры, даже смотря на эту послѣднюю преимущественно какъ на нравственную дѣятельность, было бы бессмыслицей и Святая Православная Церковь всегда была далека отъ подобнаго неразумія.

*) А что вѣра не обнимается исключительно однимъ какимъ либо изъ этихъ моментовъ: субъективнымъ или объективнымъ—въ этомъ едва ли можно сомнѣваться, и Православіе признаетъ это весьма ясно. Въ самомъ дѣлѣ: что вѣра не есть нѣчто исключительно внѣшнее, объективное,—это очевидно: какъ наше настроеніе, наше принятіе или непринятіе чего либо, зависящее при томъ отъ нашего произволенія (слова: иже вѣру иметь...), вѣра по необходимости является состояніемъ принимающаго ее, вѣрящаго субъекта и въ этомъ смыслѣ субъективною, т. е. относящеюся къ субъекту, его проявленіемъ, хотя это вовсе не значить, чтобы она была чѣмъ то исключительно субъективнымъ,—субъективнымъ въ томъ смыслѣ, что для нея нельзя было бы найти никакого внѣшняго критерія, мѣрки, нормы, которая могла бы имѣть значеніе не для одного какого либо субъекта,—словомъ, чтобы вѣра одного субъекта не имѣла рѣшительно ничего общаго съ вѣрою другого; по крайней мѣрѣ эта общность, сходство не было бы чѣмъ либо обязательнымъ, существенно ей присущимъ. Говорить такъ, значило бы говорить бессмыслицу. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы мы согласились съ нѣкоторыми не обращать вниманія на догматико-теоретическую часть вѣры и признать сущностью вѣры или даже христіанства или религіи вообще лишь извѣстнаго рода нравственное направленіе, какъ мы видимъ у Спинозы и нѣкоторыхъ протестанскихъ направленій, то и тогда между нравственнымъ направле-

Дѣйствительно, что такое, чѣмъ по крайней мѣрѣ, должна быть вѣра, какъ убѣжденіе, съ формальной стороны: есть ли она нѣчто слѣпое, ни на чемъ рѣшительно не основывающееся, кромѣ безпричиннаго хотѣнія, принятіе на вѣру—въ техническомъ

нѣмъ одного лица нашлось бы нѣчто сходное съ нравственнымъ направленіемъ другого, въ силу чего они—эти лица—лишь и могли бы быть подведены подъ одно понятіе (въ данномъ случаѣ подъ понятіе христіанина или вѣрующаго) и названы однимъ словомъ; иначе, нашлось бы нѣчто общее, свойственное не одному, а многимъ, следовательно не исключительно субъективное, т. е. относящееся только къ одному субъекту, и въ этомъ смыслѣ объективное. Не будь этого объективнаго, общаго многимъ лицамъ, чего бы ни касалось оно: убѣжденій ли, свойствъ ли дѣятельности, иного ли чего,—эти лица не могли бы быть подведены подъ одно понятіе, по крайней мѣрѣ по этому признаку (т. е. свойственному не всѣмъ имъ), а слѣдоват. и названы въ отношеніи къ нему однимъ словомъ, и слѣдовательно не могло бы быть и словъ „вѣра христіанская“, „христіанство“, „христіанинъ“. Еслибъ нравственное направленіе одного христіанина не имѣло ничего общаго съ нравственнымъ направленіемъ другого, почему бы мы узнали, что они оба христіане, а не сочли бы ихъ язычниками?

Такимъ образомъ высшая норма вѣры необходима—противное просто не мыслимо; и святая Православная Церковь всегда ясно и открыто признавала такую общую, всѣмъ обязательную норму вѣры, разсматриваемой даже какъ увѣренность, убѣжденіе,—словомъ признавало догматы,—истины, имѣющія значеніе для всѣхъ ея членовъ, не признавая своими тѣхъ, кто самовольно и сознательно отдѣлялся отъ нея даже въ одной теоретико-догматической области убѣждений, но отдѣляя ихъ какъ чуждыхъ ея всеобщей католической вѣрѣ приверженцевъ частныхъ обществъ, партій—*αἱρέσεων*,—какъ еретиковъ. Въ этомъ смыслѣ даже увѣренность, какъ такая, по скольку она мыслится въ отношеніи къ тому или иному отдѣльному субъекту, по скольку мыслится напирям. не какъ моя или ваша, а вообще, по стольку и она является чѣмъ то свойственнымъ не исключительно одному лицу, а многимъ и въ этомъ смыслѣ чѣмъ то объективнымъ. Но такъ какъ содержаніе мысли можетъ существовать и помимо увѣренности въ немъ, помимо признанія его истинности,—говори проще: мы можемъ что либо представлять и не быть увѣрены, что это представляемое нами дѣйствительно таково и существуетъ, словомъ, что наше представленіе истинно;—напротивъ увѣренность не мыслима въ дѣйствительности (а лишь въ отвлеченіи) помимо того субъекта, къ которому относится, помимо вѣрящаго, увѣренняго, то обыкновенно по отношенію къ ней и не пускаются въ указанные нами тонкія различенія понятій: ее не противопоставляютъ субъекту подобно тому, какъ противопоставляютъ содержанію, признавая и называя ее вообще вещью субъективною и противопоставая ей, какъ нѣчто объективное, ея содержаніе. Этого же обычнаго пріема мысли и словоупотребленія держимся въ данномъ случаѣ и мы, разумѣя подъ объективною стороною вѣры ея содержаніе и отождествляя субъективную ея сторону съ понятіемъ увѣренности вообще

смыслъ *) этого слова—христіанскихъ истинъ, или она имѣетъ основаніе въ непосредственномъ ли то сознаніи истинности послѣднихъ или лишь въ авторитетѣ какого бы то нибыло рода, какъ то: въ авторитетѣ преданія, Писанія, голоса Церкви, мнѣнія большинства или иного чего?

Если она коренится въ непосредственномъ сознаніи истинности христіанскихъ истинъ, то въ какого рода, сознаніи: въ сознаніи ли неоспориме вѣрныхъ доводовъ логики и данныхъ опыта—внутренняго или внѣшняго, все равно—и вообще науки, или въ неотступныхъ требованіяхъ чувства, или наконецъ въ неясныхъ, едва брежжущихъ проблескахъ какого то неопредѣленнаго чутья, влеченія куда то, какъ бы лишь предчувствія истины, того, что нѣмцы называютъ *Ahnung*?

Помимо всего этого, есть ли вѣра дѣло естественныхъ силъ и свободы духа, или она даръ, и какого рода, божественной благодати; есть-ли она такое же знаніе, какъ и всѣ другія наши познанія, разнящееся можетъ быть лишь отчасти по способу убѣжденія, или какое иное, высшее, недоступное человѣку въ его естественномъ состояніи? **) Въ этомъ послѣднемъ случаѣ имѣетъ ли оно своимъ основаніемъ непосредственное общеніе съ предметами увѣренности, такъ сказать ощущеніе ихъ, или даруется помимо этого какимъ либо особымъ, недоступнымъ пониманію, дѣйствіемъ благодати?

Какъ видно изъ этихъ вопросовъ, даже и относительно лишь субъективной стороны вѣры мнѣнія могутъ сильно расходиться, какъ то мы дѣйствительно и видимъ на дѣлѣ, и вопросъ о томъ, какъ смотреть на это дѣло Православіе,—въ виду всей этой существующей въ настоящее время путаницы мнѣній относитель-

---

А такъ какъ съ другой стороны противоположное содержанію есть форма, то и выраженія: „формальная“ и „субъективная“ сторона, въ приложеніи къ вѣрѣ, по смыслу у насъ совпадаютъ.

*) Въ томъ смыслѣ, какой принято придавать этому слову въ нѣмецкой письменности, а затѣмъ и у насъ тамъ, гдѣ слѣвуютъ нѣмецкому вліянію.

**) Какъ думаютъ славянофилы.

но сущности вѣры съ одной стороны и той связи въ какой стоять такое или иное рѣшеніе его съ тѣмъ или инымъ взглядомъ на религію, знаніе, науку и ихъ взаимоотношеніе, а отсюда въ свою очередь на права и значеніе самой вѣры и т. п. съ другой,—долженъ имѣть весьма большое значеніе и самъ по себѣ можетъ сдѣлаться самостоятельнымъ предметомъ изслѣдованія и разсужденія.

§ 2. Правда, многіе изъ указанныхъ взглядовъ на вѣру страдают, повидимому, несостоятельностью и противорѣчіями даннымъ ли то нашего знанія вообще или положеніямъ православнаго ученія, или просто отсутствіемъ самостоятельности и мысли, въ силу чего ихъ, казалось бы, съ перваго же разу можно бы было выкинуть изъ числа, подлежащихъ разсужденію, возможныхъ рѣшеній вопроса. Такъ, буквально понимаемая, слѣпая вѣра есть чистый произволь и на дѣлѣ невозможна. Какъ дѣло безпричиннаго произвола, она не можетъ быть объектомъ разумно-сознательной свободы, ибо дѣйствовать безъ данныхъ, безъ основаній, ни почему не есть дѣло разума,—и еслибы такая вѣра явилась, она была бы чѣмъ-то необъяснимымъ, дѣйствіемъ безъ причины и во всякомъ случаѣ лежала бы внѣ области нравственнаго и оцѣнки съ этой послѣдней точки зрѣнія, такъ какъ нравственность или безнравственность того или другаго дѣйствія опредѣляется по ихъ мотивамъ, а слѣдовательно и не могла бы быть вмѣняема и вести ко спасенію вѣрующихъ, равно какъ не было бы данныхъ и для осужденія невѣрующихъ. Вѣра, основанная на авторитетѣ, невольно возбуждаетъ вопросъ о вѣрѣ въ самый этотъ авторитетъ и слѣд., не рѣшая вопроса, лишь отодвигаетъ его рѣшеніе. Вѣра, вытекающая изъ непреодолимыхъ и неоспоримо истинныхъ потребностей чувства ли то, или воли, очевидно не можетъ быть противопоставляема вѣрѣ разума и науки, такъ какъ эти послѣдніе не могутъ обходить вниманіемъ такіа данныя другихъ сторонъ ду-

шевной жизни, которыя стоятъ въ какомъ либо отношеніи къ разбираемымъ ими вопросамъ. Во всякомъ случаѣ вѣра чувства отъ вѣры разсудка ли то или разума вообще не разнится уже и потому, что нѣтъ основанія даннымъ разсудка предпочитать даннымъ чувства и стремленій, если на это не дастъ права ихъ субъективное различіе по значимости, каковое въ виду неоспоримости и законности требованій, вытекающихъ изъ этихъ послѣднихъ сторонъ духа, исчезаетъ само собой. Наконецъ вѣра, основанная на неясномъ предчувствіи, разнится отъ только что разсмотрѣнной лишь степенью. Но если бы мы, въ виду сказаннаго склонились къ мысли, что вѣра есть нѣчто настолько очевидно несомнѣнное, что можетъ быть прямо отождествлена съ знаніемъ, а ея содержаніе представляемо лишь извѣстнаго рода отдѣломъ науки, противъ насъ возстало бы все ходячее скепτικο-позитивное міровоззрѣніе новѣйшаго времени; едва бы мы осмѣлились заикнуться о чемъ либо подобномъ, какъ на насъ махнули бы рукой, можетъ быть воскликнули презрительно: „схоластика“! и отошли бы прочь. Если же бы мы, не смутившись этимъ, выразили серьезное намѣреніе подтвердить свой взглядъ научно, обосновать его доказательно, — насъ встрѣтилъ бы самый искренній, неударжимый взрывъ хохота надъ бессмысленной затѣей, могущей стать рядомъ развѣ лишь съ намѣреніемъ отыскать, такъ называемое въ механикѣ, *regretting mobile*. И дѣйствительно, чтобы утвердить на почвѣ разума и науки такой взглядъ на вѣру, нужно предварительно опровергнуть все это ходячее позитивное міровоззрѣніе, считающее рѣшительно недоступнымъ для человѣка всѣ возбуждаемые вѣрой вопросы о Богѣ, сверхчувственномъ и т. д. и ограничивающее всѣ наши познанія, такъ называемымъ міромъ явленій и своеобразно понимаемаго опыта: нужно разбить доводы Канта, Юма и т. д. и не только разбить и опровергнуть, что было бы еще сравнительно легко, а обосновать на мѣстѣ разрушеннаго новую теорію знанія, съ точки зрѣнія которой былъ бы возмо-

жель такой взглядъ на вѣру. Очевидно, это была бы затѣя, если и невозможная, то во всякомъ случаѣ не скоро и не легко достижимая.

Если же оставаться позитивистомъ-скептикомъ въ области познанія и вмѣстѣ не желать отвергать значенія вѣры, то выходъ одинъ — признать законною вполне слѣбую вѣру. Въ самомъ дѣлѣ: если предметъ увѣренности ни какимъ образомъ, ни посредственно, ни не посредственно, недоступенъ намъ, а во что-бы то ни стало нужно вѣрить, то какъ еще иначе можно вѣрить какъ не слѣбно, — слѣбно въ буквальномъ и безусловномъ смыслѣ? Но это, какъ мы уже видѣли, было бы столько же безмысленно, какъ и не православно.

Остается еще выходъ, — это усвоить на вѣру взглядъ, подобный недавно появившемуся на философію, какъ на искусство; иначе, свести все дѣло опять на чувство, лишивъ при этомъ послѣднее какой либо особой, объективнозначущей роли. Это мы дѣйствительно и видимъ: признавая съ одной стороны непреложными основныя начала позитивнаго скепсиса и неотвязчиво напрашивающуюся потребность философіи съ другой, въ которые удѣлили ей область чувства; признавъ ее не наукой, а лишь искусствомъ, они не изъявляютъ притязанія на безусловную истинность ея положеній, равно какъ не требуютъ съ ея стороны и точныхъ несомнѣнныхъ доказательствъ, а лишь довольствуются тѣмъ, что она говоритъ имъ болѣе или менѣе по сердцу. Въ такомъ родѣ стали появляться уже и философскія системы *), смѣло заявляющія о себѣ, что въ нихъ найдете развѣ лишь круицу истины.

Подъ стать такому взгляду на философію смотреть и на вѣру, какъ на дѣло чувства. Признавая въ человѣкѣ не истребимую потребность религіи, ее тѣмъ не менѣе не считаютъ вещь объективнозначущей, чѣмъ то такимъ, о чемъ можно бы было серьезно разсуждать, спорить, но лишь предметомъ субъ-

*) Напригтеръ Карьера.

ективной потребности чувства, имѣющимъ по стольку значенія, по сколько онъ удовлетворяеть того или другого отдѣльнаго человѣка. Отсюда: что человѣкъ, то и религія. Но очевидно, коенется ли дѣло философіи или вѣры,—все равно,—тутъ что нибудь одно: или чувство имѣеть тоже значеніе, что и другія данныя нашего сознанія,—и тогда, какъ мы замѣтили немного выше, вѣру нельзя противопоставлять знанію *),—или область чувства исключительно область субъективизма и мечты,—и тогда и философія, и вѣра тоже лишь пустая мечта, хотя можетъ быть и неизбѣжная. Но что бы ни говорили, человеческое сердце не хочетъ такихъ ни вѣры, ни философіи. При томъ значенія вѣры, какъ пустой мечты, не сталъ бы отрицать и самый злѣйшій врагъ ея; что вѣра, вообще бываетъ, съ этимъ не спорить ни кто, но спорять лишь о томъ, что она; пустая ли она мечта, или иное что?—вотъ вопросъ. Такимъ образомъ для того, чтобы сохранить за вѣрой лишь это значеніе пустой мечты, пѣтъ нужды напрасно трудиться, сводить ее на чувство, или что иное. Въ концѣ остается такимъ образомъ и относительно указаннаго взгляда повторить лишь, что и онъ столь же безсмысленъ, какъ и неправославенъ.

Но въ такомъ случаѣ что же? какъ быть? Очевидно остается лишь сознаться, что при настоящемъ положеніи науки вообще и въ частности философіи вопросъ о томъ, что такое вѣра, если только не захотимъ наперекоръ лучшимъ стремленіямъ нашего духа признать ее пустой мечтой, которая при томъ, осталась бы чѣмъ-то не объяснимымъ, непонятно откуда вытекающимъ, — собственно на научной почвѣ неразрѣшимъ. Еслибъ мы даже признали вѣру чѣмъ-то высшимъ обыкновен-

*) Много, если это знаніе чувства будетъ отличаться сравнительною безпорядочностью и отсутствіемъ раздѣльности въ представленіяхъ, чѣмъ отличаются вообще наши обыденныя практическія познанія сравнительно съ научными. Но это различіе лишь относительное. При томъ утверждая, что вѣра дѣло чувства, указываютъ лишь первый источникъ, не отвергая возможности разумочной обработки заимствуемыхъ изъ него данныхъ. Еслижъ такъ, то съ признаніемъ значенія данныхъ чувства уничтожается всякое различіе вѣры и знанія.

наго естественнаго знанія, то и тогда это знаніе, какъ нѣчто сверхъестественное, недоступное обычному разуму, не подлежало бы естественнымъ способамъ изслѣдованія; а слѣдоват. и наукѣ. Но если такъ, то если мы не захотимъ все бросить всякія попытки рѣшенія вопроса о вѣрѣ, намъ придется обратиться къ какому либо иному источнику, а не къ настоящей наукѣ,—придется обратиться за наученіемъ или къ прошлому человѣческой мысли или къ тому, что выше человѣческаго—къ божественному откровенію.

Но что до перваго, то, хотя прошлый ходъ человѣческой мысли далеко не безъизвѣстенъ, онъ тѣмъ не менѣе не въ силахъ дать чего либо такого, что могло бы уничтожить указанную путаницу въ рѣшеніи нашего вопроса,—напротивъ новѣйшій позитивизмъ, повидимому, разбилъ все древнія данныя за возможность познанія сверхъчувственнаго и тѣмъ-то именно и запуталъ вопросъ о вѣрѣ. По этому для нежелающихъ бросать дѣло и остается лишь послѣдній источникъ—откровеніе. Отсюда понятно значеніе нашего изслѣдованія; понятенъ и характеръ его—чисто догматическій.

Извѣрившись добиться основательнаго рѣшенія нашего вопроса отъ нынѣшней (небогословской) науки, мы круто и рѣшительно поворачиваемъ въ сторону откровенія, не хотимъ, по крайней мѣрѣ на время, ничего знать кромѣ него. Въ самомъ дѣлѣ: когда упрашивая кого либо о помощи, мы слышимъ съ его стороны лишь отказъ и увѣреніе, что мы не найдемъ ея нигдѣ, и тутъ же рядомъ со стороны другого—обѣщаніе исполнить просимое, не естественно ли, не вполне ли разумно, бросивъ перваго, обратиться ко второму, хотя бы съ цѣлью простой попытки, что называется на удачу? Да и дѣйствительно, развѣ мы не поступаемъ такъ всегда въ обыденной жизни? Развѣ мы не видимъ, что вездѣ, гдѣ исчезаетъ знаніе, тамъ его мѣсто занимаетъ вѣра,—вѣра въ техническомъ смыслѣ слова? Пріѣхавъ въ чужой городъ и не будучи зна-

комы съ его расположеніемъ, мы спрашиваемъ перваго пошавшагося: какъ пройти туда-то? и смѣло идемъ, куда онъ укажетъ, довѣряясь его словамъ. Отчего не поступить такъ и теперь? Отсюда значеніе попытки указать ученіе Православія даже для людей не склонныхъ признавать значеніе откровенія, не говоря о томъ интересѣ, какой должны возбуждать взгляды общества, считающаго своихъ членовъ милліонами,—разумѣемъ Св. Церковь, которая даже съ обычной человѣческой точки зрѣнія далеко не песчинка въ морѣ, чтобы не быть замѣчной. Тѣмъ болѣе должна имѣть значенія наша попытка для людей вѣрящихъ въ откровеніе,—для православныхъ, видящихъ въ своей матери, Святой Церкви, единую непреложную учительницу, живой органъ вѣчной небесной истины, столпъ и утвержденіе ея. Но едва ли не всего нужнѣе,—даже просто необходимо,—знать ясно и отчетливо представлять себѣ ученіе Православія на вѣру православному богослову. Не говоря уже о томъ, что онъ долженъ вѣрно и точно знать ученіе своей Церкви, чтобы, вѣрно различая его отъ всего посторонняго, твердо стоять на православной почвѣ,—знать взглядъ Церкви на вѣру необходимо ему и потому — и тѣмъ болѣе,—что ему приходится съ нимъ встрѣчаться на каждомъ шагу, что это для него основной вопросъ, отъ такого или иного рѣшенія котораго зависитъ многое и между прочимъ не только такая или иная постановка той или другой богословской науки, а прямо судьбы всего богословія; съ этимъ вопросомъ тѣсно связанъ и такимъ или инымъ рѣшеніемъ его неминуемо рѣшается въ соответственномъ смыслѣ и роковой вопросъ: быть или не быть? для всего богословія, какъ науки. Не пускаясь въ подробное разъясненіе этой мысли въ виду ея удобопонятности, укажемъ лишь на то, что коль скоро вѣра ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть знаніемъ, коль скоро предметы ея рѣшительно недоступны нашимъ осязательнымъ познавательнымъ силамъ, то, очевидно, нечего и толковать о богословской наукѣ,—богосло-

віе, какъ наука, въ точномъ смыслѣ этого слова, окажется пустой мечтой. Тѣмъ болѣе окажется невозможнымъ въ частности основное богословіе и вообще всѣ попытки какого бы то ни было разумного оправданія истинъ вѣры, и вмѣстѣ рушится и вся наша доселѣшняя система духовнаго образованія съ ея преимущественнымъ стремленіемъ выработать въ своихъ питомцахъ разумно-сознательное убѣжденіе въ истинахъ вѣры; наши семинаріи и академіи окажутся стоящими на ложной почвѣ, занимающимися, по Апостолу, лишь біеніемъ воздуха *). Стоя на указанной точкѣ зрѣнія, богословъ долженъ будетъ сознать, что онъ не ученый, а лишь проловѣдникъ, приводящій не доводы и доказательства, а много что поясненія, наглядные примѣры своихъ мыслей.

---

§ 3. Но если такъ, если столько новодовъ и такая необходимость отчетливо знать ученіе Православія о вѣрѣ, то и необходимость изслѣдованія этого предмета очевидна. — Прежде всего ученіе Православія о вѣрѣ, хоть и завито *implicite* въ другихъ ученіяхъ и взглядахъ его (напр. на откровеніе, природу Бога и человѣка) хотя и выражается на дѣлѣ въ живой практикѣ Церкви, лежитъ въ основѣ ея и осмысливаетъ ее, тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы оно твердо установилось въ умахъ большинства членовъ Церкви и получило точное и отчетливое выраженіе во внѣшней словесной и логической, принятой во всеобщее употребленіе всею Церковію, формѣ. Еслижъ такъ, если ученіе Церкви о вѣрѣ не можетъ быть причислено къ ученіямъ получившимъ полное логическое развитіе и точное, принятое Церковію во всеобщее употребленіе, словесное выраженіе, предохраняющее отъ недоразумѣній и

---

*) И нельзя сказать, чтобы не было высказываемо такихъ взглядовъ, въ основѣ которыхъ, что бы тамъ ни говорили, дѣйствительно лежатъ, хотя можетъ быть не всегда ясно и отчетливо сознается именно это недоверіе къ возможнымъ слѣдствіямъ и плодамъ богословской науки, сомнѣніе въ нашей способности познавать что либо въ области богословія.

превратности пониманія; то очевидно, что для того или иного члена ея, особенно въ виду трудности и запутанности вопроса, весьма возможно сомнѣніе относительно вѣрнаго пониманія ученія Церкви. Но если такъ, то, повторяемъ, необходимость изслѣдованія по указанному вопросу очевидна. Но она дѣлается въ настоящее время еще очевиднѣе, еще настоятельнѣе, если мы обратимся къ дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ: что недоумѣнія относительно помянутаго вопроса существуютъ, это едва ли кто станетъ отрицать. Дѣйствительно: мы знаемъ взгляды на вѣру тѣхъ или иныхъ философовъ, наприм. Спинозы, Канта; знаемъ такъ или иначе взгляды тѣхъ или иныхъ отдѣльных инославныхъ исповѣданій, наприм. католичества, протестанства; знаемъ, если угодно, взгляды тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ отцовъ Церкви, наприм. Климента Александрійскаго; но какъ думать, какъ учить относительно этого вся Церковь, — обратитесь съ этимъ вопросомъ къ какому либо изъ членовъ этой самой Церкви, что вамъ на это отвѣтятъ? Не встрѣтитъ ли васъ въ большинствѣ случаевъ молчаніе, недоумѣніе, нерѣшительность? Еслижъ и отвѣтятъ опредѣленно, то чѣмъ подтвердятъ свое мнѣніе чѣмъ докажутъ его согласіе со взглядомъ всей Церкви? — И это весьма понятно, такъ какъ ни Церкви до сихъ поръ не было повода особо точно и подробно выражать свой взглядъ въ словѣ, ни изслѣдованій *) частныхъ лицъ, спеціально посвященныхъ указанному вопросу, насколько мы знаемъ, не было, — не было ни у насъ на Востокѣ, ни на Западѣ, **) вообще, — что правда, довольно есте-

---

*) Мы не думаемъ конечно отрицать, что много книгъ, между прочимъ различныя изложенія православнаго догматическаго богословія, по необходимости касаются этого вопроса; но это не значитъ, что онѣ вполне его выясняютъ, а тѣмъ болѣе, что онѣ обстоятельно доказываютъ вѣрность своихъ сужденій относительно ученія Православія по данному вопросу.

**) Догматическій характеръ изслѣдованія является необходимостью между прочимъ и потому, что самый вопросъ о методѣ христіанскаго познанія является пока лишь вопросомъ и слѣдуетъ слишкомъ полагаться на данныя обычнаго

ственно и понятно, — пренебрегающѣмъ изученіемъ чуждаго ему, хотя и христіанскаго, Востока.

---

§ 4. Изъ всего сказаннаго, надѣемся, ясно для всякаго какъ значеніе самаго вопроса, такъ и необходимость изслѣдованія относительно его, равно какъ и характеръ изслѣдованія (догматическій) *) — словомъ ясны поводы, породившіе настоящую попытку удовлетворить необходимой потребности изслѣдованія относительно ученія Православія о вѣрѣ, — потребности, прежде всего ощущаемой самимъ пишущимъ.

Изъ вышесказаннаго понятны также и частныя особенности предлагаемаго труда. Въ виду отсутствія въ прошломъ особыхъ изслѣдованій по нашему вопросу намъ не оставалось ничего больше сдѣлать, какъ обратиться къ первоисточникамъ, непосредственно къ голосу самой Церкви, какъ онъ выражается въ Священномъ Писаніи и Преданіи. вмѣстѣ съ тѣмъ — изслѣдуя ученіе Церкви, мы по преимуществу займемся положительнымъ разъясненіемъ его, не пускаясь не только въ полемику съ вышесказанными существующими или лишь могущими существовать взглядами на вѣру, но даже по большей части и въ простое сопоставленіе съ ними ученія Церкви, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ это окажется нужнымъ для болѣе яснаго и отчетливаго представленія настоящаго смысла нашихъ словъ. Понятно также, что, разсматривая вѣру исключительно какъ увѣренность, убѣжденіе, мы коснемся намѣченныхъ выше вопросовъ о ея отношеніи къ благодати и свободѣ чловѣка лишь по скольку это будетъ нужно для выясненія ея съ той стороны, по которой она является способомъ или образомъ усвоенія тѣхъ

естественнаго смысла значило бы предпрѣмать то, что еще подлежитъ изслѣдованію, такъ какъ не извѣстно, какое значеніе придаетъ Православіе естественнымъ средствамъ познанія.

*) Говоря такъ, разумѣемъ, изслѣдованіе собственно ученія Православной Церкви.

или иныхъ положеній, нѣкоторымъ видомъ признанія чего либо истиннымъ.

Наконецъ едва ли нужно упоминать о качествѣ, необходимомъ при всякомъ изложеніи чужихъ взглядовъ, — возможно полной объективности. Правда въ данномъ случаѣ нельзя сказать, чтобы мы излагали совершенно чуждый намъ взглядъ, — какъ для сына Церкви, для пишущаго сказать: такъ мыслить Церковь, значитъ вмѣстѣ сказать: такъ мыслю и я, — тѣмъ не менѣе въ твердой увѣренности въ истинности и непогрѣшимости Церкви, смиренно прибѣгая къ ея водительству и наученію, мы не желаемъ другого и не стремимся ни къ чему иному, какъ только познать и усвоить содержимую ею истину, съ полной готовностью принять все, что она скажетъ. Еслибъ мы знали, то и не спрашивали бы и не искали; а коль скоро сознаемъ свое невѣдѣніе и прибѣгаемъ къ наученію, то естественно ждать, что мы будемъ внимать поучающему голосу, каковое настроеніе, надѣмся, достаточно ручается за объективность изслѣдованія.

Итакъ приступимъ къ сокровищамъ небесной мудрости, къ хранилищу вѣчной истины; освободясь отъ людскихъ предразсудковъ и мимолетныхъ мнѣній вѣка, въ простотѣ души, съ тихимъ радостнымъ трепетомъ ожиданія истины прислушаемся къ вѣщаніямъ божественнаго разума.

В Ъ Р А

по ученію Священнаго Писанія.

а) Сравнительное значеніе Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта въ вопросѣ о вѣрѣ.

Начиная изслѣдованіе ученія Св. Писанія о вѣрѣ, не ошибаясь, сказавъ, что понятіе вѣры по преимуществу понятіе новозавѣтное; самое слово „вѣра“, такъ часто встрѣчающееся въ новозавѣтныхъ писаніяхъ, въ приложеніи къ увѣренности въ общихъ религіозныхъ истинахъ, въ бытіи Бога, весьма рѣдко встрѣчается въ книгахъ Ветхаго Завѣта. Говоря такъ, мы все не хотимъ сказать, что въ Ветхомъ Завѣтѣ не требовалось, не было вѣры, какъ способа богопознанія, какъ увѣренности въ бытіи Бога и т. п.; говорить такъ значило бы противорѣчить съ одной стороны Св. Писанію Новаго Завѣта, утверждающему прямо, что вѣтхозавѣтные праотцы спасались вѣрою (напр. Евр. XI), съ другой—всему Ветхому Завѣту, представляющему намъ на всемъ протяженіи своемъ исторію благочестія,—благочестія, исходившаго изъ твердой увѣренности въ Богѣ и данномъ имъ законѣ и обѣтованіяхъ *). Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что въ Ветхомъ Завѣтѣ по преимуществу выдвигается на видъ внѣшняя сторона благочестія, сторона дѣлъ и въ частности обрядовъ: характеристическія черты закона, какимъ онъ представляется въ писаніяхъ св. Павла, свойственны, вообще говоря, всему Ветхому Завѣту, чему всему въ Новомъ Завѣтѣ противопоставляется вѣра, какъ начало,

---

*) Ибо иначе и невозможно см. Евр. XI, 6.

хотя и не исключяющее жизненнаго проявленія въ дѣлахъ и въ частности въ обрядахъ, тѣмъ не менѣе начало по преимуществу духовно-внутреннее, въ которомъ въ свою очередь внутренняя сторона увѣренности въ ученіи свѣта и истины блещетъ съ несравненно большею силою выступаетъ несравненно явственнѣе, чѣмъ въ понятіи закона. Въ самомъ дѣлѣ: что заповѣдуются Адаму въ раю? Воздѣлывать и хранить рай и не вкушать отъ одного изъ райскихъ деревьевъ. Быт. II. 16, 17. Что говоритъ Господь Аврааму?—Я Богъ твой; благоугождай Мнѣ и будь непороченъ; Я поставлю съ тобою завѣтъ Мой и умножу тебя въ народъ великій Быт. гл. XVII. Что мы слышимъ на Синаѣ?—Я Господь Богъ твой; не имѣй иныхъ боговъ; не дѣлай себѣ кумира... говоритъ Господь Израилю Исх. XX, 1—5.

Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ, правда, повидимому, во главу всего ставится признаніе истиннаго Бога, вѣра въ Него; но достаточно обратить вниманіе на мѣстоимѣніе „твой“, чтобы понять, въ качествѣ чего являются здѣсь слова „Я Богъ твой“, какимъ свѣтомъ отбѣняется самое признаніе Бога: это не признаніе бытія Бога вообще (хотя оно и предполагается), но оно здѣсь прежде всего имѣется въ виду, —здѣсь заключается союзъ, договоръ. и со стороны человѣка требуется не то, чтобы онъ вѣрилъ въ Бога,—это предполагается какъ нѣчто уже существующее—а то, чтобы онъ считалъ Его своимъ Богомъ, Господомъ, Владыкой и выражалъ это признаніе на дѣлѣ: слушался Его, за что Господь обѣщаетъ свое покровительство. Въ этомъ сущность договора. Словомъ мы видимъ нѣчто подобное тому, что бываетъ при принятіи кѣмъ либо чьего либо подданства: подданный обѣщаетъ быть вѣрнымъ и повиноваться законамъ или приказаніямъ правителя или общества, правитель же или общество обѣщаютъ съ своей стороны охранять и защищать принявшаго ихъ подданство. Иное дѣло въ Новомъ Завѣтѣ: хотя и здѣсь идея союза, завѣта, далеко не затѣмняется, тѣмъ не менѣе исходною точкою всего здѣсь является увѣренность въ

истинахъ вѣры, какъ такая, признаніе истинности христіанскаго ученія: повелѣвая Апостоламъ проповѣдывать Евангеліе всему міру, Господь прибавляетъ: „кто повѣритъ и крестится спасенъ будетъ, а кто не повѣритъ, осужденъ будетъ (Марк. XVI. 15, 16).

Отсюда понятно, что изслѣдованіе ученія о вѣрѣ преимущественно должно будетъ сосредоточиться на писаніяхъ Новаго Завѣта, какъ дающихъ большее число и болѣе ясныхъ данныхъ относительно вѣры. При томъ Ветхій Завѣтъ, являясь лишь тѣнью, прообразомъ и приготовленіемъ Новаго, не имѣя всей полноты и ясности ученія истины, содержитъ въ себѣ въ тоже время не мало имѣвшаго лишь временное значеніе и потому въ своихъ требованіяхъ и предписаніяхъ оказывается иногда непримѣнимымъ къ жизни Церкви новозавѣтной, такъ какъ въ немъ не рѣдко дозволяется то, что запрещается Церковію, и на оборотъ. Достаточно указать на многоженство и почитаніе изображеній Бога и святыхъ; первое, будучи обычнымъ прежде, является грѣхомъ теперь, второе—на оборотъ. Въ виду этого, еслибъ и оказалось возможнымъ вывести что либо относительно вѣры изъ писаній Ветхаго Завѣта, мы не могли бы еще быть непосредственно увѣрены, что и Новый Завѣтъ вполне тоже-ственно въ своемъ ученіи о вѣрѣ съ Ветхимъ.

Въ виду всего этого мы главнымъ образомъ займемся изслѣдованіемъ ученія о вѣрѣ Новаго Завѣта. Но такъ какъ и Ветхій былъ путеводителемъ ко Христу, подготовленіемъ къ новозавѣтной истинѣ, то и мы изслѣдованію Новаго Завѣта предположимъ, въ качествѣ подготовительнаго вступленія, краткій очеркъ состоянія боговѣдѣнія въ Ветхомъ Завѣтѣ.

б) Краткій очеркъ состоянія боговѣдѣнія въ Ветхомъ Завѣтѣ.

§ 1. Увѣренность въ бытіи Бога и вообще въ религиозныхъ истинахъ, какъ она представляется въ писаніяхъ Ветхаго Завѣта, имѣла во все время отъ появленія человѣка до явленія Господа на землѣ по преимуществу двойкій характеръ: это была или непосредственная увѣренность въ бытіи того, что мы видимъ собственными глазами, такъ сказать опытная увѣренность или увѣренность на основаніи данныхъ преданія, свидѣтельства прежнихъ вѣковъ и большинства,—вѣра историческая или вѣра авторитета. Что вѣра въ Ветхомъ Завѣтѣ весьма часто имѣла непосредственно опытный характеръ, въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе; на всемъ протяженіи Ветхаго Завѣта Богъ является какъ бы однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ, подобно человѣку. Онъ является людямъ, говоритъ съ ними, заключаетъ съ ними договоры, благотворитъ имъ, угрожаетъ, наказываетъ, даже основываетъ свое особое царство, *)— словомъ является на столько же, или вѣрнѣе: несравненно болѣе историческимъ дѣятелемъ, чѣмъ какой бы то ни было человѣкъ, соотвѣтственно чему не довольствуясь нарицательными именами (Богъ: Эль, Элогимъ, Господь: Адонай и т. п.) подобно человѣку, принимаетъ даже особое собственное имя Эгъе или Ягве (Исх. III. 13—16, Пс. XCIX, 3) **). Отсюда и увѣренность въ Его бытіи имѣла, такъ сказать, опытный характеръ. Тамъ или тогда, когда и гдѣ люди не видали сами дѣйствій и явленій Божества, они слышали о нихъ или отъ современниковъ или отъ предковъ; и такъ какъ и для тѣхъ, и для другихъ такія явленія и рассказы о нихъ были дѣломъ обычнымъ, о которомъ часто и всѣ слышали и говорили, то ихъ свидѣтельству вѣрили какъ всеобщепризнаваемой, обычной

*) Израильская оскратія.

**) Въ Еврейской библіи Пс. С.

истинѣ, подобно тому, какъ мы вѣримъ разсказамъ исторіи о прошлыхъ вѣкахъ. Но коль скоро историческая подкладка преданія оказывалась слабою, чтобы поддерживать вѣру въ Бога или Его законъ, непосредственныя божественныя явленія и рѣчи возобновлялись,—возобновлялись или для отдѣльныхъ лицъ или даже и для цѣлыхъ обществъ. Нерѣдко также, когда дѣло касалось цѣлыхъ обществъ, Богъ избиралъ провозвѣстникомъ Своей воли и распространителемъ вѣры въ Себя кого либо одного, кому являлся и говорилъ Самъ и Которому сообщалъ какія либо сверхъестественныя дары—напр. силу пророчества, чудотворенія, по которымъ бы его могли признать за провозвѣстника божественныхъ велѣній.

Такъ, мы видимъ, во время блаженнаго состоянія людей въ раю Богъ непосредственно является имъ и говоритъ съ ними, и нѣтъ ни какихъ данныхъ думать, чтобъ слова Бога Адаму не были звуками, словами въ буквальномъ смыслѣ. Самъ Богъ вводитъ Адама въ рай, Самъ даетъ ему нѣкоторыя повелѣнія, Самъ обличаетъ въ грѣхѣ и наказываетъ за него. Нѣтъ ничего несообразнаго со смысломъ Писанія допустить, что Богъ являлся Адаму не только въ звукахъ, но даже въ чувственно-воспринимаемомъ видимомъ образѣ *). На основаніи такого непосредственнаго общенія съ Богомъ Адамъ, естественно, увѣренъ въ бытіи Бога, признаетъ Его личностью, вступаетъ съ Нимъ въ разговоръ, говоритъ Ему „Ты“.

Такія же явленія Бога продолжаются и послѣ грѣхонаденія. Такъ Господь предостерегаетъ Каина отъ грѣха и затѣмъ обличаетъ и наказываетъ его по совершеніи преступленія.

Когда люди размножились и развратились, Богъ является Ною, говоритъ съ нимъ и велитъ ему проповѣдывать людямъ Свое рѣшеніе наказать ихъ, если не покаются. Затѣмъ повелѣваетъ Ною строить ковчегъ и, истребивъ все живое на землѣ,

---

*) Вспомнимъ виденія пророковъ, въ частности Исаи гл. VI.

чудесно спасаетъ семейство праведника и заключаетъ въ лицѣ его завѣтъ со всякою плотію земною.

Когда по размноженіи людей и послѣ потопа повторяется тоже самое, т. е. развращеніе и забвеніе истиннаго Бога, искаженіе вѣрныхъ понятій о Немъ, Господь, предвидя имѣющій разлиться по всей землѣ мракъ язычества, обоготвореніе видимой природы, уготовляетъ Себѣ въ лицѣ Авраама начало избраннаго народа, хранителя истины, готовитъ основаніе будущему Своему царству на землѣ, въ которомъ Онъ, Богъ, будетъ Царемъ, а судіи и первосвященники Его служителями, равно какъ и имѣющіе явиться послѣ цари. Въ лицѣ народа еврейскаго Богъ хочетъ, такъ сказать, жить на землѣ съ людьми; и съ этою цѣлію является родоначальнику избраннаго народа, повелѣвая ему, оставивъ мѣста зарождающагося язычества, идти въ чужую страну.

Затѣмъ многократными явленіями, испытаніями, обѣтами Господь воспитываетъ Себѣ въ Авраамѣ вѣрнаго слѣжителя, заключаетъ съ нимъ завѣтъ и руководитъ его потомковъ. Когда, по размноженіи въ Египтѣ, потомство праведника стало народомъ и, надо полагать, снова начало забывать Бога отцевъ своихъ *), Господь рѣшается возобновить завѣтъ Свой съ сынами Израиля. Для этого Онъ избираетъ Моисея, является ему въ горящей кунинѣ и, привлекая видомъ чуда, вступаетъ съ нимъ въ разговоръ, повелѣвая идти и сказать сынамъ Израиля, что Онъ — Богъ ихъ и выведетъ ихъ изъ Египта, этого дома работы. На возраженіе Моисея: какъ повѣритъ ему, что его прислалъ Богъ, Господь даетъ ему въ знаменіе своего избранничества способность превращать жезлъ въ змія и здоровую руку въ прокаженную. Затѣмъ многими знаменіями проявивъ свое могущество и явное покровительство Израилу, Господь ведетъ избранный народъ изъ Египта; вѣторъ разгоняетъ вол-

---

*) Иначе, какъ мыслимо поклоненіе золотому тельцу въ пустынѣ? Очевидно, здѣсь лишь проявились пріобрѣтенныя въ Египтѣ привычки.

ны и готовить божественнымъ избранникамъ путь среди пучины моря, которую никогда дотолѣ не освѣщало солнце, не видѣло небо,—какъ въ поэтическомъ восторгѣ восклицаетъ слагатель церковныхъ пѣсней; устремившіеся въ погоню египтяне погибаютъ въ волнахъ по одному мановенію жезла вѣрнаго служителя Бога Израилева. Какъ было не вѣрить въ бытіе Того, Кто такъ могущественно заявлялъ о Себѣ? Какъ не предаться въ волю Того, Кто такъ дивно избавилъ сыновъ Израиля отъ безвыходной нужды и неволи, поразивъ враговъ, могущественнѣе которыхъ не было въ мірѣ? И вотъ гремитъ благодарный гимнъ, торжественная пѣснь во славу Бога Израилева оглашаетъ пустыню. Но мало того,—спустя не много, Самъ Господь является на Синаѣ, и среди раскатовъ грома, среди рѣзко разрывающихъ густую тьму окружающаго дымящейся Синай мрака ослѣпительныхъ молній Израиль слышитъ явственно: Азъ есмь Господь Богъ твой; да не будутъ тебѣ бози инии развѣ Мене.—И въ это же время вѣрный слуга Господень стоитъ на горѣ, являя наглядно всѣмъ свою близость къ Богу Израиля. Какъ было не вѣрить послѣ этого не только Богу, но даже Моисею? Израиль, такъ сказать, видѣлъ Бога, опытно зналъ Его. Нужно ли послѣ этого прибавлять, что водительство Божіе Израиль продолжалъ видѣть не только въ продолженіи 40-лѣтняго странствованія по пустынѣ, не только въ завоеваніи обѣтованной его праотцамъ земли, но и во все время своего существованія,—во время судей и царей, во время порабощенія иноземцами, страшнаго плѣна вавилонскаго и по возвращеніи изъ плѣна. Только не задолго предъ самымъ пришествіемъ Господа, отъ Малахіи до предтечи Господня, замѣчается нѣкоторый перерывъ въ появленіи божественныхъ избранниковъ; только тутъ блекнетъ свѣтъ пророчества, подобно тому, какъ предъ восходомъ солнца, тускнутъ дотолѣ яркія звѣзды. Поэтому еслибъ мы захотѣли прослѣдить всю исторію евократаіи,—этого царствованія Бога среди сыновъ Израиля,—намъ

пришлось бы передать здѣсь почти всю, такъ называемую, священную исторію Ветхаго Заѣта. Но такъ какъ съ одной стороны это было бы утомительно и лишне по причинѣ общеизвѣстности фактической стороны дѣла, съ другой — не дало бы ничего существенно новаго сравнительно со сказаннымъ, то мы, вмѣсто пересказыванія общеизвѣстнаго, лучше укажемъ, хотя кратко, на то, что нашъ выводъ изъ всего видѣннаго, — что вѣра въ Ветхомъ Заѣтѣ, вообще говоря, была своего рода опытнымъ знаніемъ, — даже не представляетъ собою собственно и вывода, а прямо содержится въ словахъ Св. Писанія. Именно мысль, что всѣ указанныя дивныя и величественныя, то карающія, то милующія дѣла Промысла не только вели за собою познаніе истиннаго Бога и обращеніе къ Нему, но прямо имѣли это цѣлю, — эта мысль высказывается явно во многихъ мѣстахъ *). Укажемъ лишь нѣкоторыя. Такъ Іереміи XLIV, видимъ, Господь угрожаетъ гибелью язычествовавшимъ Іудеямъ, ушедшимъ въ Египетъ и предпочитавшимъ поклоненіе богинѣ неба поклоненію Богу Израилеву, говоря между прочимъ: „только малое число избѣжавшихъ отъ меча возвратится изъ земли египетской въ землю іудейскую и узнаютъ всѣ оставшіеся Іудеи, которые пришли въ землю Египетскую, чтобы пожить тамъ, чье слово сбудется Мое или ихъ“ (ст. 28). Но мало того, — для удостовѣренія вѣрности предсказанія относительно того, что сбудется сравнительно не скоро, дается въ качествѣ знаменія новое предсказаніе, которое имѣетъ сбыться вскорѣ, и относительно котораго прямо говорится: „и вотъ вамъ знаменіе... что Я посѣщу васъ на мѣстѣ семъ, чтобы вы знали, что сбудутся слова Мои о васъ на погибель вамъ“ (ст. 29). Равно въ книгѣ пророка Іезекіиля предсказанія о грядущихъ отъ

---

*) Эта же мысль очень ясно выражается у св. Григорія Богослова, говорящаго что іудеи τὸν ἐλαύοντα Θεὸν ᾗδεσαν· ἐπέϊποντο γὰρ εἰς ὧν ἔπασχον I т. 622 стр. изд. Weidmanni 1690. (Іудеи знали преслѣдовавшаго ихъ Бога; ибо они убѣждались самими страданіями).

Господа наказаніяхъ ли то или благодѣлннхъ народамъ многократно заканчиваются словами: „и узнають, что Я Господь“ (напр. XXXIV, 27, 30; XXXV, 4, 9, 15; XXXVI, 11; XXVIII, 22, 23, 24, 26 *), Подобное видимъ у Исаи LXXXII 19. Гоила II, 27, III, 17. То же видимъ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Въ виду всѣхъ этихъ многочисленныхъ дѣйствій Божественнаго Промысла и вѣра историческая, вѣра преданія имѣла для себя твердую почву. По этому мы видимъ даже Самъ Богъ, равно какъ и Его пророки не рѣдко пользуются указаніями на прежде бывшія и всѣмъ извѣстныя дѣла Всевышняго въ качествѣ доводовъ въ пользу бытія, могущества и другихъ свойствъ Божіихъ. Изъ многихъ примѣровъ укажемъ Исаи гл. XLIV, 7, 8. XLVI, 9, 10. Амоса IV, 4—13. Но даже и помимо всякихъ указаній со стороны кого либо на дивныя дѣла божественнаго могущества, самая общеизвѣстность и воспоминаніе ихъ, даже спустя много лѣтъ, служили сами по себѣ могущественными побужденіями признавать бытіе и могущество Бога Израилева не только для іудеевъ, но и для язычниковъ. Въ качествѣ болѣе яркаго примѣра приведемъ мѣсто изъ 1 кн. Царствъ гл. IV, 5—9. Однажды во время войнъ израильтянъ съ филистимлянами, первые, не надѣясь на собственныя силы и желая получить высшую помощь, принесли въ свой станъ ковчегъ завѣта. „Когда прибылъ ковчегъ Завѣта Господня въ станъ, весь Израиль поднялъ такой сильный крикъ, что земля стонала. И услышали Филистимляне шумъ восклицаній и сказали: отчего такія громкія восклицанія въ станѣ Евреевъ? и узнали, что ковчегъ Завѣта прибылъ въ станъ. И устрашились Филистимляне ибо сказали: Богъ тотъ пришелъ къ нимъ въ станъ; и сказали: горе намъ! ибо не бывало подобнаго ни вчера, ни третьяго дня. Горе намъ! Кто избавитъ насъ отъ руки этого сильнаго Бога? Это тотъ Богъ, который поразилъ Египтянъ всякими казнями

*) Особенно ясно эта мысль выражается въ книгѣ Премудрости Соломона XI, XII, XVI, XVII, XVIII, но мы не указываемъ на свидѣтельство неканонической книги при разсмотрѣніи ученія Св. Писанія.

въ пустынь. Укрѣпитесь и будьте мужественны, Филистимляне, чтобы вамъ не быть въ порабощеніи у Евреевъ, какъ они у насъ въ порабощеніи.

§ 2. Но хотя вѣра во времена Ветхаго Завета и имѣла, вообще говоря, преимущественно характеръ или непосредственно опытный или историческій, тѣмъ не менѣе нельзя сказать что-бы въ ней совершенно отсутствовалъ элементъ философски-разсудочный. Правда, указывающихъ на это мѣстъ не много *), тѣмъ не менѣе они показываютъ, что уже въ далекіе дни Іова природу напр. считали способною привести къ мысли о ея Виновникѣ. Такъ въ книгѣ Іова (XII, 7—9) читаемъ: „и подлинно, спроси у скота, и научить тебя, у птицы небесной и возвѣститъ тебѣ. Или побесѣдуй съ землею, и наставитъ тебя, и скажутъ тебѣ рыбы морскія. Кто во всемъ этомъ не узнаеть, что рука Господня сотворила сіе?“ Подобное же, повидимому, высказывается въ пс. XVIII, 2.

Сюда же можно отнести заключеніе о бытіи Бога изъ наблюденія дѣлъ Его Промысла, какъ напр. пс. LVII, 12; LV, 10; CVI, 43, каковыя мѣста впрочемъ могутъ быть отнесены и къ мѣстамъ, говорящихъ о познаніи Бога черезъ чудеса.

Наконецъ указывается возможность познать Бога вообще размышленіемъ, наприм. Притч. Сол. II, 1—6 **). Въ частности у Исаи XLIV, 9—20 наглядно доказывается безмысліе идолопоклонства изъ того, что сами же люди дѣлаютъ истукановъ, которымъ послѣ кланяются ***).

§ 3. Но не смотря на только что приведенныя мѣста, нельзя не признать, что, вообще говоря, вѣра какъ во все время Ветхаго Завета, такъ особенно во время Моисея имѣла по преимуществу характеръ опытный. Во все это время Господь какъ

---

*) За исключеніемъ XIII гл. и другихъ мѣстъ неканонической книги Премудрости Соломона.

***) Хотя въ то же время нѣтъ недостатка въ мѣстахъ, указывающихъ слабость человѣческаго познанія, какъ напр. Іова XXXVIII, XXXIX,

***) Также въ посланіи прор. Іеремія.

бы непрестанно словами и дивными дѣлами Своего могущества говорить Израилю: „вотъ Я! вотъ Я!“ (Исаи LXXV, 1).

Видѣть съ тѣмъ въ продолженіи всего Ветхаго Завѣта сперва едва замѣтно, но затѣмъ чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе предлагается путь и истинѣ новозавѣтной. Въ частности сыны Израиля все болѣе и болѣе готовятъ къ принятію обѣтованнаго ихъ праотцамъ Избавителя какъ предсказаніями пророковъ, такъ и прообразованіями въ самыхъ событіяхъ времени и обстоятельствъ явленія и жизни грядущаго Ангела Завѣта, а тѣмъ самымъ и самой вѣрѣ новозавѣтной доставляется подобный же опытно-доказательный характеръ.—Словомъ, все ведется къ тому, чтобы, когда возсіяетъ ясный день Новаго Завѣта, Господь могъ обратиться къ Израилю, какъ Онъ обращается къ нему у Исаи (XLIV, 7, 8): „Кто какъ Я? Не издавна ли Я возвѣстилъ тебѣ и предсказалъ? И вы Мои свидѣтели. Есть ли Богъ кромя Меня?“

Такъ, не говоря уже о прикровенныхъ обѣтованіяхъ о „сѣмени жены“, имѣющемъ нѣкогда стереть главу змія, объ обѣтованіяхъ Аврааму и другимъ патриархамъ, о пророчествѣ Іакова, Моисея—во все время Ветхаго Завѣта предсказанія объ имѣющемъ явиться помазанникѣ Господнемъ не замолкаютъ никогда; при всякомъ почти поводѣ пророки говорятъ о Немъ и видѣряютъ вѣру въ Его пришествіе во всемъ народѣ, такъ что ко времени явленія ожиданіе Его дѣлается всеобщимъ. Такъ мы видимъ, достаточно было нечестивому царю гордо отказаться отъ предлагаемаго ему знаменія, чтобъ пророкъ Господень воскликнулъ, что самъ Господь дастъ знаменіе Израилю: Дѣва зачнетъ во чревѣ и родитъ Сына! Ис. VII, 11—14. Пророки времени раздѣленія царствъ, обличая развращенныхъ сыновъ Израиля, угрожая ему плѣненіемъ и отвѣденіемъ въ неволю, въ то же время постоянно заключаютъ свои описанія будущихъ грозныхъ событій,—опустошеній и порабоженія,—картинами имѣющаго затѣмъ явиться мира въ царствѣ

Мессіи, какъ бы такъ говоря іудеямъ: „вотъ хотя вы не вѣрите нашимъ угрозамъ, но онѣ исполнятся; вы увидите, узнаете это самымъ опытомъ,—повѣрьте же тогда, что сбудется и то, что мы говорили о грядущемъ мирѣ и пришествіи Господа“. Пророчества не прекращаются даже среди горькой неволи въ порабощеніи иноплемениками; и здѣсь первый слуга царя господствующаго народа и смиренный поклонникъ Бога Израйля изрекаетъ пророчество о будущихъ судьбахъ міра и точно опредѣляетъ время пришествія Мессіи.—Такимъ образомъ даже для вѣры въ Господа Іисуса во времени пришествія Его у іудеевъ имѣлись всѣ нужные доводы: вся ихъ исторія ясно и рѣшительно заставляла ихъ ждать Его и увѣровать въ Него, когда Онъ пришолъ. Самое исчезновеніе пророческаго дара во Израилѣ предъ явленіемъ Господа заставляло еще сильнѣе ждать Великаго Пророка, предсказаннаго еще Моисеемъ, послѣ того какъ послѣдній изъ пророковъ, какъ бы указывая на то, что уже болѣе нѣтъ нужды въ прозорливцахъ, такъ какъ уже вотъ еще не много,—и прійдетъ предшествуемый своимъ предтечею Господь, умираетъ воскликнувъ отъ лица Бога Израилева: „Се Азъ посылаю Ангела Моего и призритъ предъ Лицемъ Моимъ и внезапно прійдетъ въ Церковь Свою Господь и Ангель За-вѣта, Его же вы хотите. Се грядетъ, глаголетъ Господь Вседержитель“ (Малахія III, 1).

в) Вѣра по ученію Священнаго Писанія Новаго
Завѣта.

Исходное начало и приемы изслѣдованія.

Приступая къ изслѣдованію ученія Св. Писанія Новаго Завѣта о вѣрѣ, считаемъ не лишнимъ указать тѣ начала, которыя мы положимъ въ основу нашего изслѣдованія. Прежде всего Господь Іисусъ Христосъ, дѣла и слова котораго на равнѣ съ дѣлами и ученіемъ избранныхъ Имъ и просвѣщенныхъ благодатію Святаго Духа учениковъ Его, представляетъ намъ Св. Писаніе Новаго Завѣта,—для насъ не обыкновенный хотя бы то и гениальный учитель,—Онъ не человѣкъ, а Богъ, явившійся въ естествѣ человѣка. Это для насъ неоспоримый фактъ, основное положеніе и исходная точка нашего изслѣдованія, и мы не считаемъ нужнымъ оправдывать это положеніе. Историки и химики не оправдываютъ исходныхъ началъ ихъ изслѣдованій—увѣренности въ существованіи внѣшняго міра, объектовъ ихъ опытовъ, увѣренности въ дѣйствительномъ значеніи разсудка, хотя найдутся люди готовые подвергнуть все это сомнѣнію; съ меньшимъ правомъ на научный характеръ изслѣдованія и мы въ основу послѣдняго кладемъ означенную увѣренность. Изъ этого основнаго положенія, изъ этой увѣренности въ божествѣ Господа Іисуса и богодухновенности Апостоловъ, слѣдовавшихъ въ своихъ дѣлахъ и словахъ, при помощи благодати Духа, ученію Господа, въ связи съ признаніемъ подлинности и богодухновенности самаго Писанія (въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ у насъ) на основаніи какъ разума, такъ и словъ Апостола, что во Христѣ нѣтъ „ей и ни“ необходимо слѣдуетъ такое руководящее правило и приемъ изслѣдованія: такъ какъ мѣста Писанія не могутъ сами себѣ противорѣчить, то

все что носить, повидимому, такой характеръ, должно быть неперемѣнно и безусловно примиряемо и сводимо къ одному; существованіе противорѣчивыхъ, колеблющихся взглядовъ въ Св. Писаніи недопустимо. Если на что и можно согласиться, то лишь на то, что относительно того или другаго Св. Писаніе умалчиваетъ, не давая ни какаго опредѣленнаго отвѣта; напротивъ, относительно всего того, о чемъ оно говоритъ, оно не можетъ само собою противорѣчить, какъ это нерѣдко случается съ писаніями обыкновенныхъ людей.— Затѣмъ не лишно ближе указать и роль нашего субъективнаго разумѣнія въ дѣлѣ изслѣдованія. Конечная цѣль послѣдняго исполнѣ объективно-безпристрастное выясненіе ученія Св. Писанія; поэтому мы постараемся изгнать все лично-субъективное, на сколько то возможно,—будемъ пользоваться лишь логикой и общими законами мышленія и затѣмъ извѣстной долей интуиціи, необходимой какъ для того, чтобы понимать слова Писанія, чтобы соединять съ извѣстными словами соответствующія понятія, такъ и для того, чтобы видѣть отношеніе мыслей, представленій и понятій, съ которыми придется имѣть дѣло. Правда, все это не спасетъ насъ само по себѣ отъ возможности поддаться субъективизму,—эта возможность лежитъ въ самомъ существѣ пониманія къмъ либо чего либо,—тѣмъ не менѣе наше намѣреніе, насколько возможно, какъ мы уже сказали, быть объективными, съ каковою цѣлію мы вездѣ будемъ стараться не судить лишь по буквѣ, не вырывать слова и событія изъ ихъ естественной связи, изъ того, что ихъ обусловливаетъ и объясняетъ, дать тотъ смыслъ и оттѣнокъ, а не другой,—но улавливать и понимать характеръ, смыслъ и значеніе какъ словъ, такъ и событий, пользуясь связью тѣхъ или иныхъ словъ какъ съ ходомъ рѣчи вообще, такъ и съ тѣми или другими вызвавшими ихъ событіями, и возстановляя, и по возможности на основаніи твердыхъ данныхъ (главнымъ образомъ сообщеній самаго же Писанія), въ необходимой полнотѣ всю обстановку и взаимную

связь событій, въ какой они дѣйствительно происходили *). Выяснивъ теперь основныя начала и приемы изслѣдованія, приступимъ къ этому послѣднему.

І. С л о в о „ВѢРА“.

а) Филологическій разборъ слова „вѣра“.

§ 1. Первымъ дѣломъ въ видахъ вѣрнаго усвоенія кѣмъ-бы нибыло высказываемыхъ мыслей естественно является вѣрное и точное пониманіе смысла и отвѣка употребляемыхъ для выраженія этихъ мыслей словъ. По этому и намъ въ нашемъ вопросѣ прежде всего естественно обратиться къ разбору самого слова, употребляемаго для выраженія изслѣдуемаго нами понятія,—обратиться къ разбору, къ филологическому анализу слова „вѣра“ съ цѣлью точнѣе опредѣлить смыслъ и вѣрно уловить отвѣнокъ выражаемаго имъ понятія. При этомъ понятно, что филологическій разборъ и значеніе собственно русскаго слова „вѣра“ для насъ имѣеть значеніе далеко не важное; впервые разбираемое понятіе и соответствующее ему слово, вышедшее изъ устъ Того, Чье ученіе мы хотимъ изслѣдовать, было высказано не у насъ и не на нашемъ языкѣ,—наше слово лишь переводъ, за полную вѣрность котораго прямо, помимо всякихъ данныхъ, еще нельзя во что бы то ни стало ручаться.

Впервые слово, означающее христіанское понятіе вѣры, прозвучало въ Палестинѣ и, такъ какъ направлялось къ слушателямъ іудеямъ, говорившимъ во времена Господа на арамейскомъ языкѣ, то вѣроятно и было заимствовано изъ этого же языка, или,—что впрочемъ нѣтъ особыхъ данныхъ допускать,—изъ

---

*) Если кому либо покажется что, говоря все это, мы упустили изъ виду одно изъ важнѣйшихъ пособій къ правильному пониманію Св Писанія—Св. Преданіе, то пусть такové вспомнятъ, что изслѣдованіе ученія о вѣрѣ Св. Преданія составляетъ самостоятельную половину нашего сочиненія.

сроднаго ему и вообще не совершенно чуждаго слушателямъ древне-еврейскаго. Правда, подлинныхъ рѣчей Господа на томъ самомъ языкѣ, на которомъ онѣ были произнесены, не сохранилось, и намъ приходится довольствоваться лишь греческимъ подлинникомъ Евангелій; но это не отнимаетъ еще у насъ совершенно надежды возстановить буквально подлинныя слова Господа, — по крайней мѣрѣ въ данномъ случаѣ: могутъ оказаться данныя на основаніи которыхъ можно будетъ составить, правда предположеніе, — поскольку оно не будетъ непосредственно очевидною истиною — тѣмъ не менѣе предположеніе болѣе, чѣмъ вѣроятное, и во всякомъ уже случаѣ способное предупредить могущія явиться съ этой стороны возраженія. Данныя эти можетъ доставить обычное словоупотребленіе семитическихъ языковъ: еврейскаго, арабскаго, сирскаго и, пожалуй, халдейскаго. Въ самомъ дѣлѣ: Господь говорилъ на сирскомъ языкѣ или можетъ быть иногда отдѣльныя выраженія и слова, заимствовалъ и съ еврейскаго, какъ языка не советѣмъ чуждаго его слушателямъ и при томъ священнаго; въ крайнемъ случаѣ можно предположить, какъ возможность, вліяніе на образованіе самаго сирскаго языка Палестины временъ Господа со стороны сроднаго и смежнаго по мѣсту жительства употреблявшихъ его арабскаго, такъ въ виду тѣхъ же данныхъ сродства и близости и возможность заимствованія Господомъ изъ этого послѣдняго. Пусть это предположеніе мало вѣроятно, но мы перечисляемъ всѣ возможныя, хотя бы то и мало вѣроятныя предположенія. Во всякомъ случаѣ въ филологическомъ отношеніи для выясненія семитическаго словопроизводства вообще значеніе арабскаго языка неоспоримо, *) въ какомъ отношеніи не лишень значенія и халдейскій. — Итакъ въ виду указанныхъ предположеній изслѣдуя словоупотребленіе означенныхъ языковъ: еврейскаго, сирскаго и

---

*) Онъ важенъ уже потому, что онъ языкъ живой, и его слѣдовательно можно знать не только изъ книгъ, школьнаго преданія, древнихъ свидѣтельствъ и переводовъ и т. п.

арабскаго по отношенію къ разбираемому нами понятію, въ числѣ тѣхъ словъ, какими эти языки пользуютя для выраженія понятія вѣры, мы по необходимости должны напасть въ числѣ ихъ на то слово, которымъ пользовался для той же цѣли и самъ Господь Правда, здѣсь точно также могли бы встрѣтиться затрудненія по выбору словъ: употребленіе какого изъ нихъ приписать Господу? въ случаѣ, еслибъ ихъ значенія оказались различны; но дѣйствительность избавляетъ насъ отъ такой трудности: основной корень словъ употребляющихся для выраженія изслѣдуемаго нами понятія, — а слѣдов. и основное ихъ значеніе — во всѣхъ трехъ языкахъ, и даже въ халдейскомъ одинъ и тотъ же, такъ что, если мы и не можемъ съ недопускающею сомнѣнія увѣренностію сказать, какое именно слово по внѣшнему его виду употреблялъ Господь, то можемъ со всею вѣроятностію указать тотъ оттѣнокъ значенія, какой оно имѣло такъ какъ въ этомъ послѣднемъ т. е. даже въ оттѣнкѣ значенія, а не только въ основномъ значеніи корня, опять таки всѣ указанные языки внолиѣ согласны.

§ 2. Такимъ образомъ желаніе уловить оттѣнокъ смысла словъ „вѣра“ „вѣрить“ въ устахъ самого Господа оказывается далеко не несбыточнымъ. Попытаемся осуществить его. Начнемъ съ еврейскаго. Здѣсь понятія „вѣра“ „вѣрить“ выражаются словами отъ корня **אמן**. Для выраженія нашего „вѣрить“ этотъ глаголъ употребляется обыкновенно въ формѣ гифиль: **אמן**. Напр. Мрк. XVI, 11—17; Матѣ. VIII, 13; X, 28. Слово „вѣра“ передается существительнымъ того же корня **אמנה**. Наприм. Матѣ. X, 22, VIII, 10.

Первоначальное значеніе **אמן** въ видѣ каль: поддерживать, подпирать, дѣлать что либо крѣпкимъ, твердымъ. Въ видѣ нифаль: укрѣпляться, быть твердымъ (напр. Исх. XXII, 23), устоять, быть стойкимъ, быть прочнымъ, постояннымъ (напр. Исх. XXXIII, 16), быть поддержану, въ нравственномъ значеніи оправдаться, оказаться вѣрнымъ (Быт XLII, 20); быть

вѣрнымъ, неизмѣннымъ (Исх. LXXXIX, 29), откуда אָמֵן вѣрный πιστός въ приложеніи къ послѣдователямъ ученія Христова (равно какъ אָמֵן מְקוֹם безопасное мѣсто). Въ видѣ гипфиль: признать что либо твердымъ, надежнымъ, вѣрнымъ (напр. Суд. XI, 20); съ предлогомъ ל довѣряться, вѣрить кому или чему. Наконецъ оставаться неподвижнымъ, стоять на мѣстѣ; напр. Іов. XXXIX 24.

Какъ показываютъ эти значенія основное представленіе, соединяемое со словомъ אָמֵן во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ—представленіе твердости, постоянства, неизмѣнности и слѣд., въ приложеніи къ понятію увѣренности въ чемъ либо, слово אָמֵן можетъ выражать, какъ дѣйствительно и выражаетъ, лишь моментъ увѣренности и, если угодно, увѣренности твердой, безповоротной,—но и только; о томъ, на чемъ основывается эта увѣренность, есть ли, наприим., она знаніе, или ни на чемъ не основанное довѣріе,—непосредственно это слово не говоритъ, почему и прилагается какъ къ увѣренности въ истинѣ и въ очевидномъ Іоан. XX, 29, такъ и къ увѣренности въ томъ, что не очевидно и даже не истинно (напр. 1 Іоан. IV) и уже во всякомъ случаѣ не только не выражаетъ ясно, но даже и отдаленно не намекаетъ на вѣру въ тѣсномъ смыслѣ какъ на увѣренность ни на чемъ не основанную, какъ на мнѣніе, на плодъ легковѣрности.—Какъ разъ на оборотъ: еслибъ только въ этомъ словѣ обращалось вниманіе на основаніе увѣренности, то, судя по коренному его значенію, должно бы было предположить, что обозначаемая имъ увѣренность—нѣчто твердо обоснованное, неопровержимо вѣрное, несомнѣнно истинное. Эта послѣдняя черта: основное представленіе твердости и неизмѣнности еще очевидно въ дальнѣйшихъ производныхъ словахъ *). Въ частности въ видѣ гипфиль и съ

*) Вотъ нѣкоторые примѣры: אָמֵן, אָמֵן, אָמֵן, אָמֵן—вѣрность, твердость, истина אָמֵן—подпора, столпъ, устой.

предлогомъ **א** въ какомъ видѣ этотъ глаголь и употребляется для выраженія вѣры въ Бога, и вообще увѣренности въ истинахъ религіозныхъ, — **אמן** выражаетъ, судя по производству, не столько отвлеченно познавательный моментъ нашей увѣренности въ бытіи Того, чему вѣримъ, напр. Бога, сколько сердечно нравственный моментъ твердой, безповоротной довѣренности, надежды на кого, — выражаетъ не столько то, что человекъ вѣритъ въ Бога, — что, судя по понятіямъ евреевъ, которыя конечно не могли остаться безъ вліянія на образованіе и значеніе словъ ихъ языка, стояло само по себѣ выше всякаго сомнѣнія, такъ что объ этомъ нечего было и говорить, — сколько то, что онъ полагается, твердо надѣется на Него, чувствуетъ себя внѣ опасности, довѣряясь Его покровительству. Отсюда удобство для широкаго употребленія этого слова и его производныхъ, при чемъ слово „вѣрить“ принимается въ значеніи жить по вѣрѣ, какъ то мы увидимъ ниже во всемъ Св. Писаніи и даже у послѣдующихъ церковныхъ писателей. Еще яснѣ этотъ нравственный оттѣнокъ выступаетъ въ другихъ словахъ того же корня; такъ еврейское **אמון** какъ греческое „πιστός“ и наше „вѣрный“ въ приложеніи къ христіанину прежде всего по производству выражаетъ признакъ вѣрности, нравственной стойкости, непоколебимости, и уже въ дальнѣйшемъ, подразумеваемомъ смыслѣ, признакъ увѣренности въ истинахъ Христова ученія. Равно и упомянутое слово **אמנה** — твердость, выдержанность, точность, вѣрность, надежность, обезпеченіе (напр. Ис. XXXIII, 6 **אמנת עתיד**), истинность, правдивость (напр. Второз. XXXII, 4), честность, въ приложеніи къ понятію религіозной вѣры главнымъ образомъ должно оттѣнять тотъ же признакъ твердости, непоколебимой стойкости, вѣрности, и отсюда легко и безъ всякаго насилія коренному значенію можетъ выражать не только моментъ увѣренности разсудка или разума, но и моментъ безповоротной рѣшимости, вѣрности сердца и во-

ли, — словомъ совпадать по значенію съ словомъ религія, въ какомъ смыслѣ нерѣдко употребляется въ писаніи. Въ частности въ приложеніи къ понятію увѣренности разума **אמונה** точно также какъ и **אמן** отгѣняетъ признакъ твердости, стойкости этой увѣренности, признакъ непоколебимости убѣжденія. Что касается до того, на чемъ основывается это убѣжденіе, то и здѣсь, — еслибъ только на это обращалось вниманіе, — коренное значеніе скорѣе благопріятствовало бы понимать его въ смыслѣ твердо обоснованнаго убѣжденія, чѣмъ легкомысленной довѣрчивости.

Правда, какъ наше слово „убѣжденіе“ невольнo вызываетъ представленіе о поводахъ данныхъ, того, что имъ обозначается, о томъ, что оно — убѣжденіе — не безъ основанія, такъ естественно и въ словѣ **אמונה** эти представленія ассоціируются сами собою съ главнымъ выражаемымъ имъ представленіемъ твердой увѣренности и даже можетъ быть сильнѣе, чѣмъ съ русскимъ „убѣжденіе“; но какъ у насъ возможно выраженіе: „ложное убѣжденіе“, такъ и **אמונה** въ приложеніи къ понятію увѣренности въ виду того, что разные люди увѣрены нерѣдко въ противоположномъ, и къ увѣренности вѣхъ ихъ можетъ быть приложимо **אמונה** можетъ и нейти далѣе представленія субъективной увѣренности, спуская изъ содержанія своего значенія признакъ объективной вѣрности. Во всякомъ случаѣ и это послѣднее представленіе весьма близко, какъ бы само постоянно напрашивается на вниманіе въ виду самаго словопроизводства, такъ что представленіе, образующееся въ умѣ, отъ слова **אמונה** почти совпадетъ, а иногда и совершенно совпадало въ устахъ, произносившихъ его, съ представленіемъ, являющимся при словѣ „знаніе“, и поэтому вполне передать смыслъ **אמונה** въ приложеніи къ понятію увѣренности намъ кажется вѣрнѣе было бы такъ: **אמונה** — это непоколебимо — твердое убѣжденіе въ чемъ либо какъ несомнѣнно истинномъ; а въ нѣкоторыхъ слу-

чаяхъ (напр. въ устахъ самого увѣреннаго) и прямо; убѣжденіе въ несомнѣнной истинѣ.

§ 3. Переходя къ арабскому, прежде всего и здѣсь встречаемъ тотъ же корень; и здѣсь для выраженія понятія „вѣрить“ употребляется слово **אָמַן** *). Слово „вѣра“ передается словами **אֵמֶן** или **אֱמֶן**.

Но не только звуки, само значеніе корня **אָמַן** вообще говоря, близко еврейскому **אָמַן**. Такъ въ первомъ видѣ **אָמַן** значитъ онъ довѣрять, полагался на кого, надѣялся, склонялся къ кому вѣрять. Въ третьемъ видѣ **אָמַן** былъ, сталъ вѣрнымъ, надежнымъ, —отсюда имя дѣйствія **אֱמֶן** вѣрность, надежность, честность, вѣра. Въ четвертомъ видѣ **אָמַן** здѣлалъ безопаснымъ (его **אָמַן**), небоящимся; даровалъ безопасность, пощаду; съ предлогомъ **בְּ** вѣрилъ, увѣровалъ во что **בְּאֱמֶן** увѣровалъ въ Бога; **לְאֱמֶן** онъ вѣрилъ, довѣрялъ ему, покорился, пошелъ подъ его руководствомъ. Въ 8-мъ видѣ **אֱמֶן** считалъ кого вѣрнымъ, вѣрилъ, полагался, ввѣрилъ **בְּ** ему. Въ 10-мъ видѣ **אֱשֶׁת־אֱמֶן** просилъ покровительства, защиты, пощады, —отсюда **אֱמֶן** безбоязненность, безопасность. Какъ видимъ и въ арабскомъ корень **אָמַן** или что же **אָמַן**, вообще говоря сохраняетъ тоже значеніе, то и въ еврейскомъ, возбуждая представленіе твердости, непоколебимости, надежности; различіе лишь въ томъ, что значеніе этого корня въ еврейскомъ шире: онъ тамъ равно обнимаетъ область явленій духовно-нравственныхъ и физическихъ тогда какъ значеніе его въ арабскомъ, какъ видимъ, держится главнымъ образомъ въ нрав-

---

*) Для удобства печати передаемъ арабскія слова, равно какъ и сирскія, еврейскою азбукою. При этомъ мы передаемъ не столько правописаніе, сколько произношеніе; такъ опускаемъ **ן** служащій лишь для показанія долготы гласной. Не точность допускаемъ при передаче звука „О“ изображая его всегда **ו** такъ какъ знакъ **ו** можетъ ввести въ ошибку.

ственно-духовной области, хотя главное представлениe твердости и надежности обще корню и въ томъ и другомъ языкѣ. Такимъ образомъ данныя арабскаго языка лишь подтверждаютъ выводъ изъ данныхъ еврейскаго.

§ 4. Переходя теперь къ сирскому, мы и здѣсь встрѣчаемъ родственное слово **קִיָּין**; происходящее отъ того же корня **קִיָּין** имѣющаго въ сирскомъ видѣ **קִיָּין**—корня правда, неупотребляющагося въ этомъ видѣ за исключеніемъ причастій, но, какъ слѣдуетъ изъ значенія другихъ видовъ, имѣвшаго значеніе: былъ твердо, постояненъ, непрерывенъ, вѣренъ; пребывалъ твердо и неизмѣнно; довѣрился положился *) Видѣ **קִיָּין** нѣкоторыми питающійся видомъ **קִיָּין** отъ основнаго вида **קִיָּין** (вмѣсто **קִיָּין**) возможность котораго является вѣроятностію въ виду того, что звуки **ק**, **י**, **יָ**, **יַ** вообще въ семитическихъ языкахъ нерѣдко взаимно замѣняются, или же, что не менѣе вѣроятно, являющійся видомъ **קִיָּין** отъ того же **קִיָּין**—имѣть значеніе: имѣлъ увѣренность, вѣрилъ; съ предлогомъ **ל** вѣрилъ кому, чему; съ предлогомъ **ב** былъ увѣренъ въ комъ, вѣрилъ въ кого (напр. въ Бога). Отсюда и другія производныя слова: **קִיָּין**—постоянно, непреклонно, безпрестанно **קִיָּין**—еврейское **קִיָּין**—утвердительная частица: истинно, вѣрно, дѣйствительно; да будетъ; аминь **קִיָּין**—вѣрность, достовѣрность, несомнѣнность, надежность, смѣлость, вѣра, довѣріе.

Такимъ образомъ очевидно, что и о данныхъ сирскаго языка приходится лишь повторить сказанное относительно данныхъ арабскаго, т. е., что и они лишь подтверждаютъ слѣданный нами выше выводъ изъ данныхъ еврейскаго языка. Въ виду всего этого является уже излишнимъ упоминать, что и восточ-

---

*) Такъ употребительное причастіе этого вида **קִיָּין** и **קִיָּין** имѣть значеніе: постоянный, непреклонный, твердый, неподвижный, продолжающійся.

ная вѣтвь сирскаго языка, такъ называемый халдейскій, имѣетъ тотъ же самый корень 𐤌𐤍 и съ тѣмъ же значеніемъ въ видѣ 𐤌𐤍 и что во всѣхъ упомянутыхъ четырехъ развѣтвленіяхъ семитическихъ языковъ на ряду съ 𐤌𐤍 употребляется другое видоизмѣненіе этого корня 𐤌𐤍 сходное по основному значенію, въ нѣкоторыхъ же изъ нихъ, какъ наприм. въ халдейскомъ и отчасти въ еврейскомъ, совершенно совпадающее съ 𐤌𐤍 .

§ 5. Изъ всего сказаннаго выводъ относительно нашего вопроса очевиденъ. На всѣхъ семитическихъ языкахъ, какъ мы видѣли, съ словами, соотвѣтствующими нашимъ „вѣра,“ „вѣрить“, необходимо связывалось лишь представленіе твердой, непоколебимой увѣренности въ чемъ либо, какъ несомнѣнно истинномъ, а все остальное, выходящее за предѣлы этого имѣющаго въ виду исключительно лично-субъективную сторону дѣла представленія, все намекающее на объективную сторону, на достоинство, и вообще на основанія и поводы увѣренности, могло привязываться къ этимъ словамъ лишь въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ, смотря по связи и ходу мыслей, въ силу чего эти слова могли совпадать какъ съ понятіемъ знанія, такъ и съ понятіемъ простодушной недалекой довѣрчивости. Если жъ это было такъ, а Господь Иисусъ въ своихъ рѣчахъ пользовался тѣмъ или другимъ семитическимъ нарѣчіемъ; то, очевидно, что въ Его устахъ само слово „вѣра“, какъ слово, не содержало въ себѣ и не могло непосредственно пораждать въ умѣ Его слушателей никакого иного представленія, кромѣ указаннаго, т. е. представленія твердой увѣренности, какъ такой, и только; все остальное, касавшееся объективной стороны дѣла, если и можно было выводить, то уже изъ связи рѣчи, изъ того особеннаго, если только оно было, значенія и оттѣнка, какое онъ могъ придавать (какъ и всякій вносящій или раскрывающій новыя представленія человѣкъ) этому слову Самъ,—но это уже дѣло по словопроизводства и филологіи вообще, а непосредственнаго

изслѣдованія самаго ученія о вѣрѣ. Такимъ образомъ общій выводъ изъ всего сказаннаго такой: употреблявшіяся Господомъ для выраженія понятія вѣры слова непосредственно сами по себѣ не даютъ ничего положительнаго для такого или иного рѣшенія вопроса о вѣрѣ, не говорятъ ни за, ни противъ какого угодно его рѣшенія.—Выводъ такимъ образомъ чисто отрицательнаго свойства: изъ него ясно, наприимѣръ, что скороспѣлое противоположеніе вѣры знанію на основаніи одного лишь слова не имѣетъ смысла, хотя не менѣе ясно, что и непремѣннаго отождествленія ихъ изъ однихъ словъ, какъ словъ, самихъ по себѣ, еще вовсе не слѣдуетъ.—Словомъ изъ всего доселѣ сказаннаго мы пока можемъ лишь утверждать, что вѣра есть увѣренность, и только.

§ 6. Но мы не можемъ закончить филологическія изысканія относительно словъ „вѣра“, „вѣрить“ лишь семитическими языками; какъ бы ни казался несомнѣннымъ полученный выше выводъ,—предъ нами все-таки остается греческій подлинникъ Евангелія и другихъ апостольскихъ писаній, которыхъ мы не можемъ обойти молчаніемъ уже въ силу того, что это единственно доступный намъ дѣйствительный подлинникъ и первоисточникъ, при томъ данный непосредственно, тогда какъ выше указанный выводъ все-таки является чѣмъ то вторичнымъ, выводнымъ.

При томъ греческій подлинникъ имѣетъ и помимо сказаннаго ту особенность, что хотя онъ по буквѣ и не принадлежитъ Самому Господу, но въ виду боговдохновенности составителей Евангелій и вообще писаній Новаго Завѣта необходимо предположить, что онъ вѣрно и по возможности точно передаетъ не только мысли, но самые обороты рѣчи и слова, особенно тамъ, гдѣ неточность выраженія могла бы повредить смыслу. Отсюда естественно ожидать, что греческія выраженія *πίστις*, *πιστεύειν*, *πιστός* вѣрно и точно передаютъ то, что выражалъ Самъ Господь соотвѣтственными семитическими словами. И такъ

обратимся къ разбору указанныхъ словъ. Первоначальный общій ихъ корень заключается въ звукѣ πει, откуда глаголь πεισσω — склоняю, уговариваю, убѣждаю, упрашиваю, смягчаю. Въ страд. πεισσομαι убѣждаюсь, слушаюсь, склоняюсь, слѣдую, отсюда: до-вѣряю, вѣрю. Прощ. сов. πέποιθα — вполнѣ увѣренъ въ комъ, въ чемъ, положился на кого, твердо надѣюсь, уповаю на кого; стр. πέπεισμαι — емь убѣжденъ, увѣренъ, — твердо и основательно убѣдился въ чемъ. Отъ этой же первоначальной основы πει, при посредствѣ окончанія τοςъ соответствующаго новѣйшему его виду σος, и съ обычнымъ переходомъ π въ σ образовано имя дѣйствія или состоянія πίστις, первоначальное значеніе котораго было, судя по значеніямъ глагола πεισσω: уговариваніе, убѣжде-ніе; состояніе увѣренности, послушанія, твердой надежды, все-цѣлой преданности, повиновенія, вѣрности, постоянства, неизмѣн-ности (ср. πιστός). Отсюда вообще: довѣріе, увѣренность; довѣ-ренность, вѣра; затѣмъ какъ нѣчто объективное: вѣрность, твер-дость, несомнѣнность. Наконецъ то, что производитъ довѣріе, увѣренность или вѣру, на чемъ послѣдняя основывается: дока-зательство, залогъ вѣрности, — тоже, что τὸ πιστόν; порука, обезпеченіе, ручательство; договоръ, союзъ. Очевидно, что при такой широтѣ и многосторонности значеній слово πίστις могло прилагаться какъ къ непосредственной увѣренности въ чемъ либо, такъ и наоборотъ къ увѣренности въ чемъ либо недоступ-номъ непосредственно; такъ наконецъ и къ такой увѣренности, которую обыкновенно называютъ знаніемъ. Кромѣ того это сло-во легко могло быть приложимо и къ области нравственныхъ понятій, выражающихъ дѣйствія и состоянія сердца и воли, — какъ то: къ понятіямъ вѣрности, твердости, постоянства, надеж-ности, — словомъ вполнѣ соответствовать еврейскому אֱמוּנָה въ силу чего въ устахъ, какъ Господа, такъ особенно Его апосто-ловъ (напр. Св. Павла), даже когда они писали отъ своего лица и могли не стѣсняться выборомъ словъ для должнаго вы-раженія своихъ мыслей, нѣрѣдко отождествлялось не только съ

вышеупомянутыми словами твердости, постоянства, но и прямо, при условіи отнесенія этой твердости, вѣрности къ Богу и въ частности къ христіанскому ученію,—со словомъ религія или съ нашимъ „вѣра“ въ широкомъ, особенно же въ простонародномъ его употребленіи въ смыслѣ религіи. Еще яснѣе и почти даже исключительно эти представленія твердости, постоянства, надежности выражаются въ отглагольномъ прилагательномъ того же корня πιστός, —вѣрный, надежный, чрезъ посредство котораго образуется и глаголь πιστεύω. Окончаніе εὖω вообще имѣеть значеніе: быть, состоять чѣмъ либо *). Отсюда съ одной стороны,—такъ какъ πιστός отъ гл. πείθω значить и убѣжденный, увѣренный, вѣрящій,—πιστεύω =πιστός εἶμι будетъ означать: есмь увѣренъ, вѣрю, довѣряю, ввѣряю кому что (т. ч. καταπιστεύω) полагаюсь на кого; отсюда πιστεύειν τι, πιστεύειν εἰς τινα, πιστεύειν τινί въ смыслѣ вѣрить, и выраженія Евангелія о Господѣ Иисусѣ: οὐκ ἐπίστευεν ἑαυτὸν —не довѣрялся Иудеямъ, не полагался на нихъ. Съ другой стороны, такъ какъ πιστός значить еще: вѣрный, надежный, то и πιστεύω значить есмь вѣренъ, твердъ; отсюда выраженіе „вѣровать въ Него“ значить „исполнять волю Его“. (Ирин. Лион. IV кн. VI, 5) **). Другими словами: и здѣсь должно сказать тоже, что о словѣ πίστις т. е. что и πιστεύω можетъ быть прилагасемо столько же и въ нравственной области понятій, и какъ въ той, такъ и въ другой выражаетъ одинъ и тотъ же общій признакъ твердости—въ первомъ случаѣ убѣжденія, во второмъ рѣшимости, вообще силы воли, постоянства въ преслѣдованіи разъ избранныхъ цѣлей, вѣрности тѣмъ или другимъ правиламъ или лицамъ.

---

*) Какъ напр. ἀληθεύω (истинствую)—ἀληθείς εἶμι, πρωτεύω=πρωτός εἶμι.

**) Выраженіе сохранившееся, правда, лишь въ латинскомъ переводѣ, но тѣмъ не менѣе обусловливавшееся, очевидно, лишь особенностями подлиннаго, т. е. греческаго языка, такъ какъ латинское credere въ указанномъ сочетаніи называется весьма страннымъ.

Такимъ образомъ и греческій корень словъ *πίστις, πιστεύειν*, хотя по первоначальному значенію и достаточно отличенъ отъ основнаго значенія семитическаго **אֱמוּנָה** тѣмъ не менѣе въ дальнѣйшемъ развитіи значеній производныхъ отъ него словъ почти совершенно совпадаетъ съ нимъ, такъ что выведенное изъ разбора основнаго значенія корня **אֱמוּנָה** положеніе относительно значенія словъ „вѣра“, „вѣрить“ вполне подтверждается и разборомъ греческихъ корней; изъ того и изъ другаго источника выводъ получается въ существѣ буквально тождественный: *πίστις* подобно **אֱמוּנָה** можетъ быть столько же передано словомъ „вѣра“, сколько и словами: „несомнѣнная истинность, вѣрность твердая увѣренность“.

§ 7. Основываясь на филологическомъ разборѣ значенія слова „вѣра“ какъ въ семитическихъ, такъ и въ греческомъ языкѣ *), должно такимъ образомъ признать, что это слово схватываетъ лишь моментъ твердости, постоянства, непоколебимости, надежности, и въ приложеніи къ области знанія и мнѣнія выражаемъ, слѣдовательно только моментъ твердости, непоколебимости убѣжденія, оставляя безъ вниманія источникъ и образъ появленія его. Въ частности въ приложеніи къ усвоенію нами Христова ученія, къ увѣренности въ истинахъ его слово „вѣра“ даетъ лишь представленіе твердой, непоколебимой увѣренности въ истинѣ Христовой, стойкости въ христіанскихъ убѣжденіяхъ,—и только; чего либо большаго слово, какъ слово, намъ не даетъ, на нашъ вопросъ относительно источника, основанія, способовъ достиженія такой увѣренности оно само по себѣ не отвѣчаетъ. Необходимо поэтому за этимъ отвѣтомъ обратиться къ чему либо иному. Прежде всего естественно спросить: не даетъ ли чего либо большаго сравнительно съ общими данными филологіи разсмотрѣніе употребленія слова „вѣра“ и

---

*) И даже едвали не во всѣхъ; по крайней мѣрѣ латинскій и нашъ русскій доставляютъ подобныя же данныя.

сходныхъ съ нимъ въ Св. Писаніи? Не придасть ли имъ Св. Писаніе какого либо особаго оттѣнка въ значеніи, не употребляетъ ли ихъ въ какомъ либо болѣе опредѣленномъ и постоянномъ. значеніи, чѣмъ какое мы видѣли доселѣ?

Обратимся по этому къ разсмотрѣнію употребленія въ Св. Писаніи словъ „вѣра“ и „вѣрить“.

б) Употребленіе словъ „вѣра“, „вѣрить“ въ Св. Писаніи.

§ 1. Что касается собственно употребленія слова „πίστις“ и сходныхъ съ нимъ въ Св. Писаніи, то и здѣсь постоянно и необходимо въ понятіи его остаются опять таки лишь признаки стойкости, твердости, непоколебимости, надежности, довольно безразлично по отношенію къ тому, въ чемъ проявляется эта непоколебимость: въ области ли убѣжденія, при томъ равно какъ основывающаго на очевидныхъ и неопровержимыхъ данныхъ опыта и чувствъ, такъ и болѣе или менѣе на чисто-субъективной увѣренности въ чемъ либо, или въ области нравственно-дѣятельной. Такъ Мате. XXVII, 42, фарисеи и книжники говорятъ распятому Господу: „если Онъ Царь Израилевъ, пусть теперь сойдетъ со креста и увѣруемъ въ Него“. Очевидно, значеніе, какого, хотя бы то и въ насмѣшку, требовали фарисеи, было съ ихъ точки зрѣнія достаточнымъ для удостовѣренія ихъ въ истинности небснаго посланничества Господа, а между тѣмъ свое согласіе признать Его царемъ израиловымъ на основаніи такого неопровержимаго даннаго они называютъ вѣрою; говорятъ не „узнаемъ“, что Ты царь израилевъ, а „увѣруемъ“. А вѣдь казалось бы, если увѣренность основанная на такихъ неоспоримыхъ данныхъ, не можетъ быть названа знаніемъ, то гдѣ, что и когда можетъ быть имъ названо? Если скажутъ, что здѣсь собственно предметъ увѣренности—что Господь дѣйствительно—Мессія—все таки самъ по себѣ остается недоступнымъ непосредственному сознанію; видимы только чудесныя дѣла, дающія, правда, поводъ признавать Господа Мессіею, но

не удостовѣряющія непосредственно, не представляющія прямо сознанию факта небснаго посланничества, какъ такого, который поэтому какъ непосредственно невидимый и можетъ быть предметомъ не знанія, а лишь вѣры,—то на основаніи этого разсужденія нельзя будетъ признать знаніемъ и наше убѣжденіе въ существованіи внѣшняго міра, душевныхъ состояній другихъ людей и т. п. такъ какъ внѣшнее, какъ такое, помимо нашего субъективнаго о немъ представленія, субъективнаго воспріятія его воздѣйствія на насъ, намъ недоступно, и состояній духа нашихъ знакомыхъ самихъ по себѣ мы не видимъ, а лишь заключаемъ о нихъ изъ измѣненій ихъ лица, изъ ихъ словъ и т. п. Мѣсть подобныхъ приведенному, можно указать очень не мало; но если нужно указать непременно такое употребленіе словъ *πίστις*, *πιστεύειν*, гдѣ они рѣшительно и окончательно означаютъ самое непосредственное, даже опытное, доступное внѣшнимъ чувствомъ знаніе предмета, какъ такого (а не того, что лишь скрывается за нимъ, какъ мы то видѣли выше); то и такія мѣста найти не трудно. Напр. Іоанна XX, 29, Господь говоритъ Ѳомѣ: „ты повѣрилъ, потому что увидѣлъ Меня“ — „ὅτι ἑώρακάς με, Ἐωρᾶ, πεπίστευκας“. — Повѣрилъ... Но чему? Тому, что Христось дѣйствительно есть Богъ? Но стихъ 25 *) показываетъ, что предметомъ невѣрія Ѳомы было воскресеніе Господа и то, что Его видѣли другіе ученики,—вѣрилъ онъ или нѣтъ въ Его божество, ничего не говорится; — еслиже принять слова Господа за сказанныя по отношенію къ такому невѣрію, то мы должны признать, что здѣсь вѣрою называется его убѣжденіе въ воскресеніе Господа. Таковую мысль въ частности даетъ и русскій переводъ, переводя греческое *πεπίστευκας* словомъ „повѣрилъ“, а не „увѣровалъ“,

---

*) Ст. 25. „Другіе ученики сказали ему: мы видѣли Господа. Но онъ сказалъ имъ: если не увижу на рукахъ Его ранъ отъ гвоздей, и не вложу перста моего въ раны отъ гвоздей, и не вложу руки моея въ ребра Его; не повѣрю“,

какъ было бы сказано, еслибы здѣсь имѣлась въ виду вѣра не въ воскресеніе, а въ божество Господа.

Восклицаніе *Θομα*: „Господь мой и Богъ мой“ правда показываетъ, что убѣжденіе въ воскресеніи Господа возбудило въ немъ живѣйшую увѣренность и въ божествѣ Господа; тѣмъ не менѣе главнымъ, такъ сказать, лежащимъ въ основѣ всего и обусловливающимъ собою вѣру или невѣріе въ божество Господа здѣсь является сперва невѣріе, а потомъ вѣра въ воскресеніе и слова „потому что увидѣлъ Меня“ не могутъ быть отнесены къ божеству Господа; если понимать эти слова такъ: „ты повѣрилъ, что Я Богъ, потому что увидалъ Меня“, то здѣсь не будетъ соответствія между причиной и слѣдствіемъ, — *Θομα* повѣрилъ, что Господь Иисусъ дѣйствительно Богъ не потому, что онъ Его видѣлъ, такъ какъ по виду Онъ былъ такой же человекъ, какъ и всѣ, а потому, что видѣлъ воскресшимъ, между тѣмъ, чтобы повѣрить воскресенію, достаточно было лишь видѣть Господа, такъ какъ это самое непосредственно и показывало, что Онъ живъ. При томъ относительно вѣры въ божество Господа на основаніи Его воскресенія не могло быть рѣчи, такъ какъ она уже была и безъ сомнѣнія была бы и прежде, еслибъ *Θομα* былъ увѣренъ въ воскресеніи, такъ какъ одинаковыя причины произвели бы и одинаковыя слѣдствія; между тѣмъ слова Господа ст. 29 представляютъ упрекъ въ недостаткѣ вѣры и потому могутъ быть отнесены лишь къ прошлому, т. е. къ невѣрію *Θοма* въ воскресеніе. Наконецъ всѣ слова Господа ст. 27 („подай персть твой сюда и посмотри руки Мои: подай руку твою и вложи въ ребра Мои“) и 29 прямо направлены противъ словъ *Θοма* ст. 25, являясь отвѣтомъ на нихъ, откуда по связи рѣчи должно заключить, что слово „повѣрилъ“ относится къ вѣрѣ въ воскресеніе.

Но если такъ, если *Θοма* повѣрилъ на основаніи того, что видѣлъ своими глазами и осязалъ руками Господа и Его раны, воскресенію Господа, то чему онъ собственно повѣрилъ? Что

значить воскреснуть? Очевидно стать живымъ. Но что Господь былъ мертвъ, въ этомъ *Θεο*ма не сомнѣвался, а что Онъ живъ, — этому заставляють его вѣрить непосредственныя данныя его чувствъ, это онъ видитъ, слышитъ, осязаетъ, — и такъ чему же онъ вѣрить? Очевидно, не иному чему какъ даннымъ непосредственнаго сознанія, воспріятія и эта его увѣренность въ этихъ данныхъ называется вѣрою, говорится *πεπίστευμα*. Но если эта увѣренность не можетъ быть названа знаніемъ, то уже ничто, нигдѣ и никогда, по крайней мѣрѣ въ человѣкѣ, не можетъ быть такъ названо, самое слово „знаніе“ окажется какимъ то миеомъ, невозможною на дѣлѣ безмыслицей. И дѣйствительно Св. Писаніе не отступаетъ передъ такимъ названіемъ; не мало мѣстъ, гдѣ оно называетъ нашу увѣренность въ божествѣ ли то Господа Иисуса или въ другихъ истинахъ вѣры прямо знаніемъ. Ярче всего это выступаетъ на видѣ въ Евангеліи Св. Іоанна: возлюбленный ученикъ Господа прямо называетъ свою увѣренность въ томъ, что пишетъ — знаніемъ и вездѣ представляетъ все имъ разсказываемое настолько очевидно-несомнѣннымъ, что у него слова „знаю“ и „вѣрю“, „знаніе“ и „вѣра“ употребляются безразлично. Но и не только самъ Евангелистъ говорить такъ отъ своего лица и о себѣ, — Самъ Господь представляется у него точно также безразлично употребляющимъ указанныя слова „вѣрить“ и „знать“, равно какъ то же безразличіе въ этомъ отношеніи видно и въ рѣчахъ другихъ людей. Такъ напримѣръ, пришедшій ко Господу ночью, Никодимъ говоритъ: „Равви! мы знаемъ — *οἴδαμεν*, что Ты учитель, пришедшій отъ Бога“ (III 2). Равно апостоль Петръ говорить Господу: „мы увѣровали и познали — *πεπίστευκαμεν καὶ ἐγνώκαμεν*, — что Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго“ (VI, 19). Также говоритъ и Самъ Господь X, 14: „Я есмь пастырь добрый; и знаю Моихъ и Мои знаютъ Меня, — *γινώσκω τὰ ἐμά καὶ γινώσκονται ὑπὸ τῶν ἐμῶν*“. Здѣсь, какъ видимъ, знаніе учениковъ приравнивается къ знанію самого Господа, и даже

какому знанію!—сейчасъ же вслѣдъ за приведенными словами тоже слово *γινώσκω* употребляется для выраженія познанія Его Отца о Немъ и Его объ Отцѣ: *καθὼς γινώσκει με ὁ Πατήρ*, говоритъ Господь, *καὶ γὰρ γινώσκω τὸν Πατέρα* *) XIV, 7, говорится въ такихъ выраженіяхъ о познаніи апостолами даже Самаго Отца небеснаго: „отнынѣ знаете Его“, говоритъ Господь, „и видѣли Его—*ἀπ' ἄρτι γινώσκετε αὐτὸν καὶ ἑώρακάτε αὐτόν*“. Также говорится относительно Св. Духа: ст. 17: *ὑμεῖς δὲ γινώσκετε αὐτόν*“.

Въ ст. 31 познаніе, по крайней мѣрѣ въ возможности, приписывается даже невѣрующему міру: въ самое многознаменательное мгновеніе, когда Господь, прервавъ Свои такъ непередаваемо прекрасныя, дышущія такою искреннею, всецѣлою любовью къ ученикамъ и всѣмъ имѣющимъ увѣровать, рѣчи, идетъ совершить послѣднее дѣйствіе нашего спасенія, положить душу Свою за други Своя—Онъ говоритъ: „Но чтобы міръ зналъ—*ἀλλ' ἵνα γινῶ ὁ κόσμος*“—слѣдов. это возможно—„что Я люблю Отца и, какъ заповѣдывалъ Мнѣ Отецъ, такъ и творю: встаньте, поидемъ отсюда“ (ср. XVII гл.).

Въ этомъ познаніи Господь полагаетъ самую жизнь,—„сей есть животъ вѣчный“, говоритъ Онъ въ молитвѣ къ Отцу Своему—„да знаютъ Тебе—*ἵνα γινώσκωσί σε*—единаго истиннаго Бога и Его же послалъ еси Иисусъ Христа“ (XVII 3). Подобное VIII, 28, 31, 32; XI, 24 ср. 27, XVII 7. За это же говорятъ и слова, выражающія способъ наученія Господомъ учениковъ и міра: *ἐφανερώσα, ἐγνώρισα, γνωρίσω* (гл. XVII)—явилъ, сдѣлалъ явнымъ, далъ знать.

Что такое познаніе Бога, истинъ Его ученія и заповѣдей называется и вѣроу, доказывать это особыми ссылками считаемъ лишнимъ; приведемъ лишь нѣсколько мѣстъ, гдѣ то и другое

*) Конечно было бы странно думать, что познаніе апостоловъ здѣсь представляется равнымъ познанію Отца Небеснаго; тѣмъ не менѣе сила выраженія по отношенію къ познанію апостолами Господа Иисуса и Его Превѣчнаго Отца остается.

слово — „знать“ и „вѣрить“ — встрѣчаются одно подлѣ другого, выражая — что ясно до очевидности — рѣшительно одно и то же. Такъ въ той же молитвѣ къ Отцу Господь говоритъ объ ученикахъ „они уразумѣли истинно — ἔγνωσαν ἀληθῶς — что Я пришелъ отъ Тебя, и увѣровали — ἐπίστευσαν, — что Ты послалъ Меня“ (XVII, 8). Равно сравните ниже ст. 21: „ἵνα ὁ κόσμος πιστεύσῃ, ὅτι σύ με ἀπέστειλας“ съ ст. 23. „ἵνα γινώσκῃ ὁ κόσμος, ὅτι σύ με ἀπέστειλας“ — равно съ ст. 25: „Πάτερ δίκαιε, καὶ ὁ κόσμος σε οὐκ ἔγνω, ἐγὼ δέ σε ἔγνω, καὶ οὗτοι ἔγνωσαν, ὅτι σύ με ἀπέστειλας“.

Подобное замѣчается и въ 1-мъ посланіи св. Іоанна: слова „знать“, въ различныхъ видоизмѣненіяхъ (γινώσκετε, οἶδατε и имъ подобныя) встрѣчается въ приложеніи къ усвоенію Христовой истины даже несравненно чаще, чѣмъ слова „вѣрить“, „вѣра“, πιστεύειν, πίστις (πίστις, если не ошибаемся, вовсе не встрѣчается во всемъ посланіи). Такъ слово γινώσκω въ его различныхъ измѣненіяхъ, а равно и производныя отъ οἶδα встрѣчаются во II, 3—5; 13, 14, 21, 22, 29; III, 1, 2, 5, 6, 14, 16, 19, 24; IV, 6—8, 13; V, 2, 13, 18—20; тогда какъ πιστεύω лишь въ III, 23; IV, 1; V, 1, 4, 5, 10, 13 *). То же представляетъ и посланіе св. Петра: слова

---

*) Чтобы ни было причиною такого словоупотребленія, — гносисъ ли, начавшій появляться уже во времена апостоловъ и хвалившійся своимъ познаніемъ въ вещахъ божественныхъ съ одной стороны и утверждавшій непознаваемость и недоступность для человѣческой мысли и представленія Высшаго Божественнаго Существа съ другой (разумѣемъ различныя направленія гносиса, въ которыхъ высказывалась и та и другая мысль) — или что иное — для насъ безразлично; для насъ важенъ фактъ полнаго отождествленія въ словоупотребленіи вѣры съ знаніемъ. Что была какая либо причина, заставившая Св. Іоанна особенно ярко и рѣшительно сравнительно съ другими евангелистами выставить на видъ полную достовѣрность истины Христовой (что видно во всемъ Евангеліи и 1-мъ посланіи) — весьма естественно и понятно; но что еще болѣе понятно и исключаетъ всякую возможность сомнѣнія, по крайней мѣрѣ для сына Церкви, и то, что апостоль и другъ Господа, говорившій неоднократно о противоположности міра и истины Христовой, которѣ послѣдній не можетъ принять, увѣщавшій не любить міра и лже въ мірѣ, не могъ самъ поддаться ходячимъ воззрѣніямъ, до-

„знаніе“—γινώσκεις—„познаніе“—ἐπίγινώσκεις—„знать“—γινώσκεις
 „познавать“—ἐπίγινώσκεις и т. п. устремляются совершенно
 безразлично какъ и слова πίστις, πιστεύειν; первыя точно такъ
 же прилагаются къ увѣренности въ божественности Господа и
 другихъ истинахъ вѣры, какъ видно изъ 1 посл. I, 18; III, 9;
 2 посл. 1, 2, 3, 8, 12; III 18 какъ и другія.

Тоже наконецъ видимъ и у Св. Павла: для выраженія по-
 нятія усвоенія разумомъ истины Христовой онъ многократно
 употребляетъ слова: γινώσκεις, ἐπίγινώσκεις, γινώσκεις, οἴδατε, εἰδότες,
 πέπεισμαι и др. какъ то видимъ въ Рим. II, 2, 18, 20;
 III, 19; XV, 14; 1 Кор. I, 5; XIII, 8, 13; XV 58;
 2 Кор. I, 12—15; IV, 6; X, 5; XI, 6; Гал. IV, 9;
 Ефес. I, 8, 17; III, 18, 19; Фил. I, 9, 10; III, 8, 10;
 Колос. I, 6, 9, 10, 26, 27; II, 2, 3 и т. д.; 2 Тим. I, 12
 и другихъ мѣстахъ. При томъ апостоль на столько не раз-
 личаетъ выраженій „вѣра“ и „знаніе“, что употребляетъ
 ихъ рядомъ въ одной и той же рѣчи, иногда на одной

пустивъ хотя бы то вѣдѣнію приоровку выраженій и словъ и въ угоду этаго
 самага отвергаемаго имъ міра измѣнить истинѣ Христовой, постыдиться ея и
 постараться прикрыть ее затемняющими, извращающими ея смыслъ модными вы-
 раженіями—это также не требуетъ доказательствъ. Напротивъ, самое то, что
 св. Іоаннъ зналъ про гностиковъ, ихъ ученіе и пренебрежительно-надменное
 отношеніе къ чистой истинѣ Христовой и слѣд. не могъ не имѣть ихъ въ виду
 при написаніи Евангелія и посланія, что собственно для насъ здѣсь важно,—
 такъ, говоримъ, это предположеніе даетъ намъ право еще строже относиться къ
 буквѣ, еще глубже вникать даже во вѣдѣнію сторону выраженій, касающихся
 нашего вопроса; видѣть въ нихъ возможно точное, даже по вѣдѣности, выра-
 женіе истины Христовой и ученія какъ Господа, такъ и самого Іоанна. Тѣ, ко-
 му не было повода обращать особое вниманіе на субъективную сторону вѣры
 по ея отношенію къ знанію, каковы напр. три первые евангелиста, еще могли
 допускать въ выраженіяхъ, касающихся нашего вопроса, сравнительныя неточ-
 ности и приоровки къ обычному словоупотребленію, перѣдко отличающемуся
 поверхностностью и случайностью въ схватываніи и выраженіи мыслей; но отъ св.
 Іоанна этого ожидать нельзя; для него вопросъ о вѣрѣ и ея отношеніи къ зна-
 нію въ виду гностиковъ былъ вопросомъ насущнымъ, вопросомъ жизни, служив-
 шимъ камнемъ преткновенія, предметомъ заблужденія для многихъ; необходимо
 поэтому ожидать, что и въ выраженіяхъ, касающихся нашего вопроса, онъ былъ
 особенно точенъ и опредѣленъ.

строчкѣ, относя къ одному и тому же и не дѣлая, по видимому, между ними никакого различія. Такъ онъ говоритъ, что различныя служенія въ Церкви, какъ то: апостолы, пророки и т. д., установлены для созиданія тѣла Христова, „доколѣ всѣ придемъ въ единство вѣры и познанія—εἰς ἐνότητα τῆς πίστεως καὶ τῆς ἐπιγνώσεως—Сына Божія“. Ефес. IV, 13. То же Римл. VI. 8, 9; 2 Кор. IV 13; Тит. I, 1.

§ 2. Но если въ приведенныхъ случаяхъ понятіе выражаемое словами „вѣра“, „вѣрить“ совпадаетъ съ понятіемъ знанія и даже не рѣдко прямо называется этимъ послѣднимъ, то въ другихъ мѣстахъ слова *πίστις*, *πιστεύειν* и т. д. употребляются въ смыслѣ чисто субъективной увѣренности въ чемъ либо на основаніи лишь незначительнаго повода. Такъ Иоан. IV, 39 говорится: многіе самаряне изъ города того увѣровали—*ἐπίστευσαν*—въ Него по слову женщины, свидѣтельствовавшей, что Онъ сказалъ ей все, что она сдѣлала“ и въ ст. 42 самаряне говорятъ ей: „уже не по твоимъ рѣчамъ вѣруемъ—*πιστεύομεν*; ибо сами слышали и узнали“.

Очевидно вѣра на основаніи словъ женщины, которая конечно могла ими сама ошибиться, или обмануть и на основаніи такого незначительнаго факта и не можетъ быть иначе названа, какъ вѣрою, и въ ст. 42 сами повѣрившіе женщинѣ противоплагаютъ эту свою увѣренность на основаніи словъ ея непосредственному знанію („узнали“—*οἶδαμεν*) на основаніи собственнаго опыта (*ἤκουσαμεν*).—Если теперь эта увѣренность—не вѣра въ тѣсномъ смыслѣ слова *), а знаніе или что подобное, то что, когда и гдѣ можетъ быть ею названо? Повѣрить по одному слову женщины, что пришелъ на землю обѣтованный Мессія и она Его видѣла,—тогда какъ до сихъ поръ сами они Его не видали и едва ли слышали что о Немъ,—развѣ это не верхъ довѣрчивости?

*) Т. е. вѣра основывающаяся на довольно безотчетномъ довѣрїи тому, что слышимъ, при чемъ не обращается особаго вниманія даже на авторитетъ говорящаго.

Подобное же видимъ Дѣян. XIV, 1 (вѣра по одному слову называется все-таки вѣрою—ὡς τε πιστεύσαι...) VIII, 26, 39; XI, 19—26; XVII, 34; XVIII, 4, 8.

§ 3. Если до сихъ поръ слова „вѣра“, „вѣрить“ прилагались къ области умственно-познавательной, то не мало мѣсть въ Писаніи, гдѣ слова πίστις, πιστεύειν употребляются въ приложеніи къ нравственно-дѣятельной сторонѣ чловѣческаго духа, къ вѣрности извѣстнымъ правиламъ, положеніямъ, твердости въ нихъ. Такъ въ притчѣ о сѣятелѣ Луки VIII, 13 говорится, что есть люди, которые „временемъ вѣрують, а во время искушенія отпадаютъ“; но, судя по словамъ Матѳея XIII, 21 и Марка IV, 17, это искушеніе, являющееся поводомъ отпаденія, состоитъ „въ скорби и гоненіи за слово — γενόμενης ὑλιψῆως ἢ διωγμοῦ διὰ τὸν λόγον.—Очевидно, гоненіе и скорбь безсильны что нибудь сдѣлать сами по себѣ убѣжденію, какъ такому, и потому естественно думать, что здѣсь слово вѣрують πιστεύουσι, имѣеть значеніе: „остаются вѣрны, не измѣняютъ разъ принятымъ правиламъ, исповѣданію“. Въ такомъ же смыслѣ, повидимому, (судя по связи рѣчи) стоитъ слово πίστις и Іаков. I, 4; II, 1; 1 Петр. I, 4, 9; Апок. XIII, 10; XIV, 12. Равно Кол. II, 6, 7. Апостоль Павелъ призываетъ принявшихъ ученіе Христова „утверждаться въ вѣрѣ... избыточествуя въ ней благодареніемъ—περισσεύοντας ἐν αὐτῇ (τῇ πίστει) ἐν εὐχαριστίᾳ *). Очевидно, если въ вѣрѣ можно

*) Русскій переводъ передаетъ это мѣсто такъ: „преуспѣвая въ ней съ благодареніемъ! Конечно выраженіе ἐν εὐχαριστίᾳ, отдѣльно вырванное, можно перевести „съ благодареніемъ“ (хотя тогда вѣроятно бы стояло μετ' εὐχαριστίας), но не таковъ его смыслъ здѣсь. Надо сказать, что вообще весь ст. 7 переданъ по русски небрежно: греческое — „ὡς οὖν παρελάβετε τὸν Χριστὸν Ἰησοῦν τὸν Κύριον, ἐν αὐτῷ περιπατεῖτε, ἐρριζωμένοι καὶ ἐποχοδομούμενοι ἐν αὐτῷ, καὶ βεβαιούμενοι ἐν τῇ πίστει, καθὼς ἐδιδάχθητε, περισσεύοντας ἐν αὐτῇ ἐν εὐχαριστίᾳ по русски читается:... „будучи укоренены и утверждены въ Немъ и укрѣплены въ вѣрѣ, какъ вы научены, преуспѣвая въ ней съ благодареніемъ“. Уже на первыхъ порахъ поражаетъ ни къ чему не нужное многословіе: „укоренены, утверждены,

избычествовать благодареніемъ, то это послѣднее входитъ въ область, составляетъ какъ бы часть ея и слѣд. вѣра здѣсь не убѣжденіе, какъ такое, а вся жизнь во Христѣ. Подобное же пониманіе вѣры видно и въ словахъ 1 Тим. V, 8: „если же кто о своихъ и особенно о домашнихъ не печется, тотъ отрекся отъ вѣры—*τὴν πίστιν ἤρνηται*—и хуже невѣрнаго“. Также понимается слово вѣра и во всѣхъ тѣхъ разсужденіяхъ объ отношеніи вѣры и закона, которыя занимаютъ вообще не мало мѣста въ посланіяхъ св. Павла, особенно же въ посланіяхъ къ Римлянамъ и Галатамъ. Много данныхъ думать, что вездѣ здѣсь вѣра понимается какъ новое начало жизни,—болше: какъ

укрѣплены“. При томъ *ἐποικοδομοῦμενοι* вовсе не значить „утверждены; букв. вально *ἐποικοδομεῖν* значить „надстраивать“ (слав. назидать, зижду) и здѣсь употреблено въ переносномъ значеніи: образъ взять съ постройки зданія или въ частности храма (см. Ефес. II, 19—22). Христосъ представляется основаніемъ, а вѣрующіе, такъ сказать, камнями, изъ которыхъ строится храмъ. Но хотя зданіе Церкви и утверждено на Христѣ, тѣмъ не менѣе оно еще строится, почему и сказано *ἐποικοδομοῦμενοι* а не *ἐποικοδομηθέντες* или *ἐποικοδομημένοι*, тогда какъ русскій переводъ не обращаетъ на это вниманія. Равно и *βεβαλοῦμενοι* по тѣмъ же даннымъ на основаніи какъ буквы выраженія, такъ и связи рѣчи надо перевести настоящимъ: „утверждаясь“. Но какъ утверждаясь? Еслибъ здѣсь имѣлось въ виду лишь убѣжденіе, какъ такое, то оно съ одной стороны уже было, съ другой—слова *περσσεύοντες ἐν αὐτῇ ἐν εὐχαριστίᾳ*, какъ подчиненныя слову *βεβαλοῦμενοι* (иначе они были бы присоединены союзомъ *καὶ* чего нѣтъ) и служащія дополненіемъ и развитіемъ заложенной въ немъ мысли, плохо бы вязались, будучи пустымъ повтореніемъ, лишь усиленнымъ) слова *βεβαλοῦμενοι*, Кромѣ того предлогъ *ἐν* будучи евраизмомъ (соотвѣтствуя *Э*) весьма легко можетъ быть переводимъ творительнымъ падежомъ существительнаго, къ которому относится и лишь съ большою натяжкой предлогомъ „съ“ (сравни Рим. XII, 21) При томъ въ виду того, что Апостоль писалъ вѣрующимъ, вѣроятно ожидать, что онъ бы употребилъ какую либо иную форму или слово, напр *ἐστηριγμένοι*, еслибъ хотѣлъ указать лишь на твердость; но онъ говорить не о томъ, что есть, а о томъ, что лишь совершается,—именно: нравственное утвержденіе всего существа человека въ вѣрѣ, понимаемой обширно, какъ жизни—(жизни всего духа, а не одной лишь познавательной его стороны) во Христѣ. Отсюда понятны и слова передаваемые вѣрно по слав., „презбыточествующе въ ней благодареніемъ“,—они служатъ развитіемъ понятія *βεβαλοῦμενοι ἐν τῇ πίστει*: апостоль какъ бы говорить: такъ пусть новая жизнь во Христѣ переполнитъ ваши души, чтобы ей какъ бы уже не на-

самая эта жизнь во Христѣ искупленныхъ Его кровію вѣрныхъ подѣ дѣйствіемъ Его спасающей, освящающей, направляющей ко благу благодати *).

§ 4. Наконецъ слово вѣра употребляется въ Писаніи еще въ нѣсколькихъ смыслахъ. Такъ Рим. IV, 18—22 вѣрою называется увѣренность въ невѣроятномъ и неестественномъ; 1 Петра I, 8; 2 Кор. V, 7. Евр. XI, 1, 27, вѣра противоплагается видѣнію; 1 Кор. XII, 8, 9 вѣра противоплагается знанію даже въ области вѣры Христовой и при томъ противоплагается, очевидно, даже вѣрѣ, какъ той необходимой для всякаго христіанина увѣренности въ истинѣ Христовой, въ силу которой онъ лишь и становится членомъ Церкви, такъ какъ здѣсь говорится о дарахъ духа, дарахъ особенныхъ, даруемыхъ не всѣмъ, тогда какъ вѣра въ указанномъ общемъ смыслѣ долж-

---

шло мѣста въ самой душѣ, такъ что она—душа—стала бы въ избыткѣ чувства и полноты жизни изливаться (*περισσεύειν*) въ благодареніи Господу, чтобы вся жизнь ваша сдѣлалась одною стройною пѣснію Господу слава. Если нужно сослаться на знатоковъ, укажемъ на св. Златоуста: для него подлинный языкъ Писанія былъ родной, на которомъ онъ говорилъ и писалъ и самъ,—очевидно, онъ могъ вѣрнѣе нашего понимать смыслъ словъ даже непосредственно, помимо всякаго разсужденія (впрочемъ у него не доставало и этого послѣдняго) и однако онъ въ бесѣдѣ 6 на посл. къ Кол относитъ слово „*περισσεύειν*“ (понимая его при томъ въ буквальный смыслъ) непосредственно къ словамъ *ἐν εὐχαριστίᾳ*, говоря: „я не говорю просто благодарить, но: съ великимъ избыткомъ болѣе, чѣмъ научены, если можно“, тогда какъ русскій переводъ относитъ его къ слову „вѣра“. Но такъ какъ это избыточествованіе благодареніемъ представляется здѣсь дѣломъ вѣры, совершающимся въ ея области, *ἐν αὐτῇ*—лучше сказать: въ этомъ то и состоитъ утвержденіе въ вѣрѣ, что мы избыточествуемъ благодареніемъ,—то очевидно, что здѣсь, какъ мы сказали, вѣра не убѣжденіе лишь, а жизнь во Христѣ

Переводившаго означенное мѣсто на русскій языкъ, очевидно, смутило его односторонне-схоластически-протестанское представленіе о вѣрѣ, какъ о дѣлѣ лишь личной настроенности и убѣжденія, представленіе служащее причиною всѣхъ протестантствующихъ взглядовъ относительно какого то будто бы своеобразнаго и противнаго ученію Ап. Іакова ученія Ап. Павла объ оправданіи одною вѣрою безъ дѣлъ.

*) Хотя нѣтъ недостатка и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ самъ же св. Павелъ противоплагаетъ вѣру наприм. любви и слѣд. разумѣемъ подѣ нею лишь отвлеченную увѣренность, напр. Гал. V, 6. 1 Кор. XIII, 1, 2.

на быть у всякаго христіанина. Весьма вѣроятно поэтому, что здѣсь вѣру должно понимать, какъ говорить св. Златоустъ, не какъ „вѣру въ догматы“, а какъ „вѣру чудодѣйственную“ *) (на посл. 1 Кор. бесѣда 29), что въ виду связи оправдывается и XIII, 1, 2: „если имѣю... и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви; то я ничто“ Равно въ Рим. XIV, 1: „немогшаго въ вѣрѣ приниматьъ безъ споровъ о мнѣніяхъ“,—вѣра очевидно принимается не въ смыслѣ лишь увѣренности, а и въ смыслѣ разумно-отчетливаго пониманія того, что относится къ области религіи и нравственности, такъ какъ ниже видно, что эта слабость въ вѣрѣ состоитъ въ томъ, что нѣкоторые, не имѣя должныхъ понятій о сущности нравственнаго, считаютъ ту или другую пищу не чистою, какъ будто бы пища сама по себѣ могла быть чиста или не чиста даже въ нравственномъ смыслѣ. Наконецъ Рим. III, 3, 4, слово *πίστις* относится къ самому Богу и означаетъ понятіе вѣрности; постоянства, какъ и передается по русски: „если нѣкоторые и невѣрны были, невѣрность ихъ—*ἀπιστία αὐτῶν*—увичтожитъ ли вѣрность Божию—*τὴν πίστιν τοῦ Θεοῦ*?

§ 5. Такимъ образомъ, если свести въ одно все сказанное относительно употребленія и значенія въ Св. Писаніи словъ „вѣра“, „вѣрить“, то придется признать, что Св. Писаніе употребляетъ ихъ въ слишкомъ различныхъ смыслахъ, чтобъ можно было что либо основательно выводить относительно понятія вѣры изъ самыхъ словъ „вѣра“, „вѣрить“, тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли, на ряду съ помянутыми словами къ тому же понятію прилагаются и слова: знать, знаніе, хотя это безразличіе въ обозначеніи одного и того же понятія какъ вѣрою, такъ и знаніемъ и наводитъ неволью на мысль, что оно не напрасно, что какого либо рѣзкаго различія между вѣрою и знаніемъ вездѣ и всегда Св. Писаніе не видитъ, что мысль о

---

*) Равно какъ и въ другихъ подобныхъ мѣстахъ, какъ напр. Мате. XXI, 21, 22; Іак. I, 6.

томъ, что вѣра можетъ иногда и совпадать съ знаніемъ, не исключается совершенно ученіемъ Новаго Завѣта. Тѣмъ не менѣе если филологическій разборъ и разсмотрѣніе употребленія въ Св. Писаніи обозначающихъ изслѣдуемое нами понятіе словъ и не дали намъ какихъ либо особо важныхъ, положительныхъ данныхъ для выясненія понятія вѣры, то все-таки доставили далеко не маловажный указанный отрицательный выводъ и тѣмъ опровергли всѣ тѣ недалекія разсужденія относительно сущности вѣры, которыя, выходя и самаго слова „вѣра“, на основаніи одного лишь слова, готовы заключать, что вѣра по существу — нѣчто противоположное знанію. Уничтоживъ такимъ образомъ недоразумѣнія и тѣмъ расчистивъ путь истинѣ, приступимъ непосредственно къ изслѣдованію положительныхъ данныхъ въ ученіи Св. Писанія о вѣрѣ.

II. Вѣра можетъ имѣть основанія, доказательства, признаки своей истинности.

а) Предварительныя замѣчанія.

Приступая къ непосредственному разсмотрѣнію самаго ученія Св. Писанія Новаго Завѣта о вѣрѣ, прежде всего считаемъ нужнымъ замѣтить, что свое ученіе о вѣрѣ Св. Писаніе не выражаетъ вполне ясно и опредѣленно въ какихъ либо точныхъ, недопускающихъ недоумѣній словахъ, —напротивъ оно заключаетъ въ себѣ не мало мѣстъ способныхъ, по видимому, дать самыя противорѣчивыя показанія относительно его взгляда на вѣру. Поэтому намъ въ цѣляхъ выясненія и опредѣленія того, какъ смотритъ Св. Писаніе Новаго Завѣта на вѣру придется заняться возможно полнымъ и обстоятельнымъ анализомъ словъ и событій, такъ или иначе проливающихъ свѣтъ на ученіе Св. Писанія по разбираемому вопросу, заняться сопоставленіемъ всѣхъ

данныхъ за и противъ такого или иного рѣшенія вопроса, сопоставленіемъ сходныхъ и параллельныхъ мѣстъ, восстановленіемъ въ возможной полнотѣ той связи и обстановки словъ и событій, въ какихъ одни были сказаны, другіе происходили на дѣлѣ, чтобы при посредствѣ всего этого понять смыслъ и значеніе тѣхъ и другихъ въ ихъ надлежащемъ свѣтѣ, что особенно необходимо въ виду иногда краткости, иногда видимой или дѣйствительно существующей для насъ, не выдавшихъ того, о чемъ говоритъ Писаніе, и потому незнающихъ всей обстановки дѣла, безсвязности и непонятности многихъ мѣстъ. Для удобства и ясности дѣла мы будемъ разсматривать однородныя мѣста до извѣстной степени совмѣстно, для чего разобьемъ ихъ на нѣсколько отдѣловъ. Это съ одной стороны избавитъ насъ отъ излишнихъ повтореній и обыкновенно проистекающей отсюда запутанности, съ другой поможетъ глубже и обстоятельнѣе понять значеніе того или другаго мѣста, такъ какъ параллельныя и сходныя мѣста будутъ взаимно уяснять и пополнять одни другія. Одинъ изъ весьма обширныхъ, а если имѣть въ виду лишь Евангелія, то даже самыхъ обширныхъ въ количественномъ отношеніи отдѣловъ составятъ повѣствованія о чудесахъ. Относительно важности разсмотрѣнія этого рода мѣстъ не можетъ быть сомнѣнія; связь чудесъ съ вѣрою какъ съ одной стороны ясно признается самимъ Господомъ, такъ съ другой указывается и во многихъ разбросанныхъ тамъ и сямъ замѣткахъ и объясненіяхъ св. писателей. Но важность для насъ повѣствованія о чудесахъ возрастаетъ еще болѣе въ виду того, что если заимствуемая отсюда данныя съ одной стороны способны пролить весьма яркій свѣтъ на ученіе Св. Писанія о вѣрѣ, то съ другой, при отсутствіи точнаго изслѣдованія они едва ли не болѣе всего способны ввести въ заблужденіе, недоумѣніе касательно вѣры, требуемой Господомъ, едва ли не болѣе всего на первый взглядъ страдаютъ какъ будто непримиримыми противорѣчіями одни другимъ.

Что касается порядка разсмотрѣнія, то мы сначала рассмотримъ данныя трехъ первыхъ Евангелій, затѣмъ данныя Евангелія Іоанна и наконецъ данныя прочихъ книгъ Новаго Завѣта. Такое раздѣленіе въ разсмотрѣніи вопроса о чудесахъ оправдывается тѣмъ, что намъ важно по возможности представить ученіе всѣхъ книгъ Новаго Завѣта; при совмѣстномъ же разсмотрѣніи данныхъ всѣхъ книгъ Новаго Завѣта въ виду того количества данныхъ, какія представляютъ Евангелія, данныя другихъ книгъ должны бы были по необходимости затеряться, — чтобы не повторяться, на нихъ пришлось бы просто ссылаться указаніемъ главъ и стиховъ. Что касается отдѣленія Евангелія Св. Іоанна отъ прочихъ трехъ, то это оправдывается съ одной стороны довольно рѣзко выдѣляющимся среди прочихъ Евангелій характеромъ Евангелія Іоанна, такъ что при совмѣстномъ ихъ разсмотрѣніи подѣ-часъ могло бы казаться, что мы взяли за соединеніе несоединимаго; съ другой — при большей, какъ увидимъ, ясности и опредѣленности, а вмѣстѣ и обилии мѣстъ у Св. Іоанна, касающихся нашего вопроса, и иногда иного ихъ освѣщенія, чѣмъ у другихъ евангелистовъ — возможно подозрѣніе, не навязываемъ ли мы взгляды Св. Іоанна прочимъ евангелистамъ, не приписываемъ ли имъ того, чего они не говорятъ?

Правда, съ православной точки зрѣнія, еслибъ и дѣйствительно мы не нашли нигдѣ данныхъ для рѣшенія нашего вопроса помимо Евангелія Іоанна, то и тогда рѣшеніе его на основаніи лишь одного Евангелія имѣло бы всю силу; правда, опять, что съ этой точки зрѣнія и противорѣчія между Евангелистами не мыслимы, — тѣмъ не менѣе для насъ важно показать, что и Матѳей, Маркъ и Лука даже и сами по себѣ, хотя можетъ быть и не такъ часто и ясно, тѣмъ не менѣе высказываютъ тотъ же взглядъ, какой мы видимъ и у Іоанна. Это еще болѣе убѣдить насъ, что мы не ошибаемся въ своихъ сужденіяхъ относительно ученія Св. Писанія по нашему вопросу; что мы судимъ не на основаніи не многихъ отдѣль-

ныхъ мѣсть, но что все Св. Писаніе подтверждаетъ нашъ выводъ. Наконецъ совмѣстное разсмотрѣніе трехъ первыхъ Евангелій оправдывается удобствами дѣла: съ одной стороны они взаимно поясняютъ и пополняютъ одно другое, съ другой — при совмѣстномъ ихъ разсмотрѣніи мы избѣгаемъ неизбѣжныхъ иначе и въ то же время бесполезныхъ и утомительныхъ почти дословныхъ повтореній.

б) Чудеса какъ доказательства истинности ученія вѣры.

а) Чудеса по представленію Евангелій Святыхъ Матѳея, Марка и Луки.

§ 1. Связь чудесъ съ вѣрою, какъ мы уже замѣтили выше, не можетъ подлежать сомнѣнію; но вопросъ въ томъ, какова эта связь? Иными словами: что отъ чего зависитъ, чудо отъ вѣры или вѣра отъ чуда? Св. Писаніе представляетъ намъ мѣста, могущія служить подтвержденіемъ и того и другого положенія, что на первый разъ можетъ ввести въ недоумѣніе. Но очевидно, что само по себѣ признаніе того, что въ иныхъ случаяхъ вѣра являлась слѣдствіемъ чуда, въ другихъ чудо было слѣдствіемъ вѣры не содержитъ въ себѣ какой либо несообразности, тѣмъ болѣе противорѣчія; противорѣчіе явилось бы лишь въ случаѣ, еслибы мы лишили оба или одно изъ указанныхъ положеній ихъ частнаго характера, придавъ имъ значеніе всеобщаго и необходимаго закона. Поэтому, если, имѣть въ виду лишь разъясненіе могущаго явиться въ умѣ кого либо недоумѣнія, не противорѣчитъ ли въ данномъ случаѣ Св. Писаніе само себѣ, то достаточно было бы при разсмотрѣніи каслющихся вопроса мѣстъ показать, что ни въ тѣхъ ни въ другихъ изъ нихъ нельзя видѣть выраженія всеобщаго закона. Но было бы нерасчетливо удовлетвориться малымъ, коль скоро можно добыть большее. Основательнымъ изслѣдованіемъ повѣствованій о чудесахъ можно выяснитъ главную и основную цѣль чудесъ; показать, что если не всегдашнею и исключительною, то все таки высшею и первою цѣлію ихъ въ поразительномъ большинствѣ

случаевъ служить возбужденіе или утвержденіе вѣры, доказательство пріемлемыхъ ею истинъ. А показать это значитъ показать, что вѣра сознательная, основывающаяся на ясныхъ и не оспоримыхъ данныхъ, на чудесахъ, не есть случайное, непредвидѣнное слѣдствіе немногихъ счастливыхъ совпаденій, не есть нѣчто лишь допускаемое, могущее иногда существовать, но что такая вѣра была ясною, опредѣленною цѣлью божественнаго промысла—цѣлью настолько высокою и достойною предъ очами вышей правды, что для достиженія ея по преимуществу употреблялись особыя сверхъестественныя средства—чудеса.

Въ виду этого мы постараемся болѣе или менѣе обстоятельно рассмотретьъ все тѣ мѣста Св. Писанія, которыя могутъ помочь намъ уяснить собѣ указанную главную цѣль чудесъ.

§ 2. Начнемъ съ рассмотрѣнія мѣстъ видящихъ въ чудесахъ свидѣтельство въ пользу вѣры, представляющихъ цѣлью ихъ возбужденіе въ людяхъ твердой и несомнѣнной увѣренности въ божественномъ посланничествѣ Господа, и вообще въ истинности ученія вѣры.

Вотъ одно изъ такихъ мѣстъ. Когда Іоаннъ Креститель прислалъ спросить Господа, Онъ ли Христосъ или должно ждать другаго—„а въ это время Онъ многихъ исцѣлилъ отъ болѣзней и недуговъ, и отъ злыхъ духовъ, и многимъ слѣпымъ даровалъ зрѣніе“—Господь Іисусъ сказалъ въ отвѣтъ: „пойдите, скажите Іоанну, что вы видѣли и слышали: слѣпые прозрѣваютъ, храмы ходятъ, прокаженные очищаются, глухіе слышатъ, мертвые воскресаютъ и нищіе благовѣствуютъ. И блаженъ, кто не соблазнится о Мнѣ“. Луки VII, 19—23. Тоже Мѣ. XI, 1—6. Изъ этихъ словъ, сказанныхъ Самимъ Господомъ и прямо въ отвѣтъ на вопросъ: Онъ ли Христосъ?—какъ нельзя болѣе ясно видно, какого взгляда былъ относительно чудесъ Самъ Господь: вмѣсто того, чтобы отвѣтить прямо да или нѣтъ, Онъ считаетъ лучше и цѣлесообразнѣе указать на свидѣтельство самыхъ событій, на чудеса и на исполненіе въ нихъ древняго пророче-

ства (Исаи), какъ на очевидное доказательство, что Онъ именно и есть обѣтованный издревне, предреченный боговдохновенными пророками Помазанникъ Господень, вождѣнная утѣха Израиля.

Но если здѣсь Господь лишь указываетъ на чудеса въ доказательство того, что Онъ Мессія, то въ иныхъ мѣстахъ Онъ Самъ заявляетъ, что именно съ этою цѣлью и совершаетъ ихъ. Такъ однажды въ Капернаумѣ принесли предъ Господа разслабленнаго, обращаясь къ которому Онъ сказалъ: „чадо, прощаются тебѣ грѣхи твои. Тутъ сидѣли нѣкоторые изъ книжниковъ и помышляли въ сердцахъ своихъ: что Онъ такъ богохульствуетъ? Кто можетъ прощать грѣхи кромѣ Бога? Иисусъ, тотчасъ узнавъ духомъ Своимъ, что они такъ помышляютъ въ себѣ, сказалъ имъ: для чего такъ помышляете въ сердцахъ вашихъ? Что легче? Сказать ли разслабленному: прощаются тебѣ грѣхи, или сказать: встань, возьми свою постелю и ходи? — Но чтобы вы знали, что Сынъ человѣческой имѣетъ власть на землѣ прощать грѣхи, говоритъ разслабленному: тебѣ говорю: встань, возьми постелю твою и иди въ домъ твой. Онъ тотчасъ всталъ и, взявъ постелю, вышелъ предъ всѣми“. Марк. II, 1—12; то же Матѣ. IX, 1—7; Лук. V, 17—25. Разсказъ не требуетъ поясненія; стихи 10 и 11 прямо указываютъ цѣль чуда: „но чтобы вы знали“, — ἵνα δὲ εἰδῆτε *), говоритъ Господь, „что Сынъ человѣческой имѣетъ власть на землѣ прощать грѣхи... тебѣ говорю: встань.. и ходи“.

Въ качествѣ подобнаго же примѣра можно указать на преображеніе (Матѣ. XVII, 1—8; Марк. IX, 2—9; Лук. IX, 27—36). Какая цѣль его? Здѣсь ученики слышали ясное свидѣтельство Самого Бога, Отца о Господѣ, какъ о возлюбленномъ Сынѣ Его, и повелѣніе Его слушать (Матѣ. ст. 5; Марк. 7; Лук. 35), что было особенно необходимо въ виду приближав-

---

*) Слова эти повторяются буквально у всѣхъ трехъ евангелистовъ.

шихся страданій и смерти Господа, чтобы ученики не соблазнились, на каковую цѣль указываетъ какъ то, что Илія и Моисей говорили съ Господомъ о Его „исходѣ“ (Лук. ст. 31), такъ и рѣчи Самого Господа велѣдъ за сошествіемъ съ горы, приводимыя Матѳеемъ и Маркомъ и имѣющія своимъ предметомъ будущія и, какъ дасть, повидимому, разумѣть буква подлинника въ словахъ *μέλλει πάσχειν* (Матѳ. ст. 12), недалекія страданія, смерть и воскресеніе Господа. Что именно такова была цѣль преображенія, за это говоритъ также и то, что иначе все событіе осталось бы безъ цѣли и смысла. Наконецъ за это же говоритъ и голосъ Святой Православной Церкви Восточной (взглядъ которой собственно и составляетъ цѣль нашего изысканія), не въ лицѣ того или другого своего представителя, но въ лицѣ всѣхъ разноплеменныхъ членовъ своихъ, воспевающей ежегодно на нѣсколькихъ языкахъ въ день, посвященный воспоминанію указаннаго событія, въ обращеніи къ Господу Іисусу, что ученики видѣли славу Его съ тою цѣлію „да егда Ты узрять распинаема, страданіе убо уразумѣють вольное—*τὸ μὲν πάρος ὑψήσωσιν ἐκούσιον*,—мірови же проповѣдаютъ, яко Ты еси воистинну Отчео Сіяніе“ *).

Подобный же вопросъ относительно цѣли можетъ быть предложенъ и относительно другихъ чрезвычайныхъ, опосредствованныхъ высшею силою событій изъ жизни Господа, которыя хотя и не принято обыкновенно называть чудесами, но которыя остаются въ дѣйствительности таковыми. Въ самомъ дѣлѣ: какая цѣль явленія звѣзды при рожденіи Господа (Матѳ. II), явленія воспѣвающихъ пришествіе Господа въ міръ ангеловъ пастиухамъ ввелемскимъ, встрѣчи Господа во храмѣ Симеономъ и Анною (Лук. II)? Зачѣмъ явленіе и проповѣдь Крестителя и сошествіе Св. Духа на Господа въ видѣ голубя во время крещенія и гласъ Отца Небеснаго (Матѳ. III), называющій Господа Іисуса

---

*) См. кондакъ преображенія.

Своимъ возлюбленнымъ Сыномъ, затмѣніе солнца, разрывъ завѣсы храма, землетрясеніе, распаденіе камней во время крестныхъ страданій Господа (Матѳ. XXVII)? Если нельзя отрицать вполне значенія того соображенія, что всѣ эти величественныя дѣйствія какъ нельзя болѣе приличествовали величію сопровождаемыхъ ими событій, тѣмъ не менѣе было бы мало признать, что подобающая Царю всѣхъ слава была единственной цѣлью всѣхъ этихъ происшествій. Подобало, чтобъ Царь твари принялъ достойное поклоненіе отъ царей земли, какими преданіе представляетъ волхвовъ; подобало, чтобъ весь Древній Заѣтъ въ лицѣ ветхаго старца воспѣлъ бывшему душой всѣхъ его чаяній, имѣвшему упразднить его Младенцу: „нынѣ отпускаеши“... Но можно ли сказать, что во всемъ этомъ преслѣдовалась лишь слава и величіе Того, Кто, поучая насъ смиренію, волею возлежалъ въ ясляхъ вмѣсто колыбели, бѣжалъ изгнанникомъ въ страну язычниковъ вмѣсто того, чтобъ сидѣть на престолѣ Іерусалима и послѣ проводилъ тихую, безвѣстную жизнь въ непопулярномъ порядочномъ мнѣніемъ городкѣ въ домѣ плотника? Очевидно, не слава Того здѣсь главнымъ образомъ имѣлась въ виду, Кто Самъ Себя уничижилъ, принявши видъ раба, но польза самыхъ рабовъ, которыхъ естество Онъ принималъ и которыхъ освободить пришелъ; для нихъ послана была вѣстница Его пришествія—звѣзда, чтобы не только вся жизнь Его, но уже самыя первыя мгновенія Его явленія на землѣ,—и не только Израилю, но всему міру,—явились, какъ воспѣваетъ Св. Церковь, свѣтомъ познанія *). Для той же, очевидно, цѣли служило главнымъ образомъ и все выше приведенное. Въ частности относительно значенія Іоанна Крестителя можно сослаться на Іоанна I, 7, 15, 19, 37; V, 33—35.

---

*) См. тропарь Рождества Христова. Рождество Твое Христе Боже нашъ, возсія мірови свѣтъ разума (Τὸ φῶς τὸ τῆς γνώσεως) въ немъ бо звѣздамъ служакіи звѣздою учася, Тебѣ кланяіся солнцу правды и Тебе вѣдѣти съ высоты Востока (καὶ σὲ γνώσκουσιν ἐξ ὄψεως ἀνατολῆν).

Закончимъ разсужденіе относительно мѣстъ подобнаго характера словами евангелиста Марка XVI, 20, говорящаго, что по вознесеніи Господа апостолы „проповѣдывали вездѣ при Господнемъ содѣйствіи и подкрѣпленіи слова послѣдующими знаменіями“ — τοῦ Κυρίου συνεργουῦντος καὶ τὸν λόγον βεβαιουῦντος διὰ τῶν ἐπακολουθεῦντων σημεῖων. Какъ видимъ, и по мысли евангелиста Марка знаменія, чудеса являются содѣйствіемъ проповѣди вѣры Христовой, подтвержденіемъ ея истинности, представляютъ βεβαίωσις ея.

§ 3. Теперь намъ естественно было бы перейти къ разсмотрѣнію мѣстъ представляющихъ не вѣру цѣлью и слѣдствіемъ совершенія чудесъ, но наоборотъ—самыя чудеса—слѣдствіемъ вѣры. Но прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію этихъ мѣстъ, считаемъ полезнымъ, въ видахъ имѣть болѣе данныхъ и потому большей основательности рѣшенія вопроса, рассмотреть тѣ не особо малочисленные случаи, гдѣ Господь, не смотря даже на просьбы и ожиданіе, отказывается творить чудеса и даже иногда говорить; эти случаи покажутъ намъ отъ противнаго и въ связи съ выше-видѣннымъ выставятъ въ истинномъ свѣтѣ цѣль и необходимыя условія чудесъ.

Начнемъ съ Мате. XII, 38—45 (тоже Марк. VIII, 11—13; Лук. XI, 29—32). Однажды „нѣкоторые изъ книжниковъ и фарисеевъ сказали Господу:“ „Учитель, хотѣлось бы намъ видѣть отъ Тебя знаменіе. Но Онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: родъ лукавый и прелюбодѣйный ищетъ знаменія; и знаменія не дастся ему, кромѣ знаменія Іоны пророка“, и затѣмъ, указывая на примѣры Ниневитянъ и царицы Юга, уподобляетъ вопрошавшихъ бѣсоватому, въ котораго злой духъ, разъ вышедши, вселяется опять, прихвативши съ собою еще „семь другихъ духовъ, злѣйшихъ себя, такъ что бываетъ для челоука того послѣднее хуже перваго“ (ст. 45).—Чѣмъ и какъ объяснить такой рѣзкій отвѣтъ, повторяемый притомъ у всѣхъ трехъ евангелистовъ? Неужели самое исканіе знаменія, какъ

такое, заслужило подобный рѣзкій отказъ и обличеніе? Неужели исканіе знаменія всегда и вездѣ по существу—признакъ рода лукаваго и прелюбодѣйнаго? Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ чудеса? Но обратимся къ Евангелію. Какъ согласно говорятъ Матѳей и Лука, требованіе книжниками знаменія и по замѣчанію ев. Луки—знаменія съ неба (тоже говоритъ, если только случаи тождественны, и ев. Маркъ) было заявлено въ слѣдъ за исцѣленіемъ бѣсноватаго, при чемъ фарисеи говорили, что Господь изгоняетъ бѣсовъ силою Веельзевула, князя бѣсовскаго, на что Господь отвѣтивъ доказательствомъ невозможности ихъ предположенія, подобно какъ и въ только что приведенномъ мѣстѣ, обличаетъ ихъ въ грѣхѣ, который не простится „ни въ семь вѣкѣ, ни въ будущемъ“ (Матѳ. XII, 32) въ хулѣ на Духа Святаго,—каковъ грѣхъ по принятому въ Церкви пониманію, вполне оправдываемому связью рѣчи и событій, состоитъ въ явномъ и намѣренно-сознательномъ противленіи истинѣ, являющемся по существу такую степень нравственнаго извращенія, которая дѣлаетъ невозможнымъ обращеніе, а потому и прощеніе. Но если это такъ, если фарисеи, и вообще виновные въ указываемомъ грѣхѣ, приходили еще съ требованіемъ знаменія съ неба, то очевидно, что затаенною ихъ мыслию было искушеніе Господа, а не исканіе истины. Но если такъ, то, очевидно, всякое знаменіе было напрасно: не повѣрившіе сейчасъ же предъ ихъ глазами совершенному чуду, напротивъ старавшіеся, на сколько то можно, исказить истину и даже узвѣить Самого Виновника чуда, при чемъ какъ будто ихъ закоренѣлое противленіе возрастало прямо пропорціонально ясности и неопровержимости говорящихъ противъ нихъ данныхъ, доходя до неистовства, до гнусной клеветы, лишь бы отдѣлаться отъ неотступной, но ненавистой имъ истины,—такіе люди конечно не могли убѣдиться ничѣмъ; знаменіе съ неба, судя по предъидущему, послужило бы лишь предлогомъ для болѣе рѣзкаго и дикаго проявленія ихъ неистовства. Ясно, давать знаменіе та-

кимъ людямъ, значило бросать бисеръ предъ свиньями, давать лишь поводъ имъ разъяриться и преждевременно умертвить Чудотворца. А что іудеи были способны къ этому послѣднему, это они доказали многократно самымъ дѣломъ: вспомнимъ лишь исторію воскрешенія Лазаря,—какое впечатлѣніе произвело это, казалось бы, самое высшее проявленіе божественности Господа, на этихъ мрачныхъ мудрецовъ Іудеи?—Они тотчасъ же собрали синедріонъ, въ недоуменіи вопрошая: „что намъ дѣлать“ τί ποιοῦμεν? Если оставить Его (Господа) такъ, всѣ увѣруютъ въ Него (Іоан. XI, 47—48)... и рѣшили предать Чудотворца смерти. Потому-то Господь не только далъ знаменія, но и рѣзко обличилъ лукавство просившихъ. Что здѣсь не въ требованіи самомъ по себѣ лежала причина отказа, а въ лукавомъ намѣреніи просившихъ, видно изъ вышеприведеннаго отчасти отвѣта Господа на вопросъ Іоанна о Немъ: Онъ ли Христосъ? Іоанну не только данъ былъ отвѣтъ, не только не сдѣлано было упрека, но еще, когда ушли посланные имъ, произнесена была похвала Матѳ. XI, 7—15, Лук. VII, 24—28, ибо вопросъ его былъ искрененъ и вытекалъ изъ стремленія къ истинѣ. Совершенно обратно у фарисеевъ; оттого имъ не только отказано, но и произнесено рѣзкое обличеніе. Чтобы кому нибудь, тѣмъ не менѣе, не показалось такое объясненіе натяжкой, приведемъ слова Самого Господа, сказанныя по вполнѣ сходному поводу. Однажды фарисеи и саддукеи, „искушая Его, просили показать имъ знаменіе съ неба. Онъ же сказалъ имъ въ отвѣтъ: вечеромъ вы говорите: будетъ ведро, потому что небо красно; и поутру: сегодня ненастье, потому что небо багрово. Лицемѣры! различать лице неба вы умѣете, а знаменій времянь не можете“ (τὰ δὲ σημεῖα τῶν καίρων οὐ δύνασθε), Родъ лукавый и прелюбодѣйный знаменія просить... И, оставивъ ихъ отошелъ“ Матѳ. XVI, 1—4. Вотъ причина отказа: Христосъ ли, обѣтованный ли Мессія Господь Іисусъ—узнать это легко, отвѣтъ на этотъ вопросъ, въ виду всѣхъ Его дѣлъ, въ виду исполне-

нiя пророчествъ, ясенъ и не можетъ подлежать сомнѣнiю; и потому тотъ, кто съ затаенной злобой ищетъ лишь искусить Господа, заслуживаетъ лишь обличенiя.

Впрочемъ даже и такимъ закоренѣлымъ противникамъ истины не отказывается совершенно въ знаменiи, — Господь всегда и вездѣ даетъ все необходимое для нашего обращенiя и спасенiя, — имъ дается знаменiе Ионы пророка: „какъ Иона былъ во чревѣ кита три дня и три ночи, такъ и Сынъ человѣческой будетъ въ сердцаѣ земли три дня и три ночи“. — Да; какъ бы такъ говорить имъ Господь: будетъ время, вы, насмѣявшись, безжалостно предадите Меня позорной смерти, но ваша злоба не удовольствуется и этимъ, вы не оставите Меня своими преслѣдованiями и въ самомъ гробѣ: запечатаете этотъ послѣднiй и приставите стражу къ мертвецу. Но вотъ Я воскресну, не тронувъ даже печати гроба, на глазахъ вами же приставленной стражи. Но вы не обратитесь и тогда; вы и тогда засуетитесь, будете изыскивать всѣ средства, чтобы исказить истину: сунете достаточное количество денегъ (Матѳ. XXVIII, 12) въ руки воиновъ, въ случаѣ нужды пойдете унижаться предъ ненавистнымъ вамъ иноплеменнымъ правителемъ, къ которому войти въ домъ по вашимъ понятiямъ значить оскверниться, упрашивая его не наказывать стражей (ст. 14), и предпочтете гнусную ложь, будто ученики украли мертвеца (ст. 13) и притомъ, какъ выражается церковная пѣснь, нагого (ибо пелены остались во гробѣ) и намащеннаго смирной (*ἑσμυρισμένην*), признанiю истинной, но ненавистной вамъ дѣйствительности. Да, вамъ будутъ даны знаменiя, и самыя непререкаемыя, но и они для васъ послужатъ лишь къ тому, чтобы еще больше, рѣзче, гнуснѣе проявилась ваша злобная закоренѣлость и противленiе истинѣ. Оттого то и ниневитяне, и царица Южная возстанутъ на судъ съ вами и осудятъ васъ, ибо одни покаялись отъ проповѣди iониной, другая пришла отъ предѣловъ земли послушать Соломона; но вотъ здѣсь больше Ионы и Соломона,

и вы остаетесь не раскаянны (Матѳ. XII, 41, 42; Лук. XI, 31, 32).

Подобный же упрекъ іудеямъ вообще Господь высказываетъ и въ иномъ мѣстѣ. Такъ, похваливъ Іоанна Крестителя, назвавъ его большимъ изъ пророковъ, (см. русскій перев. Евангелія) Господь противоцѣляетъ (частица δὲ, въ подлинникѣ: τοῦ δὲ ὁμοίως τῆν ἡγεσίαν ταύτην) ему народъ іудейскій: „но кому уподоблю родъ сей?“ говоритъ Онъ, „онъ подобенъ дѣтямъ, которые сидятъ на улицѣ и, обращаясь къ своимъ товарищамъ, говорятъ: мы играли вамъ на свирѣли, и вы не плясали; мы пѣли вамъ плачевныя пѣсни, и вы не рыдали. Ибо пришелъ Іоаннъ, ни ѣсть, ни пьетъ; и говорятъ: въ немъ бѣсъ. Пришелъ Сынъ человѣческій, ѣсть и пьетъ; и говорятъ: вотъ чловѣкъ, который любитъ ѣсть и пить вино, другъ мытарямъ и грѣшникамъ (Матѳ. XI, 16—19, то же VII, 31—35).— Вотъ причина, въ силу которой, какъ мы увидимъ ниже, Господь иногда отказывался отъ чудотворенія; Онъ дѣлалъ это тамъ, гдѣ всѣ мѣры были бесполезны, гдѣ самыя противоположныя данныя вызывали одно и тоже слѣдствіе: грубое невѣріе и озлобленную клевету. А что тѣмъ не менѣе данныя для вѣры были, и что между прочимъ чудеса были одними изъ первыхъ такихъ данныхъ, то чтобы убѣдиться въ этомъ послушаемъ дальнѣйшую рѣчь Господа. „Тогда началъ Онъ“, говоритъ ев. Матѳей (XI, 20—24) „укорять города, въ которыхъ наиболѣе явлено было силъ Его, за то, что они не покаялись. Горе тебѣ, Хоразинъ! горе тебѣ, Вивсаида! ибо если бы въ Тиръ и Сидонъ явлены были силы, явленныя въ васъ, то давно бы они во вретницѣ и пенлѣ покаялись. Но говорю вамъ: Тиру и Сидону отраднѣе будетъ въ день суда, нежели вамъ. И ты, Капернаумъ, до неба вознесшійся, до ада низвергнешься; ибо, если бы въ Содомѣ явлены были силы, явленныя въ тебѣ, то онъ оставался бы до сего дня. Но говорю вамъ, что землѣ Содомской отраднѣе будетъ въ день суда, не-

жели тебѣ“ (то же Лук. X, 13—16). Итакъ чудеса служатъ данными для вѣры, подтвержденіемъ проповѣди Господа, и оттого тамъ, гдѣ ихъ не было,—гдѣ, слѣд., небыло данныхъ для вѣры и покаянія,—хотя и не было этихъ послѣднихъ; тѣмъ не менѣе жители этихъ мѣстностей примутъ болѣе легкое осужденіе за свой грѣхъ.

Но такъ какъ, не смотря и на эти данныя, во многихъ городахъ не вѣрили Господу, то Онъ напрасно и не творилъ чудесъ въ нихъ. Такъ это мы видимъ въ гл. XIII Матѳ, (ст. 53—58). Его соотечественники видѣли и чудеса, поражало ихъ и ученіе Его (ст. 54), но тѣмъ не менѣе они не могли отстать отъ обычнаго своего представленія о Немъ какъ о сынѣ плотника и, „соблазнялись о Немъ“, потому Господь и „не совершилъ тамъ многихъ чудесъ по невѣрію ихъ“. То же у ев. Марка: (VI, 1—6) „и не могъ совершить тамъ никакого чуда, только на немногихъ больныхъ, возложивъ руки, исцѣлилъ ихъ. И дивился невѣрію ихъ“. У ев. Луки (IV, 14—30) то же событіе рассказано подробнѣе, и здѣсь мы встрѣчаемъ не только уже невѣріе, но и грубое озлобленіе, вызванное тѣмъ, что Господь не только не сотворилъ чудесъ въ Назаретѣ, но и прямо сказалъ его жителямъ, что они недостойны этого (ст. 25—27). Отъ Его словъ, сказанныхъ въ примѣненіи къ нимъ „много... было прокаженныхъ въ Израилѣ при пророкѣ Елисеѣ; и ни одинъ изъ нихъ не очистился, кромѣ Немеана сиріянина“..., всѣ въ синагогѣ исполнились ярости. И вставъ, выгнали Его вонъ изъ города, и повели на вершину горы, на которой городъ ихъ былъ построень, чтобы свергнуть Его“. И это послѣ того, какъ они же сами „засвидѣтельствовали Ему“ (ст. 22), что на Немъ дѣйствительно вполнѣ исполнилось читанное Имъ предъ ними пророчество Исаи (Духъ Господень на Мнѣ!...) Здѣсь уже, кажется, самый вопросъ о томъ, почему Господь не сотворилъ предъ ними чудесъ, является страннымъ.

§ 4. Такимъ образомъ расположенность къ вѣрѣ была необходимымъ условіемъ чудесъ, вѣра была основною цѣлью ихъ. Но это не значить что вѣра, какъ уже существующая, была всегда необходимымъ условіемъ чуда, что отсутствіе ея какъ бы парализовало самое всемогущество Божіе (не могъ οὐκ ἔδύνατο) Марк. VI, 5, 6. Что это не такъ, ясно видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Однажды Господь „вошелъ въ лодку; за Нимъ послѣдовали ученики Его. И вотъ, здѣлалось великое волненіе на морѣ, такъ что лодка покрывалась волнами; а Онъ спалъ. Тогда ученики, подошедши, разбудили Его, и сказали: Господи! спаси насъ; погибаетъ. И говоритъ имъ: что вы такъ боязливы, маловѣрные? Потомъ, вставъ, запретилъ волнамъ и морю, и сдѣлалась великая тишина“ (Матѣ. VIII, 23—26). Тоже Марк. IV, 35—41, гдѣ Господь еще сильнѣе говоритъ: „какъ у васъ нѣтъ вѣры?“ Тоже Луки VIII, 22—25: „гдѣ вѣра ваша?“ И такъ мы видѣли чудо безъ вѣры. Если скажутъ, что здѣсь было лишь маловѣріе, то мы знаемъ, что въ иномъ случаѣ апостолы не могли изгнать бѣса по маловѣрію.—Да наконецъ развѣ жители Назарета не имѣли вѣры на столько, чтобы ожидать отъ Господа чудесъ? Вѣдь это-то и было причиной ихъ озлобленія, что Онъ не удовлетворилъ ихъ ожиданію, ихъ безцѣльному любопытству. Если имѣть въ виду лишь вѣру въ возможность чуда, то самое ихъ ожиданіе показываетъ, что такая вѣра была. А что касается признанія Господа Мессіею, то и у бывшихъ съ нимъ въ лодкѣ учениковъ Его этого еще не видно, какъ то показываетъ приводимый всѣми тремя евангелистами недоумѣнный вопросъ ихъ: откуда, кто Онъ такой, что и вѣтеръ, и море Его слушаютъ?—Необходимо допустить, такимъ образомъ, что не вѣра въ возможность чуда, не вѣра въ Самого Господа сама по себѣ была необходима для чуда,—для этого нужна была извѣстнаго рода нравственная настроенность, склонность, готовность вѣрить, и гдѣ эта готовность была—а это Господу, какъ сердцевѣдцу, было впередъ извѣст-

но—тамъ Онъ и творилъ чудеса, тамъ Ему и вѣрили; гдѣ, наоборотъ, такой готовности не было, тамъ были бы напрасны и чудеса, и потому Онъ ихъ тамъ и не творилъ. Тоже видимъ въ разказѣ объ исцѣленіи бѣсноватаго въ землѣ Гадаринской (Матѣ. IX, 28—34; Марк. V, 1—19; Лук. VIII, 26—39). Здѣсь о вѣрѣ самого исцѣленнаго не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ само сознаніе его было настолько подавлено злымъ духомъ, что вся рѣчь его съ Господомъ, въ которой злые духи просятъ не изгонять ихъ и не мучить, ведется не отъ его лица, а отъ лица демоновъ. Не можетъ быть рѣчи и о вѣрѣ родныхъ или знакомыхъ, какъ то видимъ въ иныхъ чудесахъ, ибо онъ былъ одинъ въ пустынѣ. Но, несмотря на это, чудо совершено, и мы видимъ, что оно не было не у мѣста: исцѣленный сѣлъ при ногахъ Іисуса и не хотѣлъ отъ Него идти и ушелъ лишь тогда, когда Самъ Господь послалъ его домой сказать, что съ нимъ сдѣлалъ, какъ его помиловалъ Богъ. Если скажутъ: здѣсь нельзя было и говорить о вѣрѣ,—требовать ея значило требовать невозможнаго, (такъ какъ человѣкъ былъ исполнѣн во власти злаго духа), то, во первыхъ, это всетаки показываетъ, что вѣра не безусловно необходима для чуда; во вторыхъ, вотъ еще подобный случай. Однажды Господь „пошелъ въ городъ, называемый Наинъ, и съ Нимъ шли многіе изъ учениковъ Его и множество народа. Когда..... Онъ приблизился къ городскимъ воротамъ, тутъ выносили умершаго, единственнаго сына у матери, а она была вдова, и много народа шло съ нею изъ города. Увидѣвъ ее, Господь сжалился надъ нею и сказалъ ей: не плачь. И, подошедъ, прикоснулся къ одру; носшіе остановились, и Онъ сказалъ: юноша! тебѣ говорю, встань. Мертвый, поднявшись, сѣлъ и сталъ говорить; и отдалъ его Іисусъ матери его“.—Здѣсь мы видимъ чудо помимо всякой вѣры: никто не говоритъ о воскресеніи, не проситъ Господа,—да и кто бы могъ, кто бы подумалъ этого просить?! Напротивъ, мы видимъ,—несшіе продолжаютъ идти

своей дорогой, какъ шли и прежде появленія Господа, и останавливаются лишь благодаря Его прикосновенію. Ни вѣры, какъ уже существующей, ни даже слабой надежды и отсюда просьбы и ожиданія, — ничего подобнаго, все идетъ, какъ и шло, — ни малѣйшей перемѣны. Починъ идетъ со стороны Господа: Онъ сжалился и сказалъ рыдавшей вдовѣ: не плачь (ст. 13). Такимъ образомъ единственнымъ побужденіемъ Господа, повидимому, было состраданіе къ несчастной матери, лишившейся послѣдней опоры, послѣдней утѣхи въ жизни, обреченной, вѣроятно, отселѣ влачить жалкое, нищенское существованіе, можетъ быть по чужимъ людямъ. Тѣмъ не менѣе какъ ни великъ былъ поводъ къ чудотворенію для любящаго сердца Господа, за тѣмъ и пришедшаго, чтобъ понести наши бѣды и болѣзни, нельзя отрицать даже и здѣсь тѣхъ слѣдствій, какія, едва ли можно сомнѣваться, произвело чудо какъ на сердце матери и оя воскресшаго сына, въ которыхъ естественно возникла горячая вѣра въ Господа, какъ божественнаго посланника, такъ и на окружавшее множество, — „всѣхъ“, говоритъ св. Лука, „объялъ страхъ и славилъ Бога, говоря: великій пророкъ возсталъ между нами и Богъ посѣтилъ народъ Свой“ (ст. 16). Считаеъ достаточнымъ приведенныхъ примѣровъ; изъ нихъ видно, что для Господа не столько важны были вѣра или невѣріе, какъ уже существующія, сколько возможность, склонность къ тому или другому, каковую склонность, повидимому, именно и означаютъ нерѣдко въ Евангеліи слова *πίστις* и *ἀπιστία*.

§ 5. Теперь намъ слѣдуетъ показать непротиворѣчіе доселѣ видѣнному тѣхъ мѣстъ Евангелія, гдѣ вѣра повидимому или дѣйствительно является условіемъ чуда въ качествѣ не цѣли, а причины. При этомъ само собою понятно, что такъ какъ до сихъ поръ мы видѣли, что чудо имѣло цѣлью вызвать или утвердить вѣру въ свидѣтеляхъ его, а не въ самомъ чудотворцѣ, который долженъ быть уже вѣрующимъ, то этому ни мало не противорѣчатъ мѣста, считающія вѣру, какъ уже существу-

ющую, необходимымъ условіемъ со стороны не свидѣтелей чуда, а его совершителя. Поэтому мы лишь укажемъ эти мѣста, какъ Матѳ. XVII, 20, XXI, 21, 22, Марк. XI, 23, 24, Лук. XVII, 6 болѣе же обстоятельно разсмотримъ лишь мѣста говорящія, повидимому за необходимость вѣры даже для свидѣтелей и участниковъ чуда. Правда, всѣ эти мѣста рассказываютъ лишь отдѣльные случаи, и для того, чтобы вывести изъ нихъ общее правило, ихъ еще не достаточно, особенно въ виду разсмотрѣнныхъ нами мѣстъ, прямо противоположнаго характера; тѣмъ не менѣе поскольку и эти случаи проявляютъ, такъ сказать, принципы, лежавшіе въ основѣ чудотворенія, которые, очевидно, не могли быть въ различныхъ случаяхъ настолько различны, чтобы взаимно противорѣчить и исключать другъ друга, постольку и говорящія о такихъ случаяхъ мѣста на первый взглядъ могутъ набрасывать тѣнь на нашъ доселѣшній выводъ, тѣмъ болѣе, что нерѣдко Самъ Господь представляется въ нихъ требующимъ вѣры, какъ чего-то предваряющаго чудо. Поэтому, чтобы прійти къ какому либо опредѣленному рѣшенію вопроса—рѣшенію, насколько то возможно, объективному, основывающемуся не на тѣхъ или иныхъ мѣстахъ, понятыхъ въ ихъ отдѣльности и исключительности, но на данныхъ всего Евангелія, считаемъ необходимымъ вникнуть въ смыслъ мѣстъ указаннаго рода, не забывая впрочемъ,—напротивъ всегда имѣя въ виду и сопоставляя съ ними, смыслъ и значеніе уже разобранныхъ нами мѣстъ.

Прежде всего отмѣтимъ въ числѣ мѣстъ, представляющихъ вѣру, какъ фактъ, предшественницею чуда, тѣ, гдѣ такое отношеніе представляется какъ частный случай, но не какъ нѣчто необходимое. Таковъ напр. случай почти буквально одинаково рассказанный у всѣхъ трехъ евангелистовъ. Однажды къ Господу „подошелъ прокаженный и, кланяясь Ему, сказалъ: Господи! если хочешь, можешь меня очистить—*ἐὰν θέλῃς, δύνασαι με καθάρῃσαι*. Исусъ, простерши руку, коснулся его и ска-

залъ: хочу, очистить. И онъ тотчасъ очистился отъ проказы“.
 (Матѣ. VIII, 2, 3; то же Марк. 1, 40—42, гдѣ лишь прибавляется, что Господь съжалъ это „сжалившись“ — *σπλαγχνισθεῖς* (ст. 40); то же Лук. V, 12, 13).—Мы видимъ здѣсь такимъ образомъ лишь, что однажды чудо было совершено надъ тѣмъ, кто такъ или иначе вѣровалъ въ Господа и въ Его силу чудотворенія, но и только,—выводить отсюда что либо дальше собственно на основаніи лишь этого разсказа, очевидно, нельзя. Если бы въ виду нашего главнаго вопроса спросили: не показываетъ ли этотъ случай зависимости вѣры не отъ чудесъ, а исключительно лишь отъ безусловно (безъ данныхъ по крайней мѣрѣ внѣшнихъ) свободнаго изволенія вѣрующаго?—то очевидно, отвѣчать на такой вопросъ утвердительно значило бы не только прибавлять къ разбираемымъ словамъ Евангелія то, чего въ нихъ нѣтъ, такъ какъ не говорится ни слова, какова была эта вѣра и откуда зародилась, но и насильно вырывать мѣсто изъ объясняющей его связи. Указанный случай имѣлъ мѣсто уже когда Господь сотворилъ много чудесъ и былъ извѣстенъ, какъ чудотворецъ (Матѣ. IV, 23—25), такъ что слухъ о Немъ распространился по всей не только Иудеѣ, но даже Сиріи,—что же удивительнаго, что люди вѣрили въ возможность того, о чемъ отовсюду слышали, что несчетно разъ видѣли своими глазами? Если спросить, какая особая нужда была въ чудѣ—если только вызвать вѣру, то она уже была?—то отвѣтъ на это мы отчасти находимъ у св. Марка. Господь съжался и даровалъ просимое, а что при этомъ принявшій даръ былъ достоинъ и что Господь, (какъ то часто замѣчаетъ св. Златоустъ) и здѣсь, какъ нерѣдко то дѣлаетъ и въ иныхъ случаяхъ, даровалъ больше просимаго и воспользовался просьбою, какъ поводомъ для высшей цѣли,—это болѣе, чѣмъ вѣроятно. Въ самомъ дѣлѣ: что здѣсь просьба исцѣлить не имѣла и тѣни сходства съ злонамѣренною фарисейскою просьбою знаменія, въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. А что исцѣленіе было

не только благомъ для тѣла, но и для души, утверждая вѣру, какъ самого прокаженнаго, такъ и множества народа (Матѳ. VIII, 1), шедшаго за Господомъ и слѣд. бывшаго готовымъ слушать Его ученіе и видѣвшаго въ Немъ божественнаго учителя,—за это говорятъ намъ между прочимъ выше разсмотрѣнные случаи отказовъ Господа творить знаменія. Наоборотъ, отказъ Господа исцѣлить могъ подать поводъ къ сомнѣнію какъ въ Его силѣ, такъ и благодати, особенно самому прокаженному, какъ потому, что онъ, какъ зараженный, по законамъ Моисея, живя внѣ общества, могъ и не видать самъ знаменій Господа, а вѣрить лишь по слухамъ, такъ еще болѣе потому, что то, что касается насъ лично, дѣйствуетъ на насъ сильнѣе, и отказъ Господа въ такой, исходящей изъ глубины измученной страданіемъ души, просьбѣ могъ повести къ крайнему ожесточенію, отчаянію и слѣд. невѣрію и ропоту на Бога вмѣсто вѣры, живой благодарности и православленія чудотворца котораго мы видимъ въ дѣйствительности Марк. I, 45.

Разсмотримъ другой подобный случай, рассказанный у ев. Матѳея велѣдъ за приведеннымъ нами: „Когда... вошелъ Іисусъ въ Капернаумъ, къ Нему подошелъ сотникъ и просилъ Его: Господи! слуга мой лежитъ дома въ разслабленіи и жестоко страдаетъ. Іисусъ говоритъ ему: Я приѣду и исцѣлю его. Сотникъ же, отвѣчая, сказалъ: Господи! я недостойнъ, чтобы Ты вошелъ подъ кровъ мой; но скажи только слово и выздоровѣетъ слуга мой. Ибо я подвластный человѣкъ, но, имѣя у себя подчиненныхъ воиновъ, говорю одному: пойди и иди; и другому: приѣди и приходи; и слугѣ моему: сдѣлай то, и дѣлаетъ. Услышавъ сіе, Іисусъ удивился и сказалъ идущимъ за Нимъ: истинно говорю вамъ, и во Израилѣ не нашелъ Я такой вѣры... и сказалъ... сотнику: иди, и, какъ ты вѣровалъ, да будетъ тебѣ. И выздоровѣлъ слуга его въ тотъ часъ“ Матѳ. VIII, 5—13. Съ незначительными измѣненіями тотъ же случай рассказывается и у ев. Луки VII. 2—10.

Случай въ существѣ подобный только что рассмотрѣнному; и здѣсь вѣра предшествуетъ чуду и къ ней (относительно происхожденія), а равно и къ поводамъ совершенія чуда приложимо все то, что сказано въ соответственныхъ мѣстахъ при разборѣ разсказа объ исцѣленіи прокаженнаго. Мы видимъ Господь хвалить силу вѣры сотника, но говоритъ ли Онъ, что сотникъ вѣритъ, не выдавши ничего? Мы не слышимъ такихъ словъ и не можемъ предположить такой вѣры. Видно ли, по крайней мѣрѣ, прямо изъ словъ Господа, что Онъ исцѣляетъ слугу въ силу вѣры сотника, что вѣра слѣд. причина чуда? Многіе, вѣроятно сказали бы: какъ же иначе? Онъ прямо, вслѣдъ за похвалой вѣрѣ сотника, говоритъ: какъ ты вѣровалъ, да будетъ тебѣ—*καὶ ὡς ἐπίστευσας γενήσῃτω σοι*? — Но очевидно, если видѣть въ силѣ вѣры сотника проявленіе его сильной склонности къ принятію истины Христовой, свидѣтельство его доброй настроенности, бывшей хотя конечно не причиной въ тѣсномъ, буквальномъ смыслѣ слова (ибо слуга его не исцѣлѣлъ самъ собою прежде всемогущаго слова Божія, хотя вѣра была и прежде), тѣмъ не менѣе поводомъ, однимъ изъ условій, дѣлавшихъ для него возможнымъ полученіе божественной милости,—то это конечно такъ, и это вполне согласно съ полученнымъ нами выше выводомъ относительно цѣли и условій чудесъ; но если въ словахъ Господа, особенно въ ст. 13, видѣть что либо большее, утверждать, будто Самъ Господь называетъ вѣру причиной въ собственномъ смыслѣ, или хотя бы то безусловно всегда необходимою предшественницею чуда, то такъ думать значило бы впадать въ рѣчи Господа свой собственный смыслъ. Ибо что собственно говорятъ слова (приводимъ для точности по подлиннику) *καὶ ὡς ἐπίστευσας γενήσῃτω σοι*? Очевидно, не что иное, какъ: сообразно тому, какъ ты вѣрилъ, такъ тебѣ пусть и будетъ,— иначе: что *) ты думалъ, надѣялся отъ Меня получить, то—

*) Понимать „ὡς“ „какъ“ какъ либо иначе; не въ смыслѣ содержанія вѣры,

Я съ своей стороны согласенъ—возьми, получи; или еще кратче: прими просимое, т. е. слова выражаютъ лишь согласіе Господа удовлетворить просьбѣ и больше ничего, Слова эти выражаютъ то же, что и сказанныя по вполне аналогичному случаю хананеянкѣ: „о, женщина! велика вѣра твоя, да будетъ тебѣ по желанію твоему—Матѳ. XV, 28—ὡ γυναι, μεγάλη σου ἡ πίστις γενηθήτω σοι, ὡς θέλεις. Но можетъ быть скажутъ: пусть такъ, пусть грамматическія формы словъ не говорятъ ничего, но все таки же, вѣдь, такъ или иначе, какъ въ приведенныхъ, такъ и въ другихъ случаяхъ указывается на вѣру, упоминается о ней, что конечно не безцѣльно. Ссылаться же на грамматику въ данномъ случаѣ тѣмъ менѣе умѣстно, что Господь говорилъ не по-гречески, а по арамейски, а такъ какъ въ семитическихъ языкахъ вообще (какъ и въ нашемъ престолярномъ) собственно синтаксическая сторона языка, особенно въ соединеніи предложеній, развита слишкомъ слабо, и отношеніе предложеній, не выражаясь внѣшне въ грамматическихъ формахъ, часто опредѣляется исключительно по смыслу, то, естественно, что и евангелистъ, передавая слова Господа по гречески, подчинялся вліянію подлинной рѣчи Его и опускалъ тѣ или иные союзы, выражающіе взаимное отношеніе предложеній, что между прочимъ видно въ отрывочномъ по внѣшнему виду отвѣтѣ хананеянкѣ. Значеніе сказаннаго не отрицаемъ и мы; какой либо безцѣльности въ постоянномъ почти въ подобныхъ случаяхъ упоминаніи Господомъ вѣры мы не видимъ,—если

того, что сотникъ надѣялся получить, во образа ея, т. е. какъ, насколько онъ твердо вѣрилъ или былъ убѣжденъ, было бы бессмыслицей.—вышло бы, что Господь говоритъ: какъ ты вѣрилъ, такъ ты пусть и будешь вѣрить,—оказалось бы, что Господь, не удовлетворяя просьбы, отвѣчая не на вопросъ, говорить какую то непонятную бессмыслицу; представляется дающимъ то, что у сотника уже есть. Правда, кромѣ того выраженіе ὡς ἐπίστευσας отдѣльно взятое можно перевести „такъ какъ ты вѣровалъ“, но въ данномъ случаѣ переводить такъ было бы не удобно: у слова γενηθήτω не оказалось бы дополненія (каковымъ служатъ слова ὡς ἐπίστευσας) и рѣчь оказалась бы неопредѣленною, фраза недосказанною.

угодно, напротивъ: мы готовы свести къ этому упоминанію всю суть дѣла; но только такое признаніе цѣли и разслѣдованіе смысла и значенія этого упоминанія не только не приводитъ къ тому, что вѣра, какъ фактъ—необходимое условіе чуда и всегда должна ему предшествовать, но какъ разъ на оборотъ: это разслѣдованіе лишь подтверждаетъ нашъ прежній выводъ относительно главной цѣли чудесъ. Поэтому мы въ видахъ уступки согласны даже перевести выраженіе *ὡς ἐπίστευσας* словами „такъ какъ ты повѣрилъ“, ибо это, хотя и не удобно по буквѣ, не противорѣчитъ истинному смыслу словъ Господа. Что вѣра здѣсь упоминается не напрасно—иначе самое это упоминаніе, въ виду многочисленности случаевъ, въ которыхъ мы его видимъ, оказалось бы необъяснимымъ—что она стоитъ въ связи съ чудомъ, это едва ли можно отрицать; но вопросъ въ томъ, въ какой связи? Но если мы переведемъ указанные слова „такъ какъ ты повѣрилъ“, то и здѣсь это „такъ какъ“ будетъ указывать лишь на связь, не опредѣляя ближе ея характера. Вообразимъ напримѣръ, что Господь мыслилъ и говорилъ такимъ образомъ: чудо служить для подкрѣпленія Моихъ словъ и для возбужденія вѣры въ Меня; поэтому Я творю его тамъ, гдѣ вижу наклонность къ вѣрѣ или ея начатки—сѣю тамъ, гдѣ замѣчаю добрую почву, а гдѣ вижу грубую, недоступную никакимъ доводамъ, закоренѣлость или лишь стремленіе увидать что либо любопытное, удивительное или накопецъ лишь желаніе чуда въ виду доставляемыхъ имъ обыкновенныхъ чувственно-житейскихъ благъ, какъ-то: здоровья, насыщенія *); тамъ Я, не желая бросать бисера передъ свиньями, употреблять высшую божественную силу Моего Отца на удовлетвореніе обыденныхъ себялюбивыхъ стремленій, и не творю чудесъ. Очевидно, представляя себѣ даже такимъ отношеніе чудесъ и вѣры легко можно пере-

---

*) Самъ Господь однажды (послѣ чуда съ хлѣбами) укоряетъ іудеевъ, что они идутъ за Нимъ не потому даже, что видѣли знаменія, а потому, что ѣли и насытились.

вести слова Господа $\omega\varsigma \epsilon\pi\iota\sigma\tau\epsilon\upsilon\sigma\alpha\varsigma$ —такъ какъ ты повѣрилъ; ибо связь вѣры и чуда не отрицается и при такомъ взглядѣ, вѣра и здѣсь является условіемъ и въ обширномъ смыслѣ слова одною изъ причинъ чуда, вслѣдствіе чего для показанія связи между вѣрою и чудомъ, своего рода зависимости послѣдняго отъ первой и можно употребить союзъ „такъ какъ“. Поэтому, оставивъ грамматическія соотношенія предложеній, вниманіемъ въ соотношеніе самыхъ понятій и явленій. Что сама по себѣ вѣра, пока Господь не изъявилъ своего согласія, не могла произвести чуда, это говоритъ самый рассказъ; что Господь, когда хотѣлъ творить чудо, не нуждался въ вѣрѣ человѣка какъ средствѣ, мы также видѣли выше;—и такъ зачѣмъ же вѣра? Если прибавить еще, что чудо не имѣло въ виду возбуждать и укрѣплять вѣру, то окажется, что у вѣры не было никакой связи съ чудомъ, между тѣмъ отрицать ее нельзя. И такъ что же? Очевидно, что въ выборѣ между двумя первыми предположеніями относительно этой связи и послѣднимъ не только возможнымъ, но даже имѣющимъ подтвержденіе въ словахъ самого Совершителя чудесъ, какъ то мы видѣли выше, такъ сказать сугубо необходимо остановиться на послѣднемъ положеніи. И коль скоро мы это сдѣлаемъ, все окажется какъ нельзя болѣе понятнымъ. Чтобы не повторяться, припомнимъ вложенныя нами въ уста Господа слова относительно цѣли и условій чудесъ; этою цѣлію было возбужденіе и укрѣпленіе вѣры, все другое было привходящимъ, служебнымъ, сопутствующимъ, по большей части лишь поводомъ. Какъ вездѣ, такъ и здѣсь благій и премудрый Промыслитель, искавшій прежде всего спасти человѣка и привести его къ Отцу Небесному, къ вѣрѣ въ Него и Его возлюбленнаго Сына, полагавшій въ этой вѣрѣ самый „животъ вѣчный“, пользовался всякими, даже малѣйшими, поводами для своей высшей цѣли (этому свидѣтель—все Евангеліе). Поэтому и въ частности при чудотвореніи Онъ пользовался всякимъ начаткомъ вѣры, всякимъ даннымъ для ея возбуж-

денія, начиная съ обращенной къ нему просьбы о помилованіи и исцѣленіи, обращая это послѣднее въ средство для своей высшей и единственной цѣли спасенія человѣка, утверждая вѣру, гдѣ она была, вызывая, возбуждая ее, гдѣ ея не было.

Разъяснимъ это на конкретномъ примѣрѣ. Однажды за Господомъ „слѣдовали двое слѣпыхъ и кричали: помилуй насъ, Сыне Давидовъ!“ — Какъ вы думаете, чего имъ хотѣлось? Очевидно, прежде всего зрѣнія; и вотъ они, наслышавшись о чудесахъ и благодати Господа, привязались къ Нему съ неотступною просьбою. Все ихъ вниманіе конечно было направлено на то, чтобы выпросить себѣ зрѣніе, все остальное само собою должно было отступать на задній планъ,—вообразите, еслибъ по первому ихъ слову Господь отверзъ имъ очи, что бы тогда съ ними произошло? Конечно, они бы весьма удивились, можетъ быть исполнились благодарности и стали всемъ рассказывать о совершенномъ,—то, что за минуту предъ симъ было предметомъ ихъ живѣйшаго желанія, что всецѣло занимало ихъ умъ, всю душу, то и теперь стало бы предметомъ ихъ живѣйшей радости, удивленія и точно также всецѣло заняло бы собою душу. Но не такъ думаль, не того хотѣлъ Господь; Онъ не считаль зрѣнія высшимъ благомъ,—Его, такъ сказать, вниманіе было всегда направленно на высшее прозрѣніе, просвѣтленіе души человѣка, и вотъ Онъ, желая воспользоваться просьбою и даровать несравненно больше, чѣмъ просили, хотеть вызвать въ ихъ умѣ представленіе вѣры, обратить ихъ вниманіе на Себя, на свою силу, на проявляющееся въ ней Его божественное достоинство. Слепые, конечно, вѣрили по слухамъ,—иначе не стали бы и просить,—но вѣрили безотчетно; размышляя не о чудотворцѣ, а о томъ, какъ бы хорошо было видѣть;—и вотъ Онъ, желая вызвать въ нихъ, обратить ихъ вниманіе на то, что лежало въ нихъ скрыто, какъ бы незамѣтно и безсознательно, сперва даетъ имъ утомиться отъ крика и просьбы, и потомъ, когда въ силу психическаго напряженія ихъ исключительно

направленное на цѣль просьбы вниманіе утомилось и они сдѣлались болѣе способны къ воспріятію иныхъ впечатлѣній, пришедши въ домъ. Господь говоритъ имъ: „вѣруете ли, что Я могу это сдѣлать“? (Матѳ. IX, 27—30). Онъ хочетъ научить ихъ вѣрѣ и при посредствѣ чуда глубже и неискоренимѣе впечатлѣть въ нихъ сознаніе ея необходимости, связать мысль о ней съ тѣмъ, чего конечно они не могли забыть,—хочетъ за разъ просвѣтить очи души и тѣла, и потому спрашиваетъ: вѣруете ли?—Какъ скоро они дали утвердительный отвѣтъ, Онъ коснувшись отверзъ имъ очи, говоря: по вѣрѣ вашей буди вама—*κατὰ τὴν πίστιν ὑμῶν γενήσῃτω ὑμῖν*. Слова тождественныя сказаннымъ сотнику: *κατὰ τὴν πίστιν ὑμῶν*, по вѣрѣ вашей, т. е. согласно вѣрѣ вашей, такъ, какъ вы вѣрили, надѣялись,—другими словами: слова, какъ слова, и здѣсь не ставятъ вѣру причиной чуда,—но Господь хочетъ, связавъ представленіе вѣры съ воспоминаніемъ чуда, утвердить при посредствѣ чуда самую вѣру. То, что происходитъ въ подобныя минуты жизни, надолго и неизгладимо остается въ душѣ, и безъ сомнѣнія вопросъ чудотворца: вѣруете ли? долго звучалъ въ умахъ слѣпцовъ и послѣ того, какъ они ушли отъ Него. Безъ сомнѣнія и послѣ, въ минуты раздумья, воспоминаній давно минувшаго, когда ихъ мысль касалась прежняго событія—а пріятное долго помнится и съ удовольствіемъ воспоминается—для ихъ внутренняго взора не разъ представалъ привлекательный образъ ихъ Благодѣтеля, и неотвязно звенѣли въ ухахъ, отдаваясь благодарностью въ глубинѣ души, эти невыразимо близкія ихъ сердцу, безцѣнные слова: „по вѣрѣ вашей буди ваша“! возбуждая ихъ вѣру и любовь къ Тому, Кто пришелъ даровать намъ вмѣсто страданій и томленія радость, вмѣсто тьмы и смерти свѣтъ и жизнь. Да, надо самому испытать что либо подобное, чтобъ видѣть все значеніе употребляемаго здѣсь Господомъ способа наученія. Только сердецвѣдецъ могъ такъ дивно сочетать средство съ цѣлію, временное съ вѣчнымъ.—Неужели жъ мы теперь

не поймемъ Его намѣреній, осмѣлимся сказать, что Его постоянныя упоминанія о вѣрѣ не имѣютъ смысла, если вѣра не причина чуда?

Сказанное здѣсь можетъ быть вполне приложимо и ко всѣмъ другимъ мѣстамъ подобнаго рода, и потому, чтобы безъ нужды не повторяться, сдѣлаемъ лишь указаніе на эти случаи. Таковы: Матѳ. XV, 21—28 исцѣленіе дочери хананейки; то же Марк. VII, 24—30; исцѣленіе бѣсноватаго по просьбѣ его отца Матѳ. 14—19. Марк. IX, 14—27; Лук. IX, 37—43; укрощеніе бури Марк. IV, 35—41; Лук. VIII, 22—25; воскрешеніе дочери Іаира Матѳ. IX, 18—26; Марк. V, 22—43; Лук. VIII, 41—56; исцѣленіе слѣпого (по Матѳею двухъ), сидѣвшаго при пути Матѳ. XXI, 29—34; Марк. X, 46—52; Лук. XVIII, 35—43; исцѣленіе десяти прокаженныхъ Лук. XVII, 11—19. Во многихъ изъ указанныхъ мѣсть вѣра даже не вызывается, о ней даже не спрашивается; лишь по совершеніи чуда Господь произноситъ, выражая такъ или иначе свое благоволеніе исцѣленному, многократно безъ всякаго измѣнія передаваемое евангелистами выраженіе: вѣра твоя спасе тя,— *ἡ πίστις σου σέσωκέ σε*. Если кому либо покажется, что, по-видимому, самая буква этого выраженія говоритъ противъ высказываемаго нами мнѣнія, то стоитъ лишь ближе рассмотреть выраженіе, чтобъ видѣть, что оно само по себѣ не представляетъ ничего новаго, особеннаго. Въ самомъ дѣлѣ, что значатъ слова: вѣра твоя спасе тя? То ли, что вѣра сама по себѣ, какъ такая, является непосредственною причиною спасенія, исцѣленія? Мы видѣли, что признать этого нельзя. Если жъ такъ, то очевидно, что и слова „вѣра твоя спасе тя“ остается понимать лишь такъ, что вѣра является однимъ изъ условій, поводовъ чудотворенія, и при томъ вѣра, какъ фактъ, является условіемъ лишь въ данномъ случаѣ, какъ то даютъ видѣть другія уже извѣстныя намъ мѣста, слѣд. случайно, а не необходимо. Но если такъ, то это выраженіе окажется однимъ

изъ тѣхъ, которыя мы уже разсмотрѣли и относительно которыхъ высказали рѣшеніе.

Впрочемъ, чтобъ не подать повода видѣть въ нашемъ выводѣ натяжку, разсмотримъ еще два случая, въ которыхъ, судя по внѣшности, вѣра является какъ бы прямо причиною чуда. Таковъ съ одной стороны случай исцѣленія кровоточивой Матѣ. IX, 20—22. Марк. V, 25—35; Лук. VIII, 43—48, съ другой—хожденіе Св. Петра по водамъ Матѣ. XIV, 24—33. Однажды женщина, страдавшая много лѣтъ кровотеченіемъ, въ убѣжденіи, что достаточно лишь коснуться Господа, чтобъ исцѣлѣть, и вмѣстѣ, вѣроятно стѣняясь, въ силу стыдливости, подходитъ къ Нему незамѣтно среди множества окружающаго Его народа и, коснувшись, исцѣляется. Но Господь, какъ сердцевѣдецъ, зная все происшедшее, спрашиваетъ: „кто прикоснулся ко мнѣ“? И на слова учениковъ, что странно спрашивать, кто коснулся, когда всѣ Его окружаютъ и тѣснятъ со всѣхъ сторонъ, говоритъ: „прикоснулся ко Мнѣ нѣкто; ибо Я чувствовалъ силу изшедшую изъ Меня“. Женщина видя, что не утаилась, навѣ къ ногамъ Господа, объявила бывшее, на что Господь сказалъ: „держай дочь! вѣра твоя спасла тебя; иди съ миромъ“.—Вникнемъ, что собственно новаго представляютъ этотъ случай. Во 1-хъ исцѣленіе по вѣрѣ: ожиданіе и надежда женщины оправдались,—она исцѣлена,.... но развѣ могло быть иначе? Какая была причина для Всеблагото такъ презрительно отнестись къ многолѣтней страдалицѣ? Какая была причина въ душѣ, склонной къ вѣрѣ, дать поводъ зародиться сомнѣнію, въ случаѣ, еслибъ ожиданіе не оправдалось? И вотъ женщина исцѣлилась; но говорится ли здѣсь, видно ли изъ чего либо, что исключительно вѣра, какъ такая, а не изволеніе сердцевѣдца было причиною исцѣленія? Данныхъ никакихъ. Можетъ быть инымъ покажутся такими данными вопросъ и слѣдующія слова Господа: „Я чувствовалъ силу изшедшую изъ Меня“, какъ будто выражающія ту мысль, что Господь не зналъ, кто Его

коснулся, и узналъ объ исцѣленіи лишь когда изъ Него вышла сила,—очевидно при этомъ предположеніи вышедшая помимо Его воли, такъ какъ Опъ до этого мгновенія ничего не зналъ. Но что до вопроса, то конечно нельзя думать, чтобъ Господь, знавшій сокровенныя мысли и намѣренія людей, всю прошлую жизнь и вмѣстѣ малѣйшіе случаи ея, (слова Наанаилу и самарянеѣ) не зналъ кто и зачѣмъ къ Нему прикоснулся *),—это лишь средство вызвать таившуюся, думавшую укрыться отъ Него, показать какъ ей, такъ и другимъ, что Ему извѣстно все, похвалить ея вѣру—словомъ преподать ей урокъ, показавъ, что она сдѣлала хорошо (вѣра), и въ чемъ заблуждалась (хотѣла укрыться) и тѣмъ возбудить еще большую вѣру въ Себя. Несомнѣнно и самое одобреніе, звучащее въ словахъ Господа (дерзай), было не бесполезно (иначе не имѣло бы смысла) и весьма вѣроятно было дѣломъ милосердія, освобождало ее, какъ говоритъ св. Златоустъ, отъ страха, дабы она, угрызаемая совѣстью, какъ похитительница дара, не проводила жизнь въ мученіи“ XXXI бесѣда на Матѳея **).

Что касается словъ „я чувствовалъ—въ славянскомъ переводѣ: чухъ—силу изшедшую изъ Меня“, то св. Златоустъ даже о греческомъ выраженіи говоритъ, что Господь сказалъ такъ, приспособляя отвѣтъ свой къ грубымъ понятіямъ Своихъ слушателей“. Между тѣмъ греческое слово, соотвѣтствующее слову „чувствовалъ“ въ русскомъ переводѣ какъ въ этомъ мѣстѣ, такъ и въ соотвѣтствующемъ у св. Марка много слабѣе и не имѣетъ такого чувственнаго характера, какъ въ славянскомъ и русскомъ; тамъ стоитъ ἔγνων, у Луки и ἐπιγνούς у

---

*) Это прекрасно выражаетъ Оригенъ, говоря по подобному случаю, что Господь, οὐκ ἄγνωσθ' ἐρωτᾷ, ἀλλ' ἀπαξ ἀναλαβὼν ἀνθρώπων, χρήται καὶ τοῖς αὐτοῦ πάσιν, ὧν ἔν καὶ τὸ ἐρωτᾷν. Γῶν εἰς τὸ κατὰ Ματθαῖον ἐξηγητικῶν X, 14.

**) Тѣмъ болѣе, что по закону Моисееву кровотоочивая считалась нечистою и на прикосновеніе ея къ пророку можно было смотрѣть, какъ на святотатство.

Марка,— слова, очевидно, если и могущія быть переведены словомъ чувствовать, ощущать, тѣмъ не менѣе далеко не принуждающія къ такому переводу и имѣющія въ большинствѣ случаевъ значеніе слова: „знать“ *). Слово „изшедшую“ очевидно нельзя понимать буквально (что сила вышла ногами); если жъ не буквально, то такъ? Можетъ быть такъ, что у Господа убыло силы? Но неужели божественная сила нѣчто дѣлимое, убывающее?—Что убываетъ, то можетъ и исчезнуть; но развѣ мыслимо что либо подобное, даже самая убыль, какъ такая, относительно Бога? А вѣдь сила чудотворенія не есть нѣчто человѣческое въ Иисусѣ Христѣ, подобно силамъ мышцъ, могшимъ конечно и истощаться **). И такъ оказывается, что въ словахъ Господа не можетъ быть иного смысла, какъ тотъ, что кто то сдѣлался участникомъ благихъ даровъ Его божества, исцѣлился, прикоснувшись къ Нему, и Онъ это зналъ, т. е. слова не высказываютъ ничего, кромѣ Его всевѣдѣнія.

Обратимся къ другому примѣру. Однажды Господь, велѣвъ ученикамъ отправиться на другую сторону озера, Самъ вошелъ на гору помолиться. И вотъ уже „лодка была.... на срединѣ и ее било волнами“, какъ „въ четвертую стражу ночи пошелъ къ нимъ Иисусъ, идя по морю.... ученики, увидѣвъ Его встретились и говорили: это призракъ; и отъ страха вскричали. Но Иисусъ тотчасъ заговорилъ съ ними и сказалъ: ободритесь; это Я, не бойтесь. Петръ сказалъ Ему въ отвѣтъ: Господи! если это Ты, повели мнѣ прійти къ Тебѣ по водѣ. Онъ сказалъ: иди. И вышедши изъ лодки, Петръ пошелъ по водѣ, чтобы подойти

---

*) Да еслибъ и предположить, что дѣлу исцѣленія сопутствовало у Господа какое либо тѣлесное ощущеніе, то и отсюда бы еще ничего не слѣдовало; что исцѣленіе и соединенное съ нимъ ощущеніе—еслибъ и было таковое—въ данномъ случаѣ произошло не съ вѣдѣнія и согласія Господа, а безъ вѣдома Его и помимо Его воли, что Онъ былъ лишь вполнѣ страдательнымъ орудіемъ вѣрныя женщины,—это равно оставалось бы недоказаннымъ.

**) И уже во всякомъ случаѣ противное не можетъ быть доказано.

въ Иисусу. Но видя сильный вѣтеръ, испугался и, начавъ утопать, закричалъ: Господи! спаси меня. Иисусъ тотчасъ простеръ руку, поддержалъ его и говоритъ ему: маловѣрный, зачѣмъ ты усумнился?—Что говоритъ этотъ случай? Дѣйствительно ли изъ него можно заключить, что вѣра непосредственная причина чуда? Очевидно, мы видимъ лишь совмѣстность и даже взаимную зависимость вѣры и чуда, но непосредственную или опосредствованную изволеніемъ Господа,—данныхъ для рѣшенія этого послѣдняго вопроса разсказъ не представляетъ. Скажутъ, можетъ быть, да это и безразлично; достаточно, что такъ или иначе, но вѣра все-таки причина, условіе чуда, не будь ея, не будетъ и чуда.—Дѣйствительно, кто хочетъ дѣйствовать какимъ либо орудіемъ, долженъ его знать, желающій властвовать надъ силами природы при посредствѣ божественной силы долженъ вѣрить въ эту послѣднюю; и кто хочетъ быть самъ чудотворцемъ, долженъ имѣть впередъ силу вѣры; и здѣсь случай съ Петромъ получаетъ именно такой характеръ,—Св. Петръ самъ уподобляется Господу. Но поскольку этотъ случай получаетъ такой характеръ, постольку онъ ускользаетъ отъ нашего разсмотрѣнія, ибо мы уже выше высказали, что такого рода чудеса, какъ зависящія отъ вѣры и являющіяся ея слѣдствіями, если только не отвергають возможности иного рода чудесъ—въ цѣляхъ вѣры, не могутъ быть предметомъ нашего разсмотрѣнія. Но чего либо противнаго возможности вообще чудесъ безъ вѣры, этотъ случай не даетъ повода утверждать между прочимъ и потому, что говоритъ не о той вѣрѣ, какую собственно разумѣемъ и о какой говоримъ мы. Что Петръ вѣрилъ въ Господа и имѣлъ на это много данныхъ, это несомнѣнно; что онъ вѣрилъ въ Его силу чудотворенія, это показываетъ самый примѣръ,—но чего коснулось невѣріе? Очевидно, не убѣжденія, какъ такого, поскольку убѣжденіе ума можно противопоставлять твердости, смѣлости воли, а убѣжденія, твердости этой послѣдней. Петръ вѣрилъ въ Госпо-

да и имѣлъ всѣ данныя для того, но у него не хватило силы воли положиться, понадѣяться на Господа, онъ поддался искушенію непосредственно бывшей предъ глазами опасности и допустилъ боязнь. Но очевидно, боязнь — дѣло преимущественно сердца и воли; это-то малодушіе при существованіи собственно вѣры, какъ до извѣстной степени отвлеченнаго знанія, и порицается, оно служитъ причиною потопленія, ему дается урокъ. Но все это, очевидно, не касается нашего вопроса; что чудотворецъ долженъ быть вѣрующимъ и имѣть рѣшительную вѣру не ума лишь, а сердца и воли—это бесспорно; но нашъ вопросъ не въ томъ, намъ важно: откуда является сама вѣра? Что она можетъ творить чудеса—это бесспорно; но эти послѣднія могутъ ли служить ея зарожденію?—вотъ сущность нашего вопроса. Но поскольку и этотъ случай выказываетъ маловѣріе ученика Господа, постольку и онъ является урокомъ, даннымъ для вѣры, по крайней мѣрѣ для утвержденія ея, для, такъ сказать, опытнаго познанія силы и значенія какъ твердой непоколебимой вѣры, такъ и сомнительнаго малодушія, и поскольку само потопленіе и слѣдующее за нимъ спасеніе Петра могутъ быть разсматриваемы точно такъ же, какъ чудеса, поскольку и они представляютъ примѣръ чуда не по вѣрѣ, а изъ милости Господа въ виду вѣры и для нея.

Во всякомъ случаѣ, если даже допустить, что въ двухъ послѣднихъ случаяхъ, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ вышеуказанныхъ, чудо зависитъ отъ вѣры, все-таки все это будутъ лишь отдѣльные случаи этого рода, на основаніи которыхъ никакъ нельзя вывести такого общаго положенія, которое бы исключало возможность другого рода случаевъ, т. е. такихъ, при которыхъ бы вѣра была слѣдствіемъ чуда, а не чудо—вѣры. Если что и можно будетъ сдѣлать въ такомъ случаѣ относительно выше полученнаго нами положенія, что многія чудеса были совершены для вѣры, то лишь сохранить частный характеръ этого положенія, не превращая его изъ частнаго въ об-

щее, т. е. признать, что не всё чудеса имѣютъ исключительною цѣлю возбужденіе вѣры, что при совершеніи ихъ эта цѣль иногда отсутствуетъ, иногда соединяется съ другими побужденіями (напр. Мар. I, 41). Во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что возбужденіе вѣры — одна изъ главнѣйшихъ цѣлей большинства чудесъ.

§ 6. Закончимъ изслѣдованіе относительно цѣли чудесъ разборомъ того вопроса, отчего Господь не рѣдко запрещалъ говорить о совершенныхъ Имъ чудесахъ. Такъ напр. Марк. I, 44. Онъ говоритъ исцѣленному отъ проказы: „смотри, ни кому ничего не говори; но поди покажись священнику и принеси за очищеніе твое, что повелѣлъ Моисей, во свидѣтельство имъ“. Тоже мы видимъ Матт. IX, 30; XVII, 9; Мар. I, 25, 34; (44); III, 12, V, 40; 43; VII, 36; VIII, 26. 30; Лук. IV, 41; V, 14.— Казалось бы, если чудо было средствомъ для возбужденія вѣры, свидѣтельствомъ божественнаго посланничества Господа, то зачѣмъ было ихъ скрывать? Чѣмъ скрывать, не лучше ли бы ихъ и не творить? Но прежде всего замѣтимъ относительно этого, что Господь не вездѣ и не всегда запрещалъ говорить о чудѣ, во множествѣ другихъ случаевъ Онъ не говоритъ относительно этого ничего; а иногда поступаетъ совершенно обратно: не только не запрещаетъ, но велитъ рассказать. Такъ Марк. V, 19. Онъ посылаетъ исцѣленнаго бѣсноватаго отъ Себя, хотя тотъ хотѣлъ остаться при Немъ, говоря: „иди домой къ своимъ и расскажи имъ, что сотворилъ съ тобою Господь и какъ помиловалъ тебя“. Такимъ образомъ запрещеніе говорить о чудѣ нельзя считать какимъ либо общимъ правиломъ Господа, а отсюда видно, что если въ иныхъ случаяхъ Онъ запрещаетъ говорить, то на это были какія либо причины, очевидно, лежавшія не въ самомъ чудѣ и его цѣли, какъ такихъ (иначе бы вездѣ запрещалъ), но въ постороннихъ обстоятельствахъ. И если вникнуть въ обстоятельства какъ того или другого отдѣльнаго случая, такъ и всей жизни Господа, то многое окъ-

жется здѣсь весьма легко объяснимымъ изъ чисто-практическихъ цѣлей. Возьмемъ ли указанный случай запрещенія, — оказывается, что оно было именно обусловлено такими цѣлями: прокаженный долженъ былъ по закону показаться священникамъ, но высшіе представители священства были сильно вооружены противъ Господа, и изъявленіе при нихъ исцѣленнымъ вѣры или лишь хорошихъ мнѣній о Господѣ доставило бы ему не мало неприятностей; легко могло случиться, что его не признали бы даже здоровымъ и не сняли бы запрещенія жить въ общеніи съ другими людьми. Не принеся никому пользы, рассказъ о чудѣ могъ служить лишь къ безвременному и напрасному возбужденію злобной ненависти противниковъ Господа, что еще не могло быть въ цѣляхъ Его. А что эта ненависть уже была, видно изъ слѣдующаго стиха (45): „А онъ (исцѣленный) вышедши началъ провозглашать и рассказывать о происшедшемъ, такъ что Іисусъ не могъ уже явно пройти въ городъ, но находился внѣ, въ мѣстахъ пустынныхъ“. И такъ вотъ какое слѣдствіе произвело разглашеніе чуда: Господу нельзя стало и въ городъ войти явно — ὄσπερ μὴκέτι αὐτὸν δύνασθαι φανερῶς εἰς πόλιν εἰσελθεῖν. И замѣьте: евангелистъ говоритъ не то, что Ему нельзя было войти незамѣченнымъ, что было бы понятно, — нѣтъ, какъ разъ на оборотъ: Ему явно стало нельзя идти, пришлось скрываться. Евангелистъ не разъясняетъ частіе почему это, но, очевидно, нельзя же видѣть причину во множествѣ пришедшаго къ Нему народа, (на основаніи словъ: „и приходили къ Нему отовсюду“) какъ будто этотъ послѣдній загородилъ дорогу, не давая пройти. Причину слѣд. можно полагать лишь или въ ненависти фарисеевъ и другихъ противниковъ Господа, пришедшихъ въ особенное возбужденіе по случаю сильнаго распространенія славы Его, или въ несвоевременномъ возбужденіи народа, легко могшаго начать беспорядки, съ цѣлію осуществить свои любимыя мысли относительно такъ желаннаго и давно ожидавшагося царства Мессіи, попытаться провозгласить Господа ца-

ремъ, какъ это мы видимъ въ другомъ случаѣ, гдѣ Господь точно также уклоняется отъ подобнаго намѣренія *).

При томъ нужно имѣть въ виду, что евангелисты далеко не вездѣ и не всегда пересказываютъ тѣ или другія событія во всей ихъ полнотѣ, со всѣми даже посторонними обстоятельствомъ, стоявшими лишь въ отдаленной связи съ первыми, но которыя нерѣдко бываютъ необходимы для уясненія той или иной стороны событія для насъ. Поэтому весьма естественно, что въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ у насъ не найдется положительныхъ данныхъ для рѣшенія, почему и что имѣя въ виду, Господь говорилъ то, а не иное, пошелъ туда, а не въ другую сторону, вообще поступалъ такъ, а не иначе. При всемъ томъ наконецъ нельзя упускать совершенно изъ виду и чисто человѣческую сторону въ дѣйствіяхъ Господа: учившій не искать славы и творить добро въ тайнѣ, самъ первый долженъ былъ подавать примѣръ;—что страннаго поэтому, что тамъ, гдѣ это не препятствовало Его главной цѣли и славы Его Отца, Онъ руководился этими послѣдними доводами смиренія, дѣйствуя какъ человѣкъ? Какъ бы то ни было, но ни Господь, ни евангелисты не говорятъ о цѣли и поводахъ запрещенія, вообще стремленія *μη φανερον αυτον ποιησωσι* и слѣд. по крайней мѣрѣ ничего опредѣленнаго изъ самыхъ запрещеній вывести нельзя. Но что Господь все-таки не имѣлъ въ виду скрывать чудеса, какъ такія,—иначе зачѣмъ было и творить?—это, въ виду Его же собственныхъ дѣйствій—прямо противоположнаго характера и всѣхъ доселѣ разсмотрѣнныхъ нами

---

*) Подобныя же мудрыя цѣли практическаго характера заставляли Господа запрещать говорить по крайней мѣрѣ до времени, и о многомъ другомъ. Такъ Онъ не только запрещаетъ нечистымъ духамъ говорить, что они знаютъ Его, что Онъ Сынъ Божій, но запрещаетъ говорить это ученикамъ и Петру, у котораго Самъ Онъ вызвалъ признаніе, что Онъ Сынъ Бога живаго, которое Самъ же похвалилъ и утвердилъ какъ истину, изшедшую отъ Самого Отца. Равно запрещаетъ до времени говорить о преображеніи. Почему это, прекрасно объясняется у св. Златоуста бес. LIV на Матѣ.

мѣсть, несомнѣнно. Чудо было прежде всего свидѣтельствомъ Его достоинства, какъ Мессіи, знаменіемъ Его божества (Марк. XVI, 17, 20) имѣло цѣлю привести къ вѣрѣ въ Него и пославшаго Его Небеснаго Отца, являясь лишь другою стороною Его проповѣди—говоря устами, Онъ говорилъ не менѣе сильно и убѣдительно и дѣлами, и потому чудотвореніе, по Его же собственнымъ словамъ у Іоанна, было Его дѣломъ, такъ сказать одною изъ обязанностей, возложенныхъ на Него Отцемъ; стараться скрывать ихъ, значило поэтому стараться скрыть проявленіе славы Отчей.

в) Чудеса по представленію Евангелія Св. Іоанна.

§ 1. Съ еще болѣею силою и яркостью выступаетъ эта главная характеристическая черта чудесъ, какъ знаменій, въ Евангеліи св. Іоанна. Относительно ихъ цѣли,—доказательства истины Своихъ словъ и божественнаго достоинства—Самъ Господь представляется здѣсь высказывающимся очень ясно: „дѣла, говоритъ Онъ, которыя Отецъ далъ Мнѣ совершить, самыя дѣла сіи, Мнѣю творимыя, свидѣлствуютъ о Мнѣ, что Отецъ послалъ Меня“ (V, 36). Равно и въ другомъ мѣстѣ, когда Іудеи просили Господа сказать прямо: Онъ ли Христосъ?—Онъ говоритъ имъ: „Я сказалъ вамъ, и не вѣрите; дѣла, которыя творю Я во имя Отца Моего, они свидѣлствуютъ о Мнѣ. Но вы не вѣрите“ (X, 25, 26). Какъ взятыя сами по себѣ, такъ и по связи рѣчи оба мѣста, очевидно, выражаютъ мысль о томъ, что чудеса—явные доказательства божественнаго посланничества Господа.

Тоже и при такихъ же обстоятельствахъ говорится и ниже: на обвиненіе въ богохульствѣ въ виду того, „что Онъ называлъ Себя Сыномъ Божиимъ“, Господь отвѣчаетъ: „Если Я не творю дѣлъ Отца Моего,—не вѣрьте Мнѣ“—„если творю: то, когда не вѣрите Мнѣ, вѣрьте дѣламъ Моимъ“ ст. 37, 38. Тоже XIV, 10, 11; III, 2 (Никодиму Господь не возражаетъ).

Наконецъ, тоже высказываютъ и слѣдующія слова: „Если бы Я не пришелъ и не говорилъ имъ; то не имѣли бы грѣха: а теперь не имѣютъ извиненія во грѣхѣ своемъ... Еслибы Я не сотворилъ между ними дѣлъ, какихъ никто другой не дѣлалъ, то не имѣли бы грѣха“ XV, 23—24. Тоже IV, 48.

Едва ли кто подвергнетъ сомнѣнью смыслъ всѣхъ этихъ словъ. Что здѣсь подъ словомъ „дѣла“ — ἔργα — разумѣются чудеса, это видно изъ опредѣленія ихъ, — это такія дѣла „какихъ никто другой не дѣлалъ“; если жъ то, чего никто другой не могъ бы сдѣлать, не чудо, то что же и гдѣ оно? Равно и въ другихъ мѣстахъ чудеса прямо называются дѣлами Господа, какъ это видно изъ IX, 1—7: здѣсь Господь прямо называетъ чудеса дѣлами посланнаго Его, которыя Ему нужно дѣлать, пока день. Согласно съ этимъ взглядомъ на цѣль и значеніе чудесъ, какъ доказательствъ, св. Іоаннъ въ большинствѣ случаевъ и называетъ ихъ знаменіями — σημεῖον, иначе знаками, признаками божественной силы. Равно и во всѣхъ описаніяхъ самыхъ чудесъ вездѣ они оказываются не слѣдствіями вѣры *), а средствами для нея, причиною ея; при чемъ нерѣдко исполнено и опредѣленно видна ихъ цѣль — возбудить вѣру; — цѣль высказываемая Самимъ Господомъ.

Не считая нужнымъ, особенно въ виду подробности разбора чудесъ въ первыхъ трехъ Евангеліяхъ, слишкомъ долго останавливаться на чудесахъ, описываемыхъ въ послѣднемъ Евангеліи, такъ какъ все сказанное выше, всѣ употребленные тамъ приемы и разъясненія исполнѣ могутъ быть примѣнимы и здѣсь всякимъ желающимъ и безъ лишнихъ повтореній съ нашей стороны; обратимъ лишь вниманіе на то, что здѣсь при чудесахъ (за исключеніемъ IV, 48) мы не видимъ не только вѣры, но даже, по большей части нѣтъ и вопроса относительно ея. Такъ въ

---

*) Единственное, если не ошибаемся, мѣсто ставящее вѣру, какъ уже проявленную, условіемъ чуда XIV, 12, относится къ чудотворенію самими вѣрующими.

Канѣ Галилейской (II, 1—11) вѣрить развѣ лишь сама Матерь Господа, — по ей-то на первый разъ и отказывается; — большинство же другихъ не знаетъ и о намѣреніи Господа совершить чудо, а распорядитель пира и послѣ совершенія чуда дивится и укоряетъ жениха, что „онъ хорошее вино сберегъ доселѣ“. И все это естественно: это было первое знаменіе (ст. 11), первое явленіе „славы“ Господа (ἐφανέρωσε τὴν δόξαν αὐτοῦ) и такъ какъ для предварительной вѣры не было и данныхъ, то Господь ея и не требуетъ (что согласно вообще съ Его взглядами (наприм. XV, 23—24) *). Понятенъ и отвѣтъ Его Матери: „что Мнѣ и Тебѣ, жено?“ Она, судя по связи рѣчи, хотя и убѣждена была въ возможности чуда, чему конечно были и данныя, ибо она не могла не знать, что Онъ Мессія, — но видѣла въ немъ не дѣло Божіе, не средство для вѣры, а лишь средство для мірскихъ нуждъ. Но Господь не такъ смотритъ на чудо; для Него чудо — это дѣло Его для явленія славы Его, Его божественнаго достоинства, а такъ какъ этому еще не пришло время (ст. 4), то Онъ и отказывается творить чудо. Впрочемъ самыя слова Богоматери: „вина нѣтъ у нихъ“, отдѣльно взятыя, еще не говорятъ за ея вѣру, — они, какъ то и дѣлается нѣкоторыми, могутъ быть равно приняты и за намекъ на то, что пора идти домой и не стѣснять хозяевъ пира; что въ означенныхъ словахъ была надежда на чудо, это можно вывести лишь изъ отвѣта Господа ст. 4, который впрочемъ при нерѣдко замѣчаемомъ у Господа способѣ пользоваться малѣйшими поводами въ качествѣ примѣра, образа чего либо высшаго можетъ быть объясненъ и помимо указаннаго предположенія, т. е. наприм. такъ, что Господь на предложеніе идти домой отвѣчаетъ: не пришелъ часъ, т. е. идти домой, ибо Онъ былъ намѣренъ сотворить чудо. — Итакъ здѣсь мы видимъ чудо безъ вѣры; лишь вслѣдствіе его „увѣровали“ въ Господа „ученики Его“ (ст. 11). Относительно бесѣды съ

*) Особенно это увидимъ ниже.

самарянокъ, въ которой объявленіе Господомъ, что Онъ знаетъ все прошлое говорящей съ Нимъ женщины, можетъ разсматриваться также, какъ чудо, нельзя не замѣтить, что какъ, съ одной стороны, здѣсь чудо не вызывается вѣрою, а вызываетъ ее, такъ, съ другой, оно не употребляется на нужды житейскія, хотя бы то законныя и естественныя, — Тотъ, Кто могъ насытить пятью хлѣбами тысячи, утомленный дорогою — *ἡξοπιμαῶς ἐκ τῆς ὀδοπορίας* — мучимый жаждою, зноимъ, предпочитаетъ сидѣть въ полдень у колодца и ждать, пока пошедшіе въ городъ за покупкой пищи не принесутъ Ему что либо подкрѣпить силы, чѣмъ употребить не на дѣло Божіе свою чудодѣйственную силу. — Ясно, что чудо было дѣломъ Его служенія какъ Мессіи имѣло особыя цѣли, оттого-то гдѣ не могло быть этихъ особыхъ цѣлей для чуда, его и не было. Равно Господь не спрашивалъ вѣры, но только желанія быть здоровымъ при исцѣленіи 38-лѣтняго расслабленнаго V, 6. Также нѣтъ рѣчи о вѣрѣ ни при насыщеніи пятью хлѣбами пяти тысячъ VI, 5—14, ни при хожденіи по водамъ VI, 16—21, ни при исцѣленіи слѣпорожденнаго IX, 1—7.

Подобное видимъ въ исцѣленіи сына царедворца (IV, 46—53): хотя просьба его и предполагаетъ вѣру, которая, очевидно, имѣла для себя данныя (ст. 46), тѣмъ не менѣе невозможность вѣры безъ чудесъ признается самимъ Господомъ: „вы не увѣруете“, говоритъ Онъ, „если не увидите знаменій и чудесъ“ — *ἐὰν μὴ σφραῖα καὶ τέρατα ἴδῃτε, οὐ μὴ πιστεύσητε.* — И самое чудо является какъ бы по поводу этого соображенія, какъ дѣло необходимости со стороны Господа, которая, какъ естественная, не возбуждаетъ и ни какихъ порицаній.

Разсмотримъ, наконецъ, чудо воскрешенія Лазаря. Когда Лазарь заболѣлъ, сестры его послали сказать Господу: „вотъ кого Ты любишь, боленъ. Исусъ, услышавъ то, сказалъ: эта болѣзнь не къ смерти, но къ славѣ Божіей, да прославится чрезъ нея Сынъ Божій“. Итакъ видимъ, что Господу впередъ все было

извѣстно.— „Иисусъ же любилъ Марю и сестру ея и Лазаря“, но не смотря на это „когда... услышалъ, что онъ былъ болѣнъ, то пребылъ два дня на томъ мѣстѣ, гдѣ находился“. Оказывается, одна любовь и состраданіе не въ силахъ были сами по себѣ подвигнуть Господа на исцѣленіе; напротивъ Онъ какъ будто бы выжидаетъ смерти любимаго Имъ Лазаря, показывая, что главная и высшая цѣль чудесъ—вѣра. Оттого-то когда Лазарь умеръ, Онъ, идя къ нему, не смотря на предостереженіе учениковъ относительно опасности со стороны Іудеевъ (XI, 8), съ намѣреніемъ воскресить усопшаго, говоритъ ученикамъ: „И радуюсь за васъ, что Меня не было тамъ, дабы вы увѣровали, но пойдѣмъ къ нему“. А что ученики слишкомъ еще недалеко бы и въ вѣрѣ, показываетъ отвѣтъ на это Оомы: „пойдемъ и мы умремъ съ нимъ“,—его, очевидно, прежде всего страшила ярость іудеевъ и онъ за нею забывалъ все остальное.

Равно не видно вѣры и со стороны сестеръ Лазаря. Что Господь могъ исцѣлить больнаго, что Онъ—Мессія,—этому онѣ вѣрятъ ст. 21, 27, 32, 37, но чтобы Господь могъ воскресить четверодневнаго, начавшаго уже разлагаться мертвеца, этому плохо вѣрила и самая Марѳа, сказавшая Господу: „и теперь знаю, что чего Ты попросишь у Бога, дастъ тебѣ“, даже она на повелѣніе отвалить камень говоритъ: „Господи, уже смердитъ; ибо четыре дня, какъ онъ во гробѣ“. И между тѣмъ чудо совершенно. А какая была цѣль его, это, помимо всего другого, видно изъ самой молитвы Господа предъ совершеніемъ чуда, именно за тѣмъ и произнесенной видимо и слышимо, чтобы всѣ повѣрили, что Онъ Сынъ Божій: „Отче! благодарю Тебя, что Ты услышалъ Меня, говоритъ Господь, Я и зналъ, что Ты услышишь Меня, но сказалъ сіе для народа, здѣсь стоящаго, чтобы повѣрили, что Ты послалъ Меня“ ст. 41, 42.—Все: и чудо, и молитва, и ожиданіе смерти, и предсказаніе будущаго (ст. 4)—все служитъ одной цѣли: возбудить и укрѣпить вѣру; все другое, какъ-то: любовь, состраданіе является лишь приходящимъ.

§ 2. Но гдѣ какое чудо не могло заставить свидѣтелей признать Господа Сыномъ Божиимъ, тамъ естественно Онъ отказывалъ въ чудѣ, и не только въ чудѣ, а не говорилъ прямо и того: Онъ ли Христосъ? Такъ это мы видимъ въ гл. II, 18—25; VI, 30. Относительно перваго случая можно сказать тоже, что сказано относительно его выше по поводу Матѳ. XII, 38—45. Относительно втораго приведемъ слова самого Господа: „вы ищите Меня“, говорить Онъ, „не потому, что видѣли чудеса, но потому, что ѣли хлѣбъ и насытились“. Но творить чудеса лишь для этого, или для пустаго любопытства не входило въ намѣреніе Господа. Относительно же вѣры здѣсь не могло быть рѣчи: если они не вѣрили въ виду у всѣхъ ихъ на глазахъ совершеннаго насыщенія пяти тысячъ пятью хлѣбами, то очевидно не повѣрили бы и ни чему. Оттого же Господь не говоритъ даже прямо и того, что Онъ Мессія; на вопросъ іудеевъ: „долго ли Тебѣ держать насъ въ недоумѣніи?—*ἕως ποῦτε τὴν ψυχὴν ἡμῶν αἰρεῖς;*—Если Ты Христосъ, скажи прямо,—Иисусъ отвѣчалъ имъ: Я сказалъ вамъ и не вѣрите: дѣла, которыя Я творю во имя Отца Моего, они свидѣтельствуютъ о Мнѣ. Но вы не вѣрите“ X, 24—26.—Господь не скрывался и не отказывалъ въ знаменіяхъ, гдѣ то было нужно и полезно; но Онъ, какъ видимъ, Самъ говорить, что отказываетъ тамъ, гдѣ бесполезно.

А что это дѣйствительно такъ, то мы знаемъ, что даже воскресеніе Лазаря дало нѣкоторымъ поводъ идти и сказать о томъ фарисеямъ, которые стали совѣщаться, какъ бы погубить Иисуса (XI). Тоже видимъ въ исцѣленіи слѣпорожденнаго (IX). И въ самомъ разбираемомъ случаѣ видимъ, что послѣ словъ Господа: „Я и Отець одно“... опять—даже опять!—„іудеи схватили каменья, чтобы побить Его“ ст, 31. Тоже повторяется и въ стихѣ 39 *).

---

*) Словомъ, не считая нужнымъ повторяться, желающихъ отсылаемъ къ самымъ рѣчамъ Господа и іудеевъ см. гл. VIII—X.

Подобныя же причины заставляли Господа и вообще скрываться, какъ видно изъ VII, 1, 10, 13; VIII, 59; X, 39. Иногда сюда присоединялись и другія, хотя невинныя, но все-таки не входившія въ намѣреніе Господа, стремленія іудеевъ, какъ напр. желаніе сдѣлать Его царемъ послѣ насыщенія пяти тысячъ VI, 15.

Итакъ оказывается, что чудеса и по еванг. Іоанна имѣли цѣлю возбуждать вѣру, каковая цѣль была настолько существенною, настолько, такъ сказать, давала имъ смыслъ и поводъ, что гдѣ не было надежды возбудить ее, тамъ не было и чудесъ.

γ) Чудеса по представленію остальныхъ книгъ Новаго Завѣта.

Что касается остальныхъ книгъ св. Писанія Новаго Завѣта, то относительно вопроса о цѣли и значеніи чудесъ данныя можно находить почти въ одной лишь книгѣ „Дѣяній св. Апостоловъ“;—все остальное—всѣ посланія апостольскія и Апокалипсисъ не представляютъ даже пяти мѣстъ, относящихся къ этому вопросу. Поэтому въ основу изслѣдованія мы и положимъ книгу „Дѣяній“; мѣста же другихъ книгъ рассмотримъ въ связи съ ея данными. Здѣсь—въ разказахъ книги „Дѣяній св. Апостоловъ“,—нельзя не замѣтить прежде всего того, что чудеса на дѣлѣ ведутъ за собою вѣру. Такъ исцѣленіе св. Петромъ храма при храмѣ (III гл.) сдѣлалось поводомъ ихъ проповѣди и такимъ свидѣтельствомъ, противъ котораго не могъ ничего возразить даже озлобленный на апостоловъ синедрионъ (ст. 16). Равно въ Самаріи народъ единодушно внималъ тому, что говорилъ Филиппъ, слыша и видя, какія онъ творилъ чудеса VIII, 6. Равно чудесное видѣніе Господа Іисуса Савлу на дорогѣ въ Дамаскъ (IX) превратило суроваго гонителя Церкви въ ревностнаго проповѣдника содержимой ею истины.

Также проконсуль, слушавшій проповѣдь св. Павла, увидѣвъ происшедшее по слову апостола, ослѣпленіе волхва, увѣровалъ XIII, 12 Тоже видимъ II, 43; V, 1—11, 12—16; XVI, 23—34; XIX, 11—20. И это (вѣра) не только не случайное дѣйствіе чудеса, но какъ разъ напротивъ: мы видимъ, — сами Апостолы считаютъ чудеса доказательствами, ссылаясь на нихъ въ подтвержденіе истины, какъ то напр. дѣлаетъ св. Петръ, называя Господа мужемъ засвидѣтельствованнымъ знаменіями и чудесами—*ἄνδρα ἀπὸ τοῦ Θεοῦ ἀποδείκνυμένον* *) *εἰς ὑμᾶς δυνάμεσι καὶ τέρασι καὶ σημεῖσι* II, 32.

Тоже видимъ на апостольскомъ соборѣ: здѣсь все собраніе молча слушаетъ повѣствованіе Павла и Варнавы о знаменіяхъ и чудесахъ (*σημεῖα καὶ τέρατα*), совершенныхъ Богомъ чрезъ нихъ у язычниковъ (XV, 12), очевидно, считая ихъ доказательствами милости Божіей къ язычникамъ и изволенія Вышняго спасти и язычниковъ, не слѣдующихъ обрядамъ Моисеева закона. Подобное же видимъ въ посланіи къ Галатамъ: здѣсь апостоль ссылается на чудеса, какъ на доказательства истины вѣры Христовой, силою которой они производятся. „О, несмысленные Галаты“! читаемъ мы здѣсь—„кто прельстилъ васъ не покаяться истинѣ... Сіе только хочу знать отъ васъ: чрезъ дѣла ли закона вы получили Духа, или чрезъ наставленіе въ вѣрѣ?... Подающій вамъ Духа и Совершающій между вами чудеса чрезъ дѣла ли закона сіе производитъ, или чрезъ наставленіе въ вѣрѣ“? (Гал. III, 1—5). Въ частности воскресеніе Господа представляется доказательствомъ. Такъ въ рѣчи къ аѳинянамъ апостоль Павелъ говоритъ о Господѣ Иисусѣ, что Богъ Отець опредѣлилъ Его быть судьей міра, *πίστιν παρὰ ὅλων πᾶσιν ἀναστήσας αὐτὸν ἐκ νεκρῶν* **) (Дѣян. XVII, 31). Какъ видимъ, воскресеніе, по мысли апостола, служитъ доказа-

*) *ἀποδείκνυμι* значить между прочимъ доказываю; въ такомъ смыслѣ употребляется у греческихъ философовъ.

**) Подавъ удостовѣреніе всѣмъ, воскресивъ Его изъ мертвыхъ.

тельствомъ, порукою относительно личности Господа и слово πίστις, вполне справедливо передаваемое по русски словомъ „удостовереніе“, имѣеть здѣсь не значеніе даже чего то субъективнаго, а объективнаго ручательства, завѣренія, залога (въ эти значенія слово πίστις, какъ мы уже видѣли, дѣйствительно имѣеть въ греческомъ языкѣ), ибо выражаніе: πίστιν παρασχών, имѣи въ виду особенности значенія этого оборота по гречески, нельзя переводить даже „доставивъ увѣренность“, „породивъ вѣру“, а именно нужно перевести: „доставивъ удостовѣреніе, поруку, залогъ, ручательство“ *). Согласно такому взгляду на чудеса, мы и видимъ, въ разсказахъ книги Дѣяній о чудесахъ послѣднимъ по большей части не предшествуетъ вѣра, а развѣ лишь сопровождаетъ ихъ. Такъ при исцѣленіи хромага при входѣ въ храмъ о вѣрѣ его въ возможность исцѣленія не могло быть и рѣчи потому уже, что онъ даже не говорилъ объ этомъ ни слова апостоламъ, прося не исцѣленія, а милостины (III гл.). Подобное видимъ въ исцѣленіи Петромъ

---

*) Таже мысль видна и у ап. Петра; и у него самое воскресеніе и слава Господа, повидимому, считаются средствами для вѣры. Такъ, въ 1 посл. I, 21 апостоль говоритъ, что Богъ „воскресилъ“ Его (Христа) изъ мертвыхъ и далъ Ему славу, чтобы вы имѣли вѣру и упованіе на Бога—хотя собственно буква греческаго текста и не даетъ непременно такого значенія указаннымъ словамъ: выраженіе ὥστε τῆν πίστιν ὑμῶν καὶ ἐλπίδα εἶναι εἰς τὸν Θεόνъ можно перевести и болѣе буквально: такъ что явилась вѣра ваша и надежда на Бога. Въ послѣднемъ случаѣ воскресеніе и слава Господа точно также является условіемъ вѣры, но въ какомъ отношеніи? Въ томъ ли, что, какъ говорить ап. Павелъ, если бы Христосъ не воскресъ, то тщетна была бы и вѣра наша, т. е., другими словами, не чему было бы вѣрить и не на что надѣяться, такъ какъ воскресеніе и прославленіе Господа были вмѣстѣ побѣдою надъ діаволомъ и завершеніемъ дѣла искупленія, или въ томъ, что воскресеніе и прославленіе были данными для убѣжденія въ истинности христіанства вообще? Воскресеніе и прославленіе здѣсь являются основаніемъ вѣры и надежды, безъ котораго они были бы невозможны, но какимъ: объективнымъ, или лучше реальнымъ, лежащимъ въ существѣ вещи, или субъективнымъ, имѣющимъ значеніе для насъ, для нашего убѣжденія, какъ такового? Если понимать слова въ первомъ смыслѣ, то конечно они ничего не будутъ говорить относительно нашего вопроса. Впрочемъ и то и другое пониманіе, равно какъ и совмѣщеніе обоихъ будутъ вполне согласно какъ съ Писаніемъ вообще, такъ и съ словами ап. Петра

Энея въ Лиддѣ (IX, 32—35)—о чьей либо вѣрѣ или просьбѣ здѣсь нѣтъ и рѣчи. Тоже IX, 1—9; XVI, 16—19. Правда мы видимъ въ „Дѣянiяхъ“ не мало и такихъ чудесъ—особенно если сюда причислить явленiя, видѣнiя ангеловъ, или Самого Господа, или образовъ, служащихъ вразумленiю (какъ напр. видѣнiе св. Петру X, 10,—16 или Павлу XVI, 9)—которыя, не служа непосредственными данными, поводами, доказательствами для вѣры, были лишь дѣйствiями божественнаго Промысла о Церкви вообще [какъ напр. освобожденiе ап. Петра изъ темницы, и тѣмъ самымъ избавленiе отъ предстоящей, несвоевременной смерти, не входившей, такъ сказать, въ намѣренiя Вышняго XII, 1—19 (подобное видимъ V, 17—26)], споспѣшествовали дѣлу распространенiя проповѣди и Церкви вообще. Но все это, какъ мы уже имѣли случай говорить, несколько не противорѣчитъ тому, что чудеса въ большинствѣ случаевъ были непосредственными данными для возбужденiя и подтвержденiя вѣры,—что солнце свѣтитъ, это не противорѣчитъ тому, что оно и грѣетъ; или что вода обыкновенно служитъ для утоленiя жажды—тому, что она иногда можетъ употребляться и для омовенiя. Точно также ничего не говоритъ и тотъ случай, гдѣ св. Петръ воскрешаетъ IX, 36—41 Тавиоу по просьбѣ и слѣд. по вѣрѣ христіанъ (οἱ μαθηταί)—Богъ, какъ независтный податель всяческихъ даровъ, не отказываетъ ни въ чемъ, что намъ на пользу и ко благу; здѣсь же чудо могло служить, очевидно, не только утверженiю уже увѣровавшихъ, но и невѣрныхъ, что мы дѣйствительно и видимъ изъ ст. 42 и 43. Тѣмъ болѣе все здѣсь сказанное приложимо къ исцѣленiю св. Павломъ въ Лиддѣ хромого отъ рожденiя XIV, 8—10; хотя св. Павелъ исцѣляетъ его, ἰδὼν, ὅτι κίστυ ἔχει τοῦ σωθῆναι *) ст. 9, тѣмъ не менѣе слѣдствiе этого исцѣленiя таково, что имъ пораженъ не только самъ ис-

---

*) Увидѣвъ, что онъ имѣетъ вѣру для полученiя исцѣленiя.

цѣленный, но все видѣвшіе до того, что, принявъ Павла и Варнаву за боговъ въ человѣческомъ образѣ, они немедленно ведутъ увѣнчанныхъ быковъ для жертвоприношенія апостоламъ. Такимъ образомъ и остальные книги св. Писанія Новаго Завета смотрятъ на чудеса, какъ на доказательства истины, хотя это и не исключаетъ мысли о предосторожности при видѣ самыхъ чудесъ, которыя могутъ иногда исходить и не отъ Бога и приводиться въ подтвержденіе лжи. Такъ въ Апокалипсисѣ XIII, 13—15 читаемъ, что второй, вышедшій изъ земли, звѣрь „творитъ великія знаменія, такъ что и огонь сводитъ съ неба на землю предъ людьми. И чудесами, которыя дано было ему творить предъ звѣремъ“ (первымъ), „онъ обольщаетъ живущихъ на землѣ, говоря живущимъ на землѣ, чтобы они сдѣлали образъ звѣря, который имѣетъ рану отъ меча и живъ. И дано ему было вложить духъ въ образъ звѣря, чтобы образъ звѣря и говорилъ, и дѣйствовалъ такъ, чтобы убиваемъ былъ всякій, кто не будетъ поклоняться образу звѣря“. Тоже XIII, 3; XVI, 14; XIX, 20. И тѣмъ не менѣе по гл. XIV, 9—11 летящій среди неба Ангель говоритъ „громкимъ голосомъ: кто поклоняется звѣрю и образу его, и принимаетъ начертаніе на чело свое, или на руку свою, тотъ будетъ пить вино ярости Божіей, вино цѣльное, приготовленное въ чашѣ гнѣва Его, и будетъ мучимъ въ огнѣ и сѣрѣ предъ святыми ангелами и предъ Агнцемъ, и дымъ мученія ихъ будетъ восходить во вѣки вѣковъ“. Но если мысль о томъ, что чудеса вообще служатъ доказательствами истины, не исключаетъ мысли, что могутъ быть и ложныя чудеса, то и послѣдняя мысль, очевидно не исключаетъ первую, а потому и это послѣднее мѣсто, очевидно, не можетъ опровергнуть всего нашего вывода относительно ученія св. Писанія о чудесахъ. Для могущихъ впасть въ сомнѣніе по поводу только что приведеннаго мѣста наполнимъ во первыхъ, что таже мысль о ложныхъ чудесахъ въ послѣдніе дни міра высказывается и въ рѣчахъ самого Господа Мате. XXIV, 4

и у ап. Павла 2 Тесс. II, 9—12, между тѣмъ какъ и самъ Господь и ап. Павелъ, какъ мы видѣли, считаютъ вообще чудеса доказательствами истины. Во вторыхъ надо всегда помнить, что Богъ не попускаетъ намъ искустись сверхъ силъ (1 Кор. X, 13) и что слѣд. мы всегда, если захотимъ, будемъ имѣть возможность отличить истинное чудо отъ ложнаго, а также и то, что самое заблужденіе, вѣра въ ложь попускается по слову св. Павла лишь „погибающимъ за то, что они не приняли любви истины для своего спасенія“, какъ бы въ должное возмездіе за ихъ сознательное противленіе и ненависть къ истинѣ.

в) Иного рода доказательства истинъ вѣры, представляемая намъ Св. Писаніемъ.

§ 1. Но, какъ ни велика доказательная сила чудесъ, они далеко не единственныя средства, которыми пользовались какъ Самъ Господь, такъ и Его вѣрные служители, для доказательства истинности своего ученія, — вообще всего того, чему они призывали вѣрить. Будучи Самъ истиннымъ человѣкомъ по душѣ и по тѣлу и имѣя дѣло съ людьми, Господь нашъ не чуждался ничего человѣческаго, лишь бы оно было добро и вело къ благой цѣли, и пользовался всеми обычными человѣческими способами убѣжденія, разъясненія, доказательствъ. Такъ же поступали и вѣрные служители Господа, изъ среды ли то людей или духовъ. Указаній на это не мало въ св. Писаніи. Такъ въ частности, мы видимъ, Самъ ли то Господь или Его служители доказываютъ:

а) Отъ св. Писанія Ветхаго Завѣта, — того, что было хранилищемъ непререкаемой божественной истины въ глазахъ іудеев. Такъ, когда „приступили къ Нему фарисеи и, искушая Его, говорили Ему: по всякой ли причинѣ позволительно человѣку разводиться съ женою своею? Онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: не читали ли вы, что Сотворившій въ началѣ мужчину и женщину сотворилъ ихъ? И сказалъ: посему оставитъ человѣкъ отца

и мать и прилѣпится къ жонѣ своей, и будутъ два одною плотью, такъ что они уже не двое, а одна плоть. И такъ что Богъ сочеталъ, того человекъ да не разлучаетъ. Они говорятъ Ему: какъ же Моисей заповѣдалъ давать разводное письмо и разводиться съ нею? Онъ говоритъ имъ: Моисей по жестокосердію вашему позволилъ вамъ разводиться съ женами вашими, а въ началѣ не было такъ“ (Матѣ. XIX, 3—8).—Здѣсь мы видимъ какъ приведеніе словъ Писанія, такъ равно и выводъ изъ нихъ (итакъ... ὁ οὖν ὁ Θεὸς συνέζευξεν, ἄνθρωπος μὴ χωριζέτω,—что Богъ сочеталъ, человекъ да не разлучаетъ) и затѣмъ даже указаніе на психологическую основу закона Моисеева, истолкованіе его истинной цѣли и значенія.—Равно и явившись Лукѣ и Клеопѣ, Господь „начавъ отъ Моисея, изъ всѣхъ пророковъ изъяснялъ имъ сказанное о Немъ во всемъ Писаніи“. (Лук. XXIV, 27). Тоже видимъ: Матѣ. IV, 2—11; XII, 1—8; XXI, 12—17; Марк. II, 23—28; X, 2—9; Лук. IV, 1—13; VI, 1—5; XXVI, 43—47; Іоан. V, 45—47; X, 34—36. Доказывая Самъ отъ св. Писанія, Господь призывалъ своихъ слушателей и самихъ изслѣдовать Писаніе въ цѣляхъ найти въ немъ свидѣтельство о Немъ—Господѣ. Такъ Іоан. V, 39. Онъ говоритъ іудеямъ: „испытайте писанія—ἐρευνᾶτε τὰς γραφὰς,—ибо вы думаете чрезъ нихъ имѣть жизнь вѣчную; а они свидѣтствуютъ о Мнѣ“. Подобно Господу поступаютъ и апостолы. Такъ ап. Петръ въ объясненіе чуда дарованія вѣдѣнія языковъ приводитъ пророчество Іоила: „это есть предреченное пророкомъ Іоилемъ“, говоритъ онъ, „и будетъ въ послѣдніе дни, говоритъ Богъ, излію отъ Духа Моего на всякую плоть: и будутъ пророчествовать сыны ваши и дочери ваши, и юноши ваши будутъ видѣть видѣнія, и старцы ваши сновидѣніями вразумляемы будутъ. И на рабовъ Моихъ и на рабынь Моихъ въ тѣ дни излію отъ Духа Моего и будутъ пророчествовать“. Дѣян. I, 16—18. Тоже Дѣян. I, 25, 34; III, 22—26; IV, 11; VII, 1—53; X, 43; XIII, 17--23,

33—37; 41, 47; XV, 16—18; XXVIII, 23. 1 Петр. I, 16, 25; II, 6—10. 2 Петр. I, 19 и др. Подобное видамъ дѣян. XVII, 11: въ Веріи іудеи, услышавъ проповѣдь св. Павла, „приняли слово со всѣмъ усердіемъ, ежедневно разбирая Писанія, точно ли это такъ“—ἀνακρίνοντες τὰς γραφάς, εἰ ἔχοι ταῦτα οὕτως XVII, 11, за что не только не порицаются писателемъ *) Дѣяній, но называются благомысленнѣйшими сравнительно съ жителями Фессалоники—εὐγενέστεροι τοῦ ἐν Θεσσαλονίκῃ. Еслибъ въ частности мы захотѣли указать всѣ мѣста, гдѣ приводятся доводы отъ св. Писанія въ посланіяхъ св. Павла, то намъ пришлось бы занять нѣсколько строчекъ одними указаніями главъ и стиховъ, въ виду чего укажемъ лишь для примѣра на Рим. III, 9—18; IV, 7; вся IX гл. Евр. I, 1; II, 4; прибавивъ, что св. Павелъ не только пользуется св. Писаніемъ Ветхаго Завѣта въ отдѣльныхъ случаяхъ, но и прямо признаетъ его вообще источникомъ вѣдѣнія, могущимъ умудрить человѣка въ дѣлѣ спасенія (2 Тим. III, 14—17) и засвидѣтельствовать истину новозавѣтнаго ученія (Рим. III, 21—23) и даже идетъ еще дальше: не только признаетъ такое значеніе за св. Писаніемъ Ветхаго Завѣта, имѣвшимъ значеніе какъ въ его собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ его слушателей—іудеевъ; но Дѣян. XVII, 28, въ рѣчи своей въ афинскомъ ареопагѣ ссылается въ подтвержденіе своихъ словъ даже на писанія языческихъ поэтовъ, очевидно, имѣвшихъ значеніе лишь въ глазахъ его слушателей—грековъ, а не его самого. Подобное же можно видѣть въ 23 стихѣ той же главы.

β) Указаніемъ на свой собственный опытъ и виѣсть на себя какъ свидѣтелей, и на опытъ своихъ слушателей. Такъ апостолы въ рѣчахъ своихъ—особенно если они направлены къ

---

*) Славянскій переводъ передаетъ слово εὐγενέστεροι, ближе держась первоначальнаго значенія, словомъ „благороднѣйшии“, но связь рѣчи говорить за русскій переводъ, которому мы и слѣдуемъ.

палестинскимъ іудеямъ—обыкновенно, прежде всего, ссылаются на общезвѣстные событія и на самихъ себя какъ свидѣтелей этихъ послѣднихъ, равно какъ и на самихъ іудеевъ, какъ очевидцевъ, которымъ было извѣстно все бывшее съ Господомъ Апостоль Петръ въ рѣчи своей къ іудеямъ въ день пятидесятницы, говоря о Господѣ Иисусѣ, какъ мужѣ, „засвидѣтельствовавномъ знаменіями и чудесами, которыя Богъ творилъ чрезъ Него среди іудеевъ“, прибавляетъ: „какъ и сами знаете“—*καὶ ὅς καὶ αὐτοὶ οἴδατε* II, 22. Равно, говоря о воскресеніи Господа, прибавляетъ: „чему всѣ мы свидѣтели“—*οὗ πάντες ἡμεῖς ἐσμεν μάρτυρες* ст. 32 Тотъ же взглядъ видѣнъ въ Дѣян. I, 21—23; равно Дѣян. I, 8; II, 40; III, 15; IV, 10, 20; V, 32; X, 37—42; XIII, 31; 1 Петр. V, 1, 12; 2 Петр. I, 16—18; 1 Иоан. I, 1; Гал. III, 1—5; 2 Кор. XIII, 3—5.

γ) Непосредственно самымъ дѣломъ. Такъ, чтобъ увѣрить своихъ учениковъ въ своемъ воскресеніи, Господь неоднократно имъ является и, въ самыхъ явленіяхъ (Матѳ. XXVIII, 9, 10; Марк XVI, 9—14; Лук. XXIV, 13—51) видя ихъ недоумѣніе, пользуется всѣми возможными способами увѣренія, не смотря даже иногда на то, что несомнѣнныя данныя для вѣры уже были. Такъ когда, по возвращеніи Луки и Клеопы въ Іерусалимъ, ученики говорили о слышанномъ отъ нихъ явленіи имъ Господа на пути въ Эммаусъ, Господь сталъ по срединѣ ихъ и сказалъ: миръ вамъ. Но такъ какъ „бни, смутившись и утрашившись, подумали, что видятъ духа“, то Онъ говоритъ имъ: „что смущаетесь и для чего такія помышленія входятъ въ сердца ваши? Посмотрите на ноги мои и на руки Мои; Это Я Самъ; осяжите Меня и рассмотрите; ибо духъ плоти и костей не имѣетъ, какъ видите у Меня. И, сказавъ это, показалъ имъ руки и ноги. Когда же они отъ радости еще не вѣрили и дивились, Онъ сказалъ имъ: есть ли у васъ здѣсь какая пища? Они подали Ему часть печеной рыбы и сотоваго

меда. И взявъ, ѣлъ предъ ними. И сказалъ имъ: вотъ то, о чемъ Я вамъ говорилъ, еще бывъ съ вами, что надлежитъ исполниться всему, написанному о Мнѣ въ законѣ Моисеевомъ и въ пророкахъ и въ псалмахъ“ Лук. XXIV, 36—44. Тоже Иоан. XX, XXI; Дѣян. I. 3.

Подобно Господу поступаютъ и служители Его—ангелы; они показываютъ пришедшимъ на гробъ женамъ самый гробъ, пелены, напоминаютъ слова Господа въ доказательство своихъ словъ, что Господь воскресъ и что Его уже нѣтъ болѣе здѣсь—въ гробѣ. Марк. XVI, 6—8; Лук. XXIV, 6. 7.

Сюда можно отнести и предложеніе Господа испытать истинность божественнаго происхожденія ученія Его на дѣлѣ. Иоан. VII, 16, 17. „Мое ученіе не Мое, по пославшаго Меня. Если кто захочетъ творить волю Его, тотъ узнаетъ о семъ ученіи, отъ Бога ли оно, или Я Самъ отъ Себя говорю“. Подобное же видно и въ совѣтѣ апостола Петра христіанамъ жить такъ чтобы самая жизнь служила доказательствомъ истинности содержаемаго ими ученія и склоняла къ нему другихъ 1 Петра III, 1, 2; III, 16.

8) Нагляднымъ представленіемъ истины, пробужденіемъ непосредственнаго сознанія ея.

Обыкновенные приемы рѣчи Господа со множествомъ сравненій, прекрасныхъ образовъ, притчей довольно извѣстны, но Онъ пользуется нерѣдко образною рѣчью не только какъ способомъ нагляднаго, живаго и общедоступнаго изложенія мыслей, но образность рѣчи, въ силу поразительной мѣткости образовъ, наглядно и рѣзко выставляющей въ истинномъ свѣтѣ то, о чемъ говорится, нерѣдко служитъ у Него вмѣстѣ и доказательствомъ. Таково напр. Его обращеніе къ фарисеямъ: „горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемеры, что дадите десятину съ мяты, аниса и тмина, и оставили важнѣйшее въ законѣ: судъ, милость и вѣру; сіе надлежало дѣлать и того не оставлять. Вожди слѣпые, оцѣживающіе комара, а верблюда поглощающіе!“ Матѣ.

XXIII, 23, 24.—Здѣсь сила доводовъ противъ фарисейской праведности основывается на яркомъ освѣщеніи ея, на возбужденіи непосредственнаго, интуитивнаго сознанія добра и истины, таящагося во всякой душѣ и лишь затѣмняемаго привычкой и равнодушіемъ. Подобное видимъ и въ другомъ мѣстѣ. Такъ— въ одну изъ субботъ Господь пришелъ въ синагогу. „Тамъ былъ человекъ, имѣвшій изсохшую руку. И наблюдали, не исцѣлится ли его въ субботу, чтобы обвинить Его. Онъ же говоритъ человеку, имѣвшему изсохшую руку: стань на средину. А имъ говорить: должно ли въ субботу добро дѣлать, или зло дѣлать? душу спасти, или погубить? Но они молчали“, въ силу чего, „возрѣвъ на нихъ съ гнѣвомъ“, Онъ исцѣляетъ больного. Марк. III, 1—5. Очевидно, здѣсь фарисеевъ заставила молчать непосредственная очевидность, явная справедливость дѣйствій Господа: потому то они, несмотря на то, что буква закона, повидимому, была за нихъ, не смѣя противорѣчить Господу и не желая съ Нимъ открыто согласиться, бѣвъ поражены, молчали. Тоже Матт. XXII, 34—40 и Іоан. VIII, 1—11. И это дѣйствіе рѣчей Господа на непосредственное сознаніе Его слушателей было такъ сильно, что апостолы на Его слова: „не хотите ли и вы отойти“? т. е. оставить Господа, говорятъ Ему: „Господи! Къ кому намъ идти? У Тебя глаголы жизни вѣчной“ (VI, 67, 68). Въ другомъ случаѣ слуги, посланные архіереями и фарисеями взять Господа, пораженные Его ученіемъ, возвращаются къ пославшимъ ихъ ни съ чѣмъ, и какъ на причину того, что они не рѣшились сдѣлать насиліе Господу, указываютъ на необыкновенную силу и увлекательность рѣчей Его: „никогда человекъ не говорилъ такъ, какъ этотъ человекъ“, говорятъ они на вопросъ фарисеевъ: „почему вы не привели Его“? Іоан. VII, 44—46.

ε) Обычными пріемами логическаго мышленія: анализомъ понятій, выводомъ однихъ мыслей изъ другихъ и т. п. Такъ Матт. XXVIII, 16—22, Господь говоритъ о фарисеяхъ: „Го-

ре вамъ, вожди слѣпые, которые говорите: если кто покланяется храмомъ, то ничего, а если кто покланяется золотомъ храма, то повиненъ. Безумные и слѣпые! что больше: золото, или храмъ освящающій золото? Также: если кто покланяется жертвенникомъ, то ничего, если же кто покланяется даромъ, который на немъ, то повиненъ. Безумные и слѣпые! что больше: даръ или жертвенникъ, освящающій даръ? И такъ клянущійся жертвенникомъ кланется имъ и всѣмъ, что на немъ; и клянущійся храмомъ, кланется имъ и Живущимъ въ немъ; и клянущійся небомъ, кланется престоломъ Божиимъ и Сидящимъ на немъ“. Что либо прибавлять въ поясненіе этихъ словъ едвали нужно: что ихъ доказательность основывается на анализѣ понятій, ясно само собою. Если отъ понятія „храмъ“ отвлечь то, что онъ есть домъ Божій, мѣсто, назначенное для богослуженія, то останется лишь понятіе зданія, дома и т. п. и больше ничего, храмъ же, какъ такой, исчезнетъ и слѣдовательно чтонибудь одно; или онъ обыкновенный домъ—и тогда клясться имъ бессмысленно, или домъ Божій—и тогда клянущійся имъ кланется Богомъ. Тоже Мате. XX, 15—22.

Далѣе видимъ, Господь не чуждается и другихъ приѣмовъ логики—дѣлаетъ выводы, пользуется закономъ тожества и противорѣчія. Такъ напр. желая посрамить іудейскихъ мудрецовъ, Онъ задаетъ имъ вопросъ, повидимому, запутанный въ противорѣчія: „Что вы думаете о Христѣ“? говоритъ Онъ имъ: „чей Онъ Сынъ? Говорятъ Ему: Давидовъ. Говоритъ имъ: какъ-же Давидъ по вдохновенію называетъ Его Господомъ, когда говоритъ: сказалъ Господь Господу моему; сѣди одесную Меня, доколѣ положу враговъ Твоихъ въ подножіе ногъ Твоихъ? И такъ, если Давидъ называетъ Его Господомъ, то какъ же Онъ Сынъ ому? И никто не могъ отвѣчать Ему ни слова“. Мате. XXII, 42—46. Очевидно, указывая здѣсь на невозможность совмѣщенія въ одной мысли противорѣчивыхъ положеній, Господь тѣмъ самымъ признаетъ значеніе закона тожества и про-

тиворѣчія, а слѣд. и всей логики. Тоже видимъ: Матѳ. XII, 25—31; XXII, 22—33; Марк. III, 23—27; XII, 13—17; 26—27; 35—37; Лук. XX, 20—24; 37—40.

Подобнымъ же образомъ и ап. Петръ, приводя пророчество Давида о воскресеніи: „ибо Ты не оставишь души Моей во адѣ и не дашь Святому Твоему увидѣть тлѣнія“ (Дѣян. II, 27), прежде всего указываетъ, что указанная слова не могутъ быть отнесены къ самому пророку, говоря: „Мужи братія! да будетъ позволено съ дерзновеніемъ сказать вамъ о праотцѣ Давидѣ, что онъ и умеръ и погребенъ и гробъ его у насъ до сего дня“ (ст. 9) и только затѣмъ уже продолжаетъ: „будучи.... пророкомъ и зная, что Богъ съ клятвою обѣщаль ему отъ плода чреслъ его воздвигнуть Христа во плоти и посадить на престолъ его“, онъ, т. е. Давидъ „прежде сказалъ о воскресеніи Христовѣ, что не оставлена душа Его во адѣ и плоть Его не видѣла тлѣнія“ ст. 30, 31. Точно также толкуетъ указанная слова и ап. Павелъ, говоря: „Давидъ въ свое время, послуживъ изволенію Божію, почилъ, и приложился къ отцамъ своимъ, и видѣлъ тлѣніе. А тотъ, котораго Богъ воскресилъ, не видѣлъ тлѣнія“. Дѣян. XIII, 36, 37.

Тоже видимъ у ап. Павла въ 1 Кор. XV, 14—19, гдѣ онъ доказываетъ коринтянамъ невозможность отрицать воскресеніе мертвыхъ вообще, коль скоро они признаютъ воскресеніе Христово, такъ какъ что нибудь одно: или никто никогда не воскресаетъ и слѣд. и Христосъ не воскресъ, или, если Онъ воскресъ, то въ силу этого самаго (по закону тождества и противорѣчія) нельзя отрицать и возможности воскресенія вообще. При томъ указываетъ на необходимость въ случаѣ признанія невозможности воскресенія заключенія о лживости апостоловъ и даже на то, что въ такомъ случаѣ уничтожится вся существованность Христіанства и они, считающіе себя учениками апостоловъ (что показываютъ ихъ споры относительно того, чьи они: петровы, или павловы, или иного кого) и христіанами, окажутся

несчастіе всѣхъ людей. „Если... о Христѣ проповѣдуются“ говоритъ онъ, „что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ, то какъ нѣкоторые изъ васъ говорятъ, что нѣтъ воскресенія мертвыхъ? Если нѣтъ воскресенія мертвыхъ, то и Христосъ не воскресъ. А если Христосъ не воскресъ, то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра ваша. При томъ мы оказались бы и лжесвидѣтелями о Богѣ, потому что свидѣтельствовали бы о Богѣ, что Онъ воскресилъ Христа, котораго Онъ не воскрешалъ, если, то есть, мертвые не воскресаютъ, ибо если мертвые не воскресаютъ, то и Христосъ не воскресъ. А если Христосъ не воскресъ, то вѣра ваша тщетна.... и умершіе во Христѣ погибли“. Такимъ образомъ, указывая на связь ученія о воскресеніи съ самой сущностью Христіанства, св. Павелъ доводитъ ихъ до необходимости выбрать что либо одно: или вѣрить въ воскресеніе, или отказаться отъ христіанства. Тоже Рим. VП, 3; 1 Кор. XV, 27; Евр. VП, 11; VП, 13

Тоже видимъ и на соборѣ Апостольскомъ XV; тутъ ведутся разсужденія, приводятся данныя (слова Писанія, факты, каковы: ниспосланіе Св. Духа на Корнилія, чудеса, совершенныя Павломъ и Варнавою у язычниковъ) и дѣлаются выводы и рѣшенія (въ частности см. „по сему“ діс ст. 19; „разсудили“ — ἔδοξε ст. 22).

с) Указаніемъ порядка природы,—такъ положеніе, что ничто входящее въ уста не сквернитъ человѣка, Господь доказываетъ тѣмъ, „что все входящее въ уста проходитъ въ чрево и извергается вопъ“ (Матт. XV, 17; то же Лук. VП, 18—23). Равно и ап. Павелъ пользуется доводами, заимствованными по аналогіи изъ видимой природы, для уясненія воскресенія мертвыхъ при помощи указанія на условія произрастанія посѣяннаго зерна 1 Кор. XV, 35—39.

§ 2. Лишь тамъ, гдѣ всѣ мѣры были напрасны, гдѣ закоренѣлое упорство или предразсудки и гордая кичливость ослѣпляли Его слушателей, такъ что они, дѣлаясь недоступными ни-

какимъ доводамъ, тѣмъ рѣче и грубѣе высказывали свою закоренѣлость, чѣмъ пряжѣе, ясенѣе имъ говорили и доказывали, — только тамъ, по тѣмъ же основаніямъ, по которымъ, Господь отказывался отъ чудотворенія, Онъ или отказывался отъ отвѣтовъ и доводовъ или прикрывалъ свою рѣчь такъ, что слушающіе разумѣли лишь наполовину. Поводъ къ такому своему поведенію Онъ указывалъ Самъ. Такъ мы видимъ, на вопросъ учениковъ, почему Онъ говоритъ народу въ притчахъ, Господь отвѣтилъ: „для того, что вамъ дано знать тайны царствія небеснаго, а имъ не дано. Ибо кто имѣеть, тому дано будетъ и пріумножится, а кто не имѣеть, у того отнимется и то, что имѣеть“.

Но это „дано“ и „не дано“ зависитъ, вполне обусловливается самимъ же человѣкомъ; изъ другой притчи мы знаемъ смыслъ этихъ словъ: не дается лишь лѣнивому и недостойному рабу. — Впрочемъ какъ тому хотя мало, но все таки было дано, чтобъ онъ не могъ оправдываться и ссылаться на не возможность пріумножить данный талантъ, такъ и здѣсь, Господь не совѣмъ оставляетъ безъ вниманія даже и недостойныхъ, но лишь говоритъ имъ не все и не вполне ясно. А что это именно такъ, то вотъ Его слова: „потому говорю имъ притчами, что они видя не видятъ и слыша не слышатъ и не разуютъ. И сбывается надъ ними пророчество Исаи, которое говоритъ: слухомъ услышите и не уразумѣете, и глазами смотръте будете и не увидите. Ибо огрубѣло сердце людей сихъ и ушами съ трудомъ слышатъ и глаза свои сомкнули, да не увидятъ глазами и не услышатъ ушами и не уразумѣютъ сердцемъ, и да не обратятся, чтобы Я исцѣлилъ ихъ“ (Матѣ. XIII, 10—15). Тоже Марк. IV, 11, 12; Лук. VIII, 10.

Повторяться относительно справедливости этихъ словъ въ приложеніи къ народу іудейскому, было бы излишне. Въмѣсто разсужденій считаемъ лучше привести два стиха изъ Евангелія Матоея: „и приступили къ Нему въ храмъ слѣбные и храмы, и Онъ исцѣлилъ ихъ. Видѣвъ же первосвященники и книжники

чудеса, которыя Онъ сотворилъ, и дѣтей, восклицающихъ въ храмѣ и говорящихъ: осанна сыну Давидову!—вознегодовали“ (Матѣ. XXI, 14, 15).—На что они вознегодовали?!—На чудеса! на исполненіе хорошо имъ всѣмъ извѣстнаго пророчества. Что было дѣлать съ такимъ неистовствомъ? Отсюда понятно само собою и обращеніе съ ними Господа: въ то время какъ народу Онъ, хотя въ причтахъ, но все таки говорилъ, ихъ не удостоиваетъ даже отвѣта. Когда они не много спустя спросили Господа, (имѣя между прочимъ въ виду не задолго совершенное имъ изгнаніе торгующихъ изъ храма) какою властію Онъ все это дѣлаетъ, Онъ, не отвѣчая имъ на вопросъ, лишь сказалъ: „спрошу и Я васъ объ одномъ: если о томъ скажете Мнѣ, то и Я вамъ скажу, какою властію это дѣлаю. Крещеніе Іоанново откуда было: съ небесъ или отъ человѣковъ? Они же разсуждали между собою: если скажемъ съ небесъ, то онъ скажетъ намъ: почему же вы не повѣрили? А если сказать: отъ человѣковъ; боимся народа, ибо всѣ почитаютъ Іоанна за пророка“.—Очевидно, имъ не истина нужна, а лишь бы уловить Господа и оправдаться самимъ и вотъ они, эти мнящіеся быти мудрецами и учителями, предпочитая сознаться въ своемъ невѣдѣніи и, весьма вѣроятно, говоря лживо, „сказали въ отвѣтъ Іисусу: не знаемъ“. Послѣ всего этого, что естественнѣе отвѣта Господа: „и Я вамъ не скажу, какою властію это дѣлаю“? (Матѣ. XXI, 23—27). Прибавлять что либо въ поясненіе не считаемъ нужнымъ (Тоже Марк. XI, 27—33; V, 10—13; Лук. XVI, 29—31; XX, 1—8; XX, 66—67) *).

Такимъ образомъ эти послѣднія мѣста св. Писанія несколько не умаляютъ значенія только что предъ ними видѣнныхъ и вмѣстѣ съ ними даютъ видѣть, что св. Писаніе ничего не имѣ-

*) Не приводимъ отказовъ Господа указать точно время конца міру и Своего втораго проишествія. Матѣ. XXIV, 36. Марк. XIII, 32 и нѣкоторыхъ др. событій (Дѣян. I, 7); такъ какъ эти отказы касаются того, что не предлагается намъ въ качествѣ предмета вѣры (о чемъ вовсе не дано намъ знать), и слѣдовательно не относятся къ нашему вопросу.

оть противъ доказательствъ, доводовъ за вѣру, гдѣ это нужно и полезно.

г) Нѣкоторые признаки истинной вѣры и предостереженія вѣрнымъ, представляемыя св. Писаніемъ.

Содержа въ себѣ примѣры доказательствъ вѣры, св. Писаніе кромѣ того даетъ и нѣкоторыя предостереженія и указанія, могущія руководить вѣрныхъ при различеніи истины отъ лжи. Такъ уже Самъ Господь нашъ, призывая учениковъ къ бдительности и осторожности относительно имѣющихъ явиться лжеучителей, и вообще обстоятельствъ, въ которыхъ легко впасть въ соблазнъ, указываетъ и нѣкоторые признаки, по которымъ можно отличить проповѣдника истины отъ распространителя лжи.—„Берегитесь“—*προσεχετε*—„лжепророковъ“, говоритъ Онъ, „которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные. По плодамъ ихъ узнаете ихъ. Собираютъ ли съ терновника виноградъ, или съ репейника смоквы?... И такъ по плодамъ ихъ узнаете ихъ“. Матѣ. VII, 15—20.—Съ тою же цѣлю, повидимому, указываются имъ и признаки грядущихъ событій (Матѣ. XXIV, 5—39; Марк. XIII, 5—32; Лук. XXI, 8—36), при чемъ повелѣвается быть осторожнымъ и не вѣрить всему (Матѣ. XXIV, 26),—если скажутъ при кончинѣ міра или Іерусалима, что тамъ, или тамъ Христось, не вѣрйте—*μη πιστεύετε*, говоритъ Господь.

Подобное же видимъ и у апостоловъ. Такъ св. Іоаннъ пишетъ въ наставленіе христіанамъ: „Дѣти Божіи и дѣти діавола узнаются такъ: всякій не дѣлающій правды не отъ Бога, равно и нелюбящій брата своего“. 1 Іоанна III, 10. Тоже I, 3; II, 4; III, 6—10; IV, 1—6, 12. Равно у св. Павла 1 Кор. XII, 1—3 читаемъ: „не хочу оставить васъ, братіе, въ невѣденіи о дарахъ духовныхъ....., потому сказываю вамъ, что никто говорящій Духомъ Божіимъ не произнесетъ анаемы на Іисуса и никто не можетъ назвать Іисуса Господомъ, какъ только Духомъ Святимъ“.

Что касается даваемыхъ апостолами предостереженій и предувѣдомленій относительно имѣющихъ явиться лжеучителей, развратниковъ, — вообще относительно наступленія тяжелыхъ временъ — *καιροὶ χαλεποί*, — то ихъ можно видѣть въ слѣдующихъ мѣстахъ: Дѣян. XX, 29—31; 2 Петр. II, 1—3; III, 3—8; I Тим IV, 1—3; 2 Тим. III, 1—9. Давая эти предостереженія и указанія, и призывая ко вниманію, св. Писаніе вмѣстѣ съ тѣмъ хвалитъ тѣхъ, кто ими пользуется, и порицаетъ невнимательныхъ. Такъ въ Апокалипсисѣ ангелъ церкви Ефесской похваляется за то, что онъ „испыталъ тѣхъ, которые называютъ себя апостолами, не будучи таковыми, и намелъ, что они лжецы“ — II, 2; ангелу же церкви Фіатирской Господь говорить: „имѣю не много противъ тебя: потому что ты допускаешь Изавели, называющей себя пророчицею, учить и вводить въ заблужденіе рабовъ Моихъ“. II, 20.

д) Общій выводъ изъ доселѣ разсмотрѣннаго.

Выводъ изъ всего доселѣ нами видѣннаго довольно ясенъ. Какъ только что мы видѣли, священное Писаніе представляетъ намъ нѣкоторые признаки, по которымъ мы можемъ распознавать въ области вѣры истину отъ лжи, даетъ предостереженія относительно будущаго и вообще призываетъ къ бодрствованію и сознательному отношенію къ дѣлу вѣры, предостерегая отъ легковѣрія. — Но предостерегая отъ легковѣрія по отношенію къ лжеучителямъ, св. Писаніе не требуетъ непременно какого либо легкаго, безотчетнаго довѣрія и по отношенію къ своему ученію; какъ видѣли, оно не отступаетъ ни передъ какимъ родомъ убѣжденія, доказательства, лишь бы то было на пользу, т. е. вело къ вѣрѣ. Оно представляетъ въ себѣ доказательства на основаніи писаній пользующихся въ глазахъ тѣхъ, къ кому обращена рѣчь, особымъ уваженіемъ: на основаніи св. Писанія Ветхаго Завѣта по отношенію къ іудеямъ и даже на основаніи языческихъ поэтовъ по отношенію къ язычникамъ — и тѣмъ са-

мымъ признаемъ значеніе авторитета вообще и въ частности значеніе такъ называемой исторической вѣры, вѣры преданія и большинства. вмѣстѣ съ тѣмъ оно представляетъ примѣры толкованія, св. Писанія Ветхаго Завета, толкованія, пользующагося обычными приемами мысли, равно какъ и вообще признаетъ значеніе логическихъ приемовъ, не пренебрегая вмѣстѣ и обращеніемъ къ непосредственному чувству,—вообще сознанию людей.—Кромѣ того признаетъ значеніе доказательствъ на основаніи обычнаго естественнаго порядка вѣшной природы, равно какъ на основаніи непосредственнаго опыта, и даже чувственнаго, пользуясь вмѣстѣ и свидѣтельствомъ очевидцевъ.—Словомъ—пользуется всѣми тѣми способами, средствами и приемами доказательства, какими пользуется и вообще всякое человѣческое знаніе, такъ какъ кромѣ опыта вѣшняго, непосредственнаго свидѣтельства внутренняго сознанія, вѣры свидѣтелямъ, очевидцамъ, преданію, вообще авторитету, наконецъ, помимо общихъ законовъ мысли, не найдется ничего другаго и въ рукахъ какого бы то ни было человѣческаго вѣдѣнія. Если жъ такъ, то стало быть св. Писаніе допускаетъ мысль, что всѣ эти приемы убѣжденія могутъ быть полезны и произвести въ томъ или другомъ лицѣ вѣру; предположивъ же такой случай, мы получимъ вѣру, основывающуюся на ясномъ сознаніи ея истины, полученномъ обыкновеннымъ путемъ человѣческаго познанія,—иначе, получимъ вѣру вопль тождественную съ формальной или, что тоже, субъективной стороны съ тѣмъ, что обыкновенно называется знаніемъ. Но такъ какъ возможность такого случая, какъ мы видѣли, вопль допускается св. Писаніемъ, то, очевидно, имъ допускается и возможность совпаденія (съ формальной стороны) вѣры и знанія. Но помимо естественныхъ путей убѣжденія, вѣра по ученію св. Писанія, какъ мы видѣли, имѣетъ еще свой особый, почти *) исключительно ей лишь

---

*) Говоримъ: „почти исключительно“ въ виду Матт. XXVI, 24; Апокал. XIII, 13--15 и др.

свойственный приём доказательства, — доказательства путем сверхъестественнымъ, при помощи чудесъ. Чудо по основному своему характеру, какъ мы видѣли, есть доказательство вѣры, или говоря словами св. Писанія, знаменіе и при томъ—какъ видитъ всякій—самое непререкаемое, очевидное для всякаго, доступное даже виѣшнимъ чувствамъ: зрѣнію, осязанію и т. д. Еслижь такъ, то и здѣсь выводъ по отношенію къ нашему главному вопросу ясенъ: коль скоро наша увѣренность въ истинахъ вѣры основывается на такихъ неоспоримыхъ и очевидныхъ данныхъ, какъ чудеса, то она оказывается вполне знаніемъ въ буквальной и тѣсномъ смыслѣ этого слова, такимъ же знаніемъ, какое мы имѣемъ напр. о виѣшнемъ мірѣ *), о всемъ томъ, что видимъ, слышимъ, осязаемъ (1 Іоан. I, 1—3), такъ что въ примѣненіи къ ней можно равно употреблять слова: „знаемъ“ и „вѣримъ“, какъ то мы и видимъ въ словоупотребленіи св. Писанія. Едва ли кто возразитъ на это въ виду того, что здѣсь способъ убѣжденія сверхъестественный и слѣд. отождествлять слѣдствіе его—вѣру съ слѣдствіемъ естественныхъ путей убѣжденія—знаніемъ нельзя; чтобъ утверждать это необходимо прежде допустить невозможность называть знаніемъ то, что представляется нашему умственному взору во всей полнотѣ своей истинности, коль скоро это ясное сознаніе истинности чего-либо опосредствовано не обычными путями человѣческаго вѣдѣнія. Впрочемъ, если даже и признать справедливость приведеннаго замѣчанія, то и тогда дѣло коснется лишь словъ а не существа дѣла: если тогда и нельзя будетъ сказать, что вѣра можетъ быть знаніемъ, то за то можно будетъ сказать нѣчто большее: что она можетъ быть чѣмъ-то высшимъ обычнаго человѣческаго знанія, болѣе неоспоримымъ, очевиднымъ, достовѣрнымъ, чѣмъ

*) Пусть не возражаютъ, что чудо по мнѣнію нѣкоторыхъ (напр. Фихте Младшаго) считается безсильнымъ доказать что либо (такъ какъ для насъ весьма трудно, даже невозможно рѣшить относительно того или другаго явленія, естественное оно или сверхъестественное и слѣд. узнать—чудо оно или нѣтъ): мы излагаемъ ученіе св. Писанія, а не новѣйшихъ мыслителей, по ученію же св. Писанія, какъ мы знаемъ, чудо—доказательство вѣры.

последнее; если же вникнуть въ сущность дѣла, то едва ли можно будетъ сказать, что въ случаѣ убѣжденія кого либо посредствомъ чудесъ сознание истинности доказываемаго ими посредствомъ не обычными путями человѣческаго видѣнія: вѣдь въ чудѣ сверхъестественно само оно, а не наше воспріятіе его и убѣжденіе при посредствѣ его,—эти послѣднія идутъ обычнымъ путемъ. Такъ напр. въ случаѣ исцѣленія мы видимъ исцѣленіе, можетъ быть чувствуемъ его сами, сознаемъ, что этотъ случай представляетъ собою нѣчто необычное и т. д. и отсюда—отъ необычайности явленія заключаемъ къ необычайности его причины,—что здѣсь необычайнаго, сверхъестественнаго?

Такимъ образомъ, что касается собственно хода нашего познания, зарожденія и утвержденія убѣжденія въ чемъ-либо при посредствѣ чудесъ, то все это оказывается вполне обычнымъ и естественнымъ, и слѣд. если имѣть въ виду лишь субъективно—формальную сторону дѣла, то даже и не упуская изъ виду различія естественнаго и сверхъестественнаго, вѣру, основанную на чудесахъ, все таки съ полнымъ правомъ можно назвать знаніемъ. Во всякомъ случаѣ это слово употребляется въ св. Писаніи въ приложеніи къ вѣрѣ, и мы видимъ, что это вполне согласно съ самымъ ученіемъ священнаго Писанія. Такимъ образомъ выводъ изъ всего доселѣ нами видѣннаго можно выразить такъ: вѣра, по ученію св. Писанія, съ формальной стороны можетъ совпадать съ знаніемъ, вполне отождествляться съ нимъ.

Правда, мы этимъ вовсе не хотимъ сказать, что вѣра всегда должна быть знаніемъ,—говорить такъ значило бы выводить больше, чѣмъ дано въ посылкахъ, такъ какъ мы разсмотрѣли не всѣ данныя св. Писанія, а въ доселѣ разсмотрѣнныхъ нельзя найти мѣста, которое бы утверждало, что вѣра всегда и вездѣ должна быть такою, т. е. вполне тождественною съ формальной или субъективной стороны съ знаніемъ,—но мы лишь утверждаемъ какъ несомнѣнное, прямо какъ ученіе св. Писанія, что возможны случаи въ которыхъ вѣра совпадаетъ съ знаніемъ.

III. Вѣра по идеѣ—свободное разумно-сознательное убѣжденіе

До сихъ поръ мы видѣли, что вѣра можетъ иногда совпадать съ знаніемъ; но если вникнуть ближе въ ученіе св. Писанія, то не трудно увидать, что она по идеѣ даже всегда должна совпадать съ нимъ, всегда быть разумнымъ, вполне сознательнымъ убѣжденіемъ. Если, не обращая вниманія на нѣкоторыя снисхожденія, уловить самую идею вѣры, какъ она является въ св. Писаніи Новаго Завѣта, то должно будетъ признать, что эта идея—есть именно вполне свободное разумно—сознательное убѣжденіе въ истинѣ Христова ученія; только такъ понимаемая вѣра явится предъ нами въ своемъ истинномъ свѣтѣ: окажется дѣломъ разумной свободы и предметомъ нравственного вмѣненія, добродѣтелию. Что дѣйствительно такова идея вѣры въ св. Писаніи—это видно съ одной стороны изъ того, что по его ученію намъ дано все необходимое для познанія ученія вѣры и разумнаго убѣжденія въ его истинности,—съ другой—изъ того, что какъ вѣра, такъ и невѣріе представляются въ немъ дѣломъ свободы и нравственного вмѣненія, при чемъ прямо высказывается, что невѣріе вмѣняется въ грѣхъ именно потому, что для желающихъ даны всѣ средства къ разумному усвоенію вѣры.

а) Намъ дано все необходимое для познанія вѣры.

а) Естественные пути познанія въ дѣлѣ вѣры.

Что вѣрѣ не чужды вообще обычные естественные пути убѣжденія въ ней, это мы уже видѣли выше; теперь увидимъ, что эти естественные пути видѣнія даются не тому или иному изъ людей и не по временамъ, но всемъ и всегда: средства познать основныя истины вѣры даны въ самой природѣ, какъ внѣшней, такъ и внутренней.—Такъ ап. Павелъ признаетъ, что если не истину христіанскую во всемъ ея объемѣ, то во всѣхъ

комъ случаѣ Бога вообще въ Его общихъ свойствахъ и отношеніяхъ къ міру мы можемъ познавать даже помимо сверхъестественнаго откровенія и благодати, посредствомъ лишь откровенія естественнаго, пользуясь тѣми свидѣтельствами, которыя даетъ видимая тварь, прислушиваясь къ тому, что говоритъ намъ самымъ бытіемъ своимъ и замѣчаемыми въ немъ явленіями и свойствами весь міръ. Въ рѣчи къ Ликаонитянамъ онъ прямо говоритъ, что Богъ живый, сотворившій небо и землю и море и все, что въ нихъ, хотя „въ прошедшихъ родахъ“ и „попустилъ веѣмъ народамъ ходить своими путями; тѣмъ не менѣе *) не переставалъ о Себѣ свидѣтельствовать благодѣяніями — *καίτοιγε οὐκ ἀμαρτυροῦν ἑαυτὸν ἀφ᾽ ἧκεν, ἀγαθοποιῶν...* — подавая намъ съ неба дожди и времена плодотворныя и исполняя пищею и веселіемъ сердца наша“ XIV, 15,—17. Очевидно, здѣсь міръ съ своимъ прекраснымъ цѣлесообразнымъ устройствомъ, приуроченнымъ въ частности къ потребностямъ человѣка, признается свидѣтельствующимъ о своемъ Творцѣ и премудромъ и благомъ устройтелѣ Богѣ; другими

---

*) Русскій переводъ передаетъ здѣсь *καίτοιγε* словомъ „хотя“. Правда буква допускаетъ и такой переводъ, тѣмъ не менѣе какъ въ виду первоначальнаго значенія *καίτοιγε*, такъ особенно въ виду связи, намъ кажется, будетъ точнѣе передать его здѣсь словами: „однако, все-таки, все-же, тѣмъ не менѣе“ и т. д., такъ какъ здѣсь, въ словахъ апостола—*καίτοιγε οὐκ ἀμαρτυροῦν ἑαυτὸν ἀφ᾽ ἧκεν* скорѣе слышится противоположеніе предыдущей мысли—и отсюда упрекъ невѣрившимъ и оправданіе Бога—*ὅς ἐν ταῖς παρορημέναις γενεαῖς εἶασε πάντα τὰ ἔθνη πορεύεσθαι ταῖς ὁδοῖς αὐτῶν*, чѣмъ уступка и оговорка относительно ея Тѣмъ болѣе говорить за такое отношеніе мыслей сопоставленіе ихъ съ непосредственно предшествующими; цѣль всей рѣчи показать, доказать единого Творца вселенной, что мы видимъ въ словахъ *ὅς ἐποίησε τὸν ὄρανόν καὶ τὴν γῆν...*; этому служить и отрывокъ, начинаемый словомъ *καίτοιγε*, тогда какъ уступительнымъ, вводнымъ, не ведущимъ прямо къ цѣли, а лишь устраняющимъ могущее явиться возраженіе (изъ факта невѣдѣнія единого Творца многими народами) предложеніемъ являются слова: *ὅς ἐν ταῖς παρορημέναις...* Тѣмъ не менѣе, въ какой бы связи ни стояли между собою указанная мысли въ самомъ текстѣ, очевидно для всякаго, что и то отношеніе, въ какое ставимъ здѣсь ихъ мы, не дѣластъ насилья ихъ смыслу и, вообще говоря, для нихъ возможно.

словами: здѣсь признается видѣнное нами и въ ветхозавѣтныхъ Писаніяхъ, телеологическое доказательство бытія Божія. А такъ какъ все это говорится язычникамъ и по поводу язычниковъ, которымъ, хотя они и заблудились, все таки дана была возможность познать Бога, и такъ какъ здѣсь доказательство берется съ такихъ общедоступныхъ явленій, которыя видитъ всякій, то ясно, что возможность такого общаго познанія о Богѣ, какъ единомъ творцѣ и художникѣ міра даже при условіи однихъ лишь естественныхъ силъ человѣка и данныхъ природы внешне-видимой и внутренне-душевной („исполняя... веселіемъ сердца наша“) признается ап. Павломъ вообще за всеми людьми.

Въ связи съ такимъ взглядомъ, какъ его болѣе частное проявленіе и дальнѣйшее развитіе, стоитъ и рѣчь ап. Павла въ афинскомъ ареопагѣ, въ которой онъ не только признаетъ возможность естественнаго богопознанія для язычниковъ, какъ нѣчто лишь возможное (какъ чистую возможность, не перешедшую въ дѣйствительность), но, ставя стремленіе къ богопознанію, достиженіе его основною цѣлію и задачею бытія всехъ народовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ извѣстную долю истины въ язычникахъ, въ писаніяхъ ихъ поэтовъ и даже въ самомъ язычествѣ, какъ религіи, какъ фактъ, какъ нѣчто уже существующее, въ силу чего и пользуется этими проблесками для цѣлей проповѣди. Такъ онъ пользуется упоминаніемъ о видѣнномъ имъ въ Афинахъ жертвенникѣ „неизвѣстному Богу“, въ построеніи котораго какъ бы неволью сказалось, вырвалось наружу, затаянное въ глубинѣ души человѣка стремленіе къ единому безусловному началу всего, хотя и не сознаваемому отчетливо, но лишь какъ бы чутьемъ неволью предугадываемому, — пользуется въ качествѣ повода, исходной точки, служащей начальнымъ отправленіемъ его мыслей въ проповѣди афинянамъ; и затѣмъ далѣе въ самой рѣчи ссылается на слова эллинскаго поэта и даже кладетъ ихъ въ основу того вывода, что не должно считать Божество подобнымъ чувственнымъ вещамъ. Приводимъ

всю рѣчь отъ пачала до конца. „Аѳиняне!“ говорить апостоль: „но всему вижу я, что вы какъ бы особенно набожны. Ибо проходя и осматривая ваши святины, я нашелъ и жертвенникъ, на которомъ написано: невѣдомому Богу—*ἀγνώστῳ Θεῷ*. Сего-то, котораго вы, не зная, чтите, я проповѣдую вамъ. Богъ, со-творившій мѣръ и все, что въ немъ, Онъ, будучи Господомъ неба и земли, не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ и не требуетъ служенія рукъ человѣческихъ, какъ бы имѣющій въ чемъ либо пужду, Самъ дая всею жизнь и дыханію и все. Отъ одной крови Онъ произвелъ весь родъ человѣческой обитать по всему лицу земли, назначивъ предопредѣленные времена и предѣлы ихъ обитанію, дабы они искали Бога, не опутятъ ли Его и не найдутъ ли, хотя Онъ и недалеко отъ каждаго изъ насъ. Ибо мы Имъ живемъ, и движемся, и существуемъ, какъ и нѣкоторые изъ вашихъ стихотворцевъ говорили: Его мы и родъ. *Ἐποίησέ τε ἐξ ἑνὸς αἵματος πᾶν ἔθνος ἀνθρώπων, κατοικεῖν ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, ὀρίσας προτεταγμένους καιρὸς καὶ τὰς ὁροθεσίας τῆς κατοικίας αὐτῶν, ζητεῖν τὸν Κύριον, εἰ ἄρα γε ψηλαφήσειαν αὐτὸν καὶ εὔροισεν καίτοιγε ἢ μακρὰν ἀπὸ ἑνὸς ἐκάστη ἡμῶν ὑπάρχοντα. Ἐν αὐτῷ γὰρ ζῶμεν καὶ κινῶμεθα καὶ ἐσμεν ὡς καὶ τινες καὶ τῶν κατ' ὑμᾶς ποιητῶν εἰρήχασι, τῷ γὰρ καὶ γένος ἐσμέν.* И такъ мы, будучи родомъ Божиимъ, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образъ отъ искусства и вымысла человѣческаго. Итакъ, оставляя времена невѣдѣнія, Богъ нынѣ повелѣваетъ всѣмъ повсюду покаяться. Ибо Онъ назначилъ день, въ который будетъ праведно судить вселенную посредствомъ предопредѣленнаго Имъ Мужа, подавъ удостовѣреніе всѣмъ, воскресивъ Его изъ мертвыхъ—*πίστιν παρασχῶν πᾶσι, ἀναστήσας αὐτὸν ἐκ νεκρῶν*“ XVII, 22—31. Итакъ въ язычествѣ,—иначе: въ чловѣчествѣ предоставленномъ собственнымъ естественнымъ силамъ и руководству естественнаго развитія, признается не только возможность богопознанія, но даже и дѣй-

ствительные проблески божественной истины;—даже болѣе: самая цѣль бытія и развитія всѣхъ народовъ, къ достиженію которой направлены самыя дѣйствія промысла, опредѣляющаго судьбу народовъ,—это искать Господа—*ζητεῖν τὸν Κύριον*, и искать конечно естественными силами, съ трудомъ и неуклоннымъ желаніемъ, поборающимъ всѣ преграды. Еслибъ здѣсь разумѣлись не обычные способы человѣческаго познанія, не конечная цѣль его естественнаго развитія въ наукѣ и искусствѣ, имѣющихъ задачей отображать и приближать къ нашему сознанию вѣчную истину и красоту, увлекать ею сердце, вести насъ къ Богу; еслибъ здѣсь разумѣлась лишь безотчетная вѣра, то помимо всего прочаго, какимъ образомъ могло быть приложено здѣсь слово „искать“—*ζητεῖν*?—Слѣпая безотчетная вѣра не изслѣдуетъ, не ищетъ,—у ней все готово, она дѣйствуетъ вполнѣ страдательно, лишь принимая даруемое,—такъ сказать лишь находить (*εὐρίσκει*), а не ищетъ (*ζητεῖ*) самодѣтельно. Еслибъ задачей была лишь такая безотчетная вѣра, то къ чему эти „предопредѣленные времена и предѣлы селенія“ народовъ? Или апостоль говоритъ о нихъ безъ всякой связи? Если къ кому, то именно къ ап. Павлу это приложимо менѣе всего, и въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе, что слушатели его были приверженцы эпикурейской и стоической философіи и вообще аогиняне, знакомые съ приемами хорошихъ рѣчей, и тотъ, кто по собственному призванію былъ „всѣмъ вся, да всяко пѣкія приобрящеть“, естественно долженъ былъ и здѣсь примѣняться къ слушателямъ, что мы дѣйствительно и видимъ во всей рѣчи (особенно стихи 22, 23, 28) *). Еслижъ такимъ образомъ цѣлью божественнаго промысла относительно народовъ было дать имъ возможно большія средства достигъ главной цѣли ихъ обитанія на землѣ,—искать Господа, дать для всякаго народа въ

---

*) Не говоря уже о словахъ *τοῦ γὰρ καὶ γένος ἑστέον* самыя первая слова 28 стиха какъ бы невольно напоминаютъ мысли Аристотеля о неподвижителѣ (*κινούμενα*).

этомъ отношеніи особую частную задачу, сообразно его силамъ и готовности къ исполненію, то, очевидно, что все эти „предопредѣленныя времена и предѣлы селеній ихъ“ сводятся къ доставленію человѣчеству самыхъ разнообразныхъ, хотя такъ называемыхъ естественныхъ—ибо объ этомъ рѣчь—средствъ богопознанія, причемъ такое—достигаемое естественными средствами, богопознаніе какъ видимъ, не только не порицается, даже не принимается лишь какъ нѣчто безразличное, но прямо ставится главною цѣлю развитія человѣчества, къ которой ведетъ его проявляющійся въ его исторіи божественный промыслъ. И эта послѣдняя намъ дѣйствительно показываетъ, что вездѣ и во все времена народы искали своего Господа; заглянемъ ли въ древній Египетъ, или въ Вавилонъ, Ассирію, Персиду, или въ далекую Индію, — вездѣ видимъ одно и то же. И не только искали, но отчасти, и какъ бы въ проблескахъ не ясно сознаваемого стремленія, которое выражали во внѣ, какъ умѣли, народы находили и прославляли своего Господа, что всего яснѣе видно на самыхъ этихъ сынахъ Эллады, къ которымъ обращена рѣчь апостола,—ихъ философы (особенно Платонъ) и поэты, какъ то признавали многіе учителя Церкви и показываетъ сама дѣйствительность, служили какъ бы предвозвѣстниками, разгоняющей тьму язычества зарей, имѣющаго наступить свѣтлаго дня торжества истины Христовой, для которой они уравнивали путь. Да и зачѣмъ намъ свидѣтельство исторіи или позднѣйшихъ отцевъ,—это признаетъ самъ св. Павелъ? Онъ самъ пользуется проблесками истины въ умѣ эллинскаго генія приводя слова поэта: τὸ γὰρ καὶ γένος ἐστὲν *).

---

*) Правда, слова τὸ γὰρ... относятся, если не ошибаемся, къ Зевсу и хотѣть выразить сообразно древне-эллинскому возрѣнію то, что люди прямые потомки (въ буквальномъ смыслѣ) Зевса, происшедшіе отъ него и постепенно размножившіеся естественнымъ путемъ рожденія, что вполнѣ не приложимо къ христіанскому взгляду на отношеніе Бога и человѣка, но вѣдь ни апостолъ, ни мы вовсе не утверждаемъ, что язычники владѣли полной и непререкаемой истиной,—въ нихъ признаются лишь проблески ея

Еще яснѣе указываемыя мысли высказываются въ посланіи къ Римлянамъ, гдѣ между прочимъ на этой то возможности познать Бога естественнымъ путемъ основывается и вмѣненіе язычникамъ ихъ заблужденій. Такъ Рим. I гл. апостоль такъ говорить о язычникахъ: „что можно знать о Богѣ, явно для нихъ— διότι τὸ γνωστὸν τῷ Θεῷ φανερόν ἐστιν ἐν αὐτοῖς, потому что Богъ явилъ—ἐφάνερωσε—имъ. Ибо невидимое Его, вѣчная сила Его и божество, отъ созданія міра чрезъ разматриваніе твореній видима, такъ что они безотвѣтны—τὰ γὰρ ἀόρατα αὐτοῦ ἀπὸ κτίσεως κόσμου τοῖς ποιήμασι νοούμενα καθοράται, ἢ τε αἰδὶς αὐτοῦ δυνάμις καὶ θεϊότης, εἰς τὸ εἶναι αὐτούς ἀναπολόγητους. Но какъ они, познавъ Бога, не прославили Его, какъ Бога, и не возблагодарили, но осуетились въ умствованіяхъ своихъ, и омрачилось несмысленное ихъ сердце; называя себя мудрыми, обезумѣли и славу нетлѣннаго Бога измѣнили въ образъ подобный тлѣнному человѣку и птицамъ, и четвероногимъ и пресмыкающимся: то и предалъ ихъ Богъ въ похотяхъ сердець ихъ нечистотѣ... и какъ они не заботились имѣть Бога въ разумѣ *)—καὶ καθὼς οὐκ ἔδοκίμασαν τὸν Θεὸν ἔχειν ἐν ἐπίγνωσει, то предалъ ихъ Богъ превратному уму дѣламъ неоптребства... Они знаютъ праведный судъ Божій, что дѣлающіе такія дѣла достойны смерти, однако не только ихъ дѣлають, но и дѣлающихъ одобряють“. Такимъ образомъ изъ словъ апостола слѣдуетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ созданъ міръ (ст. 20), невидимыя божественныя совершенства при посредствѣ твари у насъ всегда предъ глазами—καθοράται, такъ что мы, размышляя (τοῖς ποιήμασι νοούμενα) надъ тварью, можемъ познавать Бога. И эта возможность настолько, такъ сказать, близка всякому изъ насъ, что съ одной стороны она-то именно и служитъ поводомъ къ наше-

---

*) Не лучше ли сказать: не заботились познавать Бога? Такъ какъ ἐπίγνωσις ближе передается словомъ познаніе, или сообразно подобнымъ выраженіямъ св. Павла (ἔχουσι τῆλόν, ἀλλ' οὐ κατ' ἐπίγνωσιν): не заботились имѣть разумное понятіе о Богѣ?

му осужденію, дѣлая насъ безотвѣтными, съ другой: она и дѣйствительно, какъ утверждаетъ апостоль, привела людей къ познанію Бога, только они, познавъ Его, не какъ Бога прославили и не возблагодарили, что также очевидно было дѣломъ ихъ свободы, — дѣломъ, котораго, по мысли апостола, они могли и избѣжать, такъ какъ это служить причиною ихъ виновности и божественнаго оставленія водиться собственными нечистыми похотями.

Далѣе, во II главѣ того же посланія апостоль въ частности указываетъ на свидѣтельство совѣсти, какъ на источникъ истиннаго вѣдѣнія закона нравственнаго или что тоже воли Божіей, каковое вѣдѣніе прямо ставится въ параллель съ закономъ Моисеевымъ, даннымъ непосредственно Богомъ, и служить основаніемъ будущаго нелицепріятнаго (ст. 11) суда Божія надъ язычниками въ послѣдній день „Когда язычники“, говоритъ апостоль, „не имѣющіе закона, по природѣ законное дѣлаютъ—*φύσει τὰ τῶν νόμων ποιῆ*—то не имѣя закона, они сами себѣ законъ; они показываютъ, что дѣло закона у нихъ написано въ сердцахъ—*ἐνδείκνυνται τὸ ἔργον τῶ νόμου γραπτὸν ἐν ταῖς καρδίαις αὐτῶν*—о чемъ свидѣлствуетъ совѣсть ихъ и мысли ихъ, то обвиняющія, то оправдывающія одна другую“—*συμμαρτυρίσθης αὐτῶν τῆς συνειδήσεως καὶ ἑμεταξὺ ἀλλήλων τῶν λογισμῶν κατηγορούντων ἢ καὶ ἀπολογυμένων*“ Рим. II, 14, 15.

Равнымъ образомъ и самый грѣхъ, пропикшіи въ самую глубь нашего существа, хотя дѣлаетъ невозрожденнаго человѣка не способнымъ къ полной святости и постоянно тянетъ и влечетъ его въ свою сторону, подчиняя (Рим. VII) себѣ его волю и дѣйствуя на перекоръ веѣмъ лучшимъ ея стремленіемъ, тѣмъ не менѣе даже этотъ такъ могущественно властвующій въ невозрожденномъ человѣкѣ грѣхъ не исключаетъ совершенно возможности даже и для невозрожденнаго видѣть и различать, что добро и что худо и даже въ глубинѣ души стремиться къ пер-

вону, отвращаясь отъ послѣдняго. Даже больше: именно эта-то возможность сознанія своей грѣховности и невозможности отъ нея избавиться съ одной стороны и неискоренимое стремленіе къ добру въ глубинѣ души, эта-то раздвоенность нашего существа и является самою мучительною, не выносимою тягостью въ нравственной жизни естественнаго человѣка, заставляющею самаго апостола прервать свою рѣчь, какъ бы изъ самаго сердца вырвавшимся восклицаніемъ: „бѣдный я человѣкъ! кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти“?! Рим. VII, 24.—Вотъ слова апостола относительно высказаннаго: „не то дѣлаю, что хочу, но что ненавижу, то дѣлаю. Если жъ дѣлаю то, что не хочу, то соглашаюсь съ закономъ, что онъ добръ... желаніе добра есть во мнѣ... И такъ я нахожу законъ, что, когда хочу дѣлать доброе, прилежить мнѣ злое. Ибо по внутреннему человѣку—*κατὰ τὸν ἕσω ἄνθρωπον*—нахожу удовольствіе—*συυήδουαι γὰρ τῷ νόμῳ*—въ законъ Божиимъ: но въ членахъ моихъ вижу иной законъ....*). Рим. VII, 15—23. Такимъ образомъ даже въ естественномъ, поврежденномъ грѣхомъ человѣкѣ является не только непосредственное, неискоренимое познаніе воли Божіей, написанной въ его сердцѣ, но даже согласіе съ ней, услажденіе ею,—даже ему она близка, мила, такъ что онъ невольно къ ней стремится въ глубинѣ души.

3) Сверхъестественный источникъ вѣдѣнія въ возрожденномъ человѣкѣ.

Но если уже невозрожденный человѣкъ не лишень способности познания истины въ дѣлѣ вѣры, если его сердце соуслужается закону Божію, то тѣмъ болѣе это должно сказать о возрожденномъ, принявшемъ залогъ просвѣщенія, внутренняго наученія Духомъ Божиимъ, просвѣщающая сила Котораго подается

---

*) По связи и ходу рѣчи указанныя слова хотя говорятъ повидимому отъ лица апостола, но относятся очевидно къ невозрожденному состоянію человѣка. См. Рим. VIII, 1, 2.

въ таинствѣ муропомазанія. Такъ св. Іоаннъ въ 1 посл. II, 20 говоритъ вѣрнымъ: „и вы имѣете помазаніе отъ Святаго и знаете все“, равно какъ и въ ст. 27 прибавляетъ: „помазаніе, которое вы получили отъ Него, въ васъ пребываетъ, и вы не имѣете нужды, чтобы кто училъ васъ: но какъ самое сіе помазаніе учитъ васъ всему, и оно истинно и не ложно; то, чему оно научило васъ, въ томъ пребывайте“. Тоже III, 24; IV, 13.

Подобное же видно въ словахъ ап. Павла: „утверждающій же насъ съ вами во Христѣ и помазавшій насъ есть Богъ, который и запечатлѣлъ насъ и далъ залогъ Духа въ сердца наши“ 2 Кор. I, 21, 22. Тоже Рим. VIII, 16. Такимъ образомъ христіанинъ можетъ помимо всякаго наученія разумѣть и познавать многое непосредственно самъ собою въ силу той просвѣщающей благодати Духа, которая подается ему въ таинствѣ муропомазанія. Но если такъ, то, очевидно, основанное на такомъ, такъ сказать, непосредственномъ видѣніи просвѣщенныхъ благодатию душевныхъ очей знаніе уже ни какъ не можетъ быть названо слѣбною вѣрою,—на оборотъ: это, если угодно, даже иѣчто высшее, чѣмъ обыкновенное знаніе, болѣе ясное и непосредственное, и ни какъ уже не слѣбная, неизвѣстно на чемъ основывающаяся вѣра. Правда, самая мѣра даровъ св. Духа и даже ихъ, такъ сказать, качество или вѣрнѣе, можетъ быть проявленіе бываетъ различно:—тогда какъ получавшіе Духа Святаго въ первыя времена Церкви Христовой получали не только непосредственное вѣдѣніе относительно дѣла спасенія, ученія Христова, такъ что поучали другихъ, но получали даже даръ пророчества или языковъ, въ послѣдствіи дары Духа, сообщаемые въ муропомазаніи, не проявлялись такъ видимо и замѣтно,—тѣмъ не менѣе извѣстную долю просвѣтленія, подготовленности и, такъ сказать, способностей и задатковъ, возвышающихъ его естественныя силы въ дѣлѣ богопознанія, получаетъ всякій, принимающій „печать дара Духа Святаго“ и слѣд. для всякаго члена Церкви тѣмъ самымъ дается залогъ того, что исти-

ны вѣры для него будутъ не чѣмъ-то чуждымъ, совершенно непонятнымъ, принимаемымъ лишь совершенно страдательно и даже помимо данныхъ, но на оборотъ: что онъ явится для него въ своемъ истинномъ свѣтѣ и привлекательной красотѣ, что онъ пойметъ, такъ сказать, непосредственно самымъ сердцемъ, этимъ окомъ души, увидитъ всю красоту Христовой истины, восприметъ то, что она именно и есть истина, повѣритъ ей, убѣдясь въ ея истинности, въ виду свидѣтельства непосредственнаго сознанія *).

б) С в о б о д а и в м ѣ н я е м о с т ь в ѣ р ы .

а) Участіе благодати въ дѣлѣ вѣры не исключаетъ ея сознательности и свободы.

Прежде чѣмъ прямо высказать ученіе св. Писанія о свободѣ и сознательности вѣры, считаемъ не лишнимъ предупредить могущія явиться возраженія. Поводъ къ этому для нѣкоторыхъ можетъ представить ученіе св. Писанія объ участіи благодати, какъ въ дѣлѣ нашего спасенія вообще, такъ и въ частности въ дѣлѣ вѣры (напр. Іоан. VI, 37; 44, 45; 65; X, 29; 1 Кор. XII, 3; 2 Кор. III, 5). Если вѣра—дѣло благодати, то возможна мысль: при чемъ здѣсь человекъ? Что остается на его долю въ усвоеніи вѣры: не страдательное ли только подчиненіе высшему влеченію? А если такъ, то можно ли говорить о полной сознательности, свободѣ такой вѣры? Можно ли называть такое подчиненіе свободнымъ, сознательнымъ убѣжденіемъ, знаніемъ?—Рѣшимъ это недоумѣніе.

---

*) Всеу этому, что говоримъ о возможности богопознанія, очевидно непротиворѣчатъ мѣста Матѳ. XI, 27; Лук X, 22; Іоан. I, 18; V, 37—38; VI, 46; VII, 28, 29; 1 Кор. II, 10, 11 и др., такъ какъ въ нихъ, какъ то видно отчасти непосредственно изъ нихъ, отчасти ясно въ виду того, что говорится въ другихъ мѣстахъ о возможности для насъ познанія Бога (между прочимъ Іоан. XIV, 7) отрицается лишь возможность непосредственнаго и полнаго познанія о Богѣ, при томъ помимо изволенія Сына Божія. Но мы знаемъ, что Сынъ Божій между прочимъ за тѣмъ и приходилъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать объ Отцѣ.

Прежде всего замѣтимъ, что, согласно ученію Церкви и въ частности всего Писанія, дѣйствіе благодати нельзя понимать такъ, какъ будто бы она уничтожала человѣческую свободу: она лишь даетъ побужденіе, возжигаетъ доброе влеченіе, самое же рѣшеніе, слѣдованіе этому влеченію, согласіе на него есть дѣло воли. Но если такъ, и если воля для того, чтобы дѣйствовать по мотиву, должна болѣе или менѣе ясно сознавать этотъ послѣдній, то необходимо предположить, что дѣйствія благодати, самой по себѣ недоступной чувствамъ и сознанію, посредствуются всетаки сознаниемъ. Пусть вѣра дѣло благодати; но такъ какъ нельзя думать, чтобы она была исключительно ея дѣломъ помимо воли человѣка, чтобы она являлась человѣку, такъ сказать, въ готовомъ видѣ какъ вѣра, то необходимо слѣдуетъ, что благодать только влечетъ къ ней, представляетъ данныя, просвѣтляетъ наше сознаніе; вѣра же въ собственномъ смыслѣ есть уже дѣло человѣка, хотя и неисключительно, какъ и вообще не только нравственная, но и всякая дѣятельность его опредѣляется столько-же имъ самимъ, сколько и внѣшними обстоятельствами. Но если благодать лишь влечетъ свободу и дѣйствуетъ слѣд. при посредствѣ сознанія, то такое участіе благодати не исключаетъ понятія о вѣрѣ, какъ знаніи; отсюда слѣдуетъ лишь, что божественный промыслъ даетъ намъ все необходимое для богопознанія, для достиженія вѣры, но и только; выводитъ отсюда что либо иное нѣтъ данныхъ. Какъ божественный промыслъ не исключаетъ дѣйствія естественныхъ силъ природы и человѣка, такъ въ частности и участіе благодати въ дѣлѣ вѣры не исключаетъ дѣйствія свободы и естественныхъ познавательныхъ силъ человѣка. Если мы предположимъ даже фактъ непосредственнаго откровенія истины, то и здѣсь откровеніе очевидно имѣетъ дѣло съ сознаниемъ, и для того, чтобъ явиться въ качествѣ истины, данное откровеніе должно имѣть за себя какія либо свидѣтельства—посредственные ли—то или непосредственные,—ставящія истинность

откровения въ всякаго сомнѣнія, и слѣд. и здѣсь дѣло не измѣняется. Что сомнѣніе возможно и при дѣйствіи откровения, это мы уже отчасти видѣли при разсмотрѣніи чудесъ Госнода, въ частности, если угодно, припомнимъ явленіе ангела Захаріи: онъ не повѣрялъ сразу (Лук. I). Еще яснѣе это видно въ словахъ св. Стефана, обращенныхъ къ іудейскому синадріону: „Жестоковѣйные! люди съ необрѣзаннымъ сердцемъ и ушами? Вы всегда противитесь Духу Святому—*ἄρᾱς ἀεὶ τῷ Πνεύματι τῷ Ἁγίῳ ἀντιπίπτετε*—какъ отцы ваши, такъ и вы. Кого изъ пророковъ не гнали отцы ваши? Они убили предвозвѣстившихъ пришествіе Праведника, Котораго предателями и убійцами сдѣлались нынѣ вы,—вы, которые приняли законъ при служеніи ангеловъ, и не сохранили“. Дѣяній VII, 51—53.—Если жъ такъ, если и благодать дѣйствуетъ на сознаніе и волю, давая имъ видѣть неоспоримыя основанія истины, то и протекающая отсюда увѣренность или вѣра будетъ тѣмъ же знаніемъ. Разграничивать эту вѣру отъ знанія можно было бы лишь при взглядѣ на познаніе, какъ на что то исключительно имѣющее дѣло съ такъ называемыми естественными силами духа и природы въ тѣсномъ смыслѣ. Но такъ какъ мы, говоря, что вѣра можетъ быть знаніемъ не понимаемъ это послѣднее такъ узко, не отвергаемъ необходимости откровения и вовсе не склонны противопологать какъ нѣчто безусловно различное даже такъ называемое естественное знаніе сверхъестественному, считаемъ чудеса одними изъ данныхъ для убѣжденія; то очевидно, что противъ такого пониманія дѣла—ученіе о содѣйствующемъ участіи благодати въ дѣлѣ вѣрѣ ничего не говорить.

β) Свобода вѣры и невѣрія какъ условіе ихъ вмѣняемости.

Что вѣра дѣло свободы,—мы уже отчасти видѣли; теперь убѣдимся въ этомъ еще болѣе, увидѣвъ, что невѣріе вездѣ въ священномъ Писаніи приписывается свободѣ и жестокосердію

или малодушію людей, а не невѣдѣнію, и что слѣдовательно желающій всегда имѣеть возможность разумно убѣдиться въ истинѣ вѣры. Говоряція за это мѣста отчасти мы уже видѣли выше при разсмотрѣніи причинъ отказа Господа отъ чудотворенія, гдѣ указаны Матт. XI, 20—24; XII, 41, 42; Лук. X, 13—16; XI, 31—32. Тоже видимъ и въ другихъ мѣстахъ. Такъ Иоан. III, 18—22 Господь говоритъ: „вѣрующій въ Него не осудится, а не вѣрующій уже осужденъ, потому что не увѣровалъ во имя едиnorodнаго Сына Божія. Судъ же состоитъ въ томъ—*αὐτὴ δὲ ἐστὶν ἡ κρίσις*—что свѣтъ пришелъ въ міръ, но люди боже возлюбили тьму, нежели свѣтъ; потому что дѣла ихъ были злы; ибо всякій, дѣлающій злое, не навидитъ свѣтъ и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его, потому что они злы“. Какъ видимъ осужденіе невѣрующихъ основывается на возможности для нихъ познать вѣру, на томъ, что „свѣтъ пришелъ въ міръ“. Равно и XII, 37—42 св. Иоаннъ говоритъ: „Столько чудесъ сотворилъ Онъ предъ ними; и они не вѣровали въ Него, да сбудется слово Исаіи пророка: Господи! кто повѣрилъ слышанному отъ насъ и кому открылась мышца Господня?“ и дальше прибавляетъ: „потому не могли они вѣровать, что, какъ еще сказалъ Исаія: народъ сей ослѣпилъ глаза свои и окаменилъ сердце свое, да не видятъ глазами и не уразумѣютъ сердцемъ, и не обратятся, чтобъ Я исцѣлилъ ихъ“..... Впрочемъ и изъ начальниковъ многіе увѣровали въ Него, но ради фарисеевъ не исповѣдовали, чтобы не быть отлученными отъ синагоги, ибо возлюбили больше славу человѣческую, нежели славу Божію“. Тоже V, 40—44; VIII, 45, 46. Дѣян. VII, 51—53; XXVIII, 25—27.

Что здѣсь главнымъ образомъ причиною невѣрія служило не столько невѣдѣніе, сколько не желаніе согласиться, признать истину, еще яснѣе говорятъ слѣдующія слова Господа къ фарисеямъ на ихъ вопросъ: неужели и мы слѣпы? (послѣ исцѣленія слѣпородженнаго): „если бы вы были слѣпы, то не имѣли

бы на себѣ грѣха: но какъ вы говорите, что видите: то грѣхъ остается на васъ“ IX, 41. Тоже XVI, 22—25. И между прочимъ самое то, что невѣріе осуждается какъ грѣхъ (III, 18; 33—36; XV, 22—27), показываетъ, что оно дѣло свободы, тѣмъ болѣе, что Самъ Господь неоднократно признаетъ, что, еслибъ не было данныхъ вѣрить, невѣріе не было бы грѣхомъ.—Такъ Иоан. XV, 23—24 читаемъ: „Если бы Я не пришелъ и не говорилъ имъ, то не имѣли бы грѣха: а теперь не имѣютъ извиненія во грѣхѣ своемъ. Если бы Я не сотворилъ между ними дѣлъ, какихъ никто другой не дѣлалъ, то не имѣли бы грѣха. Тоже Иоанна IV, 48 ст. Подобное видимъ и Иоан. I, 46—51: Наанаиль, шедшій къ Господу съ сомнѣніемъ: „изъ Назарета можетъ ли быть что доброе?“ не только не порицается, но называется израильтяниномъ, „въ немъ же лъсти нѣсть“, такъ какъ у него еще не было данныхъ для вѣры.

Равно и ап. Павелъ говоритъ о себѣ, что его Богъ „помиловалъ“, хотя онъ былъ „хулитель, и гонитель, и обидчикъ“, потому что онъ такъ поступалъ по невѣдѣнію—*ἔτι ἀγνοῶν ἐποτρύνειν ἐν ἀπιστίᾳ*. 1 Тим. I, 13. Такимъ образомъ, какъ вѣра, такъ и невѣріе, по ученію св. Писанія, оказываются дѣломъ свободы (хотя конечно не безусловно и исключительно, ибо мы и вообще не обладаемъ безусловною свободою), при чемъ эта послѣдняя обусловливается не отсутствіемъ твердыхъ и положительныхъ данныхъ за вѣру (какъ хотятъ представить нѣкоторые), а возможностью для человѣка грубаго, закоренѣлаго противленія даже очевидной истинѣ, или слабаго малодушія увлекающагося мнѣніями большинства или сильныхъ міра.

в) Заключеніе.

§ 1. Мы видѣли, что по ученію св. Писанія намъ дано все необходимое для познанія вѣры: виѣшняя и внутренняя природа учитъ насъ общимъ и основнымъ истинамъ вѣры, сверхъестественное откровеніе, свидѣтельствуя свою истинность всѣми

возможными, — какъ естественными, такъ и сверхъестественными доводами, сообщаетъ намъ всю необходимую для спасенія полноту вѣдѣнiя въ дѣлѣ вѣры. Отсюда ясно, что желающій всегда можетъ разумно и твердо убѣдиться въ истинности вѣры и что вѣра слѣдовательно для желающихъ и стремящихся къ тому можетъ всегда етать на степень знанiя. И мы дѣйствительно знаемъ такiе примѣры; чтобъ не распространяться много, укажемъ на примѣръ св. Павла, говорящаго о себѣ во 2 Тим. I, 12: „я знаю, кому повѣрилъ, — οἶδα γὰρ, ὃ πεπίστευκα — и убѣжденъ — πέπεισμαι — что онъ силенъ сохранить залогъ мой на онъй день“. Нужно чувствовать непосредственно силу греческаго — πέπεισμαι, чтобы понять все значенiе этого выраженiя; это не вѣра легкомысленная, — нѣтъ, это увѣренность самая неповоротная въ томъ, чего дознался, въ чемъ убѣдился самымъ очевиднымъ образомъ, не допускающимъ сомнѣнiя непосредственнымъ личнымъ непобѣдимымъ сознаниемъ истинности, можетъ быть опытомъ всей жизни. — Да, нужно только искренно желать и стремиться познать истину, и она себя не заставитъ ждать: тамъ, гдѣ ослабѣютъ наши силы, она сама придетъ намъ на помощь. Мы знаемъ, Премилосердный не презрѣлъ ни благочестиваго язычника (Корнилiя сотника), ни фанатическаго преслѣдователя своей Церкви (Савла), но, первому пославъ ангела, второму явившись Самъ, обоихъ привелъ на путь такъ искренно, такъ страстно (особенно во второмъ случаѣ) желаемой ими истины; — Онъ Тотъ-же и нынѣ, Тотъ-же и всегда; для Него нѣтъ времени и измѣненiй. Тѣмъ болѣе дано средствъ къ познанию вѣры тѣмъ, кто ставъ членомъ Церкви, — и можетъ быть уже съ колыбели — имѣеть залогъ Духа Святаго: здѣсь нужно лишь развивать благiе задатки, помня, что высшiе дары даются намъ не для того, чтобы мы бездѣйствовали, но что именно степень готовности приумножать данный талантъ служить основаниемъ тому, что одному дается пять талантовъ, другому два, а третьему одинъ.

§ 2. Но намъ не только даны средства познать истину вѣры, но и требуется, чтобъ мы ими должно воспользовались, достигли этого познанія, и коль скоро мы исполняемъ это требованіе, намъ вмѣняется это въ добродѣтель,—неисполняемъ,—въ грѣхъ. Посылая апостоловъ проповѣдывать истину Своего ученія, Господь сказалъ имъ: „кто повѣритъ и крестится, спасется, кто не повѣритъ, осудится“ (Марк. XVI, 16). И мы видѣли, что это вмѣненіе именно основывается на томъ, что какъ вѣрить такъ и не вѣрить зависитъ отъ насъ,—отъ нашего желанія или не желанія, а не отъ невозможности убѣдиться разумно, познать истину вѣры. Но если невѣрующіе осуждаются за то, что они, зная, или по крайней мѣрѣ имѣя всю возможность познать истину, тѣмъ не мѣе не хотятъ ее знать, или даже прямо отвергаютъ; то, очевидно, и вѣрующіе спасаются за то, что познавъ истину, съ любовію ее принимаютъ; тогда какъ первымъ вмѣняется въ грѣхъ ихъ равнодушіе или ненависть къ истинѣ, послѣднимъ вмѣняется въ добродѣтель живая любовь къ ней, въ силу которой они ее тщательно ищутъ и найдя охотно усваиваютъ. Что это именно такъ, это мы наполовину видѣли, наполовину увидимъ. Что невѣріе именно потому и осуждается, что оно произвольно, что невѣрующій не хочетъ признать истиной не то о чемъ онъ ничего не знаетъ, но то, о чемъ онъ или знаетъ или зналъ-бы, еслибъ хотѣлъ, что это истина,—мы уже видѣли; а что и вѣра вмѣняется въ добродѣтель именно потому, что она есть добровольное сознательное принятіе истины, признаніе истиннымъ того, относительно истинности чего вѣрующій несомнѣнно убѣдился,—ясно само собою: какая была бы добродѣтель признавать истиннымъ то, относительно чего не извѣстно, истинно ли оно или нѣтъ? Еслибъ здѣсь не было грѣха, то, очевидно, не было бы и добродѣтели, такъ какъ, то или другое является нравственно добрымъ или нравственно злымъ, смотря по тому, проявляетъ ли оно любовь къ добру, или любовь ко злу; но чтобы вѣра была проявленіемъ любви къ доб-

ру, нужно прежде быть убѣжденнымъ, что принимаемое за истинно дѣйствительно истина, иначе,—добро, а не ложь, не зло. Коль скоро ни того, ни другаго неизвѣстно, чтобы мы ни выбрали: вѣру или невѣріе, нашъ выборъ будетъ съ нравственной точки зрѣнія безразличенъ, а слѣдовательно и невѣняемъ. И мы дѣйствительно видимъ, что по ученію св. Писанія невѣдѣніе уничтожаетъ вмѣненіе; правда во всѣхъ приведенныхъ выше мѣстахъ невѣдѣніе уничтожаетъ вмѣненіе грѣха,—но едвали можно сомнѣваться, что и добро, сдѣланное не по убѣжденію, что оно добро и что дѣлать его хорошо, а по незнанію или равнодушію, не можетъ быть сочтено за положительно нравственно-добрый поступокъ. Повидимому эта мысль выражается даже прямо въ св. Писаніи—въ словахъ Господа самарянскѣ: „вы не знаете, чему покланяетесь; мы знаемъ, чему покланяемся, ибо спасеніе отъ іудеевъ“ (Іоан. IV, 22): ясно сознательному поклоненію здѣсь (какъ видно по ходу мыслей) дается предпочтеніе предъ болѣе или менѣе безотчетнымъ. Еслижъ такъ, то очевидно, что для того, чтобы вѣра была нравственно добрымъ дѣйствіемъ или состояніемъ, она должна быть разумно-сознательнымъ убѣжденіемъ; а такъ какъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что по ученію св. Писанія вѣра является добродѣтелью,—и самую первую,—то не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что она по самой идеѣ своей является вполне сознательнымъ, разумнымъ убѣжденіемъ *). И мы, дѣйствительно, видимъ, что вѣра сознательная, могущая всегда дать отчетъ относительно истинности своихъ убѣжденій, является весьма желательною для апостоловъ; къ ней они совѣтуютъ стремиться христіанамъ.

---

*) Напрасно нѣкоторые хотятъ именно на отсутствіи ясной доказуемости истины вѣры обосновать понятіе о ней какъ о добродѣтели и дѣлѣ свободы (Справ. Обзорѣніе 1881 г. Необходимость, возможность и методъ научнаго оправданія христіанства); не говоря о томъ, что подтвержденія такой мысли нельзя найти въ св. Писаніи, такъ думать значило бы представлять вѣру не дѣломъ свободы (которая разумна), а дѣломъ безотчетнаго, а потому и невѣняемаго произвола,

Такъ ап. Петръ въ 1 посл. III, 15 говоритъ: будьте всегда готовы всякому, требующему у васъ отчета въ вашемъ упованіи, дать отвѣтъ съ кротостію и благоговѣніемъ“. Если принять во вниманіе, что здѣсь словомъ „отвѣтъ“ передается греческое ἀπολογία, означающее не столько отвѣтъ, сколько по преимуществу оправданіе, защиту, то окажется, что апостолю велитъ не только отчетливо знать чему, но и почему вѣришь, быть готовымъ всегда на защиту своихъ убѣжденій, что конечно предполагаетъ уже напередъ разумно-сознательное усвоеніе ихъ. Тоже Кол. IV, 6; Тим. I, 9; Ефес. V, 11.

А такъ какъ однимъ изъ путей къ разумному убѣжденію въ чемъ либо служить изслѣдованіе, испытаніе, то ап. Павелъ и совѣтуетъ пользоваться этимъ средствомъ, говоря 1 Тим. V, 20: „все испытывайте—πάντα δοκιμάζετε—хорошаго держитесь“. Подобныя же пожеланія со стороны апостола христіанамъ видны Рим. XII, 2; Ефес. V, 10, 17; Фил. I, 9, 10 *).

Такимъ образомъ—для апостоловъ желательны какъ слѣдствія, такъ средства разумнаго убѣжденія въ дѣлѣ вѣры, а слѣдовательно и оно само; такъ что въ виду всего нами доселѣ видѣннаго можно смѣло сказать, что идея вѣры и вмѣстѣ идеаль ея для человѣка,—это свободное разумно-сознательное убѣжденіе.

---

*) Правда, употребляемый во всѣхъ указанныхъ мѣстахъ глаголь δοκιμάζειν можно иногда передавать и словомъ познавать, а не испытывать, изслѣдовать (см русскій переводъ Новаго Зав.), тѣмъ не менѣе нужно не забывать, что понятіе познанія выражается δοκιμάζειν сильнѣе, чѣмъ словами γινώσκειν, εἰδέναι,—это не просто познаніе, но познаніе добытое тщательнымъ изслѣдованіемъ или хотя и непосредственнымъ, но зоркимъ, свѣдущимъ взоромъ умственаго ока.

IV. Допустимость вѣры болѣе или менѣе безотчетной.

Мы видѣли, — сознательность, разумность убѣжденія въ дѣлѣ вѣры требуется самою идеею ея, полная разумность въ ея области — идеаль ея; но было бы слишкомъ скоро заключать отсюда, что всякое убѣжденіе въ истинности вѣры, не вполне ясно и отчетливо сознающее свои основанія, не могущее всегда твердо обосновать и оправдать себя предъ лицомъ другаго, въ силу этого не можетъ быть уже и названо вѣрою, — вообще имѣть какое либо значеніе съ точки зрѣнія св. Писанія. Ставя разумность вѣры идеаломъ, уча насъ вообще до возможности достиженія этой разумности, св. Писаніе въ тоже время не отвергаетъ и вѣры болѣе или менѣе безотчетной, усвоившей убѣжденіе въ истинѣ ученія Христова болѣе или менѣе слѣпо, въ виду ли то значенія въ глазахъ принимавшаго тѣхъ, кто общалъ ученіе вѣры, или въ виду согласія съ нимъ окружающаго большинства, или на основаніи иныхъ какихъ либо немногихъ данныхъ, или наконецъ даже — если только возможенъ такой случай — вовсе безъ всякихъ данныхъ.

Какъ относится это допущеніе безотчетной вѣры ко всему тому, что мы до сихъ поръ видѣли — вопросъ иной; но объ этомъ рѣчь впереди, теперь же постараемся показать, что такое допущеніе болѣе или менѣе, или вполне безотчетной вѣры вовсе не чуждо св. Писанію. При этомъ прежде чѣмъ указать прямо мѣста говорящія за допустимость безотчетной вѣры считаемъ нужнымъ разсмотрѣть мѣста, говорящія за это лишь повидимому. Разсмотрѣть послѣднія мѣста тѣмъ болѣе необходимо, что они могутъ на первый взглядъ не только казаться говорящими за допустимость безотчетной вѣры, но даже за ея преимущество, — казаться высказывающими похвалу и предпочтеніе такой вѣрѣ. Эта послѣдняя мысль, очевидно, исключала бы, по крайней мѣрѣ, на половину то, что только что

сказано въ предыдущей главѣ: идеаломъ вѣры являлась бы уже не разумно-сознательная, но безотчетная вѣра. Поэтому предварительное разсмотрѣніе этихъ мѣстъ, какъ уже сказано,—необходимо.

а) Мѣста Св. Писанія, говорящія повидимому за безотчетную вѣру.

Мѣсть, могущихъ показаться, и дѣйствительно, какъ не рѣдко можно видѣть, кажущихся говорящими за безотчетную вѣру въ св. Писаніи Нового Завѣта не особенно мало; такъ что мы нашли болѣе удобнымъ раздѣлить ихъ на нѣсколько отдѣловъ.

Первый отдѣлъ составляютъ мѣста, представляющія, по видимому, примѣры безотчетной вѣры; второй—мѣста, противопологающія вѣру видѣвшихъ вѣрѣ невидѣвшихъ: вѣру—видѣнію; третій—мѣста, противопологающія вѣру мудрости міра, и четвертый—мѣста, лишь повидимому относящіяся къ нашему вопросу.

а) Кажущіеся примѣры безотчетной вѣры.

Таковые примѣры, повидимому, безотчетной вѣры представляютъ апостолы: Андрей и Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, Филиппъ, Матоей, слѣдующіе за Господомъ по одному Его слову и признающіе Его чуть ли не безъ всякихъ данныхъ обѣтованнымъ Мессіей. Такъ Матѣ. IV, 18—22 читаемъ: „проходя... близъ моря Галилейскаго, Онъ (Господь) увидѣлъ двухъ братьевъ,—Симона, называемаго Петромъ, и Андрея, брата его, закидывающихъ сѣти въ море; ибо они были рыболовы. И говоритъ имъ: идите за Мною, и Я сдѣлаю васъ ловцами чловѣковъ. И они *тотчасъ*, оставивъ сѣти, послѣдовали за Нимъ. Оттуда идя далѣе, увидѣлъ Онъ другихъ двухъ братьевъ, Іакова Зеведеева и Іоанна, брата его, въ лодкѣ съ Зеведеемъ, отцемъ ихъ, починивающихъ сѣти свои и призвалъ ихъ. И они *тотчасъ*, оставивъ сѣти и отца своего, послѣдовали за Нимъ“. Тоже Марк. I, 16—20. Притомъ, какъ можно думать на основаніи Іоанна I 42, они послѣдовали за Нимъ какъ за Мессіею. Подобное же

видимъ относительно св. Филиппа Иоан. I, 44—46 и св. Матѳея. Матѳ. IX, 9 и вѣроятно тождественнаго съ нимъ Левія Марк. II, 14, 15; Лук. V, 27—29. Вотъ, повидимому, образцы самой безотчетной, слѣпой вѣры. Но дѣло приметъ совсѣмъ другой видъ, если понять его какъ слѣдуетъ. Именно: во первыхъ, если не говорится, что Господь призвалъ ихъ послѣ какого-либо знаменія, какъ то видимъ у евангелиста Матѳея и Марка, то отсюда нельзя заключать, что такого знаменія не было; во вторыхъ, другіе евангелисты, говоря о рассказанныхъ событіяхъ не такъ кратко, даютъ видѣть, что въ знаменіяхъ и вообще въ данныхъ для вѣры во время призванія Господомъ упомянутыхъ учениковъ не было недостатка. Такъ уже у св. Иоанна I, 35—43 Андрей слѣдуетъ за Господомъ по указанію Крестителя, причемъ нельзя отрицать, что будучи ученикомъ послѣдняго, Андрей не былъ свидѣтелемъ крещенія Господа и сопровождавшихъ это событіе знаменій (32,—34); Симонъ же, (перепроименованный въ Петра) приводится уже братомъ, пробывшимъ съ Господомъ цѣлый день, (40). Если же имѣть въ виду повѣствованіе св. Луки, по собственнымъ словамъ писавшаго все „по порядку“— $\alpha\alpha\alpha\alpha\alpha\alpha$ (Лук. I, 3), то окажется, что описанное выше призваніе четырехъ учениковъ произошло не только послѣ того, какъ молва о Господѣ распространилась по всѣмъ окрестностямъ Галилеи (IV, 14, 37), какъ совершены были многія чудеса (IV, 33—41), причемъ изгоняемые изъ людей злые духи свидѣтельствовали, что Господь — Мессія (IV, 41), и одно изъ чудесъ совершено было, какъ кажется, въ дому самого же призваннаго послѣ ап. Петра (ст. 38), но самое призваніе идетъ влѣдъ за только что совершеннымъ въ глазахъ трехъ призванныхъ учениковъ (Симона, Іакова и Иоанна) чудомъ. Вотъ слова св. Луки: „Однажды, когда народъ тѣснился къ Нему, чтобы слышать слово Божіе, а Онъ стоялъ у озера Геннисаретскаго, увидѣлъ Онъ двѣ лодки, стоящія на озерѣ; а рыболовы, вышедши изъ нихъ, вымывали сѣти. Во-

шедши въ одну лодку, которая была Симонова, Онъ просилъ его отплыть нѣсколько отъ берега, и сѣвши училъ народъ изъ лодки. Когда же пересталъ учить, сказалъ Симону: отплыви на глубину, и закиньте сѣти свои для лова. Симонъ сказалъ Ему въ отвѣтъ: Наставникъ! мы трудились всю ночь, и ничего не поймали; но по слову Твоему закину сѣть. Сдѣлавъ это, они поймали великое множество рыбы, и даже сѣть у нихъ прорывалась. И дали знакъ товарищамъ, находившимся на другой лодкѣ, чтобы пришли помочь имъ; и пришли и наполнили обѣ лодки, такъ что онѣ начали тонуть. Увидѣвъ это, Симонъ Петръ припалъ къ колѣнамъ Иисуса, и сказалъ: выйди отъ меня, Господи! потому что я человѣкъ грѣшный. Ибо ужасъ объялъ его и всѣхъ, бывшихъ съ нимъ, отъ этого лова рыбъ, ими пойманныхъ *); также и Иакова и Иоанна, сыновей Зеведеевыхъ, бывшихъ товарищами Симону. И сказалъ Симону Иисусъ; не бойся; отнынѣ будешь ловить человѣковъ. И вытащивъ обѣ лодки на берегъ, оставили все и послѣдовали за Нимъ“. V, 1—11 **).

Такимъ образомъ о безотчетности вѣры св. Андрея, Петра, Иакова и Иоанна нельзя говорить; относительно же св. Филиппа, равно какъ и св. Матвея тѣмъ болѣе, такъ какъ призваніе ихъ, судя по порядку повѣствованія о нихъ, совершилось послѣ призванія четырехъ первыхъ учениковъ ***).

---

*) ἐπὶ τῇ ἄγρᾳ τῶν ἰχθύων ἢ συνέλαβον. Человкость выраженія, какъ видно, принадлежитъ переводу.

***) Все это впрочемъ можно предположить и на основаніи евангелія Матвея, гдѣ черезъ нѣсколько строкъ послѣ описанія призванія говорится, что слухъ о Господѣ разнесся по всей Сиріи, что предполагаетъ и много данныхъ для этого и много времени; еслижъ обо всемъ этомъ говорится лишь въ одномъ стихѣ, то это указываетъ на крайнюю краткость рѣчи въ этомъ мѣстѣ. А отсюда близка мысль, что и при описаніи призванія апостоловъ о многомъ, въ виду краткости, умалчивается.

****) Сюда же можно отнести и Рим. IV, 18—22, гдѣ хвалится вѣра Авраама за то, что „онъ сверхъ надежды повѣрилъ съ надеждою“... , что „не изнемогши въ вѣрѣ, онъ не помышлялъ, что тѣло его, почти столѣтняго, уже омертвѣло и утроба Саррина въ умертвленіи: не поколебался въ обѣтованіи Божіемъ невѣріемъ, но пребылъ твердъ въ вѣрѣ, воздавъ славу Богу и будучи исполнѣнъ увѣренъ, что Онъ силешъ исполнить обѣщанное“ (подобное Евр. XI, 8, 17). По видимому, здѣсь хвалится даже не безотчетная, не имѣющая данныхъ вѣра, а

3) Мѣста св. Писанія, противопологающія вѣру видѣвшихъ вѣрѣ не видѣвшихъ; вѣру—видѣнію.

§ 1. Разборъ такого рода мѣстъ начнемъ разсмотрѣніемъ довольно извѣстнаго изреченія Господа Іоан. XX, 29: „блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе“. Какъ, повидимому, кажется, и какъ то дѣйствительно не рѣдко представляютъ себѣ нѣкоторые, въ этихъ словахъ вѣра безъ особыхъ данныхъ, не разсуждающая, безотчетная не только протипологается, но даже предпочитается вѣрѣ, основывающейся на данныхъ:—вѣрующіе не видя не только не порицаются, но ублажаются.—Но такъ ли это? Если всмотрѣться въ дѣло ближе, то прежде всего не можетъ не казаться не много страннымъ, что подобное мѣсто встрѣчается въ евангеліи св. Іоанна и притомъ всего одинъ разъ. Если бы св. Іоаннъ держался только что указаннаго взгляда и приписывалъ Господу желаніе вѣры въ Него ни на чемъ неоснованной, онъ непременно долженъ бы былъ выразить это и въ другихъ мѣстахъ, тѣмъ болѣе, что этого требовали, если и не цѣль и поводъ, то во всякомъ случаѣ обстоятельства написанія послѣдняго Евангелія *) Еслибы святой Іоаннъ предпочиталъ вѣру слѣщую, странно думать, чтобъ онъ сталъ такъ часто называть ее знаніемъ; чтобъ напротивъ не выразилъ многократно ясно и опредѣленно, что говорить о какомъ либо знаніи въ дѣлѣ вѣры, испытаніи, разсужденіи, доказательствѣ съ точки зрѣнія Христова ученія нельзя. Но какъ мы видѣли, онъ

какая то идущая на перекоръ всѣмъ соображеніямъ разсудка. Но это можетъ показаться лишь на первый взглядъ, на самомъ же дѣлѣ здѣсь собственно говоря нѣтъ и рѣчи ни о слѣпотѣ, ни о разумности вѣры, а лишь о рѣшимости въ противоположность малодушію. Авраамъ зналъ Бога, Онъ ему не разъ являлся и говорилъ, такъ что для него бытіе Бога было внѣ всякаго сомнѣнія, и слѣд. не вѣрить Его обѣтованіямъ, въ вѣрности словъ и могуществѣ Котораго не могло быть сомнѣнія, значило бы не невѣрить слѣпо, а лишь малодушествовать, не имѣть силы воли и рѣшимости. Иное дѣло, еслибы здѣсь говорилось о самой вѣрѣ Авраама въ Бога, въ бытіе Его, но здѣсь рѣчь не о ней, а уже о слѣдствіяхъ ея: о рѣшимости довѣряться Богу и полагаться на Него.

*) Развитие гностицизма. См. выше относительно словоупотребленія св. Іоанна.

вездѣ поступаетъ какъ разъ наоборотъ; естественно думать, что и здѣсь въ указанныхъ словахъ, не содержится чего либо новаго, противнаго всему тому, что мы до сихъ поръ видѣли. И дѣйствительно, если понять слова: „блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе“ въ ихъ связи съ событіями, со всёми тѣмъ, что имъ предшествовало, то слышимый въ нихъ упрекъ будетъ весьма понятенъ и для уясненія его вовсе не потребуются истолковывать эти слова въ смыслѣ похвалы слѣпой вѣрѣ. Вспомнимъ какъ, чему и при какихъ обстоятельствахъ *Теома* не вѣрилъ. Не забудемъ, что онъ былъ ученикомъ Господа и не одинъ годъ ходилъ съ Нимъ по *Иудеѣ* и *Галилеѣ*, слушалъ Его ученіе, про которое говорили, что никто никогда такъ не говорилъ, какъ Господь, видѣлъ Его безчисленные чудеса, слышалъ и неоднократно предсказанія Его о своихъ страданіяхъ, смерти и воскресеніи съ прямо высказывавшеюся цѣлю ихъ (предсказаній): „теперь сказываю вамъ, прежде нежели то сбылось, дабы, когда сбудется, вы повѣрили, что это Я“ (XIII, 19); наконецъ слышалъ отъ женъ, ходившихъ на гробъ и видѣвшихъ воскресшаго Господа, а равно и отъ одиннадцати также видѣвшихъ Его учениковъ о воскресеніи, и послѣ всего этого не вѣрилъ. Это не то, что невѣріе *Наанаила*, здѣсь проявляется какое то грубое, не обращающее ни на что вниманіе упорство, — кто бы что ни говорилъ, но пока самъ не увижу, говорить св. *Теома*, не повѣрю! Это-то упорство и порицается, и если угодно, порицается до известной степени и грубый чувственный образъ изслѣдованія *). А что это дѣйствительно былъ грубый

---

*) Подобное же можно сказать и относительно того, что Господь, явившись ученикамъ, послѣ того какъ они неоднократно слышавъ о явленіяхъ Господа отъ своихъ же собратьевъ и близко знакомыхъ, не вѣрили Его воскресенію, „упрекалъ ихъ за невѣріе и жестокосердіе, что видѣвшимъ Его воскресшаго не повѣрили“ *Марк. XIV, 14*. Развѣ они не видѣли отъ него столько знаменій и чудесъ, развѣ Онъ не воскресалъ неоднократно на глазахъ ихъ мертвецовъ? Развѣ не говорилъ наконецъ Онъ имъ Самъ напередъ, что все это: страданіе, смерть, воскресеніе—должно быть? И послѣ этого не вѣрить тѣмъ, кто Его ви

способъ, — грубый не самъ по себѣ, не по существу, но потому, кто и при какихъ обстоятельствахъ имъ пользовался, это очевидно. Къ тѣмъ дивнымъ рѣчамъ Господа, относительно которыхъ св. Петръ сказалъ: къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы жизни вѣчной, св. Тома былъ глухъ, онѣ не трогали его сердца, по крайней мѣрѣ на столько, чтобъ онѣ могъ видѣть въ нихъ, что говорившій ихъ — не простой человѣкъ; всѣ чудеса, между которыми были и воскресенія мертвыхъ, даже четверодневныхъ, затѣмъ предсказанія пророковъ, исполненіе ихъ и наконецъ самое обращеніе съ Господомъ, тѣ неотразимо влекущія къ себѣ прекрасныя черты Его характера, гармоническое соединеніе въ Немъ дивнаго величія и простоты, неуклонной вѣрности закону и святости и непредѣльной кротости и милосердія, — все это, всѣ эти разнообразныя данныя, невольво вызывавшія вѣру въ душахъ болѣе доступныхъ вліянію впечатлѣній на высшія стороны чувства и вообще души, какъ то мы видимъ напр. въ св. Петрѣ и Іоаннѣ *), — все это для св. Тома не значить ни чего, ко всему этому онѣ глухъ, слѣпъ; онѣ знаетъ лишь одно: ему во что бы то ни стало нужно ощупать руками, — тогда онѣ повѣритъ. Нельзя не согласиться, что въ виду всего сказаннаго это слишкомъ не далекій способъ изслѣдованія; что удивительнаго, что онѣ порицается? Что удивительнаго, что задумавшій испытывать чуть ли не самое божество руками, слышитъ: блаженны не видѣвшіе, но вѣровавшіе?

Если мы при томъ обратимъ вниманіе на то, что здѣсь говорится, судя по связи, лишь о вѣрѣ въ воскресеніе съ одной стороны, и о томъ, что можно вѣрить и не выдавъ, съ другой, то окажется, что собственно отрицанія вообще способовъ убѣжденія здѣсь вовсе и нѣтъ; даже вырванныя изъ связи слова дѣла воскресимъ? — Это подобно тому, какъ еслибъ кто, услышавъ въ жаркій лѣтній день отъ путника, что онѣ или видѣлъ солнце, сталъ сомнѣваться въ истинѣ словъ послѣдняго.

*) Іоан. XX, 8. Для св. Іоанна достаточно было увидѣть пустоту гроба, чтобъ повѣрить воскресенію, хотя онѣ и не зналъ отъ Писанія, что Господу надлежало воскреснуть (9 ст.). Относительно св. Петра Матѣ, XVI, 17; Іоан. VII, 68, 69.

утверждаютъ лишь, что можно вѣрить, быть убѣжденнымъ и въ томъ, чего не видишь.

Если имѣя въ виду слово „блаженны“ скажутъ, что здѣсь не только высказывается возможность вѣрить не видя, но и предпочтеніе такой вѣры, то думающимъ такъ можно предложить вопросъ: можно ли заключить изъ того, что блаженны вѣрующіе не видя, къ тому, что вѣрующіе видя не блаженны? Обычныя законы мысли не допускаютъ такого вывода, священное же Писаніе даже положительно отрицаетъ: тогда пришлось бы считать не блаженными всѣхъ апостоловъ, тогда какъ ихъ ублажилъ самъ Господь и именно за то, что они видятъ и слышатъ то, видѣть и слышать что желали многіе, пророки и праведники, и не видали. Матѳ XIII, 16, 17; Лук. X, 23, 24.

Наконецъ, нельзя упускать изъ виду и того, что и самъ св. Оома не лишается гразумленія и требуемаго имъ удостовѣренія истины воскресенія—ему предлагается осмотрѣть руки и ребра Господа (ст. 27). Очевидно, еслибъ стремленіе св. Оомы было худо по существу, то Господь неудовлетворилъ бы злomu желанію; но оно худо лишь сравнительно и лишь для св. Оомы, имѣвшаго и помимо того много данныхъ для вѣры какъ въ Господа вообще, такъ и въ Его воскресеніе,—въ частности. Но какъ въ нравственно-дѣятельной области въ тѣсномъ смыслѣ подвигъ тѣмъ выше, чѣмъ больше препятствій, такъ равно и въ дѣлѣ вѣры заслуга ея тѣмъ выше, чѣмъ больше поборого сомнѣній, чѣмъ чище, стало быть доступнѣе истинѣ, прозорливѣе душа, могущая видѣть своимъ непомяченнымъ окомъ истину даже и тамъ, гдѣ она прикрыта и ускользаетъ отъ грубыхъ и не далекихъ; поэтому-то и разбираемыя слова Господа, если уже и говорятъ, то никакъ не за безотчетную слѣпую вѣру, а скорѣе за просвѣщеніе ока души, за развитіе въ себѣ тѣхъ вышнихъ задатковъ нашей природы, въ случаѣ развитія которыхъ истина, и въ частности истина бытія Божія и Его откровенія, будетъ не только ясна, близка нашему сердцу и уму,

но сдѣлается необходимостью, непремѣннымъ условіемъ самаго разумно-сознательнаго бытія души; на оборотъ въ случаѣ заглушенія которыхъ, какъ мы видимъ у фарисеевъ и другихъ соблазнявшихся, не помогутъ никакія чудеса, лишатся всякой силы и значенія всѣ самыя очевидныя виѣшнія доказательства *).

§ 2. Еще менѣе можно что либо вывести относительно безотчетной вѣры изъ двухъ другихъ мѣстъ: 2 Кор. V, 7 и 1 Петр. I, 8, противопологающихъ, по видимому, вѣру видѣнію. Первое изъ этихъ мѣстъ читается такъ: „ибо мы вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ“, при чемъ это говорится о жизни въ этомъ мірѣ въ противоположность будущей. Но если мы чему либо вѣримъ, не видя, то значить ли, что наша вѣра вполне безотчетна? Развѣ непосредственное видѣніе единственный способъ убѣжденія и познанія? Развѣ самъ апостоль Павелъ въ непосредственно предшествующихъ стихахъ не говоритъ, что мы имѣемъ въ себѣ залогъ Духа Святаго (ст. 5) — залогъ утверждающій насъ во Христѣ (I, 21) и поучающій въ дѣлѣ вѣры (1 Иоан. II, 21, 27) и знаемъ, — ἐξ ὁδοῦς (ст. 6), — что живя „въ тѣлѣ, мы устранимы отъ Господа“.

Что касается втораго мѣста, то относительно его даже нельзя рѣшительно сказать, что оно противопологаетъ вѣру видѣнію; — оно лишь говоритъ, что можно вѣрить и невидя. Апостоль говоритъ, что читатели его посланія „не видѣвъ“ любить Господа и „невидя, но вѣруя въ Него“, радуются радостію неизреченною. Если отсюда выводить, что вѣра всегда

*) Считаю не лишнимъ привести прекрасное отеческое мнѣніе относительно разбираемыхъ словъ. „Сказалъ это“ („блаженны невидѣвшіе и вѣровавшіе“), говорить св. Златоустъ, „не съ тѣмъ, чтобы Ему лишить блаженства, но чтобы утѣшить невидѣвшихъ. Ибо многіе говорятъ: блаженны очи, видѣвшія Господа. Онъ утѣшаетъ таковыхъ, говоря, что болѣе блаженства въ томъ, чтобы не видѣть и вѣровать“. Дѣйствительно, Господь какъ всевѣдущій и сердцеувѣдецъ, прозираетъ вѣка и сокровенныя помышленія сердецъ человѣческихъ; Онъ знаетъ, что и послѣ будутъ души искренно Ему преданныя, горячо любящія Его, которыя въ простотѣ своего глубокаго чувства будутъ желать Его видѣть даже тѣлесными очами. Что страннаго, что, милосердый и любящій, Онъ изрекаетъ имъ утѣшеніе? И какъ бы ни казалось это объясненіе недалекимъ и неосновательнымъ съ точки зрѣнія логики и обычныхъ пріемовъ толкованія, не мало въ глубинѣ безхитростнаго сердца вѣрующихъ душъ согласится, что означенныя слова для любящаго сердца звучатъ утѣшеніемъ, невольно льютъ въ него отраду.

есть увѣренность въ невидимомъ, то тогда придется вмѣстѣ вывести изъ тѣхъ же словъ, что и любовь есть всегда стремленіе къ невидимому; но какъ любовь не требуетъ непременно отсутствія предмета, такъ не требуетъ того и вѣра.

§ 3. Остается наконецъ еще мѣсто, противопологающее, какъ думаютъ нѣкоторые, вѣру знанію, видѣнію но самому существу; и притомъ считающееся нѣкоторыми чуть ли не прямо опредѣленіемъ понятія вѣры въ буквальный смыслъ слова, т. е. указаніемъ всѣхъ ея признаковъ.—Разумѣемъ первый стихъ XI посланія къ Евреямъ и вмѣстѣ всю XI главу. Этотъ первый стихъ въ подлинникѣ читается такъ: ἔστι δὲ πίστις ἐλπίζομένων ὑπόστασις, πραγμάτων ἔλεγχος οὐ βλεπομένων, т. е. вѣра есть сущность—не въ смыслѣ субстанціи, а въ смыслѣ существеннаго признака—всего того, на что мы надѣемся *)доказа-

*) Вѣрно передать подлинный смыслъ словъ: ἔστι δὲ πίστις ἐλπίζομένων ὑπόστασις, πραγμάτων ἔλεγχος οὐ βλεπομένων, особенно въ виду разнообразія существующихъ переводовъ на первый взглядъ не особенно легко. Какъ извѣстно ὑπόστασις въ философскомъ языкѣ временъ ап. Павла значило: сущность, существенный признакъ, субстанція, въ силу чего и передавалось по латини словомъ *substantia*; только въ послѣдующее время у отцевъ Церкви, вследствие споровъ по поводу догмата о Св. Троицѣ и особенно о лицѣ Христа, это слово получило особый, едва ли передаваемый вполне какимъ либо русскимъ словомъ, отбѣнокъ, въ силу котораго оно въ приложеніи къ Св. Троицѣ стало тождественнымъ съ словомъ *πρόσωπον* (хотя лучше выражало мысль объ отношеніи частнаго и общаго въ божествѣ, почему за недостаткомъ словъ при всемъ стремленіи славянскаго перевода избѣгать иностранныхъ словъ осталось даже и въ немъ, какъ и въ русскомъ безъ перевода) и противоположнымъ *οὐσία*. Но эти новые отбѣнки значеній *ὑπόστασις* не приложимы къ словоупотребленію св. Павла. Но перевести разбираемое мѣсто такъ, что вѣра есть сущность надежды, при всей простотѣ этой мысли, почему то казалось страннымъ, переводчика вѣроятно смущало слово *substantia*, хотя и стоявшее въ латинской вульгатѣ, передававшей означеннаго слова такъ: *est autem fides sperandorum substantia*, но получившее въ позднѣйшее время даже и въ латинскомъ учебномъ языкѣ болѣе тѣсное значеніе, такое же, какое имѣетъ оно и въ русскомъ (въ противоположность болѣе широкому значенію словъ: латинскаго *essentia* и русскаго сущность). По этому новому значенію слово субстанція противопологается словамъ *modus*, *accidentia*, а слѣд. и говорить въ этомъ новомъ смыслѣ о субстанціи надежды, которая есть не болѣе, какъ проявленіе, состояніе духа, *modus* его, стало страннымъ—въ этомъ смыслѣ здѣсь субстанція—душа,—хотя нѣтъ ничего страннаго говорить о сущности надежды. Но если по-

тельство и завѣреніе, или же просто представленіе и какъ бы видѣніе *) того чего не видимъ. Развитію этой мысли на при-
мѣрахъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, повидимому, посвящена

нѣтъ слово *substantia* въ смыслѣ *essentia*—сущность, то мысль окажется весьма проста и понятна: сущность надежды, иначе ея существенная черта есть увѣренность въ томъ, чего надѣемся,—не будь этой увѣренности, у насъ будетъ не надежда, а лишь холодное представленіе предмета. Вина всей этой путаницы (равно какъ и путаницы относительно пониманія слова „вѣра“), введенной во многіе изъ новѣйшихъ переводовъ, если не ошибаемся, лежитъ на той же схоластической близорукости протестантовъ съ ихъ лютеровскимъ переводомъ указаннаго мѣста: *Es ist aber der Glaube eine Zuversicht dess, das man hoffet und Nichtzweifelt an dem, das man nich siehet*. Но нѣтъ недостатка и въ переводахъ согласныхъ съ нашимъ пониманіемъ; такъ новый латинскій берлинскаго изданія 1873 г. передаетъ разбираемое мѣсто такъ: *est autem fides illud quo subsistunt quae non videntur*, равно какъ и итальянскій: *or la fede è una sussistenza delle cose che si sperano ed una dimostrazione delle cose che non si veggano*. Подобно и въ новогреческомъ переводѣ 1819 г. лондонскаго изданія это мѣсто читается такъ *καὶ ἡ πίστις εἶναι ὑπόστασις τῶν πραγμάτων, ὅπου ἐλπίζονται καὶ φανέρωσις ἐκείνων ὅπου δὲν βλέπονται*. Также передаются эти слова и въ латинской передачѣ твореній св. Отцевъ; напр. Излож. пр. вѣры Іоанна Дамаскина (см. IV, гл. X) читаемъ: *fides est sperandorum substantia, rerum argumentum non apparentium*. Наконецъ и славянскій переводъ: „вѣра есть уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ“, если приять во вниманіе, что слова „извѣщеніе, извѣствовать“ передаютъ обыкновенно греческія: *βεβαίωσις, βεβαιῶν*, и понять здѣсь слово извѣщеніе въ смыслѣ: то, на чемъ держится, утверждаетъ, подтвержденіе, основа,—подойдетъ подъ разрядъ вышеуказанныхъ переводовъ. Что касается русскаго: „вѣра есть осуществленіе ожидаемаго“—то это очевидно бессмыслица, притомъ прямо противорѣчающая непосредственно слѣдующимъ словамъ: „и увѣренность въ невидимомъ“—Если еще невидимо, то гдѣ осуществленіе? Наконецъ, сошлемся въ пользу нашего пониманія на авторитетъ греческихъ отцовъ, у которыхъ есть выраженія взаимной связи вѣры и надежды въ нашемъ смыслѣ; такъ нѣчто подобное встрѣчалось намъ при чтеніи твореній св. Дамаскина и другихъ св. отцовъ. Въ частности Климентъ Александрійскій—этотъ ученый философъ, которому греческій философскій языкъ былъ свой и который лучше насъ могъ понимать ап. Павла, тѣмъ болѣе, что и жилъ сравнительно не особо много спустя послѣ него *Στρ. II, 6* (стр. 443. Venet. ed) прямо говорить *ἤδη δὲ καὶ ἡ ἐλπίς ἐκ πίστεως συνέστηκεν*—надежда состоитъ изъ вѣры, слѣд. вѣра составная часть, сущность надежды. И весьма вѣроятно, что эти слова не представляютъ самостоятельной мысли александрійскаго учителя, а служатъ лишь перифразомъ разбираемыхъ нами словъ ап. Павла. Наконецъ, нашъ переводъ оправдывается, какъ видимъ и связью рѣчи.

*) Перенести слово *ἐλεγχος*, или какъ по славянски „обличеніе“, иначе да-

вся глава; приведемъ изъ нихъ болѣе яркій: „Вѣрою“, говоритъ апостоль, „Авраамъ повиновался призванію идти въ страну, которую имѣлъ получить въ наслѣдіе; и пошелъ, не зная, куда идетъ“. ст. 8.

Такимъ образомъ вѣра, по видимому, нѣчто совершенно противное знанію. Но прежде всего здѣсь является вопросъ: можно ли смотрѣть на слова перваго стиха, какъ на точное опредѣленіе вѣры въ тѣсномъ и буквальномъ смыслѣ? или это лишь указаніе одного изъ качествъ вѣры съ опущеніемъ всѣхъ другихъ? Если мы обратимся за отвѣтомъ къ связи рѣчи, то увидимъ, что эти слова служатъ лишь заключеніемъ одной мысли и переходомъ къ другой.

Выше въ концѣ X-ой главы высказано апостоломъ увѣщаніе жить согласно съ надеждою на будущія мздовоздаянія;— и вотъ сказавъ, что праведный отъ вѣры живъ будетъ и что мы—христиане—отъ вѣры, св. Павелъ прибавляетъ: а вѣра сущность надежды, какъ бы говоря: а слѣд. желающій спасенія долженъ надѣяться, ибо сущность надежды таже вѣра.—Это съ одной стороны; а съ другой слова XI, 1, служа заключеніемъ выше сказаннаго, являются вмѣстѣ переходомъ и точкою отправления того, что будетъ говорить ниже во всей XI главѣ. Уже выше—въ началѣ X главы—апостоль говорилъ о важности вѣры и недостаточности закона Моисеева; теперь онъ, желая показать, что сущность самаго Вѣтнаго Завѣта составляла вѣра, что самыя ветхозавѣтныя праведники, на которыхъ полагались и которыми хвалились евреи (къ которымъ писано посланіе) спасались точно также вѣрою, которая у нихъ проявлялась въ увѣренности въ будущемъ и въ довѣрїи волю Божию, въ качествѣ перехода къ этимъ примѣрамъ древнихъ праотцевъ и употребляетъ эти слова, говоря какъ бы такъ:

ваніе облика, образа словомъ представленіе даетъ право его употребленіе напр. у св. Отцевъ, гдѣ *ἐλεγχος αἰρέσεως*—лишь изложеніе ихъ—противопоставляется—*ἀνατροπή*—опроверженію ихъ.

древніе праведники жили надеждою на будущее, на то, чего они не видали, а вѣра и есть сущность надежды,—коль скоро въ надеждѣ не будетъ вѣры, она будетъ пустою мыслию, предположеніемъ, а не надеждою, какою является она по столько, по скольку съ нею соединена увѣренность; и такъ слѣд. древніе праведники жили вѣрою. Мы видимъ такимъ образомъ, здѣсь, въ своихъ видахъ, апостоль указываетъ на одинъ изъ признаковъ вѣры, но и только; что онъ дѣлаетъ здѣсь точное опредѣленіе вѣры, ни откуда не видно,—какъ разъ наоборотъ: то самое обстоятельство, что понятіе вѣры здѣсь не разслѣдуется само по себѣ, а употребляется лишь въ качествѣ переходнаго и связующаго, даетъ поводъ думать, что оно здѣсь и не раскрывается во всей полнотѣ, а лишь отчасти, по скольку это нужно здѣсь для связи рѣчи и цѣлей апостола *). Это во 1-хъ; и мы можемъ слѣд. заключать отсюда лишь то, что предметъ вѣры можетъ быть иногда невидимое, будущее и даже, если угодно, непостижимое. Во 2-хъ пусть такъ; пусть это будетъ полное опредѣленіе вѣры—чего однако нельзя признать, ибо тогда напр. вѣра апостоловъ въ воскресеніе не была бы вѣрою—все таки оно ничего еще не говоритъ относительно нашего вопроса; мы спрашиваемъ не о содержаніи вѣры, не о томъ, чему она вѣритъ, а какъ вѣритъ, на чемъ основывается? Что и много такого, что мы называемъ знаніемъ,—напр. наша

---

*) Если же ближе вникнуть въ ходъ мыслей апостола, то необходимо кромѣ того признать, что здѣсь слово πίστις понимается въ смыслѣ простой увѣренности вообще, ибо вѣра въ Бога не существенный признакъ всякой надежды,—такой признакъ ея лишь увѣренность въ томъ, на что надѣются. И это нисколько не мѣшаетъ смыслу: существенная черта христіанской вѣры увѣренность въ истинѣ Христова ученія; защищая значеніе этой существенной черты, черты субъективной по преимуществу, въ противоположность объективному оправданію дѣлами, говоря противъ іудеевъ, апостоль и говоритъ, что вѣдѣ и существенною чертою древней праведности были не дѣла сами по себѣ, а проявляющаяся въ нихъ увѣренность въ бытіи Бога и довѣріе Ему—словомъ апостоль имѣлъ въ виду противопоставить субъективное—объективному, увѣренность дѣлу, а для этого ему вполне достаточно имѣть въ виду одинъ лишь общій признакъ добродѣтели христіанской и древней—увѣренность.

увѣренность, что завтра утромъ взойдетъ солнце, что если мы сложимъ 2 и 2 будетъ 4,—имѣетъ предметомъ будущее, очевидно всякому; а между тѣмъ это не мѣшаетъ быть нашему знанію о будущемъ знаніемъ. Равно и вѣра въ силу этого признака еще не дѣлается тѣмъ самымъ какою-то безотчетною увѣренностію, а не знаніемъ. А если мы за разъясненіемъ этого послѣдняго вопроса обратимся къ приводимымъ въ XI главѣ примѣрамъ, то увидимъ, что тамъ говорится въ большинствѣ случаевъ о вѣрѣ, основывающейся на убѣжденіи въ бытіи Бога и Его праведности; самъ апостоль говоря въ ст. 6: „безъ вѣры угодить Богу невозможно: ибо надобно, чтобы приходящій къ Богу вѣровалъ, что Онъ есть и ищущимъ Его воздастъ“, ставитъ все другое въ зависимость отъ этой основной увѣренности. Но мы видѣли, что онъ же признаетъ насъ способными доходить до познанія Бога, какъ Творца, и Его воли даже естественными путями; если же увѣренность въ бытіи Бога плодъ нашихъ познавательныхъ силъ,—знаніе, то слѣд. и все, что выводится изъ нея, на ней основывается, также можетъ быть знаніемъ.

γ) Мѣста св. Писанія противопологающія вѣру мудрости міра.

§ 1. Большая часть такого рода мѣстъ принадлежитъ ап. Павлу,—тому, какъ мы видѣли, признаетъ возможность познать Бога даже естественными путями, что ведетъ къ мысли о вѣроятности того, что это противоположеніе вѣры мірской мудрости вовсе не указываетъ на недоступность истинъ вѣры обычнымъ человѣческимъ путямъ познанія, тѣмъ болѣе на недоступность ихъ никакому виду нашего познанія. Но нѣчто подобное встрѣчается и въ Евангеліи. Такъ Мате. XI, 25, Господь говоритъ: „Славолю Тебя, Отче, Господи неба и земли! что ты утаилъ сіе отъ мудрыхъ и разумныхъ и открылъ то младенцамъ“. Тоже Лук. X, 21. Здѣсь, очевидно, все дѣло въ томъ, какъ понимать эти слова: относить ли ихъ къ одно-

му или нѣсколькимъ отдѣльнымъ случаямъ или видѣть въ нихъ общее правило? Если допустить послѣднее, то конечно едвали придется говорить о разумности и сознательности того, что является достойнымъ лишь младенцевъ *) и ни въ какомъ случаѣ не разумныхъ и мудрыхъ. Итакъ можно ли видѣть въ приведенныхъ словахъ общее правило? Многое говорить, что нѣтъ. Прежде всего, какимъ бы образомъ можно было тогда сказать христіанамъ: „не будьте дѣти умомъ“ (1 Кор. XIV, 20)? Развѣ это не было бы тогда тѣмъ же, что сказать: не будьте вѣрными, не будьте христіанами? Если состояніе дѣтей, младенчество,—вообще недалекость были необходимыми качествами для принятія истинъ вѣры, а разумъ препятствіемъ, то зачѣмъ тогда было Господу, не говоря о всемъ другомъ, порицать несмыслие и недогадливость учениковъ, какъ мы то видимъ Матѳ. XIII, 19; XV, 16, XVI, 1—4, 5—12; Марк. VII, 18; VIII, 17—21; Лук. XXIV, 25. Такимъ образомъ оказывается необходимымъ признать разбираемыя слова не за общее правило, а за указаніе на частный случай. И дѣйствительно, если вникнуть въ обстоятельства произнесенія указанныхъ словъ, особенно какъ они представляются у ев. Луки, то окажется, что они были произнесены въ виду съ одной стороны живой вѣры учениковъ, радующихся о томъ, что даже духи злобы повинуются силѣ ихъ вѣры (Лук. XIV, 17), съ другой—въ виду искушавшихъ Господа нѣкоего законника и фарисеевъ (Лук. XIV, 25; Матѳ. XII, 2). Ученики были люди простые,—и вѣрили; фарисеи и законникъ, какъ сами себя считали и каковы вѣроятнo были на дѣлѣ,—были люди далеко не глупые, по своему образованные, нѣкотораго рода мудрецы—и не вѣрили;—на это и указываютъ **) слова Господа. Такимъ обра-

*) При томъ если имѣть въ виду греческій подлинникъ, то эта мысль еще болѣе усиливается, такъ какъ *νηπιος* значитъ не только младенецъ, но еще недалекій, глупенькій.

**) Если кто либо обратитъ вниманіе на то, что Господь является здѣсь не только признающимъ то, что есть, но славящимъ своего Отца и между прочимъ

зомъ изъ этихъ словъ по отношенію къ вѣрѣ можно вывести развѣ лишь то, что вѣра иногда бываетъ удѣломъ людей не далекихъ. Но относительно этого положенія мы еще будемъ имѣть случай говорить, теперь же перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ мѣсть, подобныхъ разобранному.

§ 2) Одно изъ такихъ мѣсть представляетъ собою 1 Кор. I, 17—31, гдѣ читаемъ: „Христосъ послалъ меня“.... говорить апостоль, „благовѣствовать не въ премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова. Ибо слово о крестѣ для погибающихъ юродство есть, а для насъ спасаемыхъ сила Божія. Ибо писано: погублю мудрость мудрецовъ и разумъ разумныхъ отвергну. Гдѣ мудрецъ? Гдѣ книжникъ? Гдѣ совопросникъ вѣка сего? Не обратилъ ли Богъ мудрость вѣка сего въ безуміе? Ибо когда міръ своею мудростію не позналъ Бога въ премудрости Божіей, то благоугодно было Богу юродствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ....., потому что немудрое Божіе премудрѣе человѣковъ и немощное Божіе сильнѣе человѣковъ..... но Богъ избралъ немудрое міра, чтобы посрамить мудрыхъ и немощное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное и незнатное міра и униженное и ничего незначащее избралъ Богъ, чтобы упразднить значащее. Для того, чтобы никакая плоть не хвалилась предъ Богомъ....., чтобы было какъ написано: хвалящійся хвались Господомъ“.— Но прежде чѣмъ пояснить

за то, что Онъ сокрылъ истину отъ мудрыхъ; то пусть таковой вспомнить, что, не говоря о томъ, что слово „славлю“ русскаго перевода является, за неимѣніемъ лучшаго, не совсѣмъ точною замѣною греческаго *ἐξομολογούμαι* σοι (слав. исповѣдаются), нельзя отрицать вліянія особенностей еврейской рѣчи на языкъ Новаго Завѣта, особенно Евангелій. Но какъ извѣстно, соподчиненіе предложений въ семитическихъ языкахъ развито весьма мало, такъ что о взаимоотношеніи мыслей приходится заключать не столько на основаніи синтаксиса и грамматической связи предложений, сколько на основаніи хода рѣчи и связи самихъ мыслей, непосредственно улавляемой здравымъ смысломъ. Еслижъ имѣть это въ виду; то будетъ вполнѣ возможно передать мысль разбираемыхъ словъ въ томъ смыслѣ, что Господь благодаритъ здѣсь своего Отца за то, что Онъ открылъ простымъ и недалекимъ вѣрующимъ даже то, что оставалось сокрытымъ и недовѣдомымъ для мудрыхъ.

значеніе этого мѣста, спросимъ себя, что значать нерѣдко употребляемая въ Писаніи выраженія: князь міра, сыны вѣка сего даже вообще плоть, міръ, когда все это противопоставляется Богу? Можно ли думать, что въ этомъ противоположеніи указанныхъ выраженій Богу и Его святой волѣ порицается всякая власть земная (князь) или всѣ живущіе на землѣ въ опредѣленное время (сыны вѣка) или самое это время, какъ такое, или міръ и плоть съ ея законными влеченіями сами по себѣ? Согласиться на первое значитъ говорить прямо противъ Писанія, повелѣвающаго повиноваться власти, принять послѣднее положеніе, значитъ, отказавшись отъ христіанства, сдѣлаться гностикомъ или принять вѣрованіе древнихъ персовъ. Еслижъ такъ, если все это лишь своеобразныя выраженія, имѣющія свой опредѣленный смыслъ въ Писаніи, гдѣ подъ міромъ, плотью, вѣкомъ, сынами вѣка сего, разумѣется злое начало въ людяхъ и въ частности сами представители этого злаго начала—люди, противодѣйствующіе божественному закону, а подъ княземъ міра или вѣка сего—самый главный представитель зла—дѣволъ, то очевидно, въ виду всего, выше нами видѣннаго, въ виду того, что нашъ разумъ и его способности—дѣло того же всеблагаго Отца небснаго, который предлагаетъ намъ и вѣру въ Своего Единороднаго Сына,—очевидно, говоримъ, и все, что говорится въ приведенномъ мѣстѣ о мудрости міра и ея богопротивности и юродствѣ въ очахъ Божіихъ, нельзя относить къ разуму человѣка, какъ такому, самому по себѣ, равно какъ и ко всѣмъ его естественнымъ познавательнымъ силамъ и ко всему, что имъ добывается—естественной добываемой человѣческими силами мудрости—все это относится по аналогіи съ выше указанными выраженіями, къ разряду которыхъ принадлежитъ и разбираемое мѣсто, къ естественной мірской мудрости, по сколько она, не по существу, а лишь случайно, въ силу извращенности до извѣстной степени всего въ насъ человѣкъ, становится въ противленіе божественной истинѣ, въ дан-

номъ случаѣ проповѣди Евангелія *). Такую-то гордую, самой собою хвалящуюся, противящуюся истинѣ мудрость и „обуи“ Богъ,—при чемъ самое слово „обуи“—ἐμῶσανεν, какъ перѣдко въ Писаніи, употреблено точно также иносказательно: напрасно дѣлать глупымъ то, что само, заблудившись, закрываетъ глаза на истину. —Преблагій лишь, видя немощь человѣческую послалъ имъ на помощь благодать, вѣщанія которой хотя и казались этой слѣпой мудрости міра безуміемъ, но которая тѣмъ не менѣе побѣдила ее, будучи по словамъ самого апостола безуміемъ лишь въ глазахъ міра, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, немудрое Божіе премудрѣе человѣковъ“ **). Если-бы мы захотѣли понимать все сказанное о мудрости міра, буквально прилагая все это ко всякому естественному знанію самому по себѣ, то чтобъ быть послѣдовательными намъ пришлось бы признать худымъ само по себѣ и все знатное, сильное, благородное и

---

*) При томъ мы видимъ, коль скоро что либо становится въ противорѣчіе съ истиной Евангелія, отвергается безразлично безъ всякаго отношенія къ тому, гдѣ его источникъ: въ чловѣкѣ или даже хотя бы то въ ангелѣ небесномъ. Извѣстно мѣсто Гал. I, 8; „еслибы даже мы или ангель съ небасталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ говорить апостоль, „да будетъ анаѡема“. Слѣдуетъ ли отсюда, что неслѣдуетъ вѣрить явленіямъ ангеловъ или даже словамъ самихъ апостоловъ? Точно также Кол. II, 18—23 видимъ, что точно также порицаются и приверженные къ закону Моисееву съ его обрядностію до забвенія Христа; „никто да необольщастъ васъ самовольнымъ смиренномудріемъ и служеніемъ ангеловъ, вторгаясь въ то чего не видѣлъ, безразсудно надмеваясь плотскимъ своимъ умомъ и не держа съ главы, отъ которой все тѣло составами и связями будучи соединяемо и скрѣпляемо, растеть возрастомъ Божіимъ. Итакъ, если вы со Христомъ умерли для стихій міра, то для чего вы, какъ живущіе въ мірѣ, держитесь установленій: не прикасайся, не вкушай, не дотрагивайся...; по заповѣдямъ и ученію чловѣческому?“ Слѣдуетъ ли отсюда, что самое служеніе ангеловъ—вообще небылица или что худо смиреніе или законъ Моисеевъ и его обряды? Все это худо по столько, по сколько или не истинно и живо (т. е. выставляется лишь на показъ, или утверждается а не существуетъ на дѣлѣ), или становится въ противорѣчіе съ истиной Христовой, ведетъ къ отдѣленію отъ Церкви; иначе на основаніи 2 Кор. IV, 4: „Богъ вѣка сего ослѣпилъ умы невѣрующихъ“, держась буквально—недалекаго способа толкованія, пожалуй, выведемъ, что и Богъ порицается апостоломъ.

**) Такъ именно понимаютъ это мѣсто и древніе отцы Церкви: какъ то, что говорится объ ожесточеніи грѣшниковъ, напр. Фараона, такъ и здѣсь „обуи“—лишь переносное выраженіе.

даже все существующее, если имѣть въ виду греческій подлинникъ: ἐξελέξατο ὁ Θεὸς..... τὰ μὴ ὄντα, ἵνα τὰ ὄντα καταργῆται, или славянскій переводъ: „избра Богъ..... не суцая, да суцая упряднитъ“. Такимъ образомъ мы видимъ, что такое недалекое буквальное пониманіе разбираемаго мѣста, ведетъ изъ христіанства къ какому то буддѣйскому или браминскому взгляду на все сущее какъ на зло; съ такимъ толкованіемъ пришлось бы, начавъ со словъ жизни и чуднаго благовѣстія о вѣчной радости въ лонѣ всеблагаго Отца, окончить мертвой, отчаявшейся во всемъ самоубійственной буддѣйскою нирваною. Но если никто не доходитъ до конца, то зачѣмъ же останавливаться на полдорогѣ? *) Если жъ понимать всѣ подобныя неособо малочисленныя мѣста Писанія въ ихъ должномъ свѣтѣ, по христіански, то, очевидно, они ни мало не исключаютъ всего того, что, какъ мы видѣли до сихъ поръ, самъ же св. Павелъ утверждаетъ о доступности извѣстной доли богопознанія всѣмъ, даже предоставленнымъ своимъ силамъ. Все, что говорятъ эти мѣста, при такомъ взглядѣ сведется лишь къ тому, что, во 1-хъ, какъ вообще въ мірѣ много злого, противящагося добру и истинѣ, такъ и въ частности въ области познанія возможны вообще, а иногда и очень грубыя и безбожныя заблужденія (которыя и порицаются св. Писаніемъ и въ возможности которыхъ конечно никто не сомнѣвается); во 2-хъ, въ частности во время первыхъ временъ распространенія ученія Христова, о которыхъ собственно и идетъ рѣчь въ словахъ апостола, естественная мудрость человѣческаго разума была настолько далека отъ познанія истины, что для нея Христово ученіе казалось безуміемъ, такъ что для принятія этого ученія оказывались способные люди вовсе незнакомые съ этой мудростью. Но очевидно, ни возможность вообще, ни частный случай заблужденія

---

*) А между тѣмъ сколько такихъ останавливающихся, боязливыхъ можно бы сказать полухристіанъ и полугностиковъ, если бы они сознавали отчетливо, что они дѣлають!

относительно вѣры не исключаетъ возможности противоположнаго. При томъ нужно имѣть въ виду, что все это относится къ естественнымъ способамъ убѣжденія въ истинѣ вѣры, а не къ сверхъестественнымъ, значеніе которыхъ для убѣжденія въ своей проповѣди Апостоль самъ признаетъ въ той же рѣчи гл. II, 4, 5, такъ что если вести рѣчь вообще о разумности или безотчетности вѣры, то изъ разобранныхъ словъ можно будетъ вывести въ пользу послѣдней слишкомъ не много. Именно, изъ нихъ въ крайнемъ случаѣ можно вывести лишь то, что внѣшняя естественная мудрость съ ея науками, искусствами и т. п. не служитъ какою либо необходимою дорогою и средствомъ къ вѣрѣ, послѣдняя, какъ дѣло благодати, а не однихъ силъ человѣка, хотя и неисключаетъ дѣятельности этихъ послѣднихъ, тѣмъ не менѣе можетъ существовать до известной степени (ибо въ большей или меньшей степени способность воспринимать то или другое у всѣхъ есть)—и помимо всего такого, въ людяхъ темныхъ, недалекихъ.

§ 3. Къ разряду двухъ разобранныхъ мѣстъ можно отнести и тѣ мѣста св. Писанія, гдѣ высказываются совѣты уклоняться отъ пустыхъ, ни къ чему не ведущихъ мелочныхъ споровъ, особенно если они вызываются и поддерживаются не столько любовью къ истинѣ, сколько желаніемъ выказать себя. Таково мѣсто 2 Тим. II, 23—26: „Отъ глупыхъ и невѣжественныхъ состязаній уклоняйся, зная, что они рождаютъ ссоры; рабу же Господа не должно ссориться, но быть привѣтливымъ ко всѣмъ, учительнымъ, незлобивымъ, съ кротостію наставляя противниковъ, не дастъ ли имъ Богъ покаянія къ познанію истины, чтобы они освободились отъ сѣти діавола, который уловилъ ихъ въ свою волю“.—Какъ видимъ, апостоль совѣтуетъ удаляться отъ споровъ, а не разговоровъ и разсужденій о вѣрѣ, быть всегда готовымъ къ которымъ, умѣть всегда отвѣтить, всякому о своихъ убѣжденіяхъ, а въ случаѣ нужды и обличить, апостоль, какъ мы видѣли, даже заповѣдуетъ христіанамъ; такъ

что въ этомъ совѣтѣ отчасти высказывается лишь простая практическая мудрость и христіанское миролюбіе, избѣгающее ненужныхъ распрей, отчасти лишь другими словами повторяются слова Господа: не мечите бисера вашего предъ свиніями.

Такимъ образомъ и изъ этого мѣста нельзя ничего вывести относительно нерасположенія апостола къ разумнымъ, порождаемымъ любовью къ истинѣ разсужденіямъ о вѣрѣ, къ разсудочнымъ и вообще словеснымъ способамъ защиты вѣры и убѣжденія въ ней *).

§ 4. Если теперь все сказанное по поводу трехъ разобранныхъ мѣстъ соответственно примѣнить и ко всѣмъ другимъ мѣстамъ подобнаго рода, каковы Рим. XII, 12; 1 Кор. III, 18—21; 2 Кор. V, 16; Ефес. IV, 14—25; Кол. II, 4, 8, 18—23; 1 Тим. VI, 20, 21; 2 Тим. II, 14—18; Тит. III, 9; Евр. XIII, 9; то окажется, что изъ этихъ мѣстъ нельзя ничего вывести больше того, что и изъ только что разсмотрѣнныхъ. Окажется, что въ нихъ порицаются не разсужденія сами по себѣ, а споры; не знаніе, какъ такое, а лишь „лжеименное“ знаніе,—иначе еретическій гносисъ; не философія, какъ стремленіе къ познанію истины, а философія въ ея современномъ апостолу содержаніи, въ ея противорѣчии истинѣ Христовой **).

---

*) А что совѣтъ не вдаваться въ пустые споры бываетъ иногда очень умѣстень—въ этомъ можно легко убѣдиться познакомль съ приемами споровъ въ-которыхъ завязывались расколо-учителей, если нуженъ примѣръ изъ настоящаго времени, или съ приемами обоснованія своихъ взглядовъ и опроверженія чужихъ у древнихъ гностиковъ, изложеніе ученія которыхъ можно читать въ переведенныхъ на русскій языкъ твореніяхъ св. Иринея Лионскаго,—если нуженъ примѣръ изъ времени близкаго къ апостолу. Кто знакомъ съ приемами которыхъ либо изъ упомянутыхъ отступниковъ отъ Церкви, тотъ согласится, что иногда слѣдовать приведенному совѣту апостола является просто необходимою, такъ какъ съ подобнаго рода людьми разумный споръ бываетъ нерѣдко положительно невозможень.

**.) Конечно, едвали кто и можетъ требовать отъ апостола такого разграниченія метода философіи, сущности ея, какъ стремленія, идеальныхъ цѣлей, отъ ея конкретнаго, реальнаго проявленія въ его время,—его совѣтъ былъ чисто

в) Мѣста св. Писанія лишь повидимому относящіяся къ нашему вопросу.

Сюда принадлежать мѣста, относящіяся къ нравственно дѣятельной сторонѣ жизни христіанина—къ слѣдствіямъ вѣры (жизни сообразно съ нею), а не кому, на чемъ она основывается, и намъ бы, собственно говоря, не было нужды разсматривать ихъ, еслибъ не приходилось встрѣчать, что довольно не рѣдко въ этихъ мѣстахъ видятъ нѣкоторое указаніе на отношеніе вѣры къ нашимъ познавательнымъ способностямъ и на оборотъ—въ силу чего и дѣлаютъ изъ нихъ нѣкотораго рода касающіеся нашего вопроса выводы. *) Показавъ, что всѣ эти мѣста вовсе не касаются нашего вопроса, мы вмѣстѣ избавимся труда опровергать все то, что нѣкоторые выводятъ изъ нихъ.

Укажемъ прежде всего на 1 Кор. IV, 6, 7; оно въ русскомъ переводѣ читается такъ: „это, братіе, приложилъ я къ себѣ и Аполлосу ради васъ, чтобы вы научились отъ насъ не мудрствовать, сверхъ того, что написано и не превозносились одинъ предъ другимъ. Ибо что отличаетъ тебя? Что ты имѣешь, чего бы не получилъ? А если получилъ, что хвалишься, какъ будто не получилъ?“ Но что касается главныхъ, касающихся, повидимому, нашего вопроса словъ, то они не больше, какъ невѣрный переводъ: словамъ „не мудрствовать сверхъ того, что написано, и не превозносились одинъ предъ другимъ“ въ подлинникѣ соотвѣтствуютъ: τὸ μὴ ὑπερ ὃ γέγραπται φρονεῖν, ἵνα μὴ εἰς ὑπερ τῆ ἐνὸς φυσιοσθε κατὰ τῆ ἐτέρου. Какъ видимъ союзу „и“ русскаго перевода ничего не соотвѣтствуетъ въ подлинникѣ, а слѣдовательно и на мысль слѣдующую за этимъ союзомъ, нельзя смотрѣть какъ на равноправную въ грамматическомъ

практическаго характера и говорить о чемъ либо иномъ было напрасно. Еслибъ здѣсь отрицались самые естественные пути познанія, то апостолъ сталъ бы въ противорѣчіе съ своими же собственными выше видѣнными словами.

*) Напр., выводить мысль о своеобразно понимаемомъ подчиненіи разума вѣрѣ.

отношеніи: она подчинена предыдущей, которая по русски читается: не мудрствовать сверхъ того, что написано“. Но помимо уже того, что по самому употребленію словъ φροεῖν, φρόνιμα въ греческомъ, они относятся по преимуществу къ такъ называемымъ помышленіямъ сердца, къ настроенности чувства и стремленіямъ воли *), — какая связь между мудрствованіемъ сверхъ должнаго и взаимнымъ превозношеніямъ, если подъ мудрствованіемъ разумѣть лишь дѣятельность разума? — Если св. Павелъ и говоритъ, что знаніе надмеваетъ (1 Кор. VIII, 1), тѣмъ не менѣе онъ вовсе не считаетъ этого неперемѣннымъ слѣдствіемъ знанія и далекъ отъ мысли въ виду этого совѣтывать отказываться отъ самаго знанія, какъ видно изъ XIV, 20 того же посланія, гдѣ апостоль тѣмъ же самымъ, склоннымъ къ гордости и превозношенію, коринѣянамъ говоритъ: „не будьте дѣти умомъ: на злое будьте младенцы, по уму же будьте совершеннолѣтні“. Какъ видимъ, дѣло здѣсь вовсе не въ знаніи и излишней мудрости, а въ излишнемъ самомнѣніи, такъ что слова τὸ μὴ παρ' ὃ γέγραπται φροεῖν нужно бы передать такъ не думать о себѣ больше того, сколько позволяется Писаніемъ. При такой передачѣ эти слова будутъ поучать смиренію и связь ихъ съ слѣдующими: „чтобы вы не превозносились одинъ надъ другимъ“, будетъ понятна: кто немного думаетъ о себѣ, тотъ нестанетъ превозноситься надъ другими. За такой переводъ говоритъ и вообще вся связь рѣчи, какъ то отчасти видно изъ самыхъ приведенныхъ нами словъ, отчасти изъ хода рѣчи во всей главѣ. Если нужно свидѣтельство знатоковъ какъ греческой рѣчи, такъ и св. Писанія, то приведемъ слова св. Златоуста: παρ' ὃ γέγραπται φροεῖν, по его мнѣнію, „значитъ думать о себѣ больше, чѣмъ позволяетъ Писаніе, приказывающее сперва вынуть бревно изъ собственнаго глаза и потомъ уже разсуждать о сучкѣ въ глазѣ другаго“ (бес. XII-ая). Также должно понимать и Рим. XII, 3: λέγω..... παντὶ τῷ ὄντι ἐν

*) Примѣръ этого послѣдняго вскорѣ увидимъ.

ὕμῶν μὴ ὑπερφρονεῖν παρ' ὃ θεῶ φρονεῖν, ἀλλὰ φρονεῖν εἰς τὸ σωφρονεῖν. Здѣсь уже и русскій переводъ, не смотря на тожество выраженій подлинника съ только что разсмотрѣннымъ мѣстомъ, передаетъ приведенныя слова такъ: „всякому изъ васъ говорю: не думайте о себѣ болѣе, нежели должно думать, но думайте скромно“. Таковы же мѣста Рим. XII, 16 и VIII, 5—9; выраженіе послѣдняго: „плотскія помышленія—τὸ φρόνημα τῆς σαρκός—вражда противъ Бога“, судя по связи относится къ противунравственнымъ стремленіямъ сердца и воли.

Къ такому же разряду мѣсть, говорящихъ противъ превозношенія знаніемъ относится наконецъ и 1 Кор. VIII, 2: „Кто думаетъ, что онъ знаетъ что-нибудь, тотъ ничего еще не знаетъ такъ, какъ должно знать“. Что эти слова представляютъ лишь своеобразный способъ выраженія и вообще перѣдко своеобразной рѣчи св. Павла, и не могутъ быть понимаемы буквально, но лишь въ качествѣ сильно преувеличеннаго выраженія (иперболы), ясно уже изъ того, что непосредственно предъ ними самъ же св. Павелъ говоритъ: „мы знаемъ, что всѣ имѣемъ знаніе“ *). Если бъ дѣйствительно всякій думающій, что онъ знаетъ что либо, ничего не зналъ, какъ слѣдуетъ, то выходило бы, какъ видимъ, что и самъ св. Павелъ ничего не зналъ, какъ слѣдуетъ по крайней мѣрѣ, когда писалъ указанныя слова, а слѣдовательно и самыя эти слова не могли бы быть принимаемы за выраженіе истины.

б) Мѣста св. Писанія дѣйствительно говоряція за допустимость болѣе или менѣе безотчетной вѣры.

§ 1. Что касается положенія, что вѣра всегда должна быть слѣпа, безотчетна, или что такая вѣра предпочтительнѣе, то во всемъ св. Писаніи нельзя найти ни одного мѣста, говорящаго за это положеніе: мы только что перебрали всѣ мѣста,

---

*) Отступаемъ отъ русскаго перевода, слѣдуя смыслу, какой дается знаками препинанія, стоящими въ греческомъ изданіи и какой намъ кажется болѣе лучшимъ. Впрочемъ и русскій въ существенномъ не разнится отъ приведеннаго перевода.

могущія подать поводъ къ такой мысли, и нашли, что ничего такого изъ нихъ вывести нельзя. Но если нѣтъ мѣстъ утверждающихъ, что вѣра всегда должна быть слѣпа, то всетаки есть мѣста показывающія, что она хотя иногда можетъ быть болѣе или менѣе безотчетна, простодушна. На это прежде всего указываетъ допущеніе вѣры дѣтей. Такъ, когда „ученики приступили къ Иисусу и сказали: кто больше въ царствѣ небесномъ? Иисусъ, призвавъ дитя, поставилъ его посреди ихъ и сказалъ: истинно говорю вамъ, если не обратитесь и не будете какъ дѣти, не войдете въ царство небесное. И такъ кто умалится, какъ это дитя; тотъ и больше въ царствѣ небесномъ. И кто приметъ одно такое дитя во имя Мое, тотъ Меня принимаетъ. А кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня; тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и потопили его въ глубинѣ морской“. Матѹ. XVIII, 1—6.—Какъ видимъ, дѣти не только не считаются неспособными вѣрить, но даже ставятся въ примѣръ;*) по какъ же иначе они могутъ вѣрить, какъ не слѣпо? Правда, могутъ сказать, что здѣсь берется во вниманіе лишь одна черта дѣтей, именно: кротость, смиреніе; но это приложимо лишь къ первымъ пами стихамъ, тогда какъ 6-й стихъ хотя не ставитъ вѣру дѣтей, какъ такую въ примѣръ, тѣмъ не менѣе говоритъ о дѣтяхъ вѣрующихъ — τῶν πιστευόντων εἰς ἐμέ — слѣд. признаеть ихъ способными къ вѣрѣ, а такъ какъ, какъ мы уже сказали, они не могутъ вѣрить иначе какъ слѣпо, то слѣдуетъ по крайней мѣрѣ то, что Господь принимаетъ и эту послѣднюю вѣру. Тоже видимъ Матѹ. XIX, 13—15. „Однажды приведены были къ Нему (Господу) дѣти, чтобъ Онъ возложилъ на нихъ

*) Хотя, правда, ни откуда не видно, что они ставятся въ примѣръ именно со стороны особенностей ихъ вѣры, а не иныхъ своихъ качествъ. Конечно, теплота, живость, сердечность ихъ вѣры могутъ и должны служить для всѣхъ предметомъ подражанія, но откуда не слѣдуетъ, что и отсутствіе въ нихъ отчетливаго сознанія какъ основаній, такъ и самаго содержанія ихъ вѣры должно быть для всѣхъ желательнымъ.

руки и помолился; ученики же возбраняли имъ. Но Иисусъ сказалъ: пустите дѣтей и не препятствуйте имъ приходить ко Мнѣ, ибо таковыхъ есть царство небесное—*τῶν γὰρ τοιούτων ἐστὶν ἡ βασιλεία τῶν ἑρανοῶν* (Тоже Марк. IX, 36—37; X 13—16; Лук. IX, 47, 48; XVIII, 15—17).—Здѣсь точно также дѣти оказываются первыми членами царствія Божія, наследниками его по преимуществу, но какъ это было бы возможно безъ вѣры? Если же допустить вѣру, то очевидно слѣбую.—Дѣйствительно, признавать въ трех-лѣтнемъ ребенкѣ, лепечущемъ молитву, разумно-сознательное убѣжденіе на основаніи твердыхъ и неоспоримыхъ данныхъ, значило бы идти наперекоръ истинѣ и дѣйствительности. Всѣ данныя для вѣры ребенка заключаются въ томъ, что такъ говорятъ и соотвѣтственно тому поступаютъ его родители, вообще окружающіе. Но даже и здѣсь развѣ онъ разсуждаетъ хотя бы то такъ: что если вѣрятъ этому и признаютъ за истину всѣ, то стало быть это истинно на самомъ дѣлѣ? Онъ просто вѣритъ безотчетно, инстинктивно тому, что говорятъ, и лишь потому, что говорятъ, такъ какъ онъ еще и не сѣумѣлъ бы не повѣрить,—недовѣрчивость слѣдствіе сознанныхъ ошибокъ и лжи а не есть нѣчто первоначальное. А между тѣмъ такая вѣра принимается Господомъ и не только принимается, но не мѣшаетъ быть первыми въ царствѣ Его. Правда, нельзя здѣсь упускать изъ виду того, что истинна Христова близка, родственна сердцу каждаго, и душа неиспорченная легко ее принимаетъ, что конечно приложимо и къ дѣтямъ, тѣмъ не менѣе всетаки вѣра ихъ по преимуществу безотчетная, ибо если у нихъ она не безотчетна, то гдѣ? Или можетъ быть слово безотчетная, слѣбая вѣра пустой звукъ? *)

---

*) Конечно, если подъ слѣбой или безотчетной вѣрой разумѣть вѣру, лишенную не только разумныхъ основаній, но даже повода и причины, тѣмъ болѣе сознанія (слѣбая), то очевидно такая вѣра оказалась бы психологическою невозможностью, что признаетъ повидимому самое св. Писаніе Рим. XI, 14, 15; но мы говоря вѣра слѣбая, безотчетная разумѣемъ лишь сравнительную безотчетность и слѣпоту.

Или она дѣлается слѣпою въ зрѣломъ возрастѣ? Такимъ образомъ, если только не считать слѣпую вѣру чистою невозможностью, то придется признать ея допустимость съ точки зрѣнія св. Писанія. Эту мысль можно видѣть равно и въ словахъ Господа Мат. XI, 25: „Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что ты утаилъ сіе отъ мудрыхъ и разумныхъ и открылъ то младенцамъ“ (Тоже Лук. X, 21; подобное 1 Кор. II, 26, 27). Хотя здѣсь подъ словомъ „младенцы“ по связи рѣчи нельзя разумѣть непременно дѣйствительныхъ младенцевъ по возрасту, тѣмъ не менѣе эти слова указываютъ на то, что вѣра доступна людямъ недалекимъ, относительно которыхъ по отношенію къ вѣрѣ можно сказать если не съ достовѣрностію, то во всякомъ случаѣ съ значительною долею вѣроятности все то, что только что сказано о младенцахъ: ихъ нельзя считать способными къ исполнѣнн разумно-сознательной вѣрѣ *).

§ 2. А что такое пониманіе указанныхъ мѣстъ не противорѣчить св. Писанію, въ доказательство этого укажемъ хотя нѣкоторые примѣры болѣе или менѣе скорой, не много разсуждающей вѣры. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ лишь обратить вниманіе на то, что заставляетъ вѣрить въ Господа Наанаила или самарянку, чтобъ увидать—насколько ихъ вѣра полна безотчетнаго довѣрія непосредственнаго чувства и лишена объективной обоснованности: они вѣрятъ въ силу, собственно говоря, слишкомъ небольшого чуда; въ силу того, что Господь говоритъ имъ, что съ ними тогда-то и тогда-то случилось. Но развѣ вѣра ихъ порицается? Не мало такихъ примѣровъ можно видѣть и въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ. Такъ пришедши въ Иконію Павелъ и Варнава „вошли вмѣстѣ въ іудейскую синагогу,

---

*) Этому не противорѣчить слово „открылъ“—ἀπεκάλυψας—ибо какъ съ одной стороны слово „утаилъ“, какъ мы видѣли выше, относится къ невѣровавшимъ при всѣхъ данныхъ, и потому не можетъ быть понимаемо буквально—они сами не хотѣли зпать истинну, такъ и слово, „открылъ“ можно понимать лишь такъ, что и людямъ недалекимъ, подобнымъ младенцамъ доступна вѣра, или прямо: что они вѣрятъ, и только.

и говорили такъ, что увѣровало великое множество іудеевъ и эллиновъ— (λαλήσαι οὕτως, ὥστε πιστεῦσαι Ἰουδαίων τε καὶ Ἑλλήνων πολὺ πλῆθος) XIV, 1. Правда, ниже въ ст. 3 говорится, что апостолы были ободряемы божественною помощію, свидѣтельствовавшею истину слова ихъ знаменіями и чудесами, тѣмъ не менѣе вѣра множества слушателей, о которой говорится въ ст. 1, какъ видно, основывалась лишь на словѣ, такъ какъ о чудесахъ говорится уже послѣ, и, судя по связи рѣчи, надо положить, что апостолы, какъ это обыкновенно вездѣ видимъ въ ихъ дѣятельности, первымъ дѣломъ по прибытіи въ новый городъ отправились въ синагогу и слѣд. ни о какихъ чудесахъ не могло быть и рѣчи, развѣ по слухамъ. И между тѣмъ нѣкоторые вѣровали и не осуждаются за это. Подобное видимъ: Дѣян. XI, 19—26; XVI, 13—15; XVII, 34; XVIII, 4. 8. Если относительно вѣхъ этихъ случаевъ можно сказать, что если не говорится о чудесахъ и доказательствахъ, то еще не значить, что ихъ и не было,—если ихъ не было здѣсь, то они были въ другихъ мѣстахъ и люди могли руководствоваться ходячими слухами,—то на все это во первыхъ замѣтимъ, что, указывая на эти примѣры, мы утверждаемъ возможность и пріемлемость вѣры лишь относительно безотчетной, такъ какъ вѣра безусловно безотчетная, не имѣющая рѣшительно никакого повода, какъ мы уже замѣтили выше (въ подстрочномъ замѣчаніи) не мыслима. Во вторыхъ, укажемъ еще примѣръ, гдѣ вѣра основывается исключительно на словѣ и толкованіи. Вотъ онъ: Однажды ангелъ Господень сказалъ Филиппу: „встань и иди на полдень, на дорогу, идущую изъ Іерусалима въ Газу, на ту, которая пуста. Онъ всталъ и пошелъ. И вотъ, мужъ египтянинъ, евнухъ, вельможа Кандакии, царицы египетской, хранитель всѣхъ сокровищъ ея, пріѣзжавшій въ Іерусалимъ для поклоненія, возвращался, и, сидя на колесницѣ своей, читалъ пророка Исаію. Духъ сказалъ Филиппу: подойди и пристань къ сей колесницѣ. Филиппъ подошелъ, и, услышавъ, что онъ чи-

тасть пророка Исаію, сказалъ: разумѣешь ли, что читаешь? Онъ сказалъ: какъ могу разумѣть, если кто не наставитъ меня? и попросилъ Филиппа взойти и съѣсть съ нимъ. А мѣсто изъ Писанія, которое онъ читалъ, было сіе: какъ овца веденъ Онъ былъ на заколеніе, и какъ агнецъ предъ стригущимъ Его безгласенъ... Евнухъ же сказалъ Филиппу: прошу тебя сказать: о комъ пророкъ говоритъ это? о себѣ ли или о комъ другомъ? Филиппъ отверзъ уста свои и, начавъ отъ сего писанія, благовѣствовалъ ему объ Іисусѣ. Между тѣмъ, продолжая путь, они пріѣхали къ водѣ; и евнухъ сказалъ: вотъ вода; что препятствуетъ мнѣ креститься? Филиппъ же сказалъ ему: если вѣруешь отъ всего сердца, можно—*εἰ πιστεύεις ἐξ ὅλης τῆς καρδίας, ἔξεστιν*.—Онъ сказалъ въ отвѣтъ: вѣрую, что Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій. И приказалъ остановить колесницу: и сошли оба въ воду, Филиппъ и евнухъ; и крестилъ его. Когда же они вышли изъ воды, Духъ Святой сошелъ на евнуха, а Филиппа восхитилъ ангелъ Господень, и евнухъ уже не видѣлъ его и продолжалъ путь, радуясь“ VIII, 26—39. Разсказъ говоритъ самъ за себя: евнухъ вѣритъ словамъ случайно попавшагося путника безъ всякихъ дальнѣйшихъ особенныхъ данныхъ, ибо конечно изчезновеніе Филиппа, какъ бывшее послѣ крещенія, не могло имѣть вліянія на вѣру евнуха; равно какъ и посланіе его ангеломъ не было ему извѣстно. Правда, и здѣсь имѣли мѣсто доводы отъ Писанія, еще болѣе можетъ быть то, что евнухъ самъ слышалъ о Господѣ Іисусѣ и Его послѣдователяхъ, бывъ въ Іерусалимѣ, но все это, очевидно, доводы не особо сильные, такъ какъ мѣсто Писанія по самой темнотѣ его и недоступности пониманію евнуха могло быть истолковано для него весьма различно, такъ что и въ довѣрїи толкованію имѣло мѣсто не столько знаніе, сколько именно довѣріе, какъ такое, слухи же о Господѣ, если и доходили до него—что конечно весьма вѣроятно (см. Лук. XXIV, 18)—то все таки, какъ видимъ, сами по себѣ не были еще достаточны для возбужденія вѣры его.

Если ко всему сказанному прибавить еще указаніе на то, что св. Писанію и вообще не чужда мысль, что у нѣкоторыхъ даже изъ вступившихъ уже въ Церковь, бываетъ значительный недостатокъ познанія въ дѣлѣ вѣры, отчетливаго пониманія того, что худо, что хорошо, какъ то видно 1 Кор. VIII, 1—13, при чемъ ап. Павелъ не только не совѣтуетъ пренебрегать таковыми немощными въ вѣрѣ (ст. 10), но повелѣваетъ быть осмотрительными, какъ бы не соблазнить ихъ, то будетъ ясно, что св. Писаніе не требуетъ отъ насъ вездѣ и всегда вѣры вполне разумно-сознательной; такая вѣра лишь идеаль, котораго ные могутъ и недостигать *).

Общій выводъ относительно ученія св. Писанія о вѣрѣ.

Послѣ всего сказаннаго относительно ученія о вѣрѣ св. Писанія Новаго Завѣта не можетъ быть сомнѣнія; оно достаточно

---

*) Это отчасти видно и въ нѣкоторыхъ пріемахъ доказательства у самого Господа; такъ—Онъ творитъ чудеса, но говоритъ ли Онъ, что чудеса именно доказываютъ собою, что они дѣла Божіи; спрашиваетъ ли у своихъ учениковъ опроверженія того, что мы ничѣмъ, ни даже чудесами не можемъ убѣдиться въ бытіи Бога и въ томъ, что чудеса именно Его дѣла?—Слушавшіе Господа не слышали измышленій мудрецовъ нашего времени и у нихъ не могло родиться сомнѣнія о силѣ доказательства самаго чуда; естественно, что Господь ничего и не говоритъ объ этомъ, а прямо даетъ имъ въ качествѣ доказательства то, что они сами считали такимъ. Равно Онъ доказываетъ отъ писаній Моисея, пророковъ и псалмовъ; но доказываетъ ли подлинность и божественное происхожденіе сихъ послѣднихъ? Очевидно, это было напрасно, ибо никто изъ Его слушателей въ этомъ не сомнѣвался. Но если говорить о безусловно разумно-доказанной вѣрѣ, развѣ не нужно было доказать прежде божественность Писанія, и потомъ уже пользоваться имъ? Вѣдь, вообще говоря, сомнѣніе возможно, если не у того народа, или времени, то у другихъ?—Но Господь ничего такого не дѣлаетъ. Кто бы почему Ему ни вѣрилъ, Онъ нигдѣ не спрашиваетъ, такъ ли онъ, научно ли и разумно ли повѣрилъ. Онъ требуетъ лишь вѣры, какъ такой, какъ увѣренности въ томъ, что Онъ говоритъ истину, и даетъ все для этого необходимое, но необходимое не вообще, не всѣмъ, а лишь тому или другому отдѣльному человѣку.

выяснено: Писанія Новаго Завѣта допускаютъ всѣ степени вѣры. Еслижь теперь мы припомнимъ сказанное о состояніи боговѣдѣнія въ Ветхомъ Завѣтѣ, то увидимъ, что относительно ученія о вѣрѣ, какъ увѣренности, оба Завѣта вполне согласны,—во всякомъ случаѣ не противорѣчатъ одинъ другому. Такъ, что и Ветхому Завѣту свойственна мысль, что вѣра можетъ быть вполне обоснованнымъ, даже опытнымъ знаніемъ, послѣ выше, сказаннаго, это лишне повторять; а что Ветхому Завѣту вовсе не чужда и мысль о приемлемости болѣе или менѣе слѣпой, безотчетной вѣры—это отчасти ясно изъ допустимости вѣры исторической, вѣры авторитета, преданія и большинства, отчасти будетъ очевидно, если припомнить, что подобно тому какъ и въ Новомъ Завѣтѣ, и въ Ветхомъ дѣти считались способными вступать въ царствіе Божіе и уже на восьмомъ днѣ жизни запечатлѣвали собственною кровію свой завѣтъ съ Богомъ отцовъ своихъ. Правда, о вѣрѣ восьмидневнаго младенца едва ли можетъ быть и рѣчь; но то, что онъ вступалъ уже (хотя и не по собственному сознательному изволенію) въ союзъ съ Богомъ, показываетъ, что принимались и имѣющіе явиться первые проблески его вѣры въ Бога, такъ какъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что безотчетность первыхъ проблесковъ вѣры не нарушала союза, заключенію котораго не мѣшала чуть ли не полная бессознательность и полное отсутствіе вѣры *).

---

*) Не трудно видѣть также, что даже мысль о томъ, что вѣра—по идеѣ является разумно-сознательнымъ убѣжденіемъ, не чужда Ветхому Завѣту: вмѣненіе невѣрія, какъ видно напр. у Исаи LXV, 1—4; II, 12 основывается на сознательной произвольности его, а не на невѣдѣніи, а слѣд. и вѣра—можно заключить—получаетъ вмѣняемость въ силу той же разумной сознательности. Одно лишь мѣсто можетъ подать поводъ къ противному мнѣнію; именно Ис. VII, 9 въ славянскомъ переводѣ читается такъ: „аще не увѣрите, не имате разумѣти“. Повидимому, здѣсь не вѣра слѣдствіе убѣжденія, познанія, но наоборотъ познаніе, разумнѣе слѣдствіе вѣры. Но дѣло въ томъ, что приведенное выраженіе не болѣе какъ невѣрный переводъ; въ еврейскомъ оно читается такъ: **לֹא אִם**
תִּאֱמְנוּ כִּי לֹא תִאֱמְנוּ соотвѣтственно чему и русскій переводъ передаетъ его слѣдующимъ образомъ: „Если вы не вѣрите, то потому, что не удостовѣрены“.

Такимъ образомъ, какъ Ветхій, такъ и Новый Завѣтъ допускаютъ всѣ степени вѣры, отъ безотчетной вѣры младенца до вполне сознательнаго и разумнаго убѣжденія, знанія въ полномъ смыслѣ. Отсюда очевидно, что если имѣть въ виду всѣ тѣ виды и степени увѣренности въ истинахъ богооткровеннаго ученія, которые могутъ быть съ точки зрѣнія св. Писанія названы вѣрою, съ ихъ субъективно-формальной стороны, то самымъ ихъ общимъ признакомъ, а слѣд. и необходимымъ содержаніемъ такого общаго понятія вѣрѣ окажется лишь понятіе увѣренности, какъ такой: кто бы и почему бы ни вѣрилъ въ истину богооткровеннаго ученія, на основаніи ли доводовъ разума, или сердца, или внѣшняго опыта, или иного чего, или просто по привычкѣ и безотчетно,—всѣ такія состоянія увѣренности равно могутъ быть названы, съ точки зрѣнія св. Писанія, вѣрою, такъ что въ этомъ смыслѣ, чтобы вѣровать—нужно именно лишь вѣрить, вѣрить, на сколько можно твердо *), всею душою, или, выражаясь словами св. Писанія πιστεύειν ἐξ ὅλης τῆς καρδίας (Дѣян. VIII, 37). Кратко: необходимый признакъ вѣры съ формальной стороны—это увѣренность, какъ такая. Но если имѣть въ виду не общій лишь признакъ всего того, что можетъ быть названо вѣрою, а и всѣ тѣ относящіяся къ нашему вопросу частныя особенности такихъ состояній, то придется признать, что вѣра можетъ проходить всѣ тѣ степени, какія проходитъ и наше обычное вѣдѣніе, начинающееся съ едва сознательныхъ, неумовимыхъ представленій младенчества, о которыхъ мы, взрослые, можемъ лишь гадать, и постепенно доходящее до болѣе и болѣе отчетливаго, опредѣленнаго, сознательно-разумнаго убѣжденія въ томъ, что принимается за истину. Вѣра какъ и то, что обыкновенно называемъ знаніемъ, также можетъ основываться и на данныхъ непосредственнаго чувства,

---

*) Понятіе твердости увѣренности очевидно не привноситъ чего либо новаго въ понятіе вѣры, такъ какъ оно уже заключается въ понятіи увѣренности; колеблющаяся увѣренность не есть и увѣренность!

на болѣе или менѣе безотчетномъ довѣрїи, на такомъ или иномъ виѣшнемъ авторитетѣ, на опытѣ, вообще на разумныхъ, въ частности разсудочныхъ данныхъ и все это не помѣшаетъ ей быть вѣрою,—такъ что въ этомъ смыслѣ можно сказать, что съ формальной стороны вѣра по ученію св. Писанія тождественна съ знаніемъ *); тамъ, гдѣ все знаніе коренится на авторитетѣ, или просто держится безотчетно, тамъ допускается такая же и вѣра; гдѣ наоборотъ знаніе обладаетъ извѣстной степенью сознательности, сознаетъ основанія своихъ убѣжденій, тамъ и вѣра становится на ту же степень, и Господь даетъ ей для того всѣ данныя. По скольку все наше знаніе колеблется между идеаломъ знанія и до извѣстной степени безотчетной вѣрою, по стольку и вѣра религіозная въ разныхъ людяхъ проявляется въ безчисленнаго рода степеняхъ, отъ слѣпой вѣры ребенка до сознательнаго убѣжденія философа, по большей части нигдѣ не будучи совершенно лишена ни разумности, ни нѣкоторой доли безотчетности и слѣпоты

Наконецъ, если не обращать вниманія на то, что лишь допускается въ виду необходимости, невозможности большаго, а имѣть въ виду то, чѣмъ должна быть вѣра, по самой идеѣ, идеаль ея, то согласно тому, что говоритъ св. Писаніе о способахъ богопознанія, о вѣрѣ, какъ добродѣтели и условіяхъ вмѣненія, должно признать, что вѣра, по ученію св. Писанія,—это вполне свободное, разумно-сознательное принятіе ученія Христа, на основаніи убѣжденія въ его истинности. И едва ли

---

*) Хотя очевидно, что говоря такъ мы подъ словомъ „знаніе“ разумѣемъ не непременно твердо и объективно обоснованное убѣжденіе, а вообще все то, что такъ обыкновенно называютъ. А вѣдь мы называемъ знаніемъ и знаніе ребенкомъ своего отца, хотя онъ не могъ непосредственно убѣдиться, что рожденъ именно тѣмъ, а не другимъ, ибо для этого ему нужно было бы существовать до рожденія; называемъ знаніемъ познанія ученика начальнаго училища—въ географіи, исторіи, законѣ Божіемъ и т. д., хотя и здѣсь о разумномъ убѣжденіи во всемъ этомъ лично этого ученика не можетъ быть рѣчи; называемъ знаніемъ свое убѣжденіе въ бытіи виѣшняго міра, хотя это убѣжденіе послѣ того, какъ заподозрѣно, никто еще не сумѣлъ доказать вполне разумно и основательно.

кто увидитъ въ этихъ словахъ противорѣчіе тому, что говорилось выше о допустимости безотчетной вѣры: исключенія не уничтожаютъ общаго правила, а положеніе, что вѣра по идеѣ разумно-сознательное убѣжденіе—не обобщеніе отдѣльныхъ случаевъ, говорящее намъ, что есть, а именно правило, выражающее собою не то, что есть, а что должно быть, но должно, очевидно, лишь тамъ, гдѣ можетъ быть. Невозможность уничтожаетъ долгъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, неаналогична ущерба значенію предписанія долга вообще: то, что къ ничему не имѣющему не приложима заповѣдь о подаваніи милостыни, не уничтожаетъ самой заповѣди. Точно также и то, что только въ качествѣ свободнаго сознательнаго убѣжденія вѣра является въ своемъ истинномъ свѣтѣ, не исключаетъ того, что вѣра безотчетная не лишена значенія. Правда, чѣмъ менѣе сознательна вѣра, тѣмъ менѣе она является дѣломъ свободы и слѣд. добродѣтели, но это ни мало не говоритъ противъ нашего вывода, такъ какъ—съ одной стороны—вѣра важна не только какъ добродѣтель непосредственно сама по себѣ, но и по послѣдствіямъ для жизни, съ другой нельзя сомнѣваться и въ томъ, что самая добродѣтель вѣры не вездѣ можетъ имѣть одинаковую цѣну: едва ли кто усумнится въ томъ, что въ насъ теперь вѣра по большей части не составляетъ столь же высокой добродѣтели, какою она была въ первые вѣка христіанства, такъ какъ намъ теперь за нее не угрожаютъ ни пытки, ни ограбленіе, ни смерть, а развѣ лишь насмѣшки нѣкоторыхъ. Но болѣе всего ученіе св. Писанія о вѣрѣ оправдывается тѣмъ, чѣмъ и обуславливается: различными особенностями челевѣческой природы, подъ условіемъ которыхъ не рѣдко исчезаетъ даже преимущество вѣры разумной предъ безотчетной, если только брать ту или другую не отвлеченно, а въ связи съ тѣмъ, что ихъ обуславливаетъ. Какъ ребенку естественно вѣрить, такъ мужу испытывать, и Господь признаетъ равно законность и того, и другаго; не стѣняетъ законныхъ стремленій разсудка, даже велитъ быть осторожнымъ

и не вѣрять всему (лжепророкамъ) и вмѣстѣ не требуютъ какой либо научной обосновки тамъ, гдѣ о ней не можетъ быть и рѣчи (въ ребенкѣ). По сколько знаніе, вполне сознательное и обоснованное, является идеаломъ человѣка, по столько и вѣра, какъ знаніе, въ собственномъ смнслѣ, сама по себѣ, отвлеченно, является идеаломъ вѣры; но поскольку въ приложеніи къ отдѣльнымъ людямъ знаніе не достигаетъ своего идеала, по столько не достигаетъ его и вѣра. Тѣмъ не менѣе она не становится чрезъ это низкою, недостойною Бога,—Господь не требуетъ отъ бѣднаго богатыхъ жертвъ или отъ слабого силы, но лишь изволенія благаго распоряжаться хорошо тѣмъ, что подъ руками, и поэтому въ примѣненіи къ частнымъ людямъ различіе въ достоинствѣ ихъ вѣры исчезаетъ,—здѣсь вообще говоря, все равны; не равны лишь по столько, по сколько одинъ болѣе другаго трудился и болѣе крѣпкую выработалъ увѣренность. Собственно же необходимою является увѣренность, какъ такая; но даже св. Церковь отъ того, въ комъ нѣтъ еще и зачатковъ сознанія—отъ новорожденного не требуетъ и увѣренности, она креститъ его по вѣрѣ другихъ, оставаясь вполне вѣрною взгляду своего милостиваго Главн и Учителя.—Словомъ: Создавшій природу человѣка и не только создавшій, но и Самъ восхотѣвшій въ неизреченной милости своей воспринять ее въ вѣстасное общеніе Своего божества, естественно признаетъ все естественныя и законныя ея потребности и не только не отказываетъ удовлетворять имъ, но даетъ все споспѣшествующее ихъ преуспѣянію и благому направленію съ одной стороны, не требуя выше силъ съ другой, пріемля равно какъ малую ленту, такъ и драгоцѣнное муро.

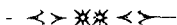
КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

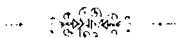
ВѢРА

КАКЪ УВѢРЕННОСТЬ ПО УЧЕНІЮ

ПРАВОСЛАВІЯ.

Ислѣдованіе по вопросу объ отношеніи вѣры
и знанія

Часть вторая.

Алексѣя Струнникова.

САМАРА.

Типографія М. Гранъ. Дворянск. ул. соб. д.

1887.

Отъ Совѣта Московской Духовной Академіи печатать дозволяется 8 Декабря
1886 года.

Ректоръ Академіи Архим. Христофоръ.

ВЪРД

ПО УЧЕНІЮ СВЯЩЕННАГО ПРЕДАНІЯ.

Предварительныя замѣчанія.

„Тѣмже убо, братіе, стойте и держите преданія“, говоритъ св. Павелъ, прибавляя: имже научитесь или словомъ или посланіемъ нашимъ“ (2 Сол. II, 15) и тѣмъ давая возможность понимать слово „Преданіе“ въ самомъ широкомъ смыслѣ — въ смыслѣ ученія Церкви вообще. Дѣйствительно въ виду приведенныхъ словъ очевидно, что „Преданіемъ“ по мысли апостола можетъ быть названо не только то изъ ученія Церкви, что послѣдовательно передается при помощи словесной ли то или письменной рѣчи непосредственныхъ или посредственныхъ учениковъ св. апостоловъ и послѣдователей ихъ ученія, но также и то, что преподается непосредственно самими апостолами, и притомъ не только устно, но и письменно (посредствомъ посланія); иначе: св. Преданіемъ можетъ быть названо не только то, что обыкновенно принято называть имъ въ противоположность св. Писанію, но вмѣстѣ и само это послѣднее. Еслижъ имѣть въ виду опредѣленіе священнаго Преданія въ пространномъ катихизисѣ нашей Церкви (стр. 5), то священнымъ Преданіемъ можетъ быть названо кромѣ того и ученіе, жизнь, таинства и обряды св. Церкви, передаваемые самымъ примѣромъ и вообще всею жизнію Церкви. Очевидно, понимаемое такъ обширно, священное Преданіе должно являться предъ нами не только не чѣмъ либо низшимъ въ сравненіи съ св. Писаніемъ, но наоборотъ: оно важнѣе послѣдняго уже потому, что шире его, что заключаетъ его въ себѣ какъ свою часть,

Но обыкновенно выраженіе „св. Преданіе“ понимается болѣе узко: именно подъ нимъ разумѣется все то изъ ученія Церкви, что содержится не въ св. Писаніи, или не въ немъ одномъ *). Понимаемое въ такомъ смыслѣ свяш. Преданіе, если и не является чѣмъ то высшимъ и важнѣйшимъ св. Писанія, тѣмъ не менѣе, будучи выраженіемъ голоса самой Церкви, которая есть столпъ и утвержденіе истины (1 Тим. III 15), оно является равнымъ ему по значенію т. е. вѣщаніемъ чистѣйшей истины.

Наконецъ существуетъ еще болѣе узкое пониманіе св. Преданія; именно, подъ нимъ разумѣютъ писанія нѣкоторыхъ отдѣльных членовъ Церкви, отличавшихся болѣе или менѣе полнымъ вѣрнымъ и обстоятельнымъ усвоеніемъ ученія Христова, за то стяжавшихъ себѣ явное уваженіе Церкви, и въ виду этого являющихся для насъ какъ бы нѣкотораго рода представителями ея, именующимися обыкновенно отцами и учителями Церкви. При этомъ перѣдко разумѣютъ подъ послѣдними, по преимуществу, церковныхъ писателей, жившихъ въ болѣе или менѣе ранній періодъ жизни Церкви до VIII или IX-го вѣка включительно **). Св. Преданіе въ этомъ смыслѣ уже далеко не можетъ быть поставлено на ряду съ св. Писаніемъ: какъ бы ни былъ мудръ и святъ въ жизни тотъ или иной отдѣльный пастырь ли то или вообще членъ Церкви, ему ни въ какомъ случаѣ нельзя приписать полной непогрѣшимости въ ученіи и св. Церковь никогда не почитала никого изъ тѣхъ, кого называла своими отцами и учителями, боговдохновенными въ томъ же смыслѣ, въ какомъ признавала боговдохновенными св. апостоловъ и ихъ писанія.

---

*) Въ этомъ случаѣ оно называется св. Преданіемъ постольку, поскольку содержится не въ одномъ св. Писаніи.

**) Конечно, такое пониманіе не больше какъ обычай болѣе или менѣе обыкновеннаго словоупотребленія, при томъ далеко не всеобщій: Духъ Божій всегда въ Церкви и всегда воздвигаетъ на ея пользу истинныхъ пастырей и учителей и поэтому нельзя положить, подобно латинянамъ, какого либо предѣла во времени появленію отцевъ и учителей Церкви.

Приступая теперь къ изслѣдованію ученія св. Преданія о вѣрѣ, мы понимаемъ это послѣднее въ только что указанномъ послѣднемъ смыслѣ. И это вотъ почему: приниматься за изслѣдованіе св. Преданія въ первомъ смыслѣ значило бы принимать-ся за изслѣдованіе того, что уже на половину изслѣдовано (поскольку заключалось въ св. Писаніи). Поэтому даже въ цѣляхъ изслѣдованія св. Преданія въ первомъ смыслѣ намъ пришлось бы обратиться лишь къ дополненію того, что уже сдѣлано, изслѣдованіемъ св. Преданія во второмъ смыслѣ. Но гдѣ источники для такого изслѣдованія? Воплотѣ вѣрнымъ, исключаяющимъ сомнѣніе выраженіемъ Преданія Церкви во второмъ смыслѣ могли бы служить касающіяся нашего вопроса опредѣленія вселенскаго собора. Но таковыхъ, какъ извѣстно, нѣтъ. Отсюда понятно, что намъ пришлось бы обратиться къ разсмотрѣнію ученія тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ церковныхъ писателей и относящихся къ нашему вопросу данныхъ настоящаго и прошлаго церковной жизни. Но что касается послѣднихъ данныхъ, то ихъ такъ немного (въ смыслѣ не числа, а разнообразія) и они такъ общеизвѣстны, что о нихъ достаточно будетъ лишь упомянуть вскользь въ заключеніи обзора данныхъ св. Преданія. Что касается ученія церковныхъ писателей, то и здѣсь изслѣдовать ученіе ихъ за всѣ вѣка нѣтъ никакой надобности, — напротивъ, это было бы излишнею тягостію для самого читателя. Какъ извѣстно, занимающій насъ вопросъ о вѣрѣ выступалъ на видъ преимущественно въ первые вѣка Христіанства, когда новому ученію приходилось отстаивать себя противъ нападковъ со стороны ученаго язычества; извѣстно также, что и рѣшенію его посвящали свои силы главнымъ образомъ отцы и учителя Церкви тѣхъ же вѣковъ, послѣдующіе же лишь повторяли вкратцѣ то, что было сказано ихъ предшественниками, въ силу чего приводить мнѣнія церковныхъ писателей послѣдующихъ вѣковъ значило бы безъ нужды повторять вкратцѣ то, что уже прежде было развито подробно и обстоятельно. Въ виду этого для

насъ вполне было бы достаточно изслѣдовать творенія болѣе извѣстныхъ и уважаемыхъ и вмѣстѣ болѣе другихъ занимавшихся нашимъ вопросомъ отцевъ и учителей Церкви за первые IV вѣка ея существованія. Этимъ мы дѣйствительно и ограничимся, присовокупивъ лишь къ изслѣдованію твореній отцевъ и учителей первыхъ IV вѣковъ изслѣдованіе твореній св. Іоанна Дамаскина, къ чему насъ побуждаетъ, какъ высокое уваженіе къ нему Церкви, такъ и его значеніе, какъ перваго составителя догматической системы Православія и какъ глубокаго и обстоятельнаго знатока древней, предшествовавшей ему святоотеческой письменности, въ твореніяхъ котораго, какъ въ чистомъ зеркалѣ, стройно и ясно отразилось все лучшее предшествовавшей ему богословской мысли Востока.

Такимъ образомъ мы изслѣдуемъ творенія св. Іустина мученика, св. Иринея Ліонскаго, Тертуліана, Климента Александрійскаго, Оригена, блаженнаго Августина, свв: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго и наконецъ св. Іоанна Дамаскина. Изслѣдованія твореній сихъ св. отцевъ и учителей, надѣмся, достаточно будетъ для убѣжденія всякаго православно-вѣрующаго, для котораго очевидна истина, что св. Церковь и ея ученіе не мѣняются съ вѣками, что она и нынѣ не можетъ учить другому, чѣмъ чему учила во II мѣ, IV-мѣ и VII-мѣ вѣкахъ, такъ какъ ни она ошибаться, ни истина мѣняться со временемъ равно не могутъ.

Что касается приѣма изложенія ученія упомянутыхъ св. отцевъ и учителей, то въ виду того, что, какъ мы уже сказали, ни кому изъ нихъ нельзя приписать полной непогрѣшимости и что слѣдовательно для насъ важно не столько ученіе того или другаго изъ нихъ самого по себѣ, сколько то, въ чемъ они всѣ согласны,—мы предпочитаемъ изложеніе совмѣстное, подобное тому, какое имѣло мѣсто при изложеніи ученія св. Писанія. Такой приѣмъ изложенія вмѣстѣ съ тѣмъ внесетъ больше порядка и стройности въ самый ходъ мыслей и предохранитъ насъ

отъ многихъ неизбѣжныхъ иначе повтореній. Вмѣстѣ съ этимъ и въ виду того же мы не будемъ особо стараться примирять могущія встрѣтиться небольшія кажущіяся или дѣйствительныя несогласія ихъ писаній другъ съ другомъ или самихъ съ собою, если только они не касаются сущности нашего вопроса.

Наконецъ, что касается самаго приведенія подлинныхъ словъ разбираемыхъ твореній, то, чтобъ сдѣлать свою книгу доступною не однимъ лишь знатокамъ греческаго и латинскаго языковъ, мы вездѣ будемъ приводить слова разбираемыхъ писателей въ русскомъ переводѣ, лишь присовокупляя, гдѣ нужно, для болѣе точнаго пониманія дѣла, подлинныя греческія или латинскія выраженія. Гдѣ будетъ можно и удобно, мы будемъ слѣдовать при этомъ уже существующимъ русскимъ переводамъ (хотя бы то иногда и устарѣлымъ, если только они точны, какъ напр. переводъ нѣкоторыхъ твореній блаженнаго Августина); гдѣ готоваго уже существующаго перевода не окажется, или онъ окажется неточнымъ, тамъ будемъ передавать въ собственномъ переводѣ.

ВѢРА

по учению отцевъ и учителей Церкви первыхъ VII вѣковъ.

(Св. Иустина мученика, св. Иринея Лионскаго, Тертулліана, Кли-
мерта Александрійскаго, Оригена, блаженнаго Августина, свв.:
Василія Великаго, Григорія Богослова, Иоанна Златоустаго и
св. Иоанна Дамаскина).

Οὐχ ὑπὲρ χρημάτων, οὐχ ὑπὲρ
δόξης, οὐχ ὑπὲρ ἄλλου τινὸς τῶν
προσκαίρων καταπολεμούμεθα ἀλλ'
ὑπὲρ τοῦ κοινῶν κτήματος, τοῦ
πατρικοῦ θησαυροῦ, τῆς ὑγιαίνου-
σης πίστεως ἐστήκαμεν ἀγωνι-
ζόμενοι. (Вас. Вел. Том. III,
стр. 542, изд. Garnier 1839). *)

I. Словоупотребленіе.

Подобное тому, что мы уже видѣли относительно того смысла,
какое дается словамъ „вѣра, вѣрить“ въ св. Писаніи, встрѣ-
чаемъ мы въ большей или меньшей степени и въ твореніяхъ
всѣхъ изслѣдуемыхъ отцевъ и учителей Церкви; и здѣсь эти
слова не имѣютъ какого либо строго опредѣленнаго, неизмѣн-
наго значенія, — наоборотъ, они являются — и нерѣдко даже
въ устахъ одного и того же писателя — въ значеніяхъ не толь-
ко различныхъ, но даже прямо противоположныхъ. Вмѣстѣ съ

---

*) Не изъ за денегъ, не изъ за славы, не изъ за иного чего либо временнаго
мы боремся; мы подвизаемся за общее достояніе, за отеческое сокровище, за
здравую вѣру.

этимъ слова „вѣра, вѣрить“ и здѣсь, какъ въ св. Писаніи, далеко не единственныя, употребляемыя для обозначенія изслѣдуемаго нами предмета т. е. увѣренности въ религіозныхъ истинахъ; на ряду съ ними—а у нѣкоторыхъ писателей (напр. св. Иринея) даже преимущественно—для означенія этой увѣренности употребляются слова—знаніе, познаніе, знать и т. п. Разсмотримъ это частіево.

1) Прежде всего, какъ мы уже сказали, нельзя не замѣтить, что всѣ писатели, творенія которыхъ мы здѣсь изслѣдуемъ, называютъ нашу увѣренность въ религіозныхъ истинахъ столь же вѣрою, какъ и знаніемъ. Для примѣра укажемъ на св. Іустина мученика, 1 Апол. 50, 52, гдѣ употребляется слово „вѣрить“ и 1 Ап. 10, 12, 13. Разг. 28, гдѣ стоитъ „познать“. Св. Иринея Ліонскій слова „знать, познать, знаніе“ и т. п. употребляетъ въ примѣненіи къ изслѣдуемому нами понятію несравненно чаще, чѣмъ слова „вѣра, вѣрить“. Въ качествѣ примѣра можно указать на его III книгу противъ ересей I, 1; XXV, 7. Тертуліанъ, котораго перѣдко выставляютъ противникомъ разумнаго убѣжденія въ истинѣ вѣры, въ своемъ словоупотребленіи не представляетъ исключенія. Какъ на примѣръ можно указать у него употребленіе словъ: *noscere, dinoscere, recognoscere, scire* *) въ приложеніи къ понятію усвоенія челоуѣкомъ истинъ вѣры въ *de carne Chr. XVII, de ressur. carnis II, XIV;*; *adv. jud: I, XII, XIV Ap. XXII, ad. Scap. V.* Какъ примѣры же можно указать у Василія Великаго I т. 605. 691. III т. 520 **), у св. Іоанна Дамаскина Излож. Прав. вѣры кн. I, гл. I, II, III. Это безразличіе въ употребленіи словъ „вѣрить“ и „знать“ еще очевидно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они стоятъ рядомъ, означая, очевидно, одно и то же. Какъ на примѣръ укажемъ на Іустина муч. Разг. 136: „кто не зна-

*) Различныя отгѣнки слова „знать“.

**) Указываемъ страницы по парижскому изданію твореній св. Вас. Вед. 1839 г. Domni Juliani Garnier.

еть Его, тотъ не знаетъ воли Божіей...; и кто не вѣруетъ въ Него, тотъ не вѣруетъ проповѣдямъ пророковъ“. Равно у св. Иринея IV кн. V, 5 читаемъ: „Авраамъ отъ слова Господа узналъ и увѣровалъ въ Него“. Тоже Васил. Вел I т. 605.

2) Соответственно этому самыя слова „вѣра“, „вѣрить“, какъ видно уже изъ только что приведенныхъ мѣстъ, нерѣдко вполне совпадаютъ съ понятіемъ твердаго, яснаго убѣжденія, знанія. Такъ Iуст. I Ап. 10 читаемъ: „мы научены, убѣждены и вѣруемъ—*δεδιδάγμεθα, καὶ πεπεισμεθα καὶ πιστεύομεν*; ст. 17: мы вѣруемъ, или лучше, вполне убѣждены—*πιστεύοντες μάλλον δὲ καὶ πεπεισμένοι*. Тоже I Ап. 8, 12, 18; Разг. II. Еще яснѣе это видно въ I Ап. 50, гдѣ говорится, что оставшіе Господа по распятіи и отрекшіеся отъ Него ученики Его „увѣровали“ въ Него „послѣ, когда возсталъ Онъ изъ мертвыхъ, явился имъ и научилъ читать пророчества, въ которыхъ все это предсказано, и когда увидѣли они Его восходящаго на небо“. Еще болѣе рѣзкій примѣръ видимъ въ I Ап. 52, гдѣ „вѣрить“ вполне тождественно съ „знать“. „Итакъ“, говоритъ св. Iустинъ, „когда мы доказываемъ, что уже бывшее было предвозвѣщено пророками прежде, нежели оно совершилось, то необходимо надобно вѣрить, что непременно сбудется и то, что подобнымъ образомъ предсказано, но еще имѣеть нѣкогда совершиться“—*ἀνάγκη καὶ περὶ τῶν ὁμοίως προφητευθέντων, μελλόντων δὲ γίνεσθαι, πίστιν ἔχειν*. Стоять лишь выкинуть въ самыя слова „необходимо вѣрить“, въ то, что они хотятъ сказать, чтобы понять, что это не вѣра слѣзная, а знаніе, ибо что же такое иное, какъ не этотъ признакъ необходимости признанія чего либо за истину и характеризуетъ знаніе? *) Подобное читаемъ у Тертуллиана Adv. Jud. VII: „что

*) Мы не говоримъ о томъ, дѣйствительно ли доводы автора, на основаніи которыхъ онъ выводитъ эту необходимость вѣрить, доказываютъ эту послѣднюю—это непосредственно къ намъ не относится; намъ достаточно того, что онъ считаетъ такую выведенную изъ его данныхъ вѣру необходимою. Еслижъ она необходима, то заключаемъ—она не вѣра уже въ тѣсномъ смыслѣ, а знаніе.

самое“ т. е. что предсказанный пророками Мессія пришелъ уже, „чтобы доказать, намъ нужно рассмотретьъ самыя времена, въ которыя предвозвѣстили пророки явиться Христу, чтобы, коль скоро узнаемъ, что онъ пришелъ въ эти времена, безъ всякаго сомнѣнія повѣрили мы, что это Тотъ, Котораго, какъ имѣющаго придти, воспѣвали пророки, и въ Котораго мы т. е. язычники по предсказанію имѣли увѣровать, и когда окажется, что Онъ пришелъ, безъ сомнѣнія признаемъ, что и новый законъ данъ Имъ и не будемъ отрицать, что въ Немъ и чрезъ Него данъ намъ и Новый Заветъ“. Еще рѣшительнѣе выражается это отождествленіе вѣры и знанія у Василія Вел. III т. 518, 519, *) гдѣ сказавъ, что чудеса подтверждаютъ вѣру, онъ продолжаетъ: „Если же скажешь, что вѣрующій и знаетъ, то онъ знаетъ на основаніи того же, на основаніи чего вѣрить; или и наоборотъ, на основаніи чего знаетъ, на основаніи того и вѣрить (ἀφ' ὧν γινώσκει, ἀπὸ τούτων καὶ πιστεύει). Познаемъ же Бога отъ силы Его, **) такимъ образомъ вѣруемъ Тому, Кого познали, поклоняемся Тому, Кому повѣрили“.

Извѣстно подобное же выраженіе Климента Александрійскаго: πιστὴ τοῦου ἢ γινῶσις, γινῶστὴ δὲ ἢ πίστις ***). У Василія Вел. въ одномъ изъ его посланій къ Амфилохію III т. 519 эта мысль (согласно пониманію и Климента Александрійскаго) развивается весьма подробно. „Что прежде“, читаемъ мы тамъ, „знаніе или вѣра? Мы говоримъ, что вообще въ наукахъ вѣра предшествуетъ знанію; но что касается нашего ученія, то, если кто скажетъ, что и знаніе предшествуетъ вѣрѣ,—знаніе соразмѣрное человѣческому пониманію—мы согласны (οὐ διαφερόμεθα). Ибо въ наукахъ сперва нужно повѣрить, что „извѣстный знакъ“ называется альфа и выучивъ начертаніе и произношеніе, послѣ

---

*) Что показываетъ, что указываемое безразличіе въ употребленіи словъ „вѣрить и знать“ было далеко не случайно и бессознательно.

**) Подъ силою (δύναμις) здѣсь разумѣются чудеса.

***) И такъ знаніе растворено вѣрою, а вѣра знаніемъ.

получить точное познание значенія буквы. Въ вѣрѣ же относительно Бога предшествуетъ мысль о томъ, что есть Богъ; ее же мы получаемъ изъ твореній. Ибо со времени сотворенія міра, размышляя, мы познаемъ, что Богъ мудръ и могущественъ и благъ и всѣ Его невидимыя свойства. Такимъ-то образомъ признаемъ Его своимъ Владыкою, ибо такъ какъ Богъ творецъ всего міра, а мы, часть міра, то слѣдовательно, Богъ творецъ и нашъ. За этимъ познаніемъ слѣдуетъ вѣра, за этою вѣрою поклоненіе.—Какъ видимъ, здѣсь вѣра является слѣдствіемъ размышленія и выводомъ познанія съ одной стороны, и основою, первою ступенью на пути къ дальнѣйшему познанію Бога—съ другой. Но что касается словоупотребленія, то для насъ пока важно лишь замѣтить, что и увѣренность основывающаяся на размышленіи и логическомъ выводѣ не перестаетъ въ силу этого называться вѣрою.

3) Но это не мѣшаетъ употреблять слово „вѣра“ въ иномъ почти противоположномъ смыслѣ. Такъ у Григорія Богослова II т. 188 *) читаемъ: „Если все очевидно, то гдѣ вѣра?—*εἰ πάντα δῆλα, ποῦ τὸ πιστεῦν λέγε*—ибо вѣра есть согласіе безъ труда изслѣдованія“—*ἀπράγμων συναίνεσις*. Подобное Іоанн. Дамаск. Излож. Прав. вѣры I кн. III гл. Подобно и у Василя Вел. I т. 369 вѣрою называется увѣренность въ томъ, что неизмѣтл. логической очевидности и превышаетъ наше разумѣніе. „Если мы станемъ“, говоритъ онъ,—„все измѣрять пониманіемъ своимъ и вовсе не предполагать даже и бытія того, что необъятно для мысли, исчезнетъ награда вѣры, исчезнетъ награда надежды. Какъ же бы мы послѣ того были достойны тѣхъ наградъ, которыя опредѣлены за вѣру въ невидимое, мы, довѣряющіе лишь очевидному для мысли? (*οἱ μόνως τοῖς κατὰ λογισμὸν ἐνασχεῖσι περιζόμενοι*).“ Подобное—Вас. Вел. I т. 408.

4) Но если изъ только что приведеннаго мѣста не ясно, ра-

---

*) Изданіе Weidmanni 1690. Coloniae.

зумѣются ли здѣсь вѣра вообще въ неизвѣстное, или лишь вѣра въ то, чего нельзя доказать логикой, то не мало мѣсть, гдѣ вѣра противоплагается именно логически доказанному, но не доказанному вообще. Такъ. Вас. Вел. I т. 525 читаемъ: „Относительно словъ Божіихъ первое мѣсто пусть принадлежитъ вѣрѣ.—вѣрѣ, а не доказательству (*πίστις ἡγεῖσθω τῶν περὶ Θεοῦ λόγων, πίστις καὶ μὴ ἀπόδειξις*).—вѣрѣ, влекущей душу къ согласію сильнѣе логическихъ пріемовъ: вѣрѣ, являющейся не въ силу геометрической необходимости, но въ силу дѣйствія Духа“. Какъ видно изъ слѣдующихъ словъ за тѣмъ, подлѣ дѣйствіемъ Духа разумѣются чудеса, которыя и считаются доказательствомъ несравненно сильнѣйшимъ всякихъ умозаключеній.—„Что сильнѣе принуждаетъ къ согласію, скажи миѣ“.—читаемъ мы спустя немного,—„сплетенія предложеній, влекушія за собою соотвѣтственный выводъ, или таковое явно видимое, превосходящее всякую человѣческую силу чудо“ (испѣленіе именемъ Іисуса Христа)? Подобное же II т. 313.

Подобно этому вѣрою иногда называется непосредственная увѣренность, хотя бы то и въ самомъ очевидномъ. Такъ во II гл. II кн. Стромать Климентъ Александрійскій, приводя различныя опредѣленія вѣры, указываетъ и мнѣніе Теофраста, говоря: „Теофрастъ же считаетъ источникомъ вѣры ощущеніе—*Θεόφραστος δὲ τὴν αἴσθησιν ἀρχὴν εἶναι πίστεως* φησι—ибо изъ него получаютъ основныя положенія нашего разума и мысли“.

Подобнымъ же образомъ, когда въ III гл. VIII кн. Стр. говорится, что обыкновенно во великомъ доводѣ въ концѣ концовъ все доказательство сводится на недоказуемую вѣру—*ἐπὶ τὴν ἀναπόδεικτον ἄρα πίστιν ἢ πᾶσα ἀπόδειξις ἀνάγεται*—, то и здѣсь эта недоказуемость понимается въ смыслѣ логическомъ, какъ недоказуемость при посредствѣ вывода изъ другаго положенія, что не мѣшаетъ такому недоказанному положенію быть непосредственно очевидною истинною, такъ называемымъ *πιστὸν ἐξ ἑαυτοῦ*, ὅ δὲ πρῶτον καὶ ἀναπόδεικτον λέγεται.

Къ подробной же непосредственной увѣренности приравнивается и вѣра въ Бога Вас. Вел. II т. 526.

5) Иногда подъ словомъ вѣра понимается лишь увѣренность, какъ такая, (какъ признаніе чего либо за истину), какого бы рода она ни была. Такъ Стром. II кн. гл. XII читаемъ: Итакъ всякое мнѣніе, сужденіе, предположеніе и научное положеніе, которыми мы живемъ и входимъ въ общеніе съ человѣческимъ родомъ, — есть признаніе чего либо (*συγκατάθεσις*), которое есть не что иное, какъ вѣра — *ἢ δ' οὐδὲν ἄλλο ἢ πίστις εἶη αὖν.*

6) Очень часто слово „вѣра“ является въ смыслѣ содержанія христіанскаго ученія и даже въ смыслѣ религіи вообще. Во всѣхъ извѣстныхъ намъ произведеніяхъ древне-отеческой письменности, носящихъ названіе „о вѣрѣ“, это слово употребляется въ смыслѣ содержанія христіанскаго ученія, въ смыслѣ предмета вѣры. Если нуженъ примѣръ довольно обычнаго употребленія слова „вѣра“ въ смыслѣ религіи, укажемъ на св. Іоанна Дамаскина, укоряющаго магометанъ въ томъ, что они, имѣя свидѣтелей относительно житейскихъ дѣлъ, „содержать помимо всякаго свидѣтельства лишь вѣру и книгу“ (коранъ) — *μόνην δὲ πίστην καὶ γραφὴν ἀμάρτυρον ἔχετε.*

7) Оригенъ словомъ „вѣра“ часто означаетъ низшую степень увѣренности въ истинахъ вѣры, вѣру простодушную, болѣе или менѣе безотчетную, каковою вѣрятъ большинство простаго люда, — то, что онъ называетъ *πιστεύειν ἀλόγως*. Напр. противъ Цельса 284 *).

Въ такомъ же значеніи употребляется слово „вѣра“ у блаженнаго Августина въ его „*de utilitate credenti*“, (о пользѣ вѣры), при чемъ особенно выступаетъ на видъ внѣшній авторитетъ, какъ основаніе такой увѣренности.

8) Наконецъ не особенно рѣдко вѣрою называется жизнь, сообразная съ вѣрою, а иногда даже вообще разумная, нравственная жизнь. Такъ св. Иринеи IV кн. VI, 5 прямо говорятъ:

---

*) Изданіе Спенсера 1667 *Cantabrigiae*

„вѣровать же въ Него, значить исполнять волю Его“—*credere autem ei est facere ejus voluntatem* *). И такое значеніе слова „вѣровать“ выступаетъ здѣсь тѣмъ рѣшительнѣе, что, судя по связи рѣчи, здѣсь вѣрующіе, въ смыслѣ на дѣлѣ исполняющихъ волю Божію, прямо противопоставляются только знающимъ [см. первыя строки 5 ст. и ст. 4: „и для того Отець открылъ Сына, чтобы посредствомъ Него явить Себя всѣмъ и вѣрующимъ въ Него праведныхъ принять въ нетлѣніе и вѣчное упокоеніе... а невѣрующихъ заключить во тьму.. И потому праведный судъ Божій на всѣхъ, которые подобно (другимъ) видѣли, но не увѣровали подобно (другимъ)] въ Бога, каковыми признаются всѣ люди, тогда какъ вѣрующими лишь нѣкоторые.

Подобно у Климента Александрійскаго Педагога XIII, 376 **) читаемъ: „жизнь христіанская.... есть нѣкоторая система разумныхъ дѣйствій, то есть непогрѣшительное исполненіе того, чему учить разумъ, что (т. е. исполненіе) мы называли вѣрою—*πίστιν*.“ Равно стр. 372 читаемъ: „Если непослушаніе разуму рождаетъ грѣхъ, то не по необходимости ли послушаніе разуму, каковое мы называемъ вѣрою—*ἢν δὲ πίστιν φαρμέν*—произвестъ такъ называемое должное.

Подобно у Григорія Богослова II т. 200 читаемъ:— „Вѣръ двѣ: одна—согласная съ разумомъ жизнь, каковая и оправдывается, другая—охотное согласіе“ (*πίστις δὲ διττή· ἡ μὲν ἐκ λόγου βίος, ἡ καὶ δικαία ἡ δ' ἔτοιμος συνδρομή*). Равно Излож. Прав. вѣры IV кн. X гл. ***)

*) Указаннаго мѣста не сохранилось въ греческомъ подлинникѣ, но весьма понятно изъ всего того, что мы выше видѣли относительно значенія—*πιστεύειν* что означенное выраженіе являющееся немного страпнымъ по русски и по латини, воиолѣ естественно по гречески (см. выше о значеніи слова *πίστεύειν*).

**) Венеціанское изданіе 1757 года.

***) Для полноты впечатлѣнія, не мѣшасть замѣтить, что такое пониманіе вѣры, какъ живой, настолько было сильно, что можно указать мѣста, въ которыхъ (вѣроятно въ виду нѣкоторыхъ выраженій св. Еванг. Іоанна) даже познаніе Бога понимается въ подобномъ же смыслѣ. Такъ у Васил. Вел. II т. 263—

Такимъ образомъ, что касается словоупотребленія отеческой письменности касательно нашего вопроса, то изъ него и здѣсь, какъ и при изслѣдованіи св. Писанія, выводъ получается лишь отрицательный, — именно: должно признать, что и здѣсь вывести что либо опредѣленное на основаніи одного слова „вѣра“ нельзя. Но за то приведенные примѣры столь разнообразныхъ оттѣнковъ, въ значеніи даже однихъ и тѣхъ же словъ „вѣра, вѣрять“, надѣмся, послужатъ и для читателя нѣкоторымъ упражненіемъ въ гибкости воспринимающей способности, а стало быть и предупреденіемъ противъ возможности поспѣшнаго и односторонняго заключенія относительно истиннаго значенія многихъ имѣющихъ предстать его вниманію мѣстъ изъ твореній разбираемыхъ отцевъ и учителей Церкви.

II. Вѣра можетъ быть знаніемъ.

§ 1) Подобное тому, что мы видѣли при изслѣдованіи ученія о вѣрѣ св. Писанія, видимъ мы и въ изслѣдуемыхъ твореніяхъ отцевъ и учителей Церкви; прежде всего и здѣсь нашему вниманію предстаетъ положеніе, что вѣра можетъ быть знаніемъ, разумнымъ убѣжденіемъ, что для этого даны намъ всѣ средства. Различіе ученія св. Преданія и св. Писанія состоитъ здѣсь лишь въ томъ, что въ первомъ указанное положеніе развивается подробнѣе, что въ немъ указываются нѣсколько частныхъ источниковъ вѣдѣнія въ дѣлѣ вѣры.

Прежде всего здѣсь очень ясно высказывается общая мысль, что мы способны знать Бога. Такъ Климентъ Александрійскій считаетъ способность боговѣдѣнія характеристической чертой человѣка, отличающей его отъ всѣхъ другихъ земныхъ тварей,

---

264 развивается мысль, которая кратко выражается такъ: познаніе Бога—это соблюденіе заповѣдей Его, — τούτο γινώσκεις Θεοῦ, τήρησις τῶν ἐντολῶν αὐτοῦ.—

свойственной ему по природѣ, говоря: „человѣкъ по природѣ по преимуществу близокъ къ Богу—πέφυκε γὰρ ἄλλως ὃ ἄνθρωπος οἰκειῶς ἔχειν πρὸς Θεόν. Поэтому какъ коня мы не принуждаемъ пахать, и на волѣ не ѣздимъ на охоту, но каждое животное употребляемъ на то, къ чему оно способно по природѣ (πρὸ ὃ πέφυκε), точно также и человѣка, созданнаго для созерцанія неба—ἐπὶ τὴν οὐρανοῦ γενόμενον θέαν, это истинно небесное порожденіе—φυτόν οὐράνιον ὡς ἀληθεῶς—призываемъ къ познанію Бога, понимая, въ чемъ состоитъ его свойство, преимущество и особенность сравнительно съ другими животными“—ἐπὶ τὴν γνῶσιν παρακαλοῦμεν τοῦ Θεοῦ, τὸ οἰκεῖον αὐτοῦ καὶ ἐξαιρέτον καὶ ἰδιωματικόν παρὰ τὰ ἄλλα ζῶα κατεληγμένοι. Пр. X, 209 *).—Подобно блаженный Августинъ сказавъ, что други Божіи „вся въ умы вмѣняютъ, да Тебе единого (т. е. Бога) приобрящутъ“, продолжаетъ: „Сіе бо есть блаженство, еже человѣку далъ еси. Сіе есть достоинство, имъ же между всѣми и надъ всѣми созданіями его удостоилъ еси.... Се Господи, Боже мой.... обрѣтохъ мѣсто, гдѣ живеша: яко въ душѣ, по образу Твоему и по подобію созданной, яже Тебе ищетъ и Тебе желаетъ“. (Тайнств. Богосл. кн. II, гл. XXX). **) Также Тертуллианъ adv Hermog III, говоря о сотвореніи міра и человѣка, прибавляетъ относительно послѣдняго, „который одинъ могъ познать Господа своего“, ***)—qui proprie dominum intellecturus erat Подобно этому и Григорій Богословъ называетъ человѣка животнымъ, касающимся Бога, но не уловляющимъ Его—ζῶον.... ἀπτόμενον Θεοῦ καὶ οὐ περιδρασσόμενον—II т. 31, разумѣя, очевидно, подъ послѣднимъ выраженіемъ недоступность для насъ

---

*) Мѣста изъ твореній Климента Александрійскаго обыкновенно указываемъ такъ: Пр. означаетъ „λόγος προτρεπτικός πρὸς Ἕλληνας. Πδ. Παιδαγωγός. Стр. ζῳωματαίς. Римскія цифры означаютъ главы, иногда книги; арабскія—страницы по изданію Миня (Migne).

**) Переводъ 1795 года.

***) Переводъ Карнеева.

полнаго постиженія божественной сущности. — Таже мысль высказывается и у Иринейя Лионскаго въ III кн. XXV, 1; „необходимо, чтобы тѣ (существа), которыя подлежатъ Его промышленности и управленію, знали своего Правителя: тѣ именно, которыя не лишены разума и не пусты, но имѣють разумъ, полученный отъ провидѣнія Божія“, — при чемъ главнымъ образомъ имѣются въ виду люди. Равно Оригенъ пр. Пеллеса 360 говоритъ: „Богу свойственно быть познаваему людьми, человѣческой же душѣ, еще во время пребыванія въ тѣлѣ, познавать Бога“. Вас. Вел. I т. 263: „Однако способность мыслить и познавать своего Создателя и Устроителя есть и въ люляхъ“ и III, 520: „Но мы признаемъ, что мы знаемъ, что можно знать о Богѣ: и вмѣстѣ знаемъ нѣчто изъ того, что недоступно нашему пониманію“ — ἀλλ' ἡμεῖς εἰδέναι μὲν ἐμολογοῦμεν τὸ γνωστὸν τοῦ Θεοῦ, εἰδέναι δὲ τι πάλιν, ὃ ἐκφεύγει ἡμῶν τὴν κατάληψιν. Сообразно этому и Григорій Богословъ II т. 206 опредѣляетъ Бога, какъ нѣкоторую сущность, доступную лишь взорамъ ума — οὐσία νοῦ μόνου ληπτὴ βολαῖς, а Тертуллианъ adv Marc. II видитъ въ доступности для насъ богопознанія первый и величайшій даръ божественной благодати: „Въ этомъ заключается“, говоритъ, онъ, „первая благодать Создателя, что Богъ не восхотѣлъ вѣчно быть скрытымъ, т. е. чтобы не было кого либо, кто бы познавалъ Бога. Ибо что лучше познанія Бога и наслаженія Имъ?“

Заключимъ все сказанное особо яркимъ мѣстомъ изъ св. Иринейя. „Господь не сказалъ, что Отецъ и Сынъ вовсе не могутъ быть познаны; иначе напрасно было бы и Его пришествіе. Ибо для чего Онъ пришелъ сюда? Для того ли, чтобы сказать намъ: не ищите Бога; Онъ повѣдомъ и вы Его не найдете — какъ лгутъ послѣдователи Валентина, будто Христосъ (такъ) сказалъ (ихъ) зонамъ? Но это вздоръ. Ибо Господь научилъ насъ, что никто не можетъ знать Бога, если Богъ не научить, т. е. что Богъ не познается безъ Бога, но чтобы Богъ былъ познанъ, это есть воля Отца — ἀνευ Θεοῦ μὴ γινώσκεισθαι τὸν Θεὸν αὐτὸ δὲ

γινώσκεισθαι τὸν Θεὸν ζήτημα εἶναι τοῦ Πατρὸς. Ибо Его познають тѣ, кому откроеть Сынь—γινώσονται καὶ αὐτὸν, οἷς ἂν ἀποκαλύψῃ ὁ Ὑιὸς. IV кн. VI, 4. „Онъ по своей любви и неизмѣримой благодати пришелъ въ познаніе человѣкамъ,—въ познаніе впрочемъ не по величію и не по сущности, ибо никто Его не измѣрилъ и не осязалъ, но въ томъ отношеніи, чтобы мы знали, что Онъ, сотворившій и создавшій и вдунувшій дыханіе жизни и питающій насъ посредствомъ творенія, утверждая все словомъ Своимъ и связуя премудростію Своею—Онъ есть одинъ только истинный Богъ“. III кн. XXIV, 2; XXXIII, 2; тоже IV кн. XX, 1; V кн. I, 1.

§ 2. Затѣмъ частіе указываются источники познанія какъ Бога, нравственнаго закона, такъ и христіанской истины вообще.

Таковыми источниками являются:

а) Внѣшняя природа.—Такъ у Иринея Ліонскаго IV кн. VI, 6 говорится, что „черезъ самое твореніе Слово открываетъ Бога Творца, и чрезъ міръ—Создателя міра Господа, и чрезъ образованіе—Художника, его образовавшаго.... и все это всё говорятъ одинаково, но не одинаково вѣруютъ *). Для Тертуліана мысль о природѣ, какъ учительницѣ—magistra—и руководительницѣ къ богопознанію, была одною изъ любимѣйшихъ мыслей, къ которой онъ обращается многократно, и которая нерѣдко даетъ ему поводъ рисовать цѣлыя поэтическія, дѣйствительно полныя чувства и увлекательности картины. Мы, по его мнѣнію, изъ природы, какъ дѣла Божія, естественно не только можемъ познавать ея Виновника, но познаемъ и многое о себѣ, какъ то: имѣющее быть воскресеніе плоти, безсмертіе души и т. п. Такъ de res carnis III читаемъ: „можно даже на основаніи общихъ вещей мнѣній сдѣлаться мудрымъ въ божественныхъ вещахъ.... каковыя познаются даже изъ природы, какъ напр. безсмертіе души ясно многимъ—penes plures,—Богъ нашъ

*) Здѣсь „вѣруютъ“ въ виду ст. 5 и связи рѣчи надо понимать въ нравственномъ смыслѣ: „вѣровать—это исполнять волю Его“.

близокъ всѣмъ—*penes omnes. Adv. Marc. II, 5* утверждается, что природа свидѣтельствуешь не только о благодати и могуществѣ Божиѣмъ, но и о томъ, что все создано изъ ничего: „Дѣла Творца“, читаемъ мы,—„свидѣлствуютъ и о томъ и о другомъ,—и о благодати, въ силу которой они хороши, какъ мы замѣчаемъ,—и о могуществѣ, въ силу котораго они такъ многочисленны и притомъ произведены изъ ничего—*et quidem ex nihilo*“. De *res. carnis XII* подобныя мысли выливаются въ увлекательныя поэтическія образы, привести которые дословно невольно заставляетъ самая ихъ дѣйствительно неподдѣльная поэтичность. „Обрати взоры“—говоритъ Тертуліанъ,—„на образы божественнаго могущества въ мірѣ. День умираетъ, и, уступая мѣсто ночи, погребается во тьмѣ. Краса вселенной скрывается подъ похоронными завѣсами. Все дѣлается безцвѣтнымъ, безмолвнымъ, смутнымъ, вездѣ работы прекращаются. Природа облекается въ трауръ и оплакиваетъ потерю свѣта. Но вдругъ свѣтъ вновь для вселенной оживаетъ со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ, въ сопровожденіи брачнаго веселія солнца, которое всегда одинаково, всегда полно, которое закаляетъ смерть свою, т. е. ночь, раздираетъ свои покровы, т. е. тьму, и не реживаетъ само себя, пока опять не наступитъ ночь съ плачевнымъ своимъ облаченіемъ. Тогда начинаютъ блестѣть лучи звѣздъ, потухающихъ при утреннемъ сумракѣ. Планеты, днемъ на время изгнанныя, торжественно возвращаются. Луна возобновляетъ кругъ свой, ослабѣвшій отъ ежемѣсячнаго обращенія. Зима, лѣто, весна и осень преемственно слѣдуютъ другъ за другомъ съ своими обычными вліяніями и произведеніями. На землѣ тѣже законы, какъ и на небесахъ. Деревья воспріимлютъ красу свою, которой были лишены. Цвѣты появляются съ своимъ разнообразіемъ красокъ. Поля снова одѣваются зеленью своею. Сѣмена, истлѣвшія въ вѣдрахъ земли, возникаютъ, и возникаютъ не иначе, какъ истлѣвши. Какая дивная премудрость! Она лишаетъ насъ благъ нашихъ, чтобы намъ ихъ су-

губо возвратить; отъемлеть ихъ, чтобы опять ими одарить; истребляетъ, чтобы сохранить: портить, чтобы обновить; поглощать, чтобы умножить стократно. Дѣйствительно, когда она намъ возвращаетъ ихъ, по истребленіи, щедрою рукою въ большомъ изобиліи, то можно по справедливости сказать, что со стороны ея истребленіе есть пріобрѣтеніе, ограбленіе есть лихва, потеря есть корысть. Однимъ словомъ всякая тварь переходитъ отъ смерти къ жизни. Все, что предъ твоими глазами было, существуетъ. Все что потерялъ ты, возвращается съ избыткомъ. Все, исчезнувши, приходитъ въ прежнее состояніе; все, переставши существовать, воспріемлетъ бытіе; все оканчивается съ тѣмъ, чтобы возникнуть. Ничто не погибаетъ, какъ только для того, чтобы быть сбереженнымъ. Что же означаетъ это безпрерывное круговращеніе природы? Это—есть свидѣтельство воскресенія мертвыхъ. Богъ начертилъ его прежде въ своихъ дѣяніяхъ, нежели въ священномъ Писаніи, возвѣстивъ прежде могуществомъ своимъ, нежели преподавъ словесно. Онъ открылъ предъ тобою книгу природы, дабы привести тебя къ пророчеству, дабы ученикъ природы могъ удобнѣе повѣрить пророчеству, дабы убѣдясь глазами, немедленно принялъ онъ то, что услышитъ ушами, и дабы не сомнѣвался, что Богъ долженъ воскресить мертвыхъ, видя, какъ Богъ возстановляетъ все существа“. Тоже *ibid.* XI, XIII, *adv. Marc.* II, 6; *adv. Valont.* III. *Ap.* XVII, *de tost. an.* V и др.

Климентъ Александрійскій—Стр. VII кн. XVI въ частности считаетъ очевиднымъ изъ природы божественный промыслъ. Такъ, сказавъ, что допуская промыслъ, нечестиво считать не дѣломъ промысла домостроительство нашего спасенія, продолжаетъ: „и можетъ быть это не нужно стараться и доказывать, такъ какъ божественный промыслъ очевиденъ (*φαυερᾶς οὐσης τῆς θείας προνοίας*), какъ изъ вида всехъ зримыхъ искусныхъ и мудрыхъ твореній, такъ и изъ того, что одни изъ нихъ въ порядкѣ происходятъ, другія въ порядкѣ являются намъ“.

Блаженный Августинъ такъ описываетъ путь, которымъ онъ дошелъ до богопознанія Таинств. Бог. кн. II, гл. XXXI. Воскликнувъ, имѣя въ виду Бога: „Поздно Тебе возлюбихъ красота толь древняя и толь новая“, онъ такъ изображаетъ приведшій его къ познанію этой красоты путь: „Вопросихъ землю, аще она есть Богъ мой: и рече мнѣ, яко нѣсмь, и вся, яже суть на ней, тожде рекоша. Вопросихъ море и бездну и ползающія, яже въ нихъ суть, и отвѣчаша: нѣсмь Богъ твой, ищи Его выше насъ. Вопросихъ стоящій воздухъ, и рече весь воздухъ со всеми живущими въ немъ: обманывается Анаксименъ, нѣсмь азъ Богъ твой. Вопросихъ небо, солнце, луну и звѣзды: но ниже мы, рѣкоша они, есмь Богъ твой. И рекохъ всемъ симъ внѣ округъ плоти моея стоящимъ: рекосте мнѣ о Бозѣ моемъ, яко вы нѣсте: скажите мнѣ что о Немъ. И возопиша гласомъ великимъ: Онъ насъ сотвори. Вопросихъ наконецъ величину свѣта: рцы мнѣ, аще ты еси Богъ мой или нѣси? И отвѣща ми гласомъ крѣпкимъ и рече, нѣсмь азъ; но чрезъ Него есмь азъ, Его же ты во мнѣ ищещи, Той сотвори мене. Ищи Его выше мене, устраивающаго мене и создавшаго мене“. Вопросъ тварей,—заключаетъ авторъ—„глубокое самихъ есть разсужденіе: а отвѣтъ ихъ есть свидѣтельство самихъ о Бозѣ, яко вся вопіють: Богъ насъ сотвори по словеси апостола, глаголющаго: невидимая Божія отъ созданія міра, твореньми помышляема, видима суть“. Почти буквально повторяется тоже самое и въ X кн. 6 гл. Исповѣди, въ заключеніе чего Августинъ говоритъ: „моимъ вопросомъ было мое пытлиное око; ихъ отвѣтомъ служилъ ихъ видъ... внутренній чловѣкъ созналъ это при помощи внѣшняго,... духъ при посредствѣ чувства тѣлеснаго. Я спросилъ вселенную о Богѣ, и она отвѣтила мнѣ: не я Богъ твой, но Онъ сотворилъ меня“.

Подобное читаемъ у Вас. Вел. I т. 191: „Если... взглянешъ на небо и его строй,—оно ведетъ къ вѣрѣ, ибо указываетъ собою Художника; если посмотришь на украшенія земли, опять и отъ нихъ увеличится у тебя вѣра въ Бога, ибо не тѣлесными

очами увидавъ Бога, увѣровали мы въ Него, но силою ума при посредствѣ видимаго созерцаемъ Невидимаго... И если согласишься на камень, и онъ имѣеть нѣкоторое доказательство силы сотворившаго его; также, если взглянешь на муравья, на комара, на пчелу. Часто мудрость Создателя видна и въ самомъ маломъ, ибо распростершій небо и разлившій непереплываемыя бездны морей тотъ-же, что и просверлившій, подобно свирѣли, тоненькое жальце пчелы, чтобы чрезъ него могъ изливаться ядъ“. Тоже I т. стр. 87, 108, 480; II т. 139. На страницѣ же 122 I т. говорится: „однако Бога можно познать не болѣе изъ неба и земли, чѣмъ изъ устройства насъ самихъ, если только будемъ разумно себя изслѣдовать“. Въ другомъ мѣстѣ (319) говорится, что мы такимъ образомъ познаемъ премудрость и благодать Божию, что это и есть „познаваемое Божіе—*γνωστὸν τοῦ Θεοῦ*, --которое Богъ открылъ всѣмъ людямъ“.

Подобно св. Григорій Богословъ I т. 540, указавъ на красоту и стройность міра и заключеніе отсюда о Творцѣ, такъ развиваесть эту мысль: „Ибо какъ и произошло все это и составилось, если не Богъ всему далъ сущность и все содержитъ? Ибо никто, видя даже красиво обдѣланную кляору и ловкость и стройность ея устройства, или слыша игру на ней, не представитъ себѣ ничего иного, какъ только художника ея и игрока и его будетъ имѣть въ мысли, еслибъ ему и не случилось увидать его. Такъ и намъ творческая, движущая и сохраняющая сотворенное сила очевидна, хотя и не обнимается мыслию“. Подобное 547, 548. Такія же мысли развиваются и у св. Іоанна Златоуста въ его толкованіи рѣчи св. апостола Павла въ аѳинскомъ ареопагѣ. Равно у Іоанна Дамаскина Излож. Пр. вѣры кн. I, гл. 1 читаемъ: „И сама тварь, ея храненіе и управленіе возвѣщаютъ о величій Божіемъ“.

β) Внутренняя природа души. — Такъ уже св. Іустинъ признавалъ „врожденное всему роду человѣческому сѣмя Слова“ — *τὸ ἐμφυτὸν παντὶ γένει ἀνθρώπων σπέρμα τοῦ λόγου* Ап. II, 18,

въ силу чего весь родъ человѣческій является участникомъ божественнаго разума (Ап. I, 46) и можетъ познавать истины вѣры, видя въ нихъ сродство съ этимъ врожденнымъ ему σπερματικῶ θεῶ λόγῳ. Ап. II, 13.

Особенно подробно раскрываются эти мысли о внутренней природѣ души, какъ свидѣтельница истины вѣры у Тертуліана. Раскрытію той мысли, что самая природа нашей души, нерѣдко даже помимо нашей воли, свидѣтельствуетъ о христіанскихъ истинахъ, зная своего отца и благодѣтеля Бога и другія общія истины богооткровеннаго ученія, что душа, по сдѣлавшемуся общеизвѣстнымъ его выраженію, по природѣ христіанка, посвящено у него отдѣльное сочиненіе „de testimonio animae“ (о свидѣтельствѣ души), хотя подобныя мысли въ качествѣ отдѣльныхъ замѣтокъ или же и въ видѣ довольно большихъ отрывковъ встрѣчаются и во многихъ другихъ твореніяхъ этого учителя Церкви. Относительно этихъ послѣднихъ мѣсть нельзя не замѣтить что они нерѣдко бываютъ почти буквально сходны съ тѣмъ, что говорится въ указанномъ сочиненіи „de test. an.“, что указываетъ, что и мысль о душѣ, какъ христіанкѣ по природѣ, была постоянною, такъ сказать, крѣпко затверженною мыслию Тертуліана, къ которой онъ возвращается при каждомъ удобномъ случаѣ. Приведемъ его слова. Начнемъ съ того, когда онъ, не надѣясь на какую-либо пользу отъ доводовъ изъ философіи, поэтовъ или даже христіанскихъ книгъ, *) обращается къ самой душѣ, и притомъ душѣ, неподвергшейся вліянію чего-либо посторонняго, вліянію какого бы то ни было просвѣщенія, чтобы тѣмъ еще болѣе увеличить силу ея свидѣтельства, такъ какъ основныя христіанскія истины, будучи врождены намъ, до того всеѣмъ свойственны, что ихъ не лишена даже самая грубая душа. „Явись на судъ“,—воскликаетъ авторъ,—„о душа человѣческая! Если ты божественна и вѣчна, какъ говорятъ извѣстные философы,—то ты не въ состояніи

*) Въ виду закоренѣлости язычниковъ.

лгать. Если ты не божественна и не вѣчна, какъ одинъ Эпикуръ смѣетъ утверждать; то ты равномерно не должна лгать, приходишь ли отъ неба или отъ земли, составляешь ли смѣсь чиселъ или атомовъ, рождаешься ли съ тѣломъ или послѣ въ него входишь, заимствуешь ли изъ другихъ какихъ мѣстъ ту таинственную силу, которая дѣлаетъ человѣка разумнымъ животнымъ — *animal rationale*, — способнымъ чувствовать и познавать — *sensus et scientiae capacissimum. Sed non eam te advoco*, — продолжаетъ авторъ, — *quae scholis formata, bibliothecis exercitata, academiis et porticibus Atticis pasta sapientiam ructas* *). *Te simplice et rudem impolitam et idioticam compello, qualem te habent, qui te solam habent, illam ipsam de compito, de trivio, de extrino totam. Imperitia tua mihi opus est, quoniam aliquantulae peritiae tuae nemo credit* **). Скажи мнѣ, какія понятія

*) Мы съ намѣреніемъ приводимъ здѣсь подлинникъ, чтобы показать примѣръ небрежности переводчиковъ, извращающихъ смыслъ словъ автора, подсовывающихъ ему свои мысли и тѣмъ вводящихъ въ заблужденіе читателей. Приведенныя по латини слова у Карнеева передаются такъ: „Но призывая тебя, я не хочу видѣть тебя подъ личиною педагогическаго существа, образованнаго въ школахъ, изощреннаго чтеніемъ древнихъ книгъ и всегда готоваго изрыгать хульные правила академіи или знаменитаго портика“. Не говоря о многихъ другихъ прибавкахъ, откуда явились здѣсь эти „хульные правила“, когда въ подлинникѣ стоитъ лишь „*sapientiam-ructas*“. Не по такимъ ли переводамъ такъ превратно судятъ о Тертуліанѣ? Можетъ быть переводчика смущало самое слово *ructo* — изрыгаю; но онъ долженъ бы знать, что это слово, являющееся для него съ отгѣнкомъ чего-то не особо пріятнаго, не имѣло ничего подобнаго для читателя древней греко-римской письменности; для этого достаточно указать на вѣрность 4 гл. „Отверзу уста моя и слово отрыгну Царица Матери“. *καὶ λόγον ἐρέυξομαι τῇ βασιλίδι Μητρί*. Болѣе близко можно передать слова Тертуліана такъ: Но призываю тебя не ту, которая будучи образована въ школахъ, развита чтеніемъ книгъ и витаніемъ въ академіяхъ и портикахъ аттическихъ, изрыгаешь премудрость. Я призываю тебя, простую и грубую, необразованную и недалекую, какова ты у тѣхъ, которые обладаютъ тобою одной, — тебя самую съ улицы, съ перекрестка, изъ ткацкой. Для меня важно твое невѣжество, такъ какъ какому либо образованію твоему никто невѣрятъ.

**) Вотъ гдѣ причина того, что Тертуліанъ призываетъ душу не ученую, не образованную, прямо съ перекрестка или изъ ткацкой, — онъ ничего не имѣетъ противъ науки и образованія, какъ то часто думаютъ, но дѣло въ томъ, что лишь только онъ сойдетъ на душу, хоть немного образованную ему уже *nemo credit* — никто не вѣритъ. Такъ дѣйствовать, оказывается, заставляетъ Тертуліана не какое либо предубѣжденіе противъ науки, а лишь практическія соображенія.

приносишь ты человѣку, приходишь ли изъ собственной своей сущности, или обязана ею неизвѣстному *) тебѣ виновнику бытія твоего **). Ты, сколько знаю я, не христіанская душа: хотя ты и можешь едѣваться такою, но родясь, не имѣешь вѣры нашей. Ныне христіане требуютъ свидѣтельства твоего противъ тѣхъ, которые такіе же нехристіане, какъ и ты, на тотъ конецъ, дабы ты заставила ихъ устыдиться, что они насъ преслѣдуютъ и обращаютъ въ смѣхъ по причинѣ тѣхъ самыхъ истинъ, коими они пользуются, какъ и мы обладая тобою—*Tamen nunc a te testimonium flagitant christiani, ab extranea adversus tuos, ut vel tibi erubescant, quod nos ob ea oderint et inrideant, quae te nunc conscientia detinent ***)* de test. an. I. Въ слѣдующей главѣ утверждается, что эта простая душа знаетъ единого истиннаго Бога, невольно исповѣдуетъ Его, хотя и считается поклонницею многихъ боговъ ложныхъ; знаетъ свойства Божіи—благость и то, что всякое зло происходитъ не отъ Бога а отъ человѣка; знаетъ, что Богъ правосуденъ, что человѣкъ сталъ злымъ чрезъ удаленіе отъ Бога, сознаетъ оскорбленіе ею Бога и ощущаетъ въ силу этого должный страхъ. И эти врожденныя, инстинктивныя стремленія признавать единого Бога и другія христіанскія истины настолько сильны и не заглушимы, что прорываются какъ-бы помимо воли въ самыхъ капищахъ, во время самаго служенія ложнымъ богамъ—

---

*) Опять могущая подать поводъ недоумѣнію неточности: слова „неизвѣстному тебѣ виновнику бытія твоего“ передаютъ: *aut ex „quocunque auctore tuo“*,—отъ кого либо, создаваго тебя“.

***) Опять неточность во всей фразѣ: рѣчь идетъ не о бытіи, а о томъ, чему душа научилась отъ виновника—*sentiri dedicisti*.

***) Последнія слова вмѣсто: *quorum te nunc conscientia detinet*. Слово *detinere* здѣсь, какъ часто у Тертуліана, въ смыслѣ *praejudicio damnare, accusare*—предварительно, напередъ осуждать, осуждать въ силу предразсудковъ; вообще осуждать, обвинять. См. *Tertuliani quae supersunt omnia*, ed. Franciscus Oshler, стр. 402.

даже тутъ вырываются выраженія: „Богъ видитъ, да сохранить тебя Богъ“ (въ которыхъ Тертуллианъ и видитъ свидѣтельство души объ истинѣ), такъ что „въ самыхъ храмахъ боговъ твоихъ“, восклицаетъ Тертуллианъ, обращаясь къ душѣ, „у ногъ твоего Эскулапа, на колѣняхъ предъ воздушною Юною или Минервою, украшенною отъ тебя чернымъ шлемомъ, ты ищешь правосудія не у сихъ боговъ. Въ судилищахъ ты просишь о назначеніи другаго судьи, а въ храмахъ боговъ твоихъ призываешь другаго Бога.—О какъ ты истинна, могущественна! Въ обиталищѣ демоновъ ты исторгаешь отъ безумныхъ ихъ поклонниковъ свидѣтельство въ пользу христіанскаго ученія“.—*O testimonia veritatis quae apud ipsa daemonia testem efficit Christianorum!*

Далѣе, мы видимъ, душа знаетъ демоновъ, и знаетъ при этомъ, что они злы, и ненавидитъ ихъ (III гл.); знаетъ свое безсмертіе и будущее воскресеніе плоти (IV гл.),—и все это до того обыкновенно и всеобще, что доступно всѣмъ (V гл.); всему этому учить непосредственно самая природа души,—„Тебѣ, человѣкъ“, говоритъ Тертуллианъ,—„предоставляется спросить душу, сущую въ тебѣ: она тебѣ скажетъ, чему она научена отъ Бога, перваго своего Учителя... она всегда воспоминаетъ о своемъ создателѣ, о Его благодати, о заповѣдяхъ Его и о цѣли своего существованія“—*meminit sui auctoris et bonitatis et decreti ejus et exitus sui et adversarii ipsius* (V).

Подобныя же мысли видимъ и въ другихъ сочиненіяхъ; такъ Ап. XVII говоря о тѣхъ-же невольныхъ проявленіяхъ склонности души признавать истину (видимыхъ въ подобныхъ указаннымъ выраженіяхъ), Тертуллианъ восклицаетъ: *O testimonium animae naturaliter Christianae! Denique pronuntians haec* (т. е. выраженія: *Deus vidit* и т. п.) *non ad capitolium, sed ad coelum respicit. Novit enim sedem Dei vivi ab illo et inde descendit.*—О свидѣтельство души по природѣ христіанки! Въдѣ произнесъ это (т. е. выраженія: *Богъ видитъ* и т. п.) ты смот-

ришь не на Капитолій, а на небо. Ибо знаешь мѣстопробываніе Бога жива“.

Подобное же видимъ у блаж. Августина, въ признаніи имъ живущей внутри насъ и непосредственно насъ поучающей истины, подъ которой онъ разумѣетъ то, что бы мы назвали интуиціею, данными непосредственнаго сознанія. Подробѣе эта мысль, что насъ учить не внѣшнее, хотя бы то это было слово или учитель, а внутри насъ живущая истина, съ которой сравнивается, а въ христіанинѣ и какъ бы отождествляется Христосъ, учащій внутренно и непосредственно, и для которой все внѣшнее служить лишь поводомъ—такъ, говоримъ, эта мысль развивается подробно въ книгѣ „Объ учителѣ“ гл. XI—XIV.—Вотъ примѣръ того, какъ доказывается эта мысль: „Откуда ты научился тому, что признаешь въ моихъ словахъ истиннымъ“,—говоритъ авторъ,—„въ чемъ увѣренъ и о чемъ утверждаешь, что знаешь то? Допустимъ, ты отвѣтилъ бы, что этому научилъ тебя я,—тогда я прибавилъ бы: Ну а если бы я сказалъ тебѣ, что видѣлъ летающимъ челоѣка; слова мои убѣдятъ ли тебя такъ, какъ если бы ты услышалъ, что умные люди лучше глухихъ? ты конечно отвергъ бы это и отвѣчалъ, что первому не вѣришь, а еслибы и повѣрилъ, то не знаешь этого; послѣднее же знаешь несомнѣннѣйшимъ образомъ.—Уже изъ одного этого ты долженъ конечно понять, что моими словами ты не могъ научиться ни первому, чего ты, когда я утверждалъ, не зналъ, ни послѣднему, что зналъ очень хорошо; потому что и послѣ того какъ я спросилъ тебя порознь о томъ и другомъ, ты поклялся бы, что первое тебѣ неизвѣстно, а послѣднее ты знаешь“.

Кромѣ того эта мысль о врожденности душѣ христіанской истины очень часто развивается частіе въ признаніи врожденности съ одной стороны идеи Бога,—съ другой нравственнаго закона.

γ) Врожденность идеи Бога признается прежде всего у Іу-

стина мученика. „Слово Богъ не есть имя“, говоритъ онъ,— „но всажденная въ человѣческую природу мысль о чемъ—то неизъяснимомъ“—*τὸ Θεὸς προσαγορεύμα οὐκ ὄνομα ἐστίν, ἀλλὰ πράγματος δυσεξηγήτου ἔμφυτος τῇ φύσει τῶν ἀνθρώπων δόξα.*

Подобно и Климентъ Александрійскій признаетъ врожденную веѣмъ людямъ, особенно тѣмъ, которые занимаются разумными изысканіями, способность, задатки, какъ бы нѣкое божественное истеченіе, которое точится подобно каплющей жидкости въ ихъ души отъ Бога. въ силу чего веѣ даже помимо воли, признаютъ бытіе одинаго Бога и Его общія свойства.—*πᾶσι γὰρ ἀπαξαπλῶς, говорятъ онъ, ἀνθρώποις, μάλιστα δὲ τοῖς περὶ λόγους ἐνδιατρίβουσιν, ἐνέστακται *) τις ἀπόρροια θεϊκὴ οὐ δὲ χάριν καὶ ἄκοντες μὲν ὁμολογοῦσιν, ἓνα τε εἶναι Θεόν, ἀνώλεθρον καὶ ἀγέννητον. τοῦτον ἄνω που περὶ τὰ νῶτα τοῦ οὐρανοῦ ἐν τῇ ἰδίᾳ καὶ οἰκείᾳ περιωπῇ ὄντως ὄντα αἰεί.* Пр. VI. Тоже кратко читаемъ у Иоанна Дамаскина—Изд. Пр. вѣры кн. I, гл. I: „вѣдѣніе о бытіи Божиемъ самъ Богъ насадилъ въ природѣ каждаго“,—*πᾶσι γὰρ ἡ γνώσις τοῦ εἶναι Θεόν ὑπὸ αὐτοῦ φυσικῶς ἐγκατέσπαρται.*

Въ подобныхъ же выраженіяхъ Василій Вел. II т. 469 признаетъ врожденную намъ любовь къ Богу, а I т. 302 признаетъ въ частности даже излишнимъ доказывать безначальность Божію, ибо это очевидно общему смыслу, уподобляя того, кто бы сталъ это доказывать тому, кто вздумалъ бы въ ясный полдень доказывать разумомъ зрячимъ, что солнце свѣтаѣ веѣхъ звѣздъ.

Подобно этому Оригенъ противъ Цельса 135 говоритъ, что „общее миѣніе—*κοινή ἔννοια*—запрещаетъ мыслить Бога тѣлнымъ веществомъ“.

δ) Врожденность нравственнаго закона признается у Иустина мученика Ап. II, 14 гдѣ говорится, что „въ природѣ человѣческой есть способность различать доброе отъ худаго“,—равно какъ Разг. (93) читаемъ: Богъ „предлагаетъ всему ро-

*) Отъ *σπάξω* — вѣро по каплѣ.

ду человѣческому то, что всегда и вездѣ было и справедливо и благо, и всякій народъ знаетъ, что прелюбоубіяніе, блудъ, челоуѣкоубійство и всѣ прочія тому подобныя дѣла—зло. И хотя всѣ это дѣлають, однако они не чужды сознанія, что они согрѣшаютъ, когда такъ поступаютъ. исключая только тѣхъ, которые отъ вліянія нечистаго духа или влѣдствіе испорченности отъ воспитанія, худыхъ обычаевъ и нечестивыхъ законовъ потеряли естественныя понятія — τὰς φυσικὰς ἐννοίας ἀπόλεσαν,— или, лучше, погасили и подавили ихъ. Впрочемъ можно видѣть, что и такіе люди не желаютъ терпѣть того, что они дѣлають другимъ и во враждебной совѣсти попрекають тѣмъ, что они сами дѣлають“. Тоже Ап. II, 7.

Равно Тертуліанъ *adv Jud.* II признаетъ врожденность намъ естественнаго нравственнаго закона, въ существѣ тождественнаго съ закономъ писаннымъ, даннымъ іудеямъ, и заповѣдями христіанства, слѣдуя которому спасались патріархи до Моисея.— „Прежде закона Моисеева, написаннаго на каменныхъ дощечкахъ“,— говоритъ Тертуліанъ,— „я сознаю законъ не написанный, который познавался естественнымъ путемъ и сохранялся отцами *).

Также Оригенъ противъ Цельса 6 сказавъ, что, еслибы не всѣ имѣли познаніе нравственнаго закона, то уничтожилось бы основаніе праведнаго суда Божія относительно грѣшниковъ, прибавляетъ: „посему нѣтъ ничего удивительнаго, что одинъ и тотъ же Богъ влилъ въ души всѣхъ людей то, чему Онъ училъ чрезъ пророковъ и Спасителя“.

Василій Вел. I т. 118 говоритъ: „Душа помимо наученія стремится къ тому, что ей свойственно. Поэтому для всѣхъ похвально цѣломудріе и пріятна справедливость и удивительно мужество, и достойно труда пріобрѣтеніе разума, что все болѣе свойственно душѣ, чѣмъ тѣлу здоровь“,—равно какъ и II т. 148: „мы имѣемъ въ себѣ естественное начало сужденіе—

---

*) Подробно эти мысли развиваются во всей главѣ.

κρίτηριον φασικόν, — при посредствѣ котораго отличаемъ хорошее отъ худого“. Тоже I т. 94, 117. II т. 470. Григорій Богосл. II т. 172.

ε) Кроме того душа можетъ давать поводъ богопознанію по аналогіи. Эта мысль, встрѣчающаяся и у другихъ отцевъ и учителей Церкви, болѣе подробно развивается у Василія Вел. II т. 32: „Вообще же“, — читаемъ мы здѣсь, — „точное разсмотрѣніе самого себя доставить тебѣ достаточное руководство и для понятія Бога. Ибо если будешь внимателенъ къ себѣ, то вовсе не будетъ нужно изыскивать Творца изъ устройства всего, но въ себѣ, какъ будто въ маломъ нѣкоторомъ мірѣ, увидишь великую премудрость создавшаго тебя. Мысли Бога безтѣлеснымъ въ виду существующей въ тебѣ безтѣлесной души, — не обнимаемымъ мѣстомъ, такъ какъ и твой умъ не имѣетъ самъ по себѣ пребыванія въ какомъ либо мѣстѣ, но оказывается въ немъ по причинѣ соединенія съ тѣломъ. Вѣрь, что Богъ невидимъ, размысливъ о своей душѣ, такъ какъ и она недоступна тѣлеснымъ очамъ, ибо не имѣетъ ни цвѣта, ни вида и не ограничивается никакимъ тѣлеснымъ очертаніемъ, но познается лишь изъ дѣйствій. Такимъ образомъ и относительно Бога не ищи видимаго представленія, но предоставивъ вѣру мысли, имѣй о немъ мысленное понятіе“.

ζ) Въ частности умъ человѣческой также считается способнымъ познавать Бога. Большая часть отцевъ и учителей Церкви полагаютъ въ умѣ по преимуществу самый образъ Божій, что особенно ярко раскрывается у св. Іустина въ ученіи о λόγος σπερματικός *) и Климента Александрійскаго. **) Въ качествѣ примѣра приведемъ слова Василія Вел. III т. 516:

*) О посіянномъ въ душѣ человѣка сѣмени Слова т. е. нѣкоторыхъ врожденныхъ чертахъ подобія Сыну Божію.

**) Напр. Пд. VIII, 325: „ἀληθινός ὁ νοῦς ὁ ἐν ἀνθρώπῳ, ὁ κατ' εἰκόνα τοῦ Θεοῦ καὶ καθ' ὁμοίωσιν διὰ τοῦτο γεγενῆσθαι λεγόμενος. (Истиненъ умъ человѣческой, о которомъ въ силу этого говорится, что онъ произошелъ по образу и подобію Божію).

„Намъ дано разсудительное начало — *κρίτηριον* — ума для познания истины. Самоистина же есть Богъ нашъ — *ἔστι δὲ ἡ αὐτοαλήθεια ὁ Θεὸς ἡμῶν*. Такимъ образомъ дѣло ума есть по преимуществу познавать Бога нашего“.

Лишне и говорить, что всѣ упомянутые отцы и учителя сами пользуются разумными ли то вообще или въ частности разсудочными доводами въ пользу истинъ вѣры, опровергаютъ язычниковъ и еретиковъ, примѣровъ чего особенно много у св. Ирипея Лионскаго, Тертуллиана, Климента Александрійскаго, Оригена. — Въ этомъ отношеніи какъ на болѣе выдающійся примѣръ укажемъ на св. Дамаскина, который прямо считаетъ возможными разсудочныя доказательства бытія Божія. Такъ въ его излож. прав. вѣры есть глава, носящая заглавіе: *Ἀπόδειξις ὅτι ἔστι Θεός*, (Доказательство, что есть Богъ), въ которой приводятся такъ называемыя космологическое и телеологическое доказательства бытія Божія. Сущность перваго выражается такъ; „что измѣняемо, то необходимо и сотворено; если же сотворено, то сотворено кѣмъ — нибудь. А Творецъ долженъ быть уже не сотворенъ; ибо если и Онъ сотворенъ, то непременно сотворенъ кѣмъ нибудь, а сей другимъ и т. д., пока не дойдемъ до чего-либо несотвореннаго. И такъ Творецъ долженъ быть не созданъ, а слѣдовательно и неизмѣняемъ. Но неизмѣняемый что есть иное, какъ не Богъ?“ Сущность втораго такъ: „Какимъ бы образомъ противоположныя стихіи, каковы напр. огонь и вода, воздухъ и земля, могли соединиться между собою для составленія одного міра и оставаться неразрывными, если бы Всемогущая сила не совокупила ихъ и не сохраняла во всегдашнемъ неразрывномъ союзѣ?“ Подобнымъ образомъ въ главѣ IV доказывается отъ разума безтѣлесность Бога, а въ V — Его единство (изъ немыслимости двухъ или болѣе несовершенныхъ); главы же VI и VII занимаются доказательствомъ отъ разума даже того, что относится къ тайнѣ св. Троицы, — именно: выводятъ необходимость бытія Сына Божія и Духа

Святаго—и какъ бы ни смотрѣли другіе на дѣйствительное значеніе и силу приводимыхъ здѣсь доказательствъ *), что собственно для насъ и не важно, по мысли автора они всетаки были доказательствами, почему и надписываются: *συλλογιστικὴ ἀπὸδειξις* (логическое доказательство). Подобное у Тертуллиана—adv. Marc. I, 1—5.

η) При такомъ вообще свѣтломъ взглядѣ на человѣческую душу и ея свойства и въ частности на умъ и вмѣстѣ на внѣшнюю природу, отцы и учителя Церкви, оставаясь послѣдовательными, должны были вѣрно цѣнить и все то, что развивается на этой двойной почвѣ данныхъ: внѣшней и внутренней природы—при посредствѣ обработки этихъ данныхъ разсудкомъ и творческой способностью воображенія. Это мы дѣйствительно и видимъ: не только философія и вообще наука, но даже языческая, полная миѳовъ поэзія встрѣчаютъ съ ихъ стороны горячее сочувствіе и похвалы. Впрочемъ здѣсь всегда нужно различать—особенно относительно философіи—самую идею отъ того или иного ея осуществленія въ дѣйствительности; философію, какъ стремленіе къ мудрости и познанію, отъ тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ философскихъ ученій; эти послѣднія не рѣдко встрѣчаютъ порицаніе, хотя далеко не всегда,—а иногда ставятся и очень высоко. Вообще же говоря, философія встрѣчаетъ по большей части живое сочувствіе и похвалы. Такъ по словамъ Густина мученика „философія по истинѣ есть величайшее и драгоценнѣйшее въ очахъ Божіихъ стяжаніе: она одна приводитъ насъ къ Богу—*ἔστι γὰρ τῶ ὄντι φιλοσοφία μέγιστον κτήμα καὶ τιμιώτατον Θεῶ, ὃ ἑ τε προσάγει καὶ συνίστησιν ἡμᾶς μόνη*—и дѣлаетъ насъ угодными Ему **), и подлинно святы тѣ, которые

*) Которыя, собственно говоря, могутъ быть названы развѣ лишь подобіемъ или мною—что усненіями; особенно это должно сказать о доказательствѣ бытія Духа Святаго.

***) Этому не противорѣчатъ Разг. 3, 4—гдѣ старецъ, говорящій со св. Густиньомъ, утверждаетъ, что философы не могутъ мыслить и говорить правильно о Богѣ, „такъ какъ не имѣютъ познанія о Немъ, ни видѣли Его, ни слышали о

устремили свой умъ къ философiн — καὶ ὅσοι, ὡς ἀληθῶς, οὗτοι εἶσιν οἱ φιλοσοφία τὸν νοῦν προσεσυχρότες; — но только многіе, — прибавляетъ онъ, — не угадали, что такое философiя и для какой цѣли она ниспослана людямъ, иначе не было бы ни платониковъ, ни стоиковъ, ни перипатетиковъ, ни теоретиковъ, ни пифагорейцевъ, потому что это знаніе только одно“. Разг. 2.

Но если здѣсь хвалится, собственно говоря, идея философiн, то у Тертуллиана не лишаются значенія даже самыя философскія ученія, — они не только считаются содержащими въ себѣ истину, но даже приравняются къ св. Писанію. Такъ свое сочиненіе о свидѣтельствѣ души онъ начинаетъ такъ: Много времени, памяти и изученія понадобилось бы для извлеченія изъ языческихъ писателей, поэтовъ и философовъ разбросанныхъ ихъ мнѣній, свидѣтельствующихъ о христіанскихъ истинахъ, дабы воспользоваться ими къ пораженію противниковъ нашихъ собственнымъ ихъ оружіемъ и къ обличенію нашихъ гонителей въ ихъ заблужденіи и нечестiи *). Многіе христіане, предавшись изученію древней литературы, составили уже на сей счетъ нѣсколько небольшихъ книгъ. Они исчерпали источники древнихъ преданій, разобрали основныя правила языческой

Немъ“, и такъ какъ „въ нашемъ умѣ“ нѣтъ силы „такой природы и объема, чтобы могла постигать то, что не было прежде сообщено ему посредствомъ чувствъ — δι' αἰσθησεως“ и что „умъ человека“ никогда не увидать Бога „если не будетъ... наставленъ Духомъ Святымъ“. Все это не противорѣчитъ общему взгляду св. Иустина на философiю и вообще разумное познаніе, такъ какъ онъ не отрицаетъ его сравнительнаго несовершенства и полную истину видѣть лишь въ откровенiи, — это съ одной стороны; — съ другой и старецъ не говоритъ, что философы рѣшительно вездѣ лгутъ, а лишь противопоставляетъ ихъ неполное вѣдѣніе тому, что получили тѣ, которые видѣли и слышали самого Бога, явившагося во плоти или инымъ какимъ способомъ научившаго ихъ.

*) *Magna cariositate et majore longe memoria opus est ad studendum si qui velit ex litteris receptissimis quibusque philosophorum vel poetarum vel quorumlibet doctrinae ac sapientiae saecularis magistrorum testimonium exceperе christianae veritatis, ut aemuli persecutoresque ejus de suo proprio instrumento et erroris in se et iniquitatis in nos rei revincantur.*

мудрости и достаточно доказали что въ ученіи нашемъ нѣтъ ничего ни страннаго ни опаснаго—*per quae recognosci possit nihil nos aut novum aut portentosum suscepisse.*

Равно и въ заключительной главѣ того же сочиненія читаемъ: Итакъ ты можешь въ этомъ случаѣ положиться или на свою литературу *), или на священное Писаніе, или на свидѣтельство природы—*crede itaque tuis et de commentariis nostris tanto magis crede divinis, sed de aeternae ipsius arbitrio perinde crede naturae.* „Избери одну изъ сихъ трехъ родныхъ дочерей“—*elige quam ex his fidelius sororem observes veritatis.* Если сомнѣваешься въ своей письменности, то вѣрь Богу и природѣ—*si de tuis litteris dubitas, neque deus, neque natura mentitur.* Такимъ образомъ, мы видимъ, языческая литература съ философіею включительно ставится на ряду съ священнымъ Писаніемъ и другими источниками познанія -- природою внѣшней и внутренней душевной, какъ подобная имъ сестра истины—*soror veritatis.*

Подобно *de res capn XI* читаемъ: „подобныя свидѣтельства (о могуществѣ Божіемъ) находятся конечно и у тѣхъ философовъ, которые утверждаютъ, что міръ не имѣетъ начала и Создателя“. Равно *Ап. XXIV* видимъ ссылку на Платона, а *XLVI* говорится, что Сократъ „ничто разумѣлъ относительно истины, отрицая боговъ“—*aliquid de veritate sapiebat deos negans,*— и это говорится тамъ, гдѣ вся рѣчь клонится къ тому, чтобы унижить философовъ, показать превосходство предъ ними христіанства. За ту же мысль, т. е. что въ философіи было не мало истиннаго и согласнаго съ христіанствомъ, говорятъ и тѣ многочисленныя мѣста, въ которыхъ, какъ напр. *de test. an. V*, положительно или лишь предположительно говорится о заимствованіи философіи изъ Писанія **).

*) Ниже русскій переводъ опять дѣлаетъ не мало не нужныхъ вставокъ и допускаетъ не оправдываемыя неточности.

**) Чтобы не дать повода сомнѣнію относительно нашихъ словъ о Тертуліанѣ

Но всего благосклоннѣе относится не только къ идеѣ философіи, но и къ отдѣльнымъ философскимъ ученіямъ грековъ Климента Александрійскій. Такъ, хотя, какъ христіанинъ, онъ и признаетъ превосходство Христіанства предъ всеѣмъ инымъ (Пр. XI 229; Стр. 1 кн. XX), хотя и утверждаетъ, что полная истина лишь у Пророковъ и Апостоловъ (Пр. VIII), хотя и говоритъ, что мы т. е. христі-

по поводу нѣкоторыхъ рѣзкихъ его выраженій о философіи, укажемъ и рассмотримъ болѣе рѣзкое изъ такихъ мѣстъ. Такъ de proserp. haer. VII читаемъ: „Еретическое ученіе есть человѣческое и бѣсовское, внимающее духовомъ лестнымъ. Господь obuи премудрость міра сего и избра боуя міра, да премудрѣи посрамить“. „Философія предпринимающая дерзновенно (съ подлинника: безразсудная истолковательница--*tomoraria interpres divinae naturae*,--о томъ, дерзновенно, или нѣтъ ей дѣло, ни слова, но лишь, что оно неудачно)--ислѣдовать натуру Божества и судьбы Его, послужила орудіемъ сей мірской мудрости. Она произвела все ереси.... Какъ жаль, что Аристотель избобрѣлъ для нихъ діалектику, искусство спорить, искусство равно способное и поучать и испровергать.... отсюда басни и родословія безконечныя, праздные вопросы и разговоры.... Но что общаго между Аѳинами и Іерусалимомъ, между Академіею и Церковію, между еретиками и христіанами?“ Все это, конечно, очень рѣзко и не благосклонно относится къ философіи—но къ какой?—Къ философіи ли, какъ сборнику противныхъ христіанству системъ, или къ самому принципу разумнаго изслѣдованія? Утверждать рѣшительно второе нѣтъ никакихъ данныхъ, а слѣдовательно и выводить что либо изъ указанныхъ словъ о враждѣ Тертуліана по крайней мѣрѣ къ философіи, какъ таковой, нѣтъ основанія. Напротивъ можно привести доводы прямо противоположныя,—такъ не говоря о только что указанныхъ мѣстахъ *de res. carnis V*, самъ Тертуліанъ собирается философствовать, говоря: *ita nos rhetoricari quoque provocant haeretici, sicut etiam philosophari*—и такъ еретики призываютъ насъ къ риторикѣ и даже къ философіи. Что касается до діалектики, какъ вещи чисто формальной, то опять кто можетъ поручиться, что здѣсь порицается самая логика, какъ такая, и ея приемы, а не злоупотребленія ею? Развѣ не весьма вѣроятнѣе предположить, что здѣсь не больше какъ иронія надъ этими приемами, дѣйствительно пустыми и ни къ чему не приводящими софистическими увертками, которыя порицалъ еще апостоль Павелъ и которыя были въ ходу во время Тертуліана (и которыхъ желающіе могутъ видѣть не мало, напр. въ твореніи св. Иринея, переведенномъ на русскій), особенно у гностиковъ? Аристотель же, очевидно, упомянуть ради большой яркости красокъ. Если жъ принять во вниманіе только что видѣныя нами мѣста изъ твореній Тертуліана, признающія не мало общаго между философскими системами и христіанствомъ, то придется склониться къ мысли, что даже если имѣть въ виду философію не какъ

ане повѣрили премудрости, о которой и не гадала философія—*οὐδ' ἦν*—т. е. *σοφίαν—φιλοσοφίας ἀκριβῶς μόνον ἠπίζησαντο* (Пр. XI);—что даже самое высшее проявленіе человеческого разума—эти *δέσπονα* всѣхъ наукъ, философія недостаточна сама по себѣ для полного и истиннаго знанія (Στρ. I кн. XX), что она сама заблуждалась (Пр. V. VI), что у нея, какъ у орѣха, не все съѣдобно (Σ. I кн. 693), что на ея полѣ ра-

---

принципъ разумнаго изслѣдованія, а какъ проявленіе этого принципа въ ученіяхъ греческихъ философовъ, то и по отношенію къ такой философіи разбираемое мѣсто представляетъ лишь рѣзкое выраженіе, преувеличеніе, болѣе сильное утвержденіе одной лишь части мыслей автора относительно этой философіи, а не полное и вѣрное выраженіе его взгляда на нее. Еслижъ указать на слова: „что общаго между Аоннами и Иерусалимомъ?“, то не нужно упускать изъ виду, что все сочиненіе *de praescriptione haereticorum* писано къ христіанамъ противъ еретиковъ, также представлявшихъ себя христіанами; Тертуліану нужно было показать, что напрасно ихъ—еретиковъ—считаютъ христіанами, все ихъ ученіе заимствуется не изъ Писанія и вѣры Церкви, а изъ философовъ—но развѣ это одно и тоже, развѣ тутъ есть что либо общаго?—И вотъ эта-то послѣдняя мысль, имѣющая показать, что еретики не столько христіане, сколько языческіе философы—и выражена рѣзко и вѣжливо въ указанныхъ словахъ. Это, конечно, не значить, что у философіи съ христіанствомъ безусловно нѣтъ ничего общаго—мы видѣли выше, Тертуліанъ самъ признавалъ такое общее—нѣтъ, это просто лишь значить, что еретики, особенно гностики, которыхъ онъ имѣлъ въ виду, столь же мало христіане, сколько и всѣ языческіе философы—и только. А что наконецъ философія, или, вѣрнѣе, современныя Тертуліану философскія системы дѣйствительно были источникомъ ересей, это полнѣйшая правда, только это несколько не говоритъ противъ философіи, такъ какъ злоупотребленія возможны вездѣ. Несколько не говорятъ противъ нашего взгляда и то, что онъ, какъ здѣсь (см. латинскій подлинникъ), такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, считаетъ языческую философію дѣломъ демоновъ. Не говоря о томъ, что эта мысль ослабляется уже тѣмъ, что по его мнѣнію вообще всякое худо вездѣ и всегда дѣло демоновъ, стоитъ лишь сопоставить это мнѣніе съ подобнымъ же мнѣніемъ св. Іустина, признававшаго, что демоны сообщали язычникамъ извращенно откровенія св. Писанія, чтобы видѣть, что тутъ нѣтъ еще ничего вполне лишаящаго философію всякаго значенія: св. Іустинъ никто еще, кажется, не считалъ противникомъ философіи, а между тѣмъ и онъ говоритъ, что хотя философія и доброе дѣло, но тѣмъ не менѣе философы не поняли, въ чемъ ее суть и назначеніе и что многое въ ней плодъ демоновъ. Если демоны вводили въ заблужденіе философовъ, то еще не значить, что и сама философія есть дѣло демоновъ. Они постоянно портятъ все, хотя бы то само по себѣ и хорошее, *de spect. II. An. XII*. А что Тертуліанъ, будучи христіаниномъ, не могъ соглашаться вполнѣ съ самымъ содержаніемъ современныхъ ему философскихъ ученій, это понятно само собой

стать не мало плевель (Σ. II гл. 288, — тѣмъ не менѣе признаеть значеніе, пользу и даже до известной степени необходимость философіи въ дѣлѣ богопознанія. Собираясь показать пустоту многихъ философскихъ понятій о Божествѣ, — показать, что языческая философія, не могла составить вѣрнаго понятія о Божествѣ, но большей части боготворила видимую природу, онъ вмѣстѣ надѣется показать и то, что философія, хотя бы то и какъ бы во снѣ, всетаки видѣла и какъ бы угадывала истину, — надѣется — *παραστήναι σε ἐνειρώττουσαν τὴν ἀλήθειαν* (Пр. V). Далѣе, перечисливъ множество человѣческихъ заблужденій и между прочимъ въ области философіи, онъ тѣмъ не менѣе ищетъ себѣ союзника въ представителяхъ этой послѣдней, говоря, что онъ не отчаявается въ ней совсѣмъ — *τίνα δὲ λάβω παρὰ σοῦ* — говорить онъ ей — *συνεργὸν τῆς ζητήσεως; οὐ γὰρ παντάπασι ἀπεγνώκαμεν γε **) и затѣмъ, приведши слова Платона, восклицаетъ: *εὖγε ὦ Πλάτων, ἐπιφᾶσαι τῆς ἀληθείας!* (хорошо, Платонъ, ты касаешься истины!) и призываетъ его начать съ нимъ совместно изслѣдованіе, ссылаясь на врожденную всѣмъ, благодарванію способность боговѣдѣнія, на которую мы указали выше (Пр. VI). Не ограничиваясь Платономъ, онъ затѣмъ указываетъ на Анτισѣна, Сократа, Ксенофонта, нѣкоего *τὸν τοῦ Γρύλλου*, Клеанѳа, пифагорейцевъ, ссылки на которыхъ и заключаетъ, говоря: *Ἀπόχρη καὶ τάδε εἰς ἐπίγνωσιν Θεοῦ, ἐπιπνοῖα Θεοῦ πρὸς αὐτῶν μὲν ἀναγεγραμμένα, πρὸς δὲ ἡμῶν ἐξελεγμένα, τῷ γε καὶ σιμχρὸν διαδρεῖν τὴν ἀλήθειαν δυναμένῳ* — (достаточно для познанія Бога и этого, по божественному вдохновенію ими написаннаго, а нами истолкованнаго, всякому кто хотя немного способенъ разсматривать истину), признавая такимъ образомъ нѣчто божественное въ самой языческой философіи.

Въ иномъ мѣстѣ онъ опровергаетъ существовавшія въ его время возраженія противъ значенія философіи, основывавшіяся

*) Кого возьму я у тебя въ помощника изслѣдованія? Ноо вѣдь не вполнѣ же мы отчаялись.

главнымъ образомъ на мысли, что философія дѣло демоновъ. По его мнѣнію, откуда бы мы ни производили начало философіи и ту часть истины, которая въ ней содержится: отъ заимствованія-ли философами изъ сверхъестественнаго откровенія, или отъ дѣйствія надшихъ ангеловъ, дѣло не измѣняется, истина остается истиной и полезное полезнымъ (Σ I кн. XVI, XVII). Хотя бы самъ діаволь говорилъ въ философіи, всетаки, чтобы не быть узнааннымъ и чтобы ему повѣрили, онъ долженъ превратиться въ ангела свѣтла и говорить истину (Σ. VI кн. VIII, 288). Тѣмъ не менѣе, говоря такъ, Климентъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ мнѣнія другихъ, самъ же онъ хотя и признавалъ заимствование философіею изъ сверхъестественнаго откровенія и даже Σ. V кн. 24 участіе демоновъ, сообщавшихъ нѣчто (τὰ ἀπόβροχτα) жидианамъ, *) всетаки не сводилъ всего въ философіи на заимствование и сообщеніе демоновъ, признавая, что нѣкоторые философы и сами изобрѣли, — τὰ δὲ καὶ ἐξευρόντες (Σ. I кн. XIII) и даже прямо признавалъ философію дѣломъ Божиимъ, если не непосредственнымъ, то во всякомъ случаѣ посредственнымъ, и прямо приравнивалъ ее къ ветхозавѣтному откровенію. Эта послѣдняя мысль встрѣчается несравненно чаще и выражается рѣзче и нагляднѣе; она, очевидно, была любимой мыслью автора, такъ что тѣ мѣста, гдѣ говорится о заимствованіяхъ и особенно о вліяніи демоновъ, должно понимать или какъ случайныя отступленія или лучше относить ихъ не къ философіи, какъ такой, — иначе: не къ самому принципу разумнаго изслѣдованія, а къ тѣмъ частнымъ видамъ ея проявленія, въ какихъ она являлась въ исторической дѣйствительности, къ частнымъ системамъ языческой философіи, которыя, какъ увидимъ ниже, онъ дѣйствительно, хотя и не рсѣцѣло, отвергаетъ и заблужденія которыхъ безъ всякаго противо-

---

*) Въ другихъ мѣстахъ эта мысль высказывается или какъ предположеніе, какъ то мы видѣли выше, или когда рѣчь ведется съ точки зрѣнія другихъ, державшихся такого мнѣнія.

рѣчія себѣ онѣ могъ производить какъ изъ людскихъ страстей, слабости, неумѣлаго пользованія прикровенной истиной сверхъестественнаго откровенія, такъ равно и прямо отъ вліянія злыхъ духовъ, намѣренно или ненамѣренно вводившихъ въ заблужденіе слушавшихъ ихъ. Вотъ болѣе ярокія мѣста, высказывающія его общій взглядъ на философію, равно какъ вообще науку, ея значеніе, происхожденіе и роль въ исторіи вообще. Σ. Γ κη. VII. 732. И такъ оказывается, что еллинская пропеція вмѣстѣ съ самою философією пришла къ людямъ отъ Бога, *καταφαίνεται τοίνυν προπαιδεία ἡ Ἑλληνικὴ σὺν καὶ αὐτῇ φιλοσοφίᾳ θεόθεν ἦκειν εἰς ἀνθρώπους*. На стр. 809 частіе развивается таже мысль: какъ бы мы ни представляли себѣ начало и источникъ философіи, всетаки въ концѣ концовъ ея виновникомъ оказывается одинъ и тотъ же податель всякаго блага Богъ. Вотъ подлинныя слова: *εἴτ' οὖν κατὰ περίπτωσιν φασὶ ἀποφθέξασθαι τινα τῆς ἀληθοῦς φιλοσοφίας τοὺς Ἕλληνας, θείας οἰκονομίας ἢ περίπτωσις οὐ γὰρ τ' αὐτόματον ἐκδειάσει τις διὰ τὴν πρὸς ἡμᾶς φιλοτιμίαν, εἴτε κατὰ συντυχίαν οὐκ ἀπρονόητος ἢ συντυχία. Εἴτ' αὖ φυσικὴν ἔννοιαν ἐσχληναι τοὺς Ἕλληνας λέγοι, τὸν τῆς φύσεως δημιουργόν ἕνα γινώσκωμεν, καὶ οὐ καὶ τὴν δικαιοσύνην φυσικὴν εἰρήκαμεν. Εἴτε μὴν κόνιον ἐσχληναι νοῦν, τίς ὁ τούτου πατήρ καὶ τίς κατὰ τὴν τοῦ νοῦ διανομήν δικαιοσύνη σκοπήσωμεν. Ἐν γὰρ προαναφώνησιν τις εἶπη καὶ συνεφώνησιν αἰτιάσεται, προφητείας εἶδη λέγει. Ναὶ μὴν κατ' ἔμφασιν ἀληθείας ἄλλοι θέλουσιν εἰρηῆσθαι τινα τοῖς φιλοσόφοις.* (И такъ если скажутъ, что Элліны по совпаденію провѣщали нѣчто изъ истинной философіи—дѣло божественнаго промышленія совпаденіе, ибо никто не станетъ обожать случай въ виду состязанія съ нами. Если случайно, то не безъ промысла случайность. Если жъ кто скажетъ, что Элліны имѣли естественныя понятія, то мы знаемъ единаго устроителя естества, почему признали выше и естественную праведность. Если скажутъ что они имѣли общій смыслъ, то рассмотримъ—кто отецъ его

и въ чемъ состоитъ справедливость въ раздаяніи ума. Если кто укажетъ на предреченіе и сочтетъ причиною (изступленное) провѣщаніе, тотъ укажетъ на виды пророчества. И такъ истинно думаютъ другіе, что философы нѣчто сказали въ силу проsvѣщенія отъ истины).

Непризнаніе того, что философія отъ Бога, даже не возможно,—это повело бы къ отрицанію того, что Богъ знаетъ все, даже единичное и частное τὰ ἐπὶ μέρους, равно какъ и того, что Онъ виновникъ всякаго блага, или наконецъ что философія произошла помимо воли Божіей. Приписывать же происхожденіе философіи, вещи благой, какъ причинѣ, діаволу, виновнику всякаго безпорядка и несправедливости, даже прямо дико и безсмысленно,—πῶς οὖν οὐκ ἄτοπον—восклицаетъ авторъ—τὴν ἀταξίαν καὶ τὴν ἀδικίαν προσνέμοντας τῷ διαβόλῳ ἐναρέτου πράγματος τοῦτου τῆς φιλοσοφίας δοτήρα ποιεῖο.—Неужели не безсмысленно тѣмъ, кто относитъ безпорядокъ и несправедливость къ діаволу, представлять его подателемъ философіи, вещь исполненной доблести? Огонь жжетъ и свѣтъ свѣтитъ, равно какъ зло не производитъ добра и свѣтъ тѣни, продолжаетъ онъ, дѣлая выводъ: οὐ τοίνυν κακίας ἔργον φιλοσοφία, ἐναρέτους ποιῶσα; λείπεται δὲ Θεοῦ οὐ μόνον τὸ ἀγαθύνειν ἔργον ἐστὶ. Σ. VI кн. V гл.—Итакъ не дѣло злобы философія, дѣлающая добродѣтельными; слѣдовательно она дѣло Бога, которое единственно творитъ добро.

Поэтому философія прямо приравнивается и ставится въ параллель закону Моисееву; равно какъ и то, и другое не противопоставляется рѣзко даже Христіанству, этому знанію новому и духовному. Философы даже прямо называются пророками προφῆται. Заφῶς γὰρ οἶμαι, говоритъ намъ авторъ, ἐδήλωσεν, разумѣя апостола, τὸν ἕνα καὶ μόνον Θεόν, ὑπὸ μὲν Ἑλλήνων ἐθνικῶς, ὑπὸ δὲ Ἰουδαίων Ἰουδαϊκῶς, καινῶς δὲ ὑφ' ἡμῶν καὶ πνευματικῶς γνωσκόμενον. Прὸς δὲ καὶ ὅτι ὁ αὐτός Θεός ἀμφοῖν ταῖν Διαθήκαιν χορηγός, εἶχα τῆς ἑλληνικῆς φιλοσοφίας δοτήρ τοῖς Ἕλλησι δι' ἧς ὁ Παντοκράτωρ παρ' Ἕλλησι δοξάζεται, παρέ-

στησεν, δῆλον δὲ κἀντένδε. Ἐκ γ' οὖν τῆς ἑλληνικῆς παιδείας, ἀλλὰ καὶ ἐκ τῆς νομικῆς εἰς τὸ ἐν γένος τοῦ σωζομένου συνάγονται λαοῦ οἱ τὴν πίστιν προσιέμενοι, οὐ χρόνῳ διαιρουμένων τῶν τριῶν λαῶν ἕνα *) τὶς φύσεις ὑπολάβοι τριττάς, διαφοραῖς δὲ παιδευομένων Διαστήκαις τοῦ ἐνός Κυρίου ἔντως, τοῦ ἐνός Κυρίου βήματι. Ἐπεὶ ὅτι κατὰπερ Ἰουδαίης σώζεσθαι ἐβίβλετο ὁ Θεός, τοὺς προφήτας διδοὺς, οὕτω καὶ ἑλλήνων τοὺς δοκιμωτάτους, οἰκείως αὐτῶν τῇ διαλέκτῳ προφήτας ἀναστήσας εἰς οἷοί τε ἦσαν δέχεσθαι τὴν παρὰ Θεοῦ ἐνεργεσίαν, τῶν ἰουδαίων ἀνθρώπων διεκρίνε. Σ. VI κн. V гл. (И такъ, думаю, ясно указалъ (апостоль) одного и того же Бога, познаваемого эллинами по язычески, іудеями по іудейски, по новому же и духовно нами, и вмѣстѣ показалъ, что одинъ и тотъ же Богъ, податель обоихъ завѣтовъ, Онъ же податель эллинской философіи эллинамъ, при посредствѣ которой Вседержитель прославляется у эллиновъ. Ясно же это и изъ слѣдующаго: устремляющіеся къ вѣрѣ, какъ отъ эллинскаго воспитанія, такъ и отъ подзаконнаго соединяются въ одинъ родъ спасаемыхъ, чтобы кто—въ виду различія этихъ трехъ народовъ по времени не предположилъ трехъ породъ, такъ какъ воистину они воспитываются различными завѣтами единого Господа, единого Господа словомъ. Ибо какъ іудеи въ Богъ желалъ спасти, давая имъ пророковъ, такъ и самыхъ лучшихъ изъ эллиновъ отдѣлилъ отъ простаго народа, возставивъ (имъ) своихъ пророковъ (говоровившихъ) ихъ нарѣчіемъ, чтобы они были въ состояніи принять Божіе благодѣяніе. Равно и ниже VI, 265, читаемъ: ὡς κατὰ καιρὸν ἦκει τὸ κήρυγμα—т. е. κήρυγμα τοῦ ἐναγγελίου—νῦν, οὕτω κατὰ καιρὸν ἐδόθη νόμος μὲν καὶ προφήται βαρβάρους, φιλοσοφία δὲ Ἑλλήσι, τὰς ἀκοὰς ἐτίξουσα πρὸς τὸ κήρυγμα. **)

*) Отрицаніе οὐ относится собственно къ ἕνα ne quis triplices existimet naturas, какъ перед. лат. пер.

**) Какъ по времени явилась теперь проповѣдь (евангеліи) такъ нѣкогда данъ былъ законъ и пророки варварамъ, а эллинамъ философія, пріуготовляющая души (буквально: слухъ) къ проповѣди.

Различается только способ дарованія философіи отъ способа дарованія откровенія Новаго и Ветхаго Завета; философія дана, говорится Σ. I кн. 732: *οὐ κατὰ προηγούμενον*, *), какъ были даны Заветы, но подобно напр. тому, какъ говоримъ, что дождь посылается Богомъ, *ἀλλ' ὅν τρόπον οἱ οὐτοὶ καταρήγνυται εἰς τὴν γῆν τὴν ἀγαθὴν καὶ εἰς τὴν κακρίαν καὶ ἐπὶ τὰ δώματα*. (Какъ ниспадаютъ дожди на добрую землю и на сорную и на дома), т. е. признается относительно философіи лишь общій божественный промысль, направляющій все къ лучшему, но не дѣйствующій исключительно, какъ показываютъ послѣднія слова и ихъ дальнѣйшее толкованіе, — дѣйствія его обуславливаются, такъ сказать, почвой, которая родитъ то больше, то меньше, и слѣдовательно нельзя все въ философіи непосредственно относить къ Богу, много въ ней и человѣческаго. Такое же разумѣніе видно въ слѣдующихъ словахъ ст. 717: Все относится къ божественному промыслу, будетъ ли эллинокое или наше — *ἕάν τε ἑλληνικὰ ἢ ἑάντε ἡμέτερα*. Ибо Богъ виновникъ всѣхъ благъ, но однихъ непосредственно, какъ напр. Ветхаго Завета и Новаго, другихъ посредственно, какъ напр. философіи. — *Πάντων μὲν γὰρ αἴτιος τῶν καλῶν ὁ Θεὸς ἀλλὰ τῶν μὲν κατὰ προηγούμενον* — *principaliter*, какъ передаетъ латинск. перев. — *ὡς τῆς τε Διασθήκης τῆς Παλαιάς καὶ τῆς Νέας, τῶν δὲ κατ' ἐπακολουσῆμα* — *per consequentiam*. — *ὡς τῆς φιλοσοφίας*.

Но вслѣдъ затѣмъ Климентъ склоняется къ мысли, что даже и философія дана *κατὰ προηγούμενον*, говоря: А можетъ быть, и непосредственно — *προηγούμενως* — дана была (философія) эллинамъ, прежде чѣмъ призвалъ Господь и эллиновъ. Ибо и она руководствовала эллиновъ, какъ законъ евреевъ, ко Христу.

---

*) Выраженіе *κατὰ προηγούμενον* если передавать не дословно, а по мысли, можно перевести: „непосредственно“ противоположное же ему *κατ' ἐπακολουσῆμα* словомъ „посредственно“. Буквально же эти выраженія будучи спеціальными терминами, не переводимы; если первое передать словомъ „по преимуществу“, то для втораго не найдется соответствующаго выраженія.

Τάχα δὲ καὶ προηγουμένως τοῖς Ἑλλήσιν ἐδόθη τότε πρὶν ἢ τον Κύριον καλέσαι καὶ τοὺς Ἑλληνας Ἐπαιδαγώγει γὰρ καὶ αὐτὴ τὸ ἐλληνικόν ὡς ὁ νόμος τοὺς ἑβραίους εἰς Χριστόν. И такъ заключаетъ авторъ, философія предуготовляетъ, пролагая путь совершенствующемуся чрезъ Христа. Προπαρασκευάζει τοίνυν ἡ φιλοσοφία, προσδοποιοῦσα τὸν ὑπὸ Χριστοῦ τελειούμενον.

Это уравненіе философіи и закона тѣмъ значителнѣе, что какъ съ одной стороны и іудеи признаются несовершенными въ познаніи, — имъ не доставало между прочимъ вѣры и познанія, какія даны чрезъ Господа Иисуса: οἷς, τ. в. Ἰουδαίοις — ἔλειπεν ἡ διὰ τοῦ Σωτῆρος ἐπίγνωσις τε καὶ πίστις (2 т. 269); такъ съ другой стороны и философія подобно закону даже оправдывала жившихъ согласно съ нею и вообще согласно съ разумомъ. Праведный, какъ такой, не отличается отъ другого праведнаго, гдѣ бы и это бы онъ ни былъ. Δίκαιος τοίνυν δικαίου κατὰ δίκαιός ἐστιν, οὐ διαφέρει εἴαν τε νομικὸς ἢ εἴαντε ἕλλην, οὐ γὰρ Ἰουδαίων μόνον, ἀλλὰ πάντων ἀνθρώπων ὁ Θεὸς Κύριος (тамъ же).

Во многихъ мѣстахъ прямо говорится, что философія даже сама по себѣ оправдывала, какъ напр. 1 к. XX: καὶ τοι καὶ κατ' αὐτὴν ἐδικαίου ποτὲ ἡ φιλοσοφία τοὺς Ἑλληνας, хотя правда не вполнѣ: οὐκ εἰς τὴν κατὰ οὐλοῦ δὲ δικαιοσύνην, εἰς ἣν εὐρίσκειται συνεργός. („Хотя не доводила до полной праведности, каковой она“ лишь „содѣйствуетъ“). Но въ иныхъ мѣстахъ прямо говорится о спасеніи жившихъ подъ водительство философіи и между прочимъ о выведеніи ихъ Господомъ изъ ада, если только они находились тамъ, и вообще праведные отъ философіи прямо сопоставляются съ праведными отъ закона, какъ напр. 2 т. 265: τοῖς μὲν κατὰ νόμον δικαίοις ἔλειπεν ἡ πίστις... τοῖς δὲ κατὰ φιλοσοφίαν δικαίοις οὐκ ἡ πίστις μόνον, εἰς τὸν Κύριον, ἀλλὰ καὶ τὸ ἀποστῆναι τῆς εἰδωλολατρείας ἔδει. (Праведнымъ отъ закона не доставало вѣры... праведнымъ же отъ философіи не доставало не только вѣры въ Господа, но и того, чтобъ отстать отъ идолопоклонства).

Но философія не только нужна была прежде, до Христа, она не потеряла своего значенія и теперь, являясь подготовленіемъ, подпорою и союзникомъ вѣры, представляя доказательства въ пользу послѣдней. Философія до пришествія Господа необходима была эллинамъ для оправданія, теперь же оказывается полезною для богопочитанія, являясь предуготовленіемъ для пріобрѣтающихъ вѣру при посредствѣ доказательства. Ἦν μὲν οὖν πρὸ τῆς τοῦ Κυρίου παρουσίας εἰς δικαιοσύνην Ἑλλησιν ἀναγκαῖα φιλοσοφία, νυνὶ δὲ χρησίμη πρὸς θεοσέβειαν γίνεται, προπαίδία τις οὖσα τοῖς τὴν πίστιν δι' ἀποδείξεως καρπούμενοις (I т. стр. 117). Безповоротно доказанное ею рождаетъ несомнѣнную увѣренность, не даетъ возможности представлять себѣ истину какъ либо иначе и впадать въ заблужденіе,— ὁ γὰρ ἀπὸ τῶν ἀποδείξεων λόγος ἀκριβῆ πίστιν ἐντίθησι τῇ ψυχῇ τοῦ παρακολουθοῦντος, ὡς τε μηδ' ἂν ἄλλως ἔχειν τὸ ἀποδειχθῆναι οἴεσθαι, τοῖς τε αὖ δι' ἀπάτην ὑποτρέχουσιν ἡμῖν ὑποπίπτειν οὐκ ἐᾷ (Σ. 1. кн. VI).

Если обученіе вообще является необходимымъ для должнаго пониманія содержанія вѣры,—συνεῖναι τὰ ἐν τῇ πίστει λεγόμενα οὐχ οἰόντε μὴ μαθόντα ὁμολογοῦμεν *) то въ частности философія, занимаясь отысканіемъ истины и тѣмъ самымъ упражняя умъ, возбуждая его дѣятельность и т. д. (I гл. 728), вмѣстѣ съ тѣмъ является φραγμὸς δίκειος καὶ θριγκὸς τοῦ ἀμπελώνος—оградою виноградника вѣры (Σ 1 кн. гл. XX). Говоря противъ считавшихъ философію совершенно ненужною и требовавшихъ одной лишь вѣры, Климентъ уподобляетъ думавшихъ такъ тому, какъ если бы кто захотѣлъ, ни мало не заботясь объ уходѣ за лозой, сразу рвать грозды,—ἐνιοὶ δὲ, говоритъ онъ, εὐφρεῖς οἰόμενοι εἶναι, ἀξιοῦσι μήτε φιλοσοφίας ἀπτεσθαι, μήτε διαλεκτικῆς ἀλλὰ μηδὲ τὴν φυσικὴν θεωρίαν ἐκμανθάνειν, μόνην δὲ καὶ ψιλὴν τὴν πίστιν ἀπαιτοῦσιν ὡς περ εἰ μηδεμίαν,

---

*) Мы признаемъ, что неучась нельзя разумѣть того, что говорится въ вѣрѣ.

ἡξιούσιν ἐπιμέλειαν ποιησάμενοι τῆς ἀμπέλου εὐθύς ἐξ ἀρχῆς τοὺς βότρυας λαμβάνειν. Даже и въ обыденной жизни, про-должаеть онъ, мы почитаемъ челоуѣка опытнаго, — *αὐτίκα καὶ κυβερνήτην τὸν πολὺπειρον ἐπανοῦμεν, ὃς πολλῶν ἀνθρώπων εἶδεν ἄστεα* (Σ. 1 кн. IX) *) и если чѣмъ иные пользуютсѣ худо, тѣмъ разумный ὁ γνωστικὸς—можетъ пользоваться во благо (гл. X).

Въ подтвержденіе своего взгляда на философію Климентъ неоднократно ссылается на Писаніе и въ частности на ев. Павла (Σ. 1 кн. XIV, XIX), и не разъ отвѣчаетъ на возраженіе, заимствовавшееся отъ Писанія, порицающаго мудрость міра сего. Если во всемъ томъ, что говорилось о философіи до сихъ поръ, философія, какъ такая, иначе—принципъ разумно-научнаго изслѣдованія и убѣжденія въ дѣлѣ вѣры,—повидимому, не отличалась отъ тѣхъ или иныхъ ея частныхъ проявленій, тѣхъ или иныхъ системъ; то здѣсь, когда приходится говорить о томъ, что разумѣетъ Писаніе подъ мудростію міра вообще и философіею въ частности, противъ которыхъ предостерегаетъ, принципъ и приложеніе, или вѣрнѣе истинно должное и неправильное его приложеніе различаются рѣзко и рѣшительно, на чемъ собственно и основывается рѣшеніе указаннаго возраженія: Писаніе порицаетъ не мудрость челоуѣческую, а лишь скрывающіяся подъ ея именемъ заблужденія. Сказавши о божественномъ происхожденіи философіи Σ. I кн. VII, 732, не много ниже авторъ прямо указываетъ, о какой философіи онъ это говоритъ,—это не только не эпикурейская философія, которую онъ вообще порицаетъ, не только не стоическая,—но даже не философія этого, по его выраженію, τοῦ ἐξ Ἑβραίων φιλοσοφου (Σ—696), **) такъ похваляемаго имъ въ иныхъ мѣстахъ φιλαλήτου Πλάτωνος; ***) „Философію же

*) Мы хвалимъ и многоопытнаго мореплавателя (рулеваго), видѣвшаго города многихъ народовъ.

**) Философа изъ евреевъ.

***) Любителя истины Платона.

разумѣю“ говорить онъ „не стоическую, и не платоническую или эпикурейскую и аристотелевскую, но то, что хорошо сказано въ каждомъ изъ этихъ направленій, что научаетъ справедливости и наукѣ благочестія,—все это эклектическое называю философίей. Но что (философы) написали, заимствуя изъ человѣческихъ мыслей, того бы я никогда не назвалъ божественнымъ“; φιλοσοφίαν δὲ οὐ τὴν Στωικὴν λέγω, οὐδὲ τὴν Πλατωνικὴν, ἢ τὴν ἐπεικονοματικὴν καὶ Ἀριστοτελικὴν ἀλλ' ὅσα εἴρηται παρ' ἐκάστη τῶν αἰρέσεων τούτων καλῶς, δικαιοσύνην μετὰ εὐσεβείας ἐπιστήμης ἐκδιδάσκοντα, τοῦτο σύμπαν τὸ ἐκλεκτικὸν φιλοσοφίαν φημί. “Ὅσα δὲ ἀνθρώπων λογισμῶν αποπερόμενοι παρεχάραξαν, ταῦτα οὐκ ἄν ποτε θεῖα εἴποιμι ἄν. Такимъ образомъ что касается этихъ частныхъ философскихъ направлений—αἰρέσεων, *), то онъ имъ вовсе не приписываетъ божественнаго происхожденія, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ не однократно говорить, что онѣ лишь отчасти содержатъ истину; прямо говорить даже, что они разорвали ее по частямъ и исказили (Σ 1 кн. XIII), подобно какъ разрываютъ и искажаютъ эту цѣльную и нераздѣльную истину Церкви Христовой ереси, вырастающія на нивѣ этой послѣдней (2 т. 288). Эти же отдѣльныя, не чуждыя заблужденія, αἰρέσεις разумѣеть и Писаніе, порицая мудрость міра; такъ стр. 713 слова: „погублю премудрость премудрыхъ... относятся къ софистикѣ, занимавшейся одними пустыми словопреніями и ни къ чему негодными изворотами и уловками; представителей ея даже сами греки, говорить онъ, называли не мудрецами, а лишь умничающими,—софистами,—ихъ же и имъ подобныхъ порицаетъ и Писаніе: ἐπὶ τούτων, говорить онъ, καὶ τῶν παραπλητίων, ἔσοι τοὺς κενοὺς μεμελετηκάσι λόγους, ἢ θεῖα Γραφή πανκλήως λέγει. Ἀπολῶ τὴν σοφίαν τῶν σοφῶν καὶ τὴν σύνεσιν τῶν συ-

---

*) Направленій, партій, сектъ; Климентъ Алекс. пользуется здѣсь для сопоставленія ересей съ философскими направленіями самымъ словомъ αἵρεσις, могущимъ означать и всякую партію вообще и ересь въ тѣсномъ смыслѣ.

νετῶν ἀδετίσω *). Къ софистамъ же относятся слова апостола и въ VIII гл., онъ прибавляетъ, что ихъ порицали и прежде, и этотъ ὁ φιλαλήτης Πλάτων, οἷον θεωροῦμενος **) и Аристотель. Въ X гл. порицаніе апостола относится къ эпикурейской философiи,—φιλοσοφίαν μὲν οὐ πᾶσαν, ἀλλὰ τὴν ἐπικούριον уничижавшей божественный промысль и обоготворявшей удовольствіе—ἡδονὴν ἐκθειάζουσαν, —а равно и ко всякой другой, которая, не могли возвыситься до признанія творческой причины всего, не дошедши до идеи Художника, почитала стихіи міра.

На страницѣ 749 порицаніе апостола относится вообще къ пустой словесной болтовнѣ или игрѣ въ логическія понятія; человѣческимъ преданіемъ, говоритъ Александрійскій учитель, апостоль называетъ τὴν λογικὴν τετραίαν***) и вовсе не запрещаетъ изслѣдованія или служащаго къ укрѣпленію вѣры умозрѣнія,—τὴν κενὴν ἐξελάσας φλυαρίαν, ἐγκρίνων δὲ τὴν ὀχυροῦσαν τὴν πίστιν θεωρίαν. Равно порицаются въ Писаніи не мудрые, а лишь кажущіеся такими, сами себя считающіе мудрыми, не будучи таковыми на дѣлѣ,—σοφούς δὲ αὐτοὺς λέγουσα ἡ Γραφή, οὐ τοὺς ὄντως σοφούς διαβάλλει, ἀλλὰ τοὺς δοκῆσει σοφούς (Σ 1 кн. XVII), или: τοὺς δοκῆσει σοφούς καὶ οἰομένους εἶναι οὐκ ὄντας δὲ σοφούς (ст. 752). И вообще, говоритъ Климентъ, хотя не рѣдко кажется, что порицается философiя, тѣмъ не менѣе на самомъ дѣлѣ порицаются лишь отдѣльными ея направленія, ереси—οὐκ οἶμαι φιλοσοφίαν λέγειν τανῶν τόν λόγον, καίτοι ἐν πολλοῖς τὰ εἰκότα ἐπιχειρεῖ καὶ πιθανεύεται φιλοσοφία, ἀλλὰ τὰς αἱρέσεις ἐπιρραπίζει (Σ 1 кн. XIX) ****).

*) О нихъ и имъ подобныхъ, занимавшихся пустословіемъ, божественное Писаніе прекрасно говоритъ: погублю премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергну.

**) Любитель истины Платонъ какъ бы руководимый Богомъ.

***) Буквально: логическую болтовню т. е. пустую игру въ отвлеченныя понятія и софизмы.

****) Такое различеніе философiи, какъ такой, и ея частныхъ проявленій не должно казаться страннымъ тѣмъ болѣе не послѣдовательнымъ или противорѣ-

Подобное видимъ у бл. Августина. Такъ о порядкѣ, кн. 1, гл. III, читаемъ: „Изученіе свободныхъ наукъ, добросовѣстное разумѣется и отчетливое, дѣлаетъ любителей истины въ стремленіи къ ней болѣе бодрыми, болѣе настойчивыми и болѣе подготовленными, такъ что они и пламеннѣе желаютъ ея, и съ большимъ постоянствомъ ея ищутъ, и наконецъ съ большою пріятностію пригвѣляются къ пей; это... и называется блаженною жизнію“. А какъ понимается здѣсь эта истина, это видно изъ словъ той же (не много выше) страницы: „да и что иное—лице Божіе, какъ не та самая истина, которой мы жаждемъ и для которой... дѣлаемъ себя чистыми и прекрасными“. Что касается въ частности философіи, то это безопаснѣйшая и пріятнѣйшая гаваль (противъ Академикова II, 1, то же о жизни блаженной I гл.). Она такова, что и самой истины не увидишь, пока не войдешь всецѣло въ нее (пр. Акад. III стр. 35); она учить презирать земное и обѣщаетъ показать Бога (пр. Ак. I, 1), нѣтъ блаженнѣе жизни, какъ въ занятіяхъ ею (ст. 32).

Потому то бл. Августинъ прямо говоритъ (тамъ же III гл. стр. 36): „берегитесь придти къ мысли, что вы въ философіи истины не узнаете, или что она ни коимъ образомъ не мо-

---

чащимъ собственнымъ же, въ иныхъ мѣстахъ высказываемымъ, мыслямъ писателя. Признавать философію богодарованною и вмѣстѣ видѣть въ ней много живаго если и можетъ показаться противорѣчіемъ, то лишь на первый разъ. Если обратить вниманіе на то, въ какомъ смыслѣ она является у Климента богодарованною, все окажется какъ нельзя болѣе вѣрнымъ и естественнымъ. Какъ уже мы отчасти видѣли, философія признается происходящею отъ Бога, въ томъ же смыслѣ, какъ напр. говорится, что дожди посылаются Богомъ, какъ все хорошее въ концѣ концовъ происходитъ отъ Бога, какъ въ частности человѣческая природа и въ частности разумъ—дѣло Божіе. Климентъ ясно различаетъ дарованіе Богомъ завѣтовъ Ветхаго и Новаго и дарованіе философіи; лишь разъ, и то въ видѣ предположенія, допускаетъ оное, что можетъ быть и философія дана προηγουμενως, — *Τάχα δὲ*, говоритъ онъ о философіи, *καὶ προηγουμενως τοῖς Ἑλλησι ἐδόθη τότε*, — замѣтимъ лишь *τάχα δὲ*... Вообще же философія на столько же имѣетъ своимъ источникомъ Бога, насколько *κατὰ τὸν ἀνωτάτω λόγον* имѣетъ его и *πᾶσα ὠφέλεια βιωτικὴ*—всякая жизненная польза (2 т. 397), насколько *καθολικῶ λόγῳ πάντα*

жетъ быть познана“. Наконецъ чтобы показать всю ту пламенную любовь къ философіи, все то увлеченіе ею, какое обладало Августиномъ и какое онъ не только не порицаетъ, но напротивъ считаетъ величайшимъ счастіемъ, приведемъ его слова о философіи изъ 2 гл. 2 кн. пр. Акад.,—въ которой, т. е. главѣ, онъ убѣждаетъ нѣкоего Романіала къ занятіямъ философіею. „Тогда какъ ни малъ уже былъ озарившій меня свѣтъ“, говоритъ онъ, „философія явилась мнѣ въ такой красотѣ, что еслибъ я могъ показать ее, не говорю уже тебѣ, который, и не зная ея, всегда къ ней влекся съ пламеннымъ желаніемъ, но и самому врагу твоему, который, не знаю, не болѣе ли пріучалъ тебя къ ней, чѣмъ отвлекалъ отъ нея, то и онъ отвергнувъ и забывъ и теплыя воды, и увеселительныя загородныя мѣста, и изящныя и блестящія пиры, и домашнихъ пантомимовъ и все наконецъ, что сильно влечетъ его къ какимъ бы то ни было удовольствіямъ, полетѣлъ бы на встрѣчу ея прелестямъ съ любовію нѣжною и святою, удивленный, взволнованный желаніемъ, охваченный страстію“. И стоитъ лишь почитать творенія Августина, чтобы убѣдиться, что приведенныя слова не фраза, а выраженіе искренняго, двигавшаго всею жизнію и дѣ-

---

ἀναγκαῖα καὶ λυσιτελεῖ τῷ βίῳ θεόθεν ἔχειν εἰς ἡμᾶς λέγοντες, οὐκ ἂν ἀμάρτομεν вообще не погрѣшимъ, говоря, что все необходимое и полезное для жизни происходитъ отъ Бога, (стр. 288), насколько въ частности *θεόθεν δι' καὶ ἡ σύνεσις* (отъ Бога и смыслъ) (стр. 388) Поэтому то и въ дѣлѣ философіи хотя нельзя отрицать и божественнаго промысла и соизволенія, все таки вмѣстѣ нельзя отрицать совершенно и участія и содѣйствія человѣческаго,—и въ философіи, какъ во врачевномъ искусствѣ, много бываетъ *κατὰ προνοίαν μὲν τὴν θεῖαν, κατὰ συνεργείαν δὲ τὴν ἀνθρώπινην* (стр. 288)—по божественному промыслу, но при человѣческомъ содѣйствіи. А слѣдовательно въ виду того, что многое въ философіи падаетъ на долю людей, весьма естественнымъ является признаніе въ ней не мало живаго и негоднаго. Впрочемъ, еслибъ даже признать, что философія дана была и подобно закону Моисею, всетаки и тогда отъ нея возможны отступленія и заблужденія, точно также, какъ и въ Церкви христіанской, получившей свою истину непосредственно изъ устъ самого Бога, для частныхъ ея членовъ возможны отпаденія и ереси.

тельностью чувства. Оттого Августинъ считалъ не лишнею философію даже для своей, уже не молодой, конечно, и не особенно отличавшейся ученостью, матери; желая уничтожить возможное съ ея стороны возраженіе отъ Писанія, онъ говоритъ ей (о порядкѣ I кн. XI гл.): божественныя Писанія... повелѣваютъ избѣгать и осмѣивать не всѣхъ философовъ, а философовъ міра сего "... а кто думаетъ, что убѣгать должно всякой философіи, требуетъ отъ насъ ничего иного, какъ того, чтобы мы не любили мудрости. Тоже пр. Акад. кн. III, гл. XIX.

Подобнымъ образомъ Василій Великій считаетъ виѣшнія науки приготовленіемъ къ слушанію св. Писанія (II т. 245, 246), пишетъ цѣлую бесѣду къ юношамъ о томъ, какъ должно пользоваться эллинскими твореніями (*ὁμιλία πρὸς τοὺς νέους, ὅπως ἂν ἐξ ἑλληνικῶν ὠφελούντο λόγων*—II т. 243), въ частности допускаетъ выраженія относительно философіи подобныя III т. 387: „какъ прекрасна философія“!

Равно Григорій Богословъ I т. 409 пишетъ: „по моему мнѣнію или должно философствовать или почитать философію, если не хотимъ совершенно лишиться блага и, будучи разумными, подпасть обвиненію въ неразуміи“. Подобнымъ образомъ и по ученію св. Іоанна Дамаскина „философія есть познаніе дѣлъ Божіихъ и человѣческихъ, т. е. видимыхъ и невидимыхъ..., философія затѣмъ есть уподобленіе Богу—*αὐτίς ἐστὶν ὁμοιοῦσθαι Θεῷ*—Богу же уподобляемся мудростію, т. е. истиннымъ познаніемъ добра... философія есть искусство искусствъ, наука наукъ... одна лишь философія не погрѣшаетъ... философія опять есть любовь къ мудрости; истинная же мудрость есть Богъ и потому любовь къ Богу есть истинная философія (Діалек. гл. II, т.-же гл. LXVII). Подобно въ придисловіи къ діалектикѣ св. Іоаннъ видитъ въ языческой мудрости не мало добраго и считаетъ это доброе, какъ и всякое вообще благо, даромъ Божіимъ, и „прежде всего“, говоритъ онъ тамъ, „изложу прекраснѣйшее изъ эллинскихъ мудрецовъ,

такъ какъ если что либо благо, то оно даровано людямъ „свыше отъ Бога—*ὡς εἴ τι μὲν ἀγαθὸν ἄνωθεν παρὰ Θεοῦ τοῖς ἀνθρώποις δεδωρόρηται*. Равно и Діалек. гл. I читаемъ: „Такъ какъ божественный апостоль говоритъ: вся искушающе добрая держимъ“, то изслѣдуемъ и слова вѣдѣвшихъ мудрецовъ, ибо можетъ быть найдемъ и у нихъ что нибудь годное и извлечемъ полезное для души. Если всякій художникъ нуждается кое въ чемъ такомъ, что нужно для изготовленія того, что онъ производитъ, то прилично, чтобы и царицѣ служили нѣкоторыя рабыни. Возьмемъ поэтому рабовъ истины—доводы и размысленія (*λάβωμεν τοῦτον τοὺς δούλους τῆς ἀληθείας λόγους*) и отбросимъ злостно царствовавшее надъ ними нечестіе, и не будемъ пользоваться худо добрымъ, ни для обмана простѣйшихъ предложимъ науку мысленія, но, хотя истина и не требуетъ различныхъ умствованій, тѣмъ не менѣ воспользуемся или для ниспроверженія недобросовѣстныхъ противниковъ и ихъ лжеименныхъ знаній.

2) Но не только философія, а даже языческая поэзія встрѣчаетъ себѣ мѣжду нѣкоторыми отцами и учителями Церкви благосклонныя взгляды, считается содержащей истину или похвалу добродѣтели. Такъ въ VII гл. протретикиа Климента Алекс. указываются слѣды истины даже въ поэзи, не смотря на то, что она, по его словамъ, по большей части занималась измысленіемъ пустыхъ басенъ, приписывая Богу свои бредни. Здѣсь въ качествѣ свидѣтелей истины приводятся Арадъ, Исодъ, Орфей, Менаандръ, Омиръ и Еврипидъ. Все это показываетъ, говорить при этомъ Климентъ, что и отъ грековъ не была вполне сокрыта божественная сила вѣдѣнія. Подобно у Василия Вел. II т. 248 развивается мысль нѣкотораго изслѣдователя твореній Гомера, что вся поэзія послѣдняго является похвалою добродѣтели.

3) До сихъ поръ мы указывали источники познанія въ дѣлѣ вѣры естественныя; но несравненно полнѣйшимъ и яснѣйшимъ источникомъ познанія въ дѣлѣ вѣры является сверхъестествен-

ное божественное Откровеніе въ Вѣтхомъ и Новомъ Завѣтѣ. Что касается подтвержденія указаніемъ на отеческія творенія того, что писатели этихъ послѣднихъ признавали этотъ сверхъестественный источникъ и считали его болѣе полнымъ и яснымъ, то такое подтвержденіе мы считаемъ совершенно излишнимъ, ибо, надѣемся, въ указанной мысли никто не сомнѣвается. Несравненно важнѣе показать, что признавая сверхъестественный источникъ въ дѣлѣ вѣры отцы и учителя Церкви далеко не склонны были рѣзко противопоставлять по степени достовѣрности *) свѣдѣнія, получаемыя изъ этого источника, свѣдѣніямъ, получаемымъ естественнымъ путемъ. Какъ мы увидимъ, они были убѣждены, что истинность и значеніе откровенія имѣетъ за себя достовѣрныя, недопускающія сомнѣнія данныя и поэтому, если и дѣлали нѣкоторое различіе по степени достовѣрности между данными естественнаго и сверхъестественнаго откровенія, то ни какъ не такое, по которому данныя перваго рода были бы несомнѣннѣе для насъ, но какъ разъ на оборотъ, — считали свѣдѣнія, сообщаемыя намъ сверхъестественнымъ Откровеніемъ, несравненно болѣе достовѣрными, чѣмъ всѣ другія.

Доказательствами истинности Откровенія они считали во первыхъ его согласіе съ данными естественнаго познанія о Богѣ и нравственности, во вторыхъ особенныя сверхъестественныя знаменія, чудеса или частіе: чудеса въ тѣсномъ смыслѣ и пророчества **). Что касается доказательства на основаніи согласія ученія Откровенія съ данными естественнаго познанія, то эта мысль заключается уже въ прежде видѣнномъ нами признаніи естественныхъ путей познанія, въ признаніи возможности доказывать христіанскую истину на основаніи согласія ея съ разумомъ, врожденными требованіями души и т. п. Если же нужны

---

*) При томъ достовѣрности съ нашей лично-субъективной точки зрѣнія.

***) Въ частности нѣкоторые признавали такимъ доказательствомъ древность книгъ Вѣтхаго Завѣта, напр. Терт. de res carn. XX.

болѣ прямыя и недвусмысленныя выраженія мысли о тождествѣ во многомъ Откровенія съ естественнымъ познаніемъ, то укажемъ на Іуст. разг. 45, Оригона пр. Цельса 6. Что касается признанія силы сверхъестественныхъ доказательствъ: пророчествъ и чудесъ, то это признаніе настолько обще всѣмъ отцамъ и учителямъ Церкви, и на столько, надѣемся, общеизвѣстно, что относительно этого достаточно указать лишь нѣсколько примѣровъ.

ж) Такъ признаніе значенія пророчествъ, какъ доказательствъ истины Откровенія, видимъ у Іустина муч. въ Ап. I, 53, гдѣ онъ, указавъ на нѣсколько пророчествъ, продолжаетъ: „я могъ бы привести много и другихъ пророчествъ, но удерживаюсь, почитая и эти достаточными къ убѣжденію тѣхъ, которые имѣютъ уши, способныя къ слушанію и разумѣнію: такіе, думаю, сами могутъ понять, что мы не такъ, какъ въ басняхъ о мнимыхъ сынахъ Юпитера, — сказываемъ только, а доказать своихъ словъ не можемъ. И какимъ бы образомъ повѣрили мы человѣку Распятому“, прибавляетъ онъ „что Онъ первенецъ нерожденнаго Бога и произведетъ судъ надъ всѣмъ родомъ человѣческимъ, если бы не находили свидѣтельствъ, предсказанныхъ о Немъ прежде, нежели онъ пришелъ и сдѣлался человѣкомъ, и если бы не видѣли, что точно такъ и сбылось...?“

Подобно Тертулліанъ Ап. XIX, XX, сказавъ нѣчто о древности боговдохновенныхъ книгъ, продолжаетъ: „Если мы теперь и не представимъ полнѣйшихъ доказательствъ древности нашего свящ. Писанія, — то надѣемся сдѣлать нѣчто болѣе: докажемъ божественность его—*Plus jam offerimus pro ista dilatione majestatem scripturarum si non vetustate divinas probamus, si dubitatur antiquitas.* Доказательствъ тутъ не для чего ни ожидать, ни искать. Они предъ глазами у cadaго: это міръ и все, что въ немъ происходитъ. Все что случается, что ежодневно бываетъ видимо, все было предсказано. Предсказано было, что земля поглотитъ города, — что море потонитъ острова, что внѣшнія и внутреннія войны будутъ терзать людей; что

царства стануть сталкиваться другъ съ другомъ; что голодъ, чума и общественныя несчастія опустошатъ извѣстныя страны; что дикіе звѣри произведутъ великія раззоренія; что незнатные вознесутся, а знатные унизятся; что справедливость сдѣлается рѣдкою, а несправедливость усилится; что любовь ко всякой добродѣтели ослабнетъ; что самыя времена года и стихіи измѣнятся; что чудовища и дивныя явленія нарушатъ порядокъ природы. Всѣ сіи предсказанія читаемъ мы въ нашихъ священныхъ книгахъ—*providentur scripta*,—въ то самое время, какъ ихъ видимъ на самомъ дѣлѣ—*dum patimur, leguntur; dum recognoscimus, probantur*. Они то намъ представляютъ неоспоримое доказательство въ пользу тѣхъ книгъ, въ которыхъ они предвозвѣщаются. Исполненіе пророчествъ служитъ залогомъ изъ божественности, *Idoneum, opinor, testimonium divinitatis veritas divinationis*. Исполненные уже пророчества заставляютъ насъ вѣрить и тѣмъ изъ нихъ, которыя остаются еще неисполненными,—*Hinc igitur apud nos futurorum quoque fides tuta est, jam scilicet probatorum* *). Одни и тѣ же уста ихъ произносили, одни и тѣ же руки ихъ писали, одинъ и тотъ же Духъ ихъ внушалъ. Для пророковъ существуетъ только настоящее время—*unum tempus est divinationi futura praefanti* **) въ глазахъ ихъ все происходитъ какъ бы въ одно время. Итакъ виновны ли мы въ томъ, что вѣримъ въ будущемъ времени тѣмъ пророчествамъ, которыя оказались справедливыми въ настоящемъ и прошедшемъ времени?“ Тоже во многихъ другихъ мѣстахъ,—напр. *de res carnis XX*, гдѣ между прочимъ читаемъ, „что замѣчательнѣйшія обстоятельства жизни Господа нашего были предсказаны яснѣе свѣтлаго дня *lucе clarius*“.

---

*) Такимъ образомъ даже вѣра въ будущее не является лишь вѣрою, а знаніемъ относительно его (будущаго) *fides tuta, оно probatum est—quia cum illis quae cotidie probantur, praedicebantur*.

**) Если бы мы эти слова, поставивъ въ связь съ предыдущимъ, а не съ послѣдующимъ, передали и такъ: пророчества произнесены въ одно время,—существовавшая довода Тертуліана не измѣнилась бы.

Подобно и Климентъ Александрійскій указываетъ, какъ на доказательство истинности слова Божія, на то, что оно возвѣщаетъ настоящее, прошедшее и будущее, и такъ какъ настоящее свидѣтельствуетъ вѣрность предсказаннаго, то мы вѣримъ и тому, что говорится въ этомъ пророчествѣ о прошедшемъ и тому, что о будущемъ. Πειθὼ δὲ παρέχει ἡ ἐνεσθηκυῖα ἐνέργεια πρὸς τὴν βεβαίωσιν ἀμφοῖν τοῖν ἀκροῖν т. е. прошедшему и будущему εἰ γὰρ μιᾶς ἕσης τῆς προφητείας, τὸ μὲν ἤδη τελεῖται, τὸ δὲ πεπλήρωται, πιστὸν ἐντεῦθεν καὶ τὸ ἐπιζόμενον καὶ τὸ παροχρηκὸς ἀληθές (Σ. II, XII). Равно у Оригена пр. II. 5 читаемъ: „Есть нѣкоторое особое доказательство ученія (т. е. христіанскаго), болѣе божественное, чѣмъ доказательство отъ эллинской діалектики. Это болѣе божественное доказательство апостолъ называетъ доказательствомъ Духа и силы—Духа, въ виду пророчествъ, способныхъ удостовѣрить всякаго—ἰκανὰς πιστοποιῆσαι τὸν ἐντυγχάνοντα—силы же въ виду чудесныхъ силъ (тоже стр. 408, 409).

λ) Относительно чудесъ укажемъ на Тертуллиана, доказывающаго истину христіанства чудомъ изгнанія бѣсовъ именемъ Христовымъ и свидѣтельствомъ ихъ самихъ. Такъ изложивъ свой взглядъ на языческихъ боговъ, какъ на злыхъ демоновъ, Тертуллианъ Ап. XXII, XXIII, продолжаетъ: теперь слѣдуетъ доказательство самымъ дѣломъ, что боги ваши и демоны одно и то же. „Приведите въ судилище ваше челоуѣка, о которомъ навѣрно извѣстно, что онъ одержимъ бѣсомъ quem demone agiconset, и пусть христіанинъ, какой бы ни былъ, прикажетъ демону говорить. Демонъ сознается, что онъ дѣйствительно демонъ и что въ иныхъ случаяхъ ложно выдаетъ себя за Bora jussus a quolibet Christiano loqui spiritus ille tam se daemonem confitebitur de vero, quam alibi dominum de falso. Приведите также кого либо изъ тѣхъ, которые почитаются у васъ боговдохновенными, которые силясь перевести духъ надъ жертвенникомъ, вмѣстѣ съ дымомъ приемятъ будто бы боже-

ство, и которые, задыхаясь отъ изступленія, произносятъ про-
ричанія. Если дѣва Целестисъ, богиня дождя, если Эскулапъ,
изобрѣтатель медицины, возвратившій будто бы жизнь Сакордію,
Тонатію и Эсклѣиодиту, предвзначеннымъ лишиться ея въ
другой разъ,—если они не смѣя лгать предъ христіаниномъ,
не признаютъ себя демонами: въ такомъ случаѣ пролейте тутъ
же кровь сего дерзновеннаго христіанина.

Можетъ ли что быть торжественнѣе и вѣрнѣе сего доказа-
тельства? *quid isto opere manifestius quid hac probatione fide-
lius?* Это самая истина съ своею простотою и силой—*simpli-
citas veritatis in medio est.* Въ чемъ тутъ подозрѣвать: въ
волхвованіи или обманѣ? Ваши уши и ваши глаза обличаютъ
васъ. Нѣтъ! Вамъ не останется ничего противопоставить такой
явной, безъискусственной очевидности. Если ваши боги дѣйстви-
тельно боги, то зачѣмъ имъ ложно говорить, что они демоны?
Не изъ уваженія ли къ намъ? Стало быть божественность ихъ
покорена христіанамъ—*subjecta est Christianis divinitas vestra.*
Но что жь это за божество, которое завлечь отъ людей и,
что всего несноснѣе, отъ противниковъ? Если съ другой сто-
роны, боги ваши ангелы или демоны: то зачѣмъ имъ говорить,
что они въ иныхъ случаяхъ выдаютъ себя за боговъ?.. Вѣрно
и неоспоримо, что божество, которому вы поклоняетесь, не
существуетъ... Познайте же, что всеѣ они демоны и ищите бо-
жества индѣ. Христіане, доказавши вамъ ложность боговъ ва-
шихъ вашими же богами, открываютъ вамъ тѣмъ же путемъ,
кто собственно и есть истинный Богъ, единъ ли Онъ, тотъ ли
самый, котораго признаютъ Христіане, надлежитъ ли вѣровать
въ Него и поклоняться Ему, какъ вѣра и обряды христіан-
скіе повелѣваютъ. И такъ да скажутъ вамъ сами боги ваши,
кто такой есть Іисусъ Христосъ—*et quis ille Christus cum sua
fabula*—обыкновенный ли онъ только человѣкъ или волхвъ;
украли ли ученики тѣло Его изъ гроба, находится ли Онъ
между мертвыми или паче на небесахъ, не долженъ ли Онъ от-

туда снизойдти на землю при концѣ міра среди трепета и стона всѣхъ смертныхъ, исключая христіанъ, какъ *) Божія сила и Божій Духъ и Слово и Премудрость и Разумъ и Сынъ Божій?... Вы вѣрите имъ, богамъ вашимъ, когда они васъ обманываютъ: повѣрьте же, когда они вамъ и правду говорятъ. Можно лгать изъ тщеславія, но никто не лжетъ, чтобы быть обезчещеннымъ“.

Подобное у св. Іустина разг. 9. Если же тебѣ угодно принять доказательство того, что мы не увлечены въ заблужденіе *εἰ δὲ βούλοιο τούτου περὶ δεῖξασθαι λόγον ἃς οὐ πεπλανήμεθα...* то докажу тебѣ..... что мы повѣрили не пустымъ баснямъ и не бездоказательнымъ словамъ, но ученію, которое исполнено Св. Духа и изобилуетъ силою и благодатию—*δείξω, ὅτι οὐ κενοῖς ἐπιστεύσαμεν μύθοις, οὐδὲ ἀναποδείκτοις λόγοις (ἀλλὰ μεστοῖς πνεύματος θεοῦ καὶ δωράμει βρούουσι καὶ τεθηλόσι χάριτι)* Разг. 9.

Подобное у св. Златоуста—Дѣян. бес. 1, 4—читаемъ: И не безъ причины Онъ (Иисусъ) являлся имъ (ученикамъ), но потому, что тщательно заботился объ устроеніи двухъ вещей: о томъ чтобы повѣрили воскресенію, и чтобы, наконецъ, думали о Немъ выше, чѣмъ о простомъ человѣкѣ. Хотя эти (два дѣла) были противоположны одно другому,—такъ какъ для увѣренія въ воскресеніи надлежало быть многому человѣческому, а для убѣжденія въ томъ (что онъ выше человѣка) напротивъ: тѣмъ не менѣе однакожь, и то, и другое сдѣлано было въ надлежащее время. Почему же Онъ явился не всѣмъ, а только апостоламъ? Потому что народу, не знавшему неизреченнаго таинства, Онъ показался бы привидѣніемъ. Если и сами апостолы сначала не вѣрили, приходили въ смущеніе и нуждались въ прикосновеніи рукою и въ общеніи трапезы, то чего слѣдовало ожидать отъ народа? Поэтому-то воскресеніе неопровержимо

*) Здѣсь отступаемъ отъ перевода Каріѣва, допускающаго ненужное и при томъ могущее ввести въ недоумѣніе отступленіе.

***) Слово *δύναμις* судя по общему словоупотребленію древне отеческой письменности нужно понимать въ смыслѣ чудесъ.

доказывается чудесами, для того, чтобы оно было не сомнительно не только для современниковъ, но и для всѣхъ родовъ послѣдующихъ. Что у первыхъ происходило отъ того, что они видѣли чудеса, то у всѣхъ послѣдующихъ должно было происходить отъ вѣры. Поэтому отсюда мы заимствуемъ доказательства и противъ невѣрныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Онъ не воскресъ, но пребываетъ умершимъ, то какимъ образомъ апостолы совершали чудеса Его именемъ? Но они не совершали чудесъ? Въ такомъ случаѣ какимъ образомъ составилъ нашъ (христіанскій) родъ? Этого невѣрные, конечно, не станутъ отвергать и не будутъ спорить противъ того, что видятъ; а потому когда они говорятъ, что знаменій не было, то тѣмъ еще больше опровергаютъ самихъ себя. Въ самомъ дѣлѣ, то было бы величайше чудо, если бы безъ чудесъ вся вселенная прибѣгла (ко Христу), бывъ уловлена двѣнадцатю бѣдными и неучеными людьми. Не множествомъ богатства, не мудростію словъ, не другимъ чѣмъ нибудь подобнымъ побѣдили (рыбари), такъ что по неволѣ надобно признать, что въ нихъ была сила божественная, такъ какъ сила человѣческая никогда не могла бы столько сдѣлать“. Равно на Іоанна—25 бес. 1, 2—„Видишь ли, говоритъ св. Златоустъ, по поводу чуда въ канѣ Галилейской, совершеннаго предъ немногими свидѣтелями,—видишь ли, что нужно было тогда въ особенности творить знаменія, когда присутствовали лю дидобросовѣстные и внимательные къ событіямъ? Ибо такіе и скорѣе могли вѣровать и болѣе вниманія обращать на событія. Да и какъ Онъ могъ бы быть познанъ безъ знаменій? Ученіе же и пророчество, соединенныя съ чудотвореніями, могутъ расположить души слушателей къ тому, чтобы они съ усердіемъ внимали событіямъ, какъ скоро душа уже напередъ къ тому приготовлена. Посему-то евангелисты нерѣдко говорятъ, что въ иныхъ мѣстахъ Онъ не сотворилъ знаменій по причинѣ превратнаго направленія людей живущихъ тамъ“. Такъ въ Капернаумѣ „Онъ не сотворилъ

ни какого чуда, ибо жители того города не были изъ числа благорасположенныхъ къ Нему, а при томъ были еще и самыя развратныя“.

Равно Василиій Вел.—1 т. 525, 526—по поводу исцѣленія именемъ Христовымъ говоритъ: „Въ виду чудо признаніе божества Единороднаго дѣлалось необходимымъ для видѣвшихъ“. „Что болѣе принуждаетъ къ согласію, скажи мнѣ, силеженію предложеній, влекущихъ за собою соотвѣтственный выводъ, или таковое явно видѣнное чудо, превосходящее всякую человѣческую силу?“ (тоже III т. 518, 519).

Равно и по ученію Св. Іоанна Дамаскина и пророчества, и даръ языковъ—эти чудныя дѣйствія благодати имѣютъ цѣлю лишь вѣру; коль скоро она утверждена, въ нихъ нѣтъ нужды и они упраздняются *εἰ γὰρ ἀμφότερα ταῦτα ἔνεχεν τῆς πίστεως εἰσηγήρευχται ταύτης πανταχοῦ διασπαρείσης ἀρχαί τούτων ἡ χρεῖα λοιπὸν* (Венец. изд. т. II, стр. 110).

ρ) Наконецъ нѣтъ недостатка въ указаніяхъ на признаніе и непосредственнаго благодатнаго дѣйствія ученія Христова на души людей. Такъ Св. Іустинъ—Ап. 1, 14—говоритъ, что „поученія Господа Иисуса были кратки и необширны, ибо Онъ былъ не софистъ, но слово Его было сила Божія“. Равно—Ап. II, 10—читаемъ, что хотя Сократъ и училъ людей отвращаться демоновъ и увѣщевалъ ихъ пріобрѣтати познаніе невѣдомаго имъ Бога посредствомъ изслѣдованія разума“, тѣмъ не менѣе онъ не только ничего не могъ сдѣлать, но еще самъ за это поплатится жизнью, тогда какъ то, къ чему онъ стремился, „нашъ Христосъ сдѣлалъ... своею силою“. Ибо Сократу никто не повѣрилъ *οὐδεὶς ἐπίστεύει*—собственно: никто не довѣрился, не положился на него, какъ на учителя истины, такъ чтобы рѣшиться умереть за его ученіе, напротивъ Христу, котораго отчасти позналъ и Сократъ,—ибо Онъ былъ и есть Слово, Которое находится во всемъ... повѣрили не только философы и ученые, но и ремесленники и вовсе необразованные, презирая

и славу, и страхъ, и смерть, потому что все это производить сила неизреченнаго Отца, а не средства человѣческаго разума Χριστῷ δὲ τῷ καὶ ὑπὸ Σωκράτους ἀπὸ μέρους γνωσθέντι... οὐ φιλόσοφοι, οὐ φιλόλογοι μόνον ἐπέισθησαν, ἀλλὰ καὶ χειροτέχνη καὶ παντελῶς ἰδιῶται, καὶ δόξης καὶ φόβου καὶ θανάτου καταφρονήσαντες ἐπειδὴ δύναμις ἐστὶ τοῦ ἀβήτου πατρὸς καὶ οὐχὶ ἀνθρώπειου λόγου τὰσκευή.

Яенѣ говорить св. Василиї Великій I т. 230, 231: „Какъ трость является орудіемъ письма, коль скоро ея движеть рука знающаго для изображенія пишемаго, такъ и языкъ праведнаго, когда его движеть Св. Духъ, пишетъ слова вѣчной жизни на сердцахъ вѣрующихъ, пишетъ же не чернилами, а Духомъ Бога жива. И такъ Святый Духъ пишетъ, ибо Онъ мудръ и учитъ всѣхъ, и пишетъ скоро, ибо быстро движеніе мысли. Вписываетъ же намъ Духъ мысли не на скрижаляхъ каменныхъ, а на плотныхъ скрижаляхъ сердца. И смотря по широтѣ сердца Духъ вписываетъ въ сердца болѣе или менѣе, и всѣмъ ясное или болѣе тусклое, смотря по чистотѣ.

Подобно и св. Златоустъ дѣян. 1, 2 говоритъ: „конечно внушенія духа несомнѣннѣе (свидѣтельствъ) зрѣнія“, хотя и прибавляетъ: „но не у невѣрныхъ“. Равно Іоан. бес. XXIV, 1: „Гораздо вѣрнѣе были тѣ ученики, которые не знаменіями только были привлекаемы ко Христу, но и ученіямъ Его: ибо знаменія увлекали болѣе грубыхъ,—а болѣе разумныхъ—пророчества и ученіе. Посему тѣ, которые были плѣныи ученіемъ, были тверже привлеченныхъ знаменіями; ихъ то и Христосъ ублажалъ, когда говорилъ: блажени не видѣвшіе и вѣровавшіе.“ Также Іоан. XXXV, 1 читаемъ: „Тѣ (іудеи) и послѣ чудесъ остаются не исправимы, а эти (самаряне) безъ чудесъ показали великую вѣру въ Него; и то именно составляетъ ихъ честь, что безъ чудесъ увѣровали. Іудеи же не переставали требовать чудесъ и искушали Его. Такъ во всемъ нужна благонамѣренность души; если коснется такой души истина, то удобно овладѣвать

ою; а если не овладѣваетъ, то это происходитъ не отъ слабости самой истины, а отъ неразумія души. Такъ и солнце, когда касается чистыхъ глазъ, то легко освѣщаетъ; если же не доставляетъ свѣта, это знакъ не безсилія солнечнаго свѣта, а болѣзни глазъ“. Сюда же могутъ быть отчасти отнесены и выше видѣнные слова бл. Августина о томъ, что Христосъ учитъ насъ внутренно.

§ 3. Въ виду такого множества и столь достовѣрныхъ источниковъ познанія въ дѣлѣ вѣры отцы и учителя церкви не только признавали возможность отождествленія по степени достовѣрности для нашего убѣжденія вѣры и знанія, что нерѣдко выражали очень недвусмысленно (см. выше гл. 1, 1), не только признавали познаніе Бога за язычниками *) (Ир. Лион. 111 к. XXV, 1, Iуст. Ап. 11, 13, Кл. Ал. пр. V, VI, VII, Ор. пр. Цельса 181, 276), не только считали стремленіе къ этому знанію долгомъ, за неисполненіе котораго послѣдуетъ наказаніе на судѣ Божіемъ (Тертул. de reser. carn. XIV), но иногда высказывали мысль, что люди даже не могутъ не знать Бога, что они знаютъ Его даже помимо желанія (Кл. Ал. пр. VI**), Тертул. Ап. XVII, ***) Ир. II кн. XXVIII, 2 IV, кн. VI, 6, I Злат. дѣян. XXXVIII 3). При этомъ бл. Августинъ прямо высказываетъ, что это познаніе не иное какое познаніе, но совершенно тожественное обычному нашему познанію. Такъ, въ книгѣ монологовъ (кн. I. гл. IV), чтобы приготовить къ этой мысли, онъ доказываетъ прежде, что есть

1) Каковая мысль была настолько сильна у нихъ, что они признавали въ виду ея даже спасеніе язычниковъ. Iуст. Ап. I, 46. II, 10 Разг. 45. см. выше Кл. Ал. объ оправданіи философ. гл. II § 2.

2) Признается врожденная всѣмъ людямъ способность богопознанія, въ силу котораго они даже невольно признаютъ единаго, непогибающаго и нерожденнаго Бога—*οὗ δὴ χόριν καὶ ἄκοντες μὲν ὁμολογούσιν ἕνα τε εἶναι Θεόν, ἀνώλεστον καὶ ἀγέννητον.*

3) И въ этомъ величайшій грѣхъ, что они не хотятъ познать того, кого не знаютъ не могутъ—*haec est summa delictinolentium recognoscere, quum ignorare non possunt.*

знаніе безразличное (т. е. знаніе, какъ знаніе, съ формально-субъективной стороны) вещей различныхъ; мы равно видимъ тѣми же глазами и небо, и землю, хотя красота первого поражаетъ насъ сильнѣе (гл. V). Затѣмъ въ VI гл. Разумъ, представляющійся ведущимъ рѣчь съ Августиномъ, общается показывать Бога такъ же, какъ видимо солнце для глазъ; равно какъ въ VIII главѣ говоритъ: „и Бога мы постигаемъ умомъ, и извѣстныя научныя положенія мы тоже постигаемъ умомъ“.

Наконецъ едвали нужно говорить, что по степени достовѣрности для насъ можетъ быть тождественно сознаниемъ все содержаніе ученія вѣры: то, въ истинѣ чего мы не можемъ убѣдиться болѣе или менѣе непосредственно-естественными силами и средствами, дѣлается достовѣрнымъ для насъ въ силу того, что высказывается божественнымъ Откровеніемъ, которое въ свою очередь свидѣтельствуется самыми непреложными очевидными доводами, такъ что въ виду всего этого мы можемъ заключить все то, что было говорено о доступности для насъ познанія истинъ вѣры, краткимъ, но полнымъ силы и глубокаго смысла выраженіемъ Тертулліана ап. XVIII, гдѣ онъ въ качествѣ высшаго довода непрекаемой истинности Христіанства восклицаетъ: *fiunt, non nascuntur Christiani* *)—дѣлаются, не рождаются христіанами, подразумѣвая: если же *fiunt*—дѣлаются въ зрѣломъ возрастѣ и даже тѣ, которые сперва были противниками и врагами христіанъ, то не напрасно и не безъ причины.

III. Вѣра по идеѣ—свободное разумно-сознательное убѣжденіе.

До сихъ поръ, мы видѣли, утверждалась мысль, что намъ дано все необходимое для разумнаго убѣжденія въ истинѣ вѣры и что слѣдовательно, при условіи нашего желанія, дана возможность для послѣдней по степеніи достовѣрности для нашего

---

*) Ап. XVIII.

сознанія сообщаемыхъ ею истинъ ничѣмъ существеннымъ не разнится отъ того, что принято называть знаніемъ. Теперь увидимъ, что по самой идеѣ своей вѣра именно и должна быть такимъ разумно-сознательнымъ принятіемъ ученія Христова, что только такъ понимаемая, она можетъ стать дѣломъ сознательной свободы, а слѣдовательно и предметомъ нравственнаго вмѣненія, и что поэтому чѣмъ ближе и непосредственнѣе видитъ душа христіанскую истину въ ея истинномъ свѣтѣ, чѣмъ глубже проникаетъ въ нее, понимаетъ ее, чѣмъ больше слѣдовательно вѣра получаетъ характеръ не только знанія вообще, но знанія непосредственнаго, полного, отчетливаго, яснаго, глубокаго, тѣмъ лучше; что возможно полное постиженіе Христовой истины— идеаль вѣры.

Высказанныя мысли выражаются въ изслѣдуемыхъ нами твореніяхъ отцевъ и учителей Церкви въ трехъ главныхъ видахъ: а) въ утвержденіи мысли, что вѣрить неизвѣстному, недоказанному было бы странно и неразумно; б) въ утвержденіи произвольности вѣры и невѣрія, какъ основаніи ихъ вмѣненія, при чемъ эта произвольность предполагаетъ возможность разумнаго убѣжденія, и наконецъ в) въ прямомъ выраженіи мысли о превосходствѣ разумной вѣры.

а) Странно вѣрить неизвѣстному.

Мысль, что разумъ требуетъ отъ насъ вѣрить лишь тому, что истинно, и слѣдовательно не вѣрить слѣпо всему, но изслѣдовать гдѣ истина, довольно ясно выражается у св. Іустина. Такъ ап. 1, 2 читаемъ: „Люди истинно благочестивые и любомудрые должны уважать и любить только истину и отказываться отъ послѣдованія мнѣніямъ предковъ, когда они худы: такова обязанность, внушаемая разумомъ. И не только требуетъ здравый разумъ не слѣдовать тѣмъ, которые несправедливо поступали или учили; любитель истины долженъ всячески и больше своей собственной жизни стараться соблюдать правду въ

словахъ и поступкахъ своихъ, хотя бы смерть угрожала ему“. Въ виду этого и самъ св. Іустинъ считаетъ долгомъ представить предъ взоры всѣхъ свое ученіе, чтобы всѣ могли видѣть и убѣдиться въ истинѣ; „наша обязанность“, говоритъ онъ ап. I, 3—представить на разсмотрѣніе всѣхъ нашу жизнь и ученіе, чтобы вмѣсто тѣхъ, которые ничего нашего не знаютъ, самими намъ не подвергнуться наказанію за тѣ преступленія, которыя дѣлаютъ иные по слѣпотѣ своей“. Подобное разг. 38, 44.

Яснѣе эта мысль выражается у Тертулліана ап. VII въ словахъ: „sapiens non credit in arto—мудрецъ не вѣритъ неизвѣстному“. Подоби. de res carn. XXI.

Довольно ясно эта мысль выражена у св. Дамаскина въ его разборѣ магометанскаго ученія (περί αἱρέσεων *), въ которомъ онъ, требуя доказательствъ—τὸ βέβαιον—пророческаго достоинства Магомета и ниспосланной ему книги (корана), противопоставляетъ его съ одной стороны Моисею, который получилъ законъ отъ Бога, явившагося на горѣ Синаѣ предъ лицомъ всего народа въ облакѣ, и огнѣ, и мракѣ, и вихрѣ, и Господу Іисусу, о которомъ помимо всего прочаго было впередъ предсказано пророками, и между прочимъ самимъ Моисеемъ. Но такъ какъ Магометъ никакихъ подобныхъ подтвержденій, никакихъ свидѣтелей своего пророческаго достоинства привести не могъ, то св. Іоаннъ считаетъ страннымъ ему вѣрить; ему кажутся смѣшными притязанія магометанскаго лжепророка, тѣмъ болѣе, что самую книгу откровенія послѣдній получилъ—что особенно странно—во снѣ, не замѣтивъ никакого божественнаго дѣйствія. Послѣ всего этого магометане оказываются въ дѣлѣ вѣры менѣе дорожащими истиной и свидѣтельствами, чѣмъ въ обыденныхъ вещахъ приобрѣтенія имуществъ и т. п. „Имѣете вы и женъ“, говоритъ имъ св. Дамаскинъ, „и скотъ, и ословъ, и все остальное на основаніи свидѣтель-

*) Венец. изд. т. I, стр. 112.

ства, одну лишь вѣру и книгу (коранъ) содержите помимо всякаго свидѣтельства; ибо передавшій ее вамъ ни откуда не имѣеть доказательствъ (τὸ βέβαιον), и не извѣстенъ никакой предвѣстникъ его, къ тому же и получилъ онъ ее во время сна“. Но если ужъ вѣрить неизвѣстному не дѣло мудреца, то тѣмъ болѣе странно вѣрить очевидной безмыслицѣ. Рѣзче всего высказывается эта мысль у Св. Иринея IV кн. VI, 2 въ его похвалѣ слѣдующимъ словамъ Iустина муч.: „Я не повѣрилъ бы Самому Господу, еслибы Онъ возвѣщалъ другаго Бога, кромѣ Создателя, Творца и Питателя нашего“.—Καὶ καλῶς Ἰουστίνος ἐν τῷ πρὸς Μαρκίωνα συντάγματι φησιν „ὅτι αὐτῷ τῷ Κυρίῳ οὐδ' ἂν ἐπέισθην ἄλλον Θεὸν καταγγέλλοντι παρὰ τὸν Δημιουργόν“. Даже относительно такого рѣзкаго выраженія указанной мысли Св. Ириней отзывается такъ: „И хорошо Iустинъ говорить“.

б) Разумная свобода вѣры, какъ основаніе ея вмѣняемости.

§ 1. Основаніемъ нравственнаго вмѣненія намъ вѣры въ добродѣтель, и на оборотъ, невѣрія въ грѣхъ, постоянно представляется въ разбираемыхъ нами писаніяхъ свобода. Эта мысль, какъ вообще мысль о томъ, что всякая добродѣтель, вообще и всякій грѣхъ постольку и вмѣняемы, поскольку свободны, такъ всеобща и такъ часто повторяется у отцовъ и учителей Церкви, что объ этомъ едва ли и нужно говорить; *) несправ-

---

*) Для примѣра можно указать на Василія Вел. I т. 22, II т. 103, 104; III—105. Август. de vera religione 27: Nunc vero usque adeo peccatum voluntarium est malum, ut nullo modo sit peccatum, si non sit voluntarium et hoc quidem ita manifestum est ut nulla hinc doctorum paucitas, nulla indoctorum turba dissentiat т. е. свобода является настолько необходимымъ признакомъ грѣха, что онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ грѣхомъ, если не будетъ произвольнымъ, и это настолько ясно, что противъ этого не возражаетъ никто ни изъ ученыхъ, ни изъ неученыхъ большинства.

ненно важнѣе показать—какъ понимается эта свобода. Частнѣе: важно показать, что свобода эта не есть свобода безразличія или что почти тоже, свобода выбора того, относительно чего неизвѣстно навѣрно—истинно оно или ложно, какъ нерѣдко понимаютъ свободу вѣры нынѣ; *) но что эта свобода обуславливается вполне сознательнымъ выборомъ истины или лжи, при вполне ясномъ пониманіи гдѣ ложь и гдѣ истина, или въ крайнемъ случаѣ при полной возможности, при желаніи достигнуть такого пониманія. Также у Св. Густ. ап. 1, 28 читаемъ: „Въ началѣ Онъ сотворилъ родъ человѣческой разумнымъ и способнымъ избирать истинное и дѣлать доброе, для того, чтобы никакому человѣку не оставалось предъ Богомъ извиненія; ибо все сотворены разумными и способными къ созерцанію—ὅστ' ἀναπολόγητον εἶναι τοῖς πᾶσις ἀνθρώποις παρὰ τῷ Θεῷ, λογικοὶ γὰρ καὶ θεωρητικοὶ γεγέννηται. Если же кто не вѣруетъ, что Богъ печется объ этомъ, тотъ, хотя не прямо, отвергаетъ бытіе Его или долженъ будетъ сказать, что хотя Онъ есть, но усаждается зломъ или существуетъ подобно камню, и что ни добродѣтель, ни порокъ не существуютъ, а по мнѣнію только людей одно почитается добромъ, а другое зломъ: это и есть величайшее нечестіе и беззаконіе“. Равно и разг. 141 пишется: „Богу, хотящему, чтобы ангелы и люди слѣдовали Его волѣ, угодно было сотворить ихъ съ свободою силою для дѣланія правды и съ разумомъ для познанія Того, Кѣмъ они были сотворены, чрезъ Кого существуютъ они, прежде не существовавшіе, и съ такимъ закономъ, чтобы они были судимы Имъ, когда будутъ поступать противно здравому разуму“—βουλόμενος τοὺς ἀγγέλους καὶ τοὺς ἀνθρώπους ἐπεσθαι τῇ βουλῇ αὐτοῦ ὁ Θεὸς ἐβουλήθη ποιῆσαι τούτους αὐτεξουσίους πρὸς δικαιοπραξίαν, μετὰ λόγου τῷ ἐπίστασθαι αὐτοὺς

---

*) Т. е. какъ субъективную свободу личнаго вкуса, въ какихъ бы отнѣнкахъ ни выражалась эта мысль, какъ напр. Пр. Обзор. 1881 г. Необходимость, возможность и методъ научнаго оправданія Христіанства.

ὅφ' οὐ γέγονασι καὶ δι' ὧν εἰσι πρότερον οὐκ ὄντες καὶ μετα νόμου τῆ ὑπ' αὐτῆ κρίνεσθαι, εἰὰν παρὰ τὸν ὁρῶν λόγον πράττωσι. Тоже ап. I, 10; нѣчто подобное Разг. 93. А что въ частности вмѣняемость невѣрія основывается на полной возможности вѣрить и убѣдиться, ясно видно въ ап. I, 46,—гдѣ св. Іустинъ рѣшаетъ возраженіе, что нисколько не виновны въ невѣрії во Христа тѣ люди, которые родились до Его пришествія, —тѣмъ, что признаетъ, что Слову причастенъ весь родъ человѣческой и что даже язычники, какъ то Сократъ и Гераклитъ, знали Христа и были христіанами. Точно также и св. Ириной IV кн. VI, 7, сказавъ о естественномъ и сверхъестественномъ Откровеніи; при посредствѣ которыхъ можно знать истину, продолжаетъ: „И все это дѣлалось потому, что надлежало, чтобы истина получила свидѣтельство отъ всѣхъ и была средствомъ суда *) во спасеніе вѣрующихъ и въ осужденіе невѣрующихъ, дабы все были судимы справедливо, и вѣра въ Отца и Сына всеми подтверждалась, отъ всѣхъ получая свидѣтельство: и отъ своихъ, такъ какъ они ея друзья, и отъ внѣшнихъ, такъ какъ они ея враги. Ибо то доказательство истинно и непререкаемо, которое и отъ самыхъ противниковъ представляетъ подобное удостовѣреніе, когда они своимъ собственнымъ видѣніемъ убѣждены относительно настоящаго дѣла, и свидѣлствуютъ, и удостовѣряютъ о немъ, а послѣ впадаютъ во вражду, клеветуютъ и не желаютъ, чтобы ихъ свидѣтельство было признаваемо истиннымъ“. Тоже II кн. XXVIII, 2.

Подобно и IV кн. XXXIX, 3 сказавъ о томъ, что намъ дано все необходимое для богопознанія, онъ продолжаетъ: „Если же ты не будешь вѣровать въ Него и убѣжишь изъ рукъ Его, то причина несовершенства будетъ въ тебѣ неповиновавшемся, а не въ Томъ, Кто призвалъ тебя. Ибо Онъ послалъ (слугъ)

---

*) Таже мысль о непререкаемой истинности ученія вѣры, какъ объ основаніи вѣренія непослушнымъ въ ст. 5 и мног. друг. мѣстахъ.

звать на брачный циркъ, но тѣ, которые не послушались, сами себя лишили царской трапезы. И такъ не искусство Божіе недостаточно,—ибо Онъ могъ изъ камней воздвигнуть чадъ Авраама,—но тотъ, кто не покоряется Ему, самъ есть причина своего несовершенства. Не свѣтъ оскудѣваетъ для тѣхъ, кто сами себя ослѣпили, но тогда какъ онъ остается—каковъ есть, сами они, ослѣпшіе по своей винѣ, находятся во мракѣ; потому что свѣтъ никого не порабощаетъ насильно, и Богъ не принуждаетъ, если кто не хочетъ принять на себя Его художество. Посему отступившіе отъ отчаго свѣта и преступившіе законъ свободы по собственной винѣ отступили, такъ какъ они созданы свободными и самовластными“. Тоже IV кн. XXXVIII, 2 и XXIX *).

Подобно Тертуліанъ ап. XVIII говорятъ: „Ничто не вселяетъ такой величественной идеи о Богѣ, какъ невозможность постигать Его: безконечное Его совершенство вмѣстѣ и открываетъ его людямъ и скрываетъ Его отъ нихъ—*ita eum vis magnitudinis et notum hominibus objicit et ignotum*. Вотъ почему нельзя ихъ извинить въ томъ, что они не признаютъ Того, Кого не могутъ познать—*et haec est summa delicti nolentium recognoscere, quum ignorare non possunt*.

Равно de test. VI сказавъ: „Богъ вездѣ и благодѣяетъ Его вездѣ... и свидѣтельство (т. е. Его бытія) вездѣ... немного ниже Тертуліанъ продолжаетъ: „Итакъ по справедливости я полагаю, что душа вмѣстѣ и свидѣтельница и преступница—*Merito igitur omnis anima et rea et testis est*, будучи преступна въ заблужденіи, она носитъ въ себѣ свидѣтельство истины; и

*) Въ этой гл. св. Ириной рѣшаетъ вопросъ: почему Богъ ожесточилъ сердце Фараона и его служителей? При чемъ своеобразіемъ отгвѣнокъ его мысли: онъ повидимому, видитъ въ этомъ ожесточеніи не поущеніе лишь Божіе, а какое то какъ бы дѣятельное Его участіе, хотя, правда, и обусловленное вполнѣ Его предвѣднѣемъ склонностей Фараона, точно также, какъ и въ настоящее время Богъ, зная, что многіе не будутъ вѣровать—такъ какъ Онъ все знаетъ напередъ,—предалъ ихъ невѣрью ихъ и отвратилъ лицо Свое отъ таковыхъ, оставляя ихъ во тмѣ, которую они сами себѣ избрали.

когда предстанетъ нѣкогда на судъ Божій, то въ оправданіе свое не посмѣетъ ничего сказать—*stabit ante aulas dei die iudicii nihil habens dicere*. Ты знала—*deum praedicabas*—Бога твоего, сказано ей будетъ, и не искала Его—*et non requirebas*; ты имѣла омерзѣніе къ демонамъ и боготворила ихъ, ты обращалась къ суду Божию и не хотѣла явно признавать Его существованія—*iudicium dei appreciatebas, nec esso credebas*; ты предвидѣла козни адскія и ничего ни дѣлала къ отклоненію ихъ отъ себя христіанская истина была врождена тебѣ, и ты двигала гоненія на христіанъ—*christianum nomen sapiebas et christianum persequebaris*! Подобное Ап. XV.

Развитію той же мысли, что условіемъ вѣрненія вѣры служитъ ея свобода, посвящается вся III глава II кн. Стромать, гдѣ между прочимъ говорится: „И такъ уже не дѣло произволенія вѣра, если она достояніе природы, и невѣровавшій, будучи невиненъ, не получитъ праведнаго воздаянія, равно какъ не виновникъ (своей вѣры) и увѣровавшій; но всѣ особенности и различіе вѣры и невѣрія для здраво размышляющихъ не будутъ заслуживать ни похвалы, ни порицанія“. Но если здѣсь утверждается свобода вѣры противъ гностиковъ, считавшихъ ее врожденнымъ божественнымъ даромъ нѣкотораго особаго разряда людей, такъ называемыхъ духовныхъ, то въ V кн. VI гл. Стромать прямо утверждается, что эта свобода основывается на очевидности для насъ истины и лжи, такъ что мы не можемъ отговариваться невѣдѣніемъ,—„отъ насъ зависитъ вѣрить или нѣтъ“, говоритъ Александрійскій учитель, „чтобы кто нибудь не вздумалъ отговариваться невѣдѣніемъ“—*ἐφ' ἡμῶν τὸ πισθεῖσαι τε καὶ μὴ, ὡς μὴ ἔχουσιν ἄγνοιαν προφασίσασθαι τινας*.

Подобнымъ образомъ бл. Августинъ считаетъ заблужденія относительно истинъ вѣры плодомъ грѣха. Такъ *de veteri religione* 67 онъ говоритъ, что насъ не обманываютъ ни самыя вещи своимъ видомъ, ни передающія намъ ихъ чувства, но душу вводятъ въ заблужденіе грѣхи—*sed peccata animas fallunt*, кор-

да ищутъ истинное, оставивъ и пренебрегши самую истину. Ибо любящія произведенія больше художника и самаго искусства называются тѣмъ заблужденіемъ, что въ произведеніяхъ ищутъ и художника, и искусство, и такъ какъ найти не могутъ,... считаютъ самыя произведенія и искусствомъ, и художникомъ“.

Оригенъ указываетъ основаніе всеобщаго суда и безотвѣтности грѣшниковъ во врожденномъ всеѣмъ познаніи добра и зла пр. Цельса 6.

Св. Василиій Вел. и Іоаннъ Дамаскинъ буквально говорятъ, что невѣровавшимъ мудрецамъ міра „избытокъ мірской мудрости увеличить тяжесть осужденія, такъ какъ они, будучи такъ зорки относительно пустыхъ вещей, самовольно ослѣпли по отношенію къ истинѣ—*ὅτι οὕτως ὄξυ περι τὰ μάταια βλέποντες, ἐχόντες περι τὴν σύνεσιν τῆς ἀληθείας ἀπετυφλώθησαν*. Вас. Вел. 1 т. 5, Іоан. Дамаск. *περι σοφίας κοσμικῆς* 3. Подобно Вас. Вел. I т. 209, 210.

Подобно и св. Златоустъ въ бес. XXXVIII, 3 на Дѣян. по поводу рѣчи св. Павла въ Афинскомъ ареопагѣ говоритъ: „Этимъ словами онъ (апостоль) выражаетъ, что и теперь искавшіе не нашли Его, хотя Онъ былъ такъ явешъ для ищущихъ, какъ бы находящійся предъ нами осязаемый предметъ. Не таково это небо, чтобы въ одномъ мѣстѣ оно было, а въ другомъ—нѣтъ; но во всякое время и на всякомъ мѣстѣ можно найти его. Такъ устроилъ Богъ, что ищущимъ Его не препятствуетъ ни мѣсто, ни время. Это самое и имъ послужило бы во благо, еслибы они захотѣли, т. е. что это небо находится вездѣ, существуетъ во всякое время. Посему Онъ и сказалъ: „яко не далече отъ единого коегождо насъ суца, но находящагося близъ всѣхъ. Это значитъ, что Богъ не только далъ намъ жизнь и дыханіе и все, но, что важнѣе всего, открылъ путь къ познанію Его, даровалъ то, чрезъ что мы могли найти и достигнуть Его. Но мы не восхотѣли искать Его, хотя Онъ близъ насъ. Не далече, говоритъ онъ, отъ единого коегождо насъ су-

ща. Такъ близъ всѣхъ, говорить, по всей вселенной. Что можетъ быть больше этого? Смотри какъ Онъ ниспровергаетъ частныхъ (боговъ). Что я говорю: не далече? Онъ такъ близокъ, что безъ Него не возможно жить. О Немъ бо живемъ, и движемся и есмы. Какъ бы указывать на подобный примѣръ вещественный: какъ не возможно не знать воздуха, который разлитъ повсюду и находится недалеко отъ каждаго изъ насъ, или лучше, находится въ насъ самихъ; такъ точно и Творецъ всего“. А немного ниже говорится прямо, что язычники „дѣлали зло“, т. е. оставались въ невѣденіи „добровольно“, о чемъ апостолъ не говоритъ прямо лишь потому, что „это видно изъ вышесказаннаго“. Почти также и во многихъ другихъ мѣстахъ св. Златоустъ причиною невѣрія поставляетъ, непосредственно или посредственно, но всегда, нравственную настроенность человѣка. Такъ Иоан. бес. III, 5, сказавъ, что и малѣйшая часть того, что говорилъ и дѣлалъ Господь „можетъ вразумить и убѣдить людей несовѣмъ безнравственныхъ“, онъ продолжаетъ: „Но таковъ духъ тщеславія, что оно ослѣпляетъ разумъ увлекаемыхъ имъ людей, даже въ отношеніи къ самымъ очевиднымъ предметамъ, побуждаетъ противорѣчить даже признаннымъ истинамъ; а другихъ, и очень хорошо разумѣющихъ истину и увѣренныхъ въ ней, заставляетъ лицемѣрно противостоять ей. Такъ было и съ іудеями. Не по невѣдѣнію они отвергли Сына Божія, а для того, чтобы получить честь отъ народа..... Да и невозможно, невозможно тому, кто такъ раболѣпствуетъ временной славѣ, получить славу отъ Бога..... Это какое то сильное упоеніе; объятый этою страстію, человѣкъ дѣлается неисправимымъ. Она, отторгалъ отъ небеси душу своихъ плѣнниковъ, пригвождаетъ ее къ землѣ, не позволяетъ ей возрѣть къ свѣту истинному, побуждаетъ постоянно вращаться въ тинѣ, представляя къ нимъ владыкъ столь сильныхъ, что они владѣютъ ими, даже ничего не приказывая“. Равно II, 4, 5 читаемъ: „какъ зрѣніе, когда оно чисто и ясно, бываетъ остро и не

утомляется, легко разсматривая мельчайшіе предметы....., такъ обыкновенно бываетъ и въ душѣ. Когда она очищена и не имѣетъ въ себѣ никакой возмутительной страсти, тогда она зорко видитъ то, на что ей взирать должно. Когда же она, бывъ омрачена страстями, погубить свою доблесть, тогда не способна дѣлается ни къ чему высокому, скоро утомляется и падаетъ, склоняется ко сну и лѣности, упускаетъ изъ виду то, что могло бы способствовать ей къ добродѣтели и жизни добродѣтельной, и не обращается къ ней съ ревностію..... Ибо когда слушателемъ овладѣваетъ пристрастіе къ богатству, то не возможно, чтобы его занимало подобнымъ образомъ и желаніе слушать поученія: потому что душа, сама по себѣ единая, не можетъ вмѣщать въ себѣ многихъ желаній, но одно подавляется другимъ, и душа, такимъ образомъ какъ бы разрываема, дѣлается еще слабѣе. Между тѣмъ, если какое либо желаніе преобладаетъ, то уже все обращаетъ въ свою пользу“. Но „если нельзя хорошо изучить игры на свирѣли и цитрѣ, не устремивъ къ тому всего ума, то какъ возможно выразумѣть таинственный гласъ слушателю, слѣдующему съ безпечною душою. Иоан. I, 2. Тоже видимъ: Иоан. I, 3, 4. VIII, 1, 2. IX. XXIII, 2. Приведемъ болѣе яркое изъ сихъ мѣстъ: Иоан. бес. VIII: Если нѣкоторые по своей волѣ, смеживъ очи ума, не хотятъ принять лучей сего свѣта“ (т. е. Христова): „то омраченіе ихъ происходитъ не отъ естества самаго свѣта, а отъ злобы сихъ людей, добровольно лишающихъ себя этого дара. Благодать изливается на всѣхъ; она ни чужда ни Іудея, ни Элина, ни Варвара, ни Скиѳа, ни свободнаго, ни раба, ни мужа, ни жены, ни старца, ни юноши, ко всѣмъ одинаково близка и всѣхъ равночестно призываетъ. Но тѣ, которые не хотятъ воспользоваться этимъ даромъ, тѣ по справедливости самимъ себѣ должны приписывать такое ослѣплѣніе“. Такимъ образомъ откуда бы ни происходило невѣріе: изъ черствости ли души, не способной воспринимать божественную истину, изъ ея ли нежеланія внимать вѣщаніямъ этой

истины, или изъ явнаго и сознательнаго противленія послѣдней,—во всякомъ случаѣ невѣріе зависитъ отъ нравственной настроенности человѣка, и слѣдовательно, вообще говоря, отъ воли человѣка, равно какъ и вѣра, въ силу чего какъ то, такъ и другое, будучи дѣломъ свободы и вмѣняются *).

§ 2. Если кто либо на все это и скажетъ, что такая свобода вѣры, о которой говоримъ мы—свобода признавать или не признавать то, вѣрить или не вѣрить тому, относительно истинности чего не можетъ быть сомнѣнія—не мыслима, что мы не можемъ не вѣрить тому, истина чего для насъ очевидна, то отвѣтимъ на это во первыхъ тѣмъ, что это недоумѣніе лишь часть того недоумѣнія, которое можетъ возникнуть вообще при мысли о возможности грѣха, т. е. сознательно-свободнаго избранія зла, лжи и неразумія вмѣсто истины, разумнаго и добра. А вѣдь однако именно таково христіанское понятіе грѣха; слѣдовательно возражать противъ возможности сознательнаго противленія истинѣ, если и возможно, то не на почвѣ христіанства. Во вторыхъ кто бы какъ не думалъ относительно такой возможности, но что указываемые нами отцы и учителя Церкви учили именно такъ, какъ то представляемъ мы, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Отчасти это ясно вид-

---

*) Но все это не значитъ, чтобы св. Златоустъ настолько привязывалъ познаніе истины къ нравственной чистотѣ, что считалъ совершенно невозможнымъ для падшаго и несовершеннаго познаніе ея, а слѣдовательно и обращеніе, какъ то видимъ у нѣкоторыхъ изъ нашихъ славянофиловъ, нерѣдко развивающихъ мысль о взаимной связи познанія истины, и нравственной чистоты до крайнихъ предѣловъ. Что сама по себѣ эта мысль вѣрна и весьма благотворна, равно какъ и не чужда не только св. Златоусту, но едвали и не всѣмъ писателямъ Церкви,—это бесспорно, но едвали подлежитъ сомнѣнію и то, что никто изъ нихъ не доходилъ въ этомъ отношеніи до того, чтобы не признавать за грѣшникомъ самой возможности различать добро отъ зла, истину отъ лжи. Въ частности св. Златоустъ въ XXVIII, 2 по поводу возраженія, могущаго быть сдѣланнымъ на его положеніи о томъ, что причина невѣрія въ безнравственности, не только признаетъ, что христіанами могутъ быть люди „живущіе худо“, но и прямо говоритъ: „чтобы не показаться кому-нибудь спорливыми согласимся, что между язычниками есть люди хорошо живущіе: это нисколько не противорѣчитъ нашимъ словамъ“.

но уже во всѣхъ только что указанныхъ мѣстахъ изъ ихъ твореній; отчасти сейчасъ покажемъ. Св. Дамаскинъ полагаетъ необходимымъ условіемъ свободнаго дѣйствія сознательность его, равно какъ и свободнаго существа—его разумъ; коль скоро этого условія нѣтъ, исчезаетъ и свобода. Такъ онъ прямо говоритъ: „Невольное бываетъ двоякаго рода: или по принужденію, или по невѣдѣнію; добровольное противоположно и тому, и другому. Τοῦ οὖν ἀκούσιου διπλοῦ ὄντος, τοῦ μὲν κατὰ βίαν, τοῦ δὲ δι' ἄγνοιαν, τὸ ἐκούσιον τὸ μῆτε κατὰ βίαν, μῆτε δι' ἄγνοιαν γινόμενον. Итакъ добровольно то, чему начало т. е. причина въ самомъ дѣйствующемъ, подробно—τὰ καθ' ἕκαστα знающемъ чрезъ что дѣйствіе производится и въ чемъ оно состоитъ“. Та же мысль о связи разума и свободы развивается и въ XXVII гл. Излож. пр. вѣры. А что въ частности убѣжденіе въ чемъ либо считалось дѣломъ свободы, это явно высказывается Оригеномъ пр. Цельса стр. 315, гдѣ онъ говоритъ, что убѣжденіе зависитъ столько же отъ убѣдительности доводовъ и искусства убѣждающаго, какъ и отъ желанія убѣждаемаго соглашаться. Но всего яснѣе взглядъ на природу нашего познанія, какъ на нѣчто по преимуществу свободное высказывается у св. Василия. Такъ III т. стр. 776—сказавъ, что у души двѣ главныя силы:—жизненная—ζωτικὴ—и созерцающая—θεωρητικὴ—которую также называютъ и силою сужденія—λογιστικὴν—прибавляетъ, что первая—жизненная не произвольна, вторая же дѣйствуетъ свободно—ἡ δὲ θεωρητικὴ ἐν προαιρέσει ἔχει τὴν κίνησιν. И судя по всему нами доселѣ видѣнному надо полагать, что такой взглядъ на природу нашего познанія былъ свойственъ далеко не одному св. Василию *).

---

*) Не считаемъ нужнымъ подробно говорить о томъ, что представляя вѣру дѣломъ свободнымъ, отцы и учителя Церкви не отрицали при этомъ участія благодати. Укажемъ въ качествѣ примѣровъ Стром. V кн. I гл. Злат. Иоан. бес. VIII, X, 2, 3. Иоан. Дамаск. въ толк. словъ Рим. XII, 3. Григорій Бог. I т. 504. Изъ

в) Превосходство вѣры разумной.

Мы видѣли, что вѣра слѣпая представлялась чѣмъ-то страннымъ, недостойнымъ мудреца, вмѣстѣ съ тѣмъ видѣли, что вмѣненіе вѣры требуетъ отъ нее разумной сознательности, возможно яснаго сознанія ея истинности, откула ясно, что если и не всегда въ дѣйствительности—какъ то увидимъ ниже—вѣра бываетъ вполне разумна, тѣмъ не менѣе по самой идѣе своей она такова; по скольку затемняется въ ней черта разумности, постольку исчезаетъ и признакъ разумной свободы, а слѣдовательно и добродѣтели, каковою она безспорно должна являться въ Христіанствѣ. Но если идея вѣры свободно-разумное, сознательное убѣжденіе въ Христовой истинѣ, то очевидно, чѣмъ ближе подходитъ къ этой идеѣ вѣра той или другой отдѣльной личности, тѣмъ лучше; чѣмъ разумнѣе, возвышеннѣе, непосредственнѣе эта вѣра, тѣмъ лучше.

Такъ дѣйствительно и говорятъ намъ разбираемые нами писатели древней Церкви. Такъ уже св. Іустинъ полагалъ цѣлюю всей нашей жизни превращеніе насъ изъ чадъ необходимости и невѣдѣнія въ чадъ свободы и знанія (Ап. I, 61); Климентъ Алекс. весьма явно и во многихъ мѣстахъ своихъ твореній предпочитаетъ сознательную увѣренность въ истинахъ вѣры и научно-богословское познаніе, такъ называемый имъ *γῶσις* въ дѣлѣ вѣры, простодушной увѣренности большинства, или вѣрѣ въ тѣсномъ смыслѣ. Тѣ же мысли, но яснѣе и рѣшительнѣе, высказываются и у Оригена. Такъ онъ подробно опровергаетъ возраженіе Цельса, что будто христіане требуютъ отъ всѣхъ простодушной вѣры, при чемъ прямо говоритъ: „Еслибъ можно было всѣмъ, оставивъ житейскія дѣла заниматься философією, не слѣдовало бы никому идти инымъ путемъ, какъ только этимъ“.

указанныхъ мѣстъ вмѣстѣ можно видѣть и то, что признаніе участія благодати и человѣческой свободы въ дѣлѣ вѣры не заключаетъ въ себѣ противорѣчія, такъ какъ между прочимъ самое дарованіе благодатней помощи обуславливается готовностью принять ее и употребить во благо.

(стр 9). Подобно на 281 стр., гдѣ кромѣ того приводится указаніе на I Кор. 15, 2, каковое мѣсто понимается въ смыслѣ укора со стороны апостола Павла безотчетной вѣрѣ. Подобно на 139 стр. указывается на того же св. Павла, который въ перечисленіи духовныхъ даровъ выше всего поставилъ „слово премудрости“, потомъ уже „слово знанія“ и уже наконецъ „вѣру“, при чемъ подъ первыми разумѣются высшія степени познанія въ ученіи Христовѣ, а подъ послѣднею—болѣе или менѣе простая вѣра. Такое же различеніе трехъ степеней въ усвоеніи Христова ученія видимъ и ниже на стр. 284.

Подобно тому у бл. Августина *de util. cred.* 25 читаемъ: *invenimus primum beatorum genus ipsi veritati credere, secundum autem studiosorum amatorumque veritatis, auctoritati.* Находимъ первый родъ блаженныхъ, вѣрящихъ самой истинѣ, и затѣмъ второй родъ стремящихся къ истинѣ и любящихъ ее, вѣрящихъ авторитету. Равно въ книгѣ о количествѣ души говорится, что душа на 4-й степени, сравнительно низкой, повинуется авторитету и заповѣдаямъ мудрыхъ и вѣритъ, что чрезъ нихъ говоритъ ей Богъ, тогда какъ на 5-й стремится къ „самоу созерцанію истины“, на 6-й приходитъ въ такое состояніе, „совершеннѣе, лучше котораго нѣтъ для души, т. е. достигаетъ самаго этого высшаго созерцательнаго состоянія, ибо что скажу я тебѣ объ этихъ радостяхъ, говоритъ намъ авторъ, объ этомъ наслажденіи высочайшимъ и истиннымъ благомъ, о тихомъ мерцаніи свѣта и вѣчности, присущихъ этому вѣдѣнію и созерцанію истины, которое составляетъ седьмую и послѣднюю степень души, да даже и не степень, а нѣкоторое постоянное пребываніе, въ которое восходятъ тѣми степенями?“ гл. XXXIII. Равно у св. Василия Вел. III т. 121 читаемъ: „Когда мы будемъ познавать Бога не въ зеркалѣ и не при посредствѣ чего-либо иного, но приступимъ къ Самому Ему, какъ одному, тогда познаемъ и послѣдній предѣлъ (знанія). Ибо царствомъ Христовымъ называется все вещественное познаній (*πάσα τῆ*

ἔνυλον γνῶσιν), царствомъ же Бога Отца—невещественное, и такъ сказать созерцаніе самаго Божества“. Немного ниже индизказательно толкуются въ томъ же смыслѣ слова Господа „и Я воскрешу его въ послѣдній день“, при чемъ подъ этимъ воскресеніемъ разумѣется переходъ отъ указаннаго выше вещественнаго знанія къ невещественному, а подъ послѣднимъ днемъ само это знаніе, при чемъ судя по связи и дальнѣйшему продолженію рѣчи этотъ переходъ повидимому считается возможнымъ даже въ этой жизни. Подобное стран. 125, 126. Заключимъ подобныя мѣста словами св. Григорія Богослова: „Если кто богатъ созерцаніемъ и превосходитъ большинство... да восходитъ и шествуетъ и возносится умомъ и, если захочетъ, до третьяго неба, какъ говоритъ св. Павелъ,—только разумно и со знаніемъ и да не ниспадетъ изъ-за превозношенія и не потеряетъ крыльевъ по причинѣ высоты полета. Зачѣмъ пренятствовать похвальному восхожденію. Τίς φθόνος ἐπαίνετῆς ἀναβάσεως (I т. 458). Напротивъ таковаго нужно считать счастливымъ, какъ выражается св. Григорій въ трудно передаваемомъ по возвышенности выраженія двустипи, говоря:

”Ολβιος, ὅς καθαρῶι νόου μεγάλῃσιν ἐρωαῖς

Οὐρανίων φαέων δέρκεται ἀγλατήν I т. 91 *)

Согласно такому общему взгляду на преимущество разумной вѣры, если возможно, непосредственнаго созерцанія ея истинъ, Тертуллианъ полагаетъ въ простотѣ вѣры даже источникъ ересей, говоря *adv Prax. I*, относительно илевель ереси Праксея, что они поросли, когда „большая часть людей спали въ простотѣ вѣры“—*dormientibus multis in simplicitate doctrinae*. Съ этой сравнительной точки зрѣнія въ другомъ мѣстѣ (*adv Marc. III*) даже вѣра основанная на чудесахъ, если она не основывается ни на чемъ иномъ, какъ напр. на разсужденіи, называется необдуманною, безразсудною;—„Господь, предсказывая

*) Счастливъ, кто великими порывами чистаго ума созерцаеть блескъ небесныхъ свѣтовъ.

о лженорокахъ, которые будутъ творить чудеса“, говорить Тертуллианъ, указавъ необдуманную вѣру на основаніи знаменій и силъ, *temerariam signorum et virtutum fidem ostendit*. Подобно и св. Златоустъ бес. XXIV, I говоритъ: знаменія увлекали болѣе грубыхъ, а болѣе разумныхъ пророчества и ученіе.

IV°. Допустимость болѣе или менѣе безотчетной вѣры.

Предварительныя замѣчанія.

Полученный нами изъ всего доселѣ видѣннаго выводъ былъ таковъ: вѣра не только можетъ быть вполне разумнымъ убѣжденіемъ, знаніемъ, но по самой идеѣ своей именно такова. Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы она была всегда такова въ дѣйствительности, нельзя сказать, чтобы у всѣхъ и всегда увѣренность въ истинѣ Христова ученія была настолько разумна, чтобы они ясно и отчетливо сознавали ея основанія. Нерѣдко мы видимъ, эта увѣренность держится довольно безотчетно, вѣрятъ болѣе или менѣе или такъ сказать, инстинктивно, или въ силу привычки и прижѣра другихъ, не задумываясь много относительно отчетливаго уясненія себѣ основаній своей вѣры,—что же неужели такая вѣра уже и не вѣра? Уже при изслѣдованіи ученія св. Писанія мы видѣли, что и такая безотчетная вѣра, равно какъ вообще всѣ степени ея, по ученію Откровенія Премилосерднаго не перестаютъ быть вѣрою; то же, но еще яснѣе, въ болѣе подробномъ развитіи, видимъ и въ ученіи указываемыхъ нами св. отцовъ и учителей Церкви. Что это не противорѣчитъ доселѣ нами полученному выводу, говорить объ этомъ значило бы повторять сказанное по подобному же поводу при изслѣдованіи св. Писанія; и потому мы прямо переходимъ къ изложенію ученія отцовъ Церкви о допустимости и безотчетной вѣры. При этомъ мы, подобно, какъ и при изложеніи ученія

св. Писанія о томъ же предметѣ, сперва рассмотримъ мѣста, говорящія лишь повидимому за безотчетность вѣры и отчасти повидимому предпочитающія ее вѣрѣ разумной, а затѣмъ укажемъ мѣста, дѣйствительно говорящія за допустимость болѣе или менѣе безотчетной вѣры.

а) Мѣста, говорящія повидимому за безотчетную вѣру.

α) Мѣста утверждающія относительно нашего познанія въ дѣлѣ вѣры.

Подъ указанными мѣстами мы разумѣемъ тѣ мѣста изъ разбираемыхъ нами писателей, гдѣ утверждается или относительно нашего познанія о Богѣ и тайнствахъ вѣры вообще, или недоступность многого въ области вѣры непосредственно внѣшнимъ чувствамъ, равно какъ и непосредственному внутреннему пониманію, гдѣ говорится о необходимости благодатнаго всемогущества для познанія въ дѣлѣ вѣры. Но о всѣхъ такого рода мѣстахъ мы не считаемъ нужнымъ много говорить, такъ какъ все, что въ нихъ говорится, не исключаетъ того, что мы, вообще говоря, такъ или иначе, посредственно ли то—при помощи неопровержимо свидѣтельствующаго свою истинность откровенія, или болѣе или менѣе непосредственно—при помощи заключенія и вывода изъ доступныхъ нашему сознанію и обсужденію явленій, или при помощи непосредственнаго усмотрѣнія истины (что особенно имѣетъ значеніе относительно ученія о нравственно добромъ и зломъ)—но все таки можемъ познать истинность ученія вѣры, вполне разумно убѣдиться въ ней. То, что не доступно непосредственно, доступно посредственно, и слѣдовательно по степени достовѣрности для насъ и то, и другое одинаково. Что касается отсутствія полнаго, яснаго, отчетливаго, всесторонняго и глубокаго пониманія самаго содержанія ученія Христова, то и здѣсь то, чему требуется, чтобъ мы вѣрили, для насъ болѣе или менѣе понятно (напр. что Господь

Исусъ и Богъ и человѣкъ), а то, что превышаетъ наше разумѣніе (напр. полное проникновеніе въ самый образъ и способъ соединенія двухъ естествъ во Христѣ, разумное, независимое отъ свидѣтельствъ Откровенія обоснованіе возможности такого единенія, не входитъ и въ содержаніе вѣры, къ ней не относится; относительно того, что ускользаетъ отъ нашего пониманія, отъ насъ—и то не всегда—требуется лишь признаніе мысли, что это нѣчто, выражаемое болѣе или менѣе обще (напр. способъ соединенія естествъ во Христѣ; или вообще все дальнѣйшее, кромѣ того, что сообщаетъ откровеніе относительно того или другаго) недоступно нашему разумѣнію,—какая мысль съ своей отрицательной стороны вполне доступна и понятна. Поэтому мы укажемъ лишь на нѣкоторые примѣры упомянутыхъ мѣстъ, какъ то: Іуст. муч. Ап. I, 61. Ап. II, 6 Разг. 127. Ориг. пр. Цельса 360, 361. Август. Тайств. Богосл. II кн. гл. XXXI. Григорія Богосл. I т. 211, 539. II т. 219. Вас. Вел. I т. 316—329, 461. III т. 515, 517—521. Затрудняющіеся относительно выраженной такого характера изъ большинства указанныхъ примѣровъ могутъ легко убѣдиться въ истинѣ того, что мы сказали о ихъ значеніи, если прочтутъ ихъ въ той связи, въ какой они стоятъ въ содержащихъ ихъ главахъ и книгахъ. Въ частности какъ на руководство къ пониманію такихъ мѣстъ можно указать на св. Златоуста бес. XV, 2. Если въ комъ-либо возбудить недоумѣніе довольно обычный способъ выраженія отеческой письменности относительно нашего богопознанія—что мы не познаемъ сущности Бога*), не познаемъ—что Онъ есть—*τὸ τί ἐστι*—то таковой пусть приметъ во вниманіе, что выражавшіеся такъ жили не въ наше время и не смущаясь неособенно понятнымъ съ точки зрѣнія

---

*) Если видѣть въ сущности, сообразно повѣйшему болѣе приптому пониманію этого слова, собраніе существенныхъ признаковъ, то не знать сущности значить не знать предмета, ибо несущественные признаки и не относятся къ понятію. Темъ болѣе нельзя знать что-либо, не зная—что оно такое.

болѣе принятаго теперь словоупотребленія способомъ выраженія, пусть вникнетъ въ самыя выражаемыя имъ мысли. Вотъ два примѣра того, какъ указанныя выраженія понимались употреблявшими ихъ. Васил. Вел. III т. 517 читаемъ: „Мы утверждаемъ, что знаемъ величiе Божiе, и могущество, и премудрость, и благодѣть, и промысль, которымъ Онъ печется о насъ, и справедливость суда Его, но не самую сущность—οὐκ αὐτὴν τὴν οὐσίαν..... Ибо говорящiй, что онъ не знаетъ сущности, не утверждаетъ, что онъ не знаетъ Бога, такъ какъ на основанiи многого того, что мы исчислили, составляется у насъ понятiе Бога—οὐ γὰρ ὁ τὴν οὐσίαν μὴ φάσκων εἰδέναι ὠμολόγησε τὸν Θεὸν οὐκ ἐπίστασθαι ἐκ πολλῶν, ὧν ἀπηριθμησάμεθα, συναγομένης ἡμῖν τῆς περὶ Θεοῦ ἐννοίας. Подобное у Григорiя Богослова I т. 539: „какъ нельзя болѣе отлично одно отъ другаго быть убѣжденнымъ, что есть нѣчто, и знать—что оно такое—πλεῖστον γὰρ διαφέρει τοῦ εἶναι τι πεπεῖσθαι τὸ τί ποτέ ἐστι τοῦτο εἰδέναι. Сообразно чему и говорится ниже: „Что есть Богъ и творческая и содержащая все причина, этому учить и взоръ и естественный законъ“ и далѣе развивается телеологическое доказательство бытiя Божiя; и въ тоже время на стр. 548 читаемъ: „Относительно Бога, что Онъ такое по своей природѣ и сущности, никто изъ людей не нашелъ никогда и не найдетъ“—Θεὸν ὃ, τί ποτε μὲν ἐστι φύσιν καὶ τὴν οὐσίαν οὔτε τις εὗρεν ἀνθρώπων πώποτε, οὔτε μὴν εὗρη.

β) Мѣста, порицающiя излишнюю пытливость и безъпредѣльныя изысканiя въ области вѣры..

§ 1. Сознывая недоступность многого нашему познанию, особенно въ области вѣры, и видя предъ собою крайнее увлеченiе легкомысленнымъ стремленiемъ, не размышляя много, судить и рядить о чемъ угодно, не обращая вниманiя ни на что, кромѣ своихъ личныхъ, часто весьма недалекихъ взглядовъ и вкусовъ,—увлеченiя, доходившаго у нѣкоторыхъ, какъ напр. у гностиковъ,

до едва понятнаго намъ пустословія (см. изложеніе гностическихъ лжеученій въ твореніяхъ св. Иринея), какъ назвалъ гностическія измышленія еще ап. Павелъ (I Тим. VI. 20. IV, 7 2 Тим. II, 16), и поддерживавшагося, какъ нерѣдко то мы видимъ въ наши дни, не столько любовью къ истинѣ, сколько желаніемъ показать себя, блеснуть остроуміемъ и красотою рѣчи, бывшею въ такомъ почетѣ въ древности, вѣрные стражи апостольскаго преданія подобно своимъ наставникамъ, св. апостоламъ (напр. 2 Тим. II, 14), не рѣдко призывали къ смиренію и умѣренности въ дѣлѣ изслѣдованія, предостерегая отъ излишней пытливости, тѣмъ болѣе отъ пустыхъ споровъ и словопреній (*λογομαχία*), порождавшихся по преимуществу самолюбіемъ и въ свою очередь рождавшихъ вражду. Но глубоко ошибся бы тотъ, кто сталъ бы видѣть въ этихъ иногда довольно рѣзко выражаемыхъ предостереженіяхъ несочувствіе искреннему и серьезному стремленію къ изслѣдованію и исканію истины и предпочтеніе вѣры простодушной и даже прямо слѣпой,—всѣ эти предостереженія не болѣе какъ практической совѣтъ, направленный противъ того, что въ различныхъ своихъ степеняхъ и видоизмѣненіяхъ называлось софистикой, схоластикой, раціонализмомъ, резонерствомъ, умничаньемъ и т. п. Какъ говорящій: не умничай, не мудруй—не отвергаетъ тѣмъ законности стремленія къ знанію и разсужденію, такъ и подобныя мѣста въ твореніяхъ св. отцовъ и учителей Церкви не могутъ служить поводомъ видѣть въ ихъ писателяхъ противниковъ разумнаго убѣжденія въ дѣлѣ вѣры, предпочитавшихъ простодушную до вѣрчивость, или—что вѣроятнѣе въ виду всего доселѣ нами видѣннаго—непослѣдовательныхъ мыслителей.

Впрочемъ стоитъ лишь взглянуть на многія изъ сихъ мѣстъ, чтобъ сразу понять всю ихъ умѣренность. Такъ у св. Иринея II кн. XXV, 2, 3 читаемъ: „Сотворенныя вещи, какъ онѣ ни разнообразны и многочисленны, находятся въ стройной связи и согласіи съ цѣлымъ мірозданіемъ, хотя разсматриваемая каждая

въ отдѣльности, онѣ взаимно-противоположны и несогласны, какъ тонъ цитры, состоящей изъ многихъ и противоположныхъ другъ другу звуковъ, образуетъ чрезъ разстояніе между каждымъ изъ нихъ одну согласную мелодію. Поэтому любящій истину не долженъ обманываться разстояніемъ каждаго тона, ни воображать, что одинъ звукъ принадлежитъ одному художнику и творцу, а другой—другому, или что одинъ устроилъ высокіе тоны, а другой—низкіе, а третій—средніе, но (признавать только одного устроителя всего, какъ доказательство мудрости, справедливости, благости и красоты цѣлаго произведенія. И тѣ, которые слышатъ мелодію, должны хвалить и прославлять художника, удивляться напряженію однихъ звуковъ, обращать вниманіе на слабость другихъ, прислушиваться къ среднимъ между двумя первыми, разсматривать и характеръ другихъ звуковъ и то, къ чему относится каждый изъ нихъ, и изслѣдовать причину ихъ, но никогда не уклоняться отъ правила, не отступать отъ художника; не оставлять вѣры въ единого Бога, сотворившаго все, и не хулить нашего Творца. Если же кто не отыщетъ причины всѣхъ изслѣдуемыхъ вещей, пусть онъ подумаетъ, что человѣкъ безконечно менѣе Бога, что онъ только отчасти получилъ благодать и еще не равенъ и не подобенъ своему Творцу, и не можетъ подобно Богу обладать знаніемъ и постиженіемъ всѣхъ вещей, но насколько тотъ, кто сегодня созданъ и получилъ начало бытія, стоитъ ниже Того, Кто не созданъ и всегда есть одинъ и тотъ же, настолько относительно знанія и изслѣдованія причинъ всего опъ ниже Создавшаго его“. И такъ если можешь изслѣдуѣй, только не отблонишься отъ истины,—вотъ что говоритъ св. Ириней.

Подробнѣе мысль о недоступности нашему познанію многого развивается въ XXVIII гл. *) той же книги; по все это го-

---

*) Правда нельзя признать вполне подходящими всѣхъ приводимыхъ здѣсь примѣровъ; но намъ важна собственно основная мысль, тогда какъ въ приложеніи ся авторъ естественно руководился взглядами и состояніемъ науки въ свое

ворится лишь въ виду излишества и той дѣйствительно пустой „болтовни“, какъ ее называетъ св. Иреней, какою занимались гностики *), въ примѣненіи къ которой имѣютъ полное значеніе примѣры его въ главѣ XXVI. Приведемъ изъ нихъ одинъ. „Если бы кто спросилъ меня“, говоритъ авторъ, „знаетъ ли Богъ всякое число всѣхъ вещей созданныхъ и еще не созданныхъ, и каждая ли изъ нихъ по Его провидѣнію получила свойственную ей величину“, и я бы подтвердилъ и сказалъ, „что ничего изъ всего, что было, есть и будетъ создано, не ускользаетъ отъ видѣнія Божія, но по Его провидѣнію каждая вещь получила и получаетъ собственный видъ, порядокъ, число и величину, и что ничего не было и не бываетъ напрасно и случайно, но съ великою соразмѣрностью и превосходнымъ знаніемъ, и что только дивный и по истинѣ божественный разумъ можетъ распознать и показать собственные причины такого порядка вещей; и получивъ отъ меня такое свидѣтельство и согласіе, потомъ повелъ бы дѣло къ тому, чтобы счесть песокъ и камни земные, волны морскія и звѣзды небесныя и изслѣдовать причины числа, которое онъ предполагаетъ найденнымъ: то не справедливо ли назовутъ такового всѣ здравомыслящіе трудящимся по пусту, недѣльнымъ и неразумнымъ? И чѣмъ болѣе сравнительно съ прочими онъ будетъ заниматься такими вопросами и чѣмъ болѣе онъ будетъ думать о себѣ, какъ будто объ открывшемъ нѣчто особенное, называя прочихъ людей неискусны-

---

время, съ точки зрѣнія которой много было неразрѣшиммаго въ томъ, что нынче, хотя, конечно, лишь отчасти и сравнительно, но все таки разъясняется. Впрочемъ, что всѣмъ этимъ примѣрамъ (того, что не нужно изслѣдовать) не нужно предавать какого-либо особо важнаго значенія, а должно видѣть въ нихъ именно лишь примѣры, показывающіе самъ Иреней тѣмъ, что запрещаетъ здѣсь въ ст. 7 изслѣдовать вопросы: „о причинѣ, почему, тогда какъ все сотворено Богомъ, нѣкоторыя изъ Его твореній) согрѣшили и отпали отъ покорности Богу, а нѣкоторыя, и даже самая большая часть ихъ, пребыли и пребываютъ въ покорности своему Творцу, онъ самъ рѣшаетъ ихъ въ IV кн. XXXVII, XXXVIII и XXXIX гл. и I кн. X главѣ.

*) Примѣръ см. смотри II кн. XXIV гл.

ми, невѣжественными и душевными, за то, что они не принимаютъ столь пустаго труда; тѣмъ болѣе онъ будетъ неразумнѣе и глупѣе, какъ бы ошеломленный молніею“. Такъ вотъ противъ какихъ глупостей говоритъ св. Ириней; а гностики именно ими то очень не рѣдко и занимались. Напротивъ что до дѣйствительнаго стремленія къ истинѣ, то самъ же онъ вслѣдъ за приведенными словами говоритъ: „Здравый умъ, благонадежный, преданный благочестію и любящій истину, будетъ охотно размышлять о вещахъ, которыя Богъ отдалъ подъ власть человѣковъ и подчинилъ нашему познанію и будетъ успѣвать въ томъ, облегчая для себя изученіе ихъ посредствомъ ежедневнаго упражненія“ XXXII, 1.

Послѣ всего сказаннаго понятны также и слѣдующія слова: „По этому лучше и полезнѣе“, говоритъ авторъ, „оставаться простыми и малознающими и приближаться къ Богу посредствомъ любви, нежели, считая себя многознающими и очень опытными, оказываться хутилителями своего Бога, сочиняя себѣ другаго Бога Отца *). И потому то Павелъ восклицаетъ: „знаніе надмеваетъ, а любовь назидаетъ“; не то, чтобы онъ порицалъ истинное знаніе о Богѣ—ибо иначе онъ обвинилъ бы перваго самого себя—но онъ зналъ, что нѣкоторые, надмѣваясь, подъ предлогомъ знанія, оставляютъ любовь Божію и, считая себя совершенными, вводятъ несовершеннаго творца; и потому, отсѣкая ихъ тщеславіе такимъ знаніемъ, говоритъ: знаніе надмѣваетъ, а любовь назидаетъ. Но самое большое надмѣніе состоитъ въ томъ, когда кто считаетъ себя лучше и совершеннѣе Того, Кто создалъ его, даровалъ ему дыханіе жизни и это самое призвалъ въ бытіе. И такъ гораздо лучше, какъ я сказалъ, если кто-либо, ничего не зная, не постигая ни одной причины, почему какое-либо изъ сотворенныхъ существъ создано **),

---

*) Имѣются въ виду гностики.

**) Сюда же можно отнести и то, что варвары вѣруютъ даже не имѣя Писанія III кн. IV, 2.

вѣруеть въ Бога и пребываетъ въ любви къ Нему, чѣмъ, надмѣваясь такимъ знаніемъ, отпадать отъ любви, которая животворить человѣка; лучше если онъ не гонится ни за какимъ другимъ знаніемъ, кромѣ знанія Іисуса Христа Сына Божія, распятаго за насъ, чѣмъ чрезъ хитрые вопросы и тонкія рѣчи впадать въ нечестіе“ II кн. XXVI, I; то же V кн. XX, 2. Далѣе приводятся примѣры этихъ тонкихъ рѣчей въ родѣ нами указаннаго. Очевидно, понятія въ должномъ смыслѣ, приведенныя слова не могутъ возбудить ни малѣйшаго возраженія; если уже выбирать между простымъ, немного мудрствующимъ, здравымъ смысломъ и тѣми приемами метафизика, который, упавъ въ яму, вмѣсто того, чтобы воспользоваться поданною ему веревкою, началъ разсуждать о сущности этого „орудія простаго“, то, конечно, даже и не въ дѣлѣ вѣры, а и вообще въ какомъ угодно дѣлѣ здравомыслящей, хотя бы то и не философъ, всегда лучше мелочнаго резонера.

Равно и похвала осторожности и вообще дѣйствіямъ св. Іоанна и Поликарпа, изъ которыхъ первый въ Ефесѣ, пришедъ въ баню и увидѣвъ въ ней Керинеа, выбѣжалъ изъ бани, не мывшись, и сказалъ: убѣжимъ, чтобы не упала баня, потому что въ ней врагъ истины Кериней“ III кн. III, 4,—второй, слыша что-либо противное истинѣ Христовой, „заградивъ свой слухъ“, обыкновенно говорилъ лишь: „благій Боже, до какого времени сохранилъ Ты меня, что я долженъ перенести это!“ и затѣмъ уходилъ „изъ того мѣста, гдѣ сидя или стоя слышалъ такія рѣчи“ (III-ой отрывокъ, по русскому переводу)—выражаетъ не болѣе какъ сочувствіе сильной, доходящей до невозможности для нихъ терпѣть ложь, любви къ истинѣ того и другаго, и вовсе не говорятъ за то, что не нужно никогда въ такихъ случаяхъ стоять за истину и входить въ разсужденіе.—Какъ разъ на оборотъ; самъ св. Иринеи поступалъ и другимъ совѣтовалъ дѣйствовать иначе; такъ въ III кн. II, 3 читаемъ: „съ такими людьми (еретиками) мы должны, любезный другъ,

сражаться,—людьми, которые, подобно змѣямъ, стараются от-
всюду искользнуть. Поэтому должно противостать имъ со всѣхъ
сторонъ, дабы нѣкоторыхъ изъ нихъ выбить изъ ихъ убѣжища
и привести къ обращенію къ истинѣ. Ибо хотя не легко обра-
титься душѣ, объятаго заблужденіемъ, но не совсѣмъ невозмож-
но освободиться отъ заблужденія, какъ скоро представлена исти-
на“. Равно въ предисловіи къ IV книгѣ читаемъ, что она пи-
сана между прочимъ за тѣмъ, чтобы тотъ, кому она писана,
могъ обращать къ истинѣ заблудившихся, и что причина не-
удачи предшественниковъ автора въ опроверженіи послѣдовате-
лей Валентина заключалась въ незнаніи ими его ученія, „то-
му же“, говоритъ авторъ, „кто желаетъ обратитъ ихъ, надле-
житъ точно знать системы ихъ ученія“, и потому-то онъ, какъ
самъ говоритъ въ предисловіи къ первой книгѣ, читалъ сочи-
ненія еретиковъ, на каковое его знакомство съ ними указываетъ
лучше всего самое его сочиненіе. Такимъ образомъ на мѣста,
хвалящія осторожность и уклоненіе отъ лжеучителей, можно
смотрѣть лишь какъ на совѣтъ для неопытныхъ, или какъ на
необходимость тамъ, гдѣ не дѣйствуютъ никакіе доводы и убѣж-
денія (что, намъ кажется, приложимо къ поступку св. Іоанна).

§ 2. Тѣмъ менѣе можно вывести что-либо неблагоприятное по
отношенію къ изслѣдованію въ дѣлѣ вѣры изъ *adv. Marc. lib. II,*
2, 3 Тертуліана, гдѣ на ряду съ утвержденіемъ близости и
доступности богопознанія *) для всѣхъ лишь утверждается, что
мы не познаемъ Бога вполне,—не познаемъ nisi ex parte, qua
voluit ipse **) что многое и въ дѣлахъ Его непостижимо для
насъ, въ подтвержденіе чего приводятся слова пр. Исаи: кто
уразумѣ умъ Господень... (*Ис. XL, 13...*) и ап. Павла: о,
глубина богатства и премудрости и разума Божія!... (*Рим. XI,*

---

*) *A primordio notus est, quia nunquam latuit, quia semper illuxit.*

**) Какъ только отчасти, на сколько соблаговолнѣлъ Онъ Самъ,

33, 34) и порицаются *isti censores divinitatis*“ въ родѣ Маркіона, которые постоянно твердили: *sic non debuit deus, et sic magis debuit*. „Такъ не долженъ былъ дѣлать Богъ“ и „лучше такъ долженъ былъ сдѣлать“ *quasi*—прибавляетъ авторъ, *cognoscat aliquis, quae sint in deo nisi spiritus dei*. „Какъ будто-кто либо зналъ, что есть въ Богѣ кромѣ Духа Божія“. Но какъ эти слова у апостола (Божія никтоже вѣсть, точію Духъ Божій) не исключаютъ совершенно мысли о познаніи Бога человекомъ, такъ не исключаютъ ея они и въ устахъ Тертуліана. Тѣмъ болѣе не слѣдуетъ отсюда какого либо запрещенія изслѣдовать дѣла Божія *), въ общемъ смыслѣ этого слова и между прочимъ уже по одному тому, что самъ Тертуліанъ во всей III

---

*) Въ русскомъ переводѣ Карнеева, передающемъ, правда, не подлинникъ Тертуліана, а извлеченіе изъ него, проводится именно эта мысль;—„Долгъ и польза человека“, читаемъ мы тамъ, „состоитъ въ томъ, чтобъ обожать Бога, но не судить Его; заслуживать Его любовь, бояться Его строгости, но не изслѣдовать твореній Его. Итъ людей дерзновеннѣе и безумнѣе, какъ надменные судьи, осмѣливающіеся говорить, что Богъ не такъ долженъ бы былъ поступать, а иначе, какъ будто бы человекъ могъ провидѣть намѣренія Божія, которыя извѣстны одному только Богу“ (стр. 5) и ниже: „Этотъ-то духъ міра и эта-то мнимая и слѣпая мудрость въ отношеніи къ дѣламъ Божиимъ всеялетъ въ людей дерзость изслѣдовать и порицать дѣла Божія (стр. 6). Ничего такого въ подлинникѣ нѣтъ, тамъ порицается лишь заблужденіе и надменность судьящая такъ, какъ будто бы она была всевѣдуща и ни слова о томъ, что нельзя даже и изслѣдовать, что соотвѣтствуетъ у Тертуліана первой выдержки Карнеевской передачи мы привели въ нашемъ изложеніи сущности всего, что говорится во второй главѣ. Сущность того, что соотвѣтствуетъ второй вотъ: такъ какъ Адамъ преступивъ заповѣдь, *stultitiam existimavit dei legem, to quid mirum*, говоритъ нашъ авторъ, *si redhibitus materiae suae et in ergastulum terrae laborandae relegatus in ipso opere prono et devexo ad terram usurpatam ex illa spiritum mundi universo generi suo tradidit, duntaxat animali et haeretico non recipienti quae sunt dei?* И здѣсь такимъ образомъ ни о какомъ изслѣдованіи ни слова; и здѣсь лишь говорится о переданной намъ отъ Адама испорченности, проявляющейся въ этомъ *spiritu mundi, non recipienti quae sunt dei* (духъ міра, не приемлющимъ, яже суть Божія). Впрочемъ даже и эта мысль, какъ видимъ, ослабляется,—Тертуліанъ, сказавши о передачѣ этого *spiritus mundi* отъ Адама всему роду человѣческому, оговаривается: *duntaxat*—по крайней мѣрѣ *animali et haeretico*,—людямъ душевнымъ (*animalis*, но не *animal*) и еретикамъ.

главѣ занимается именно изслѣдованіемъ творенія въ цѣляхъ доказать, что въ немъ проявлялась благодѣтельность Создателя *).

Наконецъ ничего не говорятъ противъ исканія и изслѣдованія въ дѣлѣ вѣры и слѣдующія главы, изъ которыхъ первая въ русскомъ переводѣ начинается такъ: „Мы не нуждаемся ни въ любопытствѣ послѣ Иисуса Христа, ни въ изысканіяхъ послѣ Евангелія. Вѣруя имъ, мы не хотимъ ничему другому вѣрить: думаемъ даже, что болѣе и вѣрить нечему **), и затѣмъ раскрывается эта мысль въ противоположность еретической увертки пользовавшейся словами Господа: Ищите, и обрящите. Тертуллианъ, не отрицая необходимости и законности исканія и из-

Впрочемъ, еслибъ и была здѣсь подобная мысль о не изслѣдованіи дѣлъ Божіихъ, въ виду связи рѣчи и примѣра самого Тертуллиана, на который мы указали выше, она не могла бы имѣть иного значенія, чѣмъ какое имѣеть и у св. Иринія, который, какъ мы видѣли, не отрицая стремленій познать Бога и Его премудрость и относительной возможности такого познанія, даетъ лишь совѣтъ помнитъ свою слабость и не пускаться въ излишнія фантазіи тамъ, гдѣ передъ нами исчезаетъ всякая твердая почва доступнаго намъ вѣдѣнія. А что Тертуллианъ даже считалъ нужнымъ изслѣдованіе божественныхъ цѣлей и намѣреній, отъ недостатка изслѣдованія производя даже заблужденія, показываютъ между прочимъ слѣдующія слова изъ того же сочиненія: *facile est offendentes statim in hominis ruinam, ante quam conditionem ejus inspexerint, in auctorem, т. е. deum—referre quod accidit, quia nec auctoris examinata sit ratio, т. е. люди, слышащіе о испорченности человѣка прежде чѣмъ узнали о его сотвореніи, легко могутъ отнести причину испорченности къ Богу. Напротивъ изслѣдованіе ведетъ къ познанію истины. Denique et bonitas dei a primordio operum perspecta persuadebit nihil a deo mali evenire potuisse et libertas hominis recogitata se potius ream ostendet quod ipsa commisit, т. е. рассмотрѣніе дѣлъ Божіихъ убѣждаетъ, что отъ Бога не можетъ произойти никакого зла, и что оно слѣдовательно должно быть приписано человѣческой природѣ.*

*) Вотъ начало III гл. *Igitur oportebit ineuntes examinationem in deum notum, si quaeritur in qua conditione sit notus, ab operibus ejus incipere, quae priora sunt homine.*

***) Въ латинск. подлин. эти слова составляютъ конецъ VII гл. Вотъ они: *Nobis curiositate opus non est post Christum Iesum, nec inquisitione post Evangelium. Cum credimus nihil desideremus ultra credere. Hoc enim prius credimus non esse quod ultra credere debeamus.*

слѣдованія вообще, говорить, что все таки долженъ же быть когда нибудь этому исканію конецъ,—и конецъ этотъ—вѣра въ Господа Иисуса. Исканіе имѣетъ смыслъ для невѣрующаго,—вѣрующій же, если еще ищетъ, то не вѣруетъ, и слѣдовательно напрасно еретики извращаютъ смыслъ словъ Господа,—они доказываютъ этимъ, что сами еще не нашли истины, если все еще ищутъ, а слѣдовательно не могутъ дать ее другимъ; что они не христіане, и слѣдовательно ищущіе истиннаго Христова ученія не должны обращаться къ нимъ, какъ къ могущимъ имъ его сообщить.

Очевидно, все это нисколько не говоритъ противъ изслѣдованія и доказательства въ дѣлѣ вѣры; онъ самъ прямо говоритъ сомнѣвающимся: „Кто не увѣренъ въ томъ, чему научилъ Иисусъ Христосъ, тому будетъ доказано, что ученіе божественнаго нашего Учителя находится единственно у насъ. Будучи увѣренъ въ силѣ моихъ доводовъ, ex pudicia probationis, и опасаясь, чтобы извѣстные люди не перетолковали своевольно и безразсудно словъ: ищите и обрящите, я предвараю ихъ, что имъ нечего искать болѣе того, что они за долгъ себе поставляли искать“ (IX гл) и вслѣдъ затѣмъ самымъ дѣломъ переходить къ изслѣдованію и доказательству когда, кому и до какого времени должно искать. При всемъ томъ и здѣсь необходимо имѣть въ виду, что все это пишется уже вѣрующимъ и главнымъ образомъ утверждается, что относительно общихъ основъ вѣры помимо того, чему они уже повѣрили, въ чемъ убѣдились, въ области Христова ученія имъ уже болѣе нечего искать,—но это повторяемъ, имъ, уже нашедшимъ и увѣровавшимъ.

§ 3. Подобно у св. Василія I т. 445 читаемъ: „А что злонамѣренныя *) и мелочныя изысканія относительно Бога, осо-

---

*) Въ дан. случаѣ слово κακῶς довольно трудно точно передать по русски: „злонамѣренно“, „злбно“ оказ. слишк. рѣзк. выраж., тогда какъ „плохо“, „худо“—слишкомъ слабыми.

бенно соединенныя съ невѣріемъ, составляютъ болѣзнь души, явно для всѣхъ—*ὅτι δὲ ψυχῆς νόσημά ἐστι τὸ κακῶς καὶ περιέργως ζητεῖν περὶ Θεοῦ καὶ μάλιστα μετὰ ἀπιστίας, πᾶσι φανερόν*. Ибо если Самому Всевысшему Богу относительно Его не вѣрятъ, то послушаютъ ли пророковъ Его и апостоловъ, говорящихъ въ божественныхъ Писаніяхъ о Немъ и о тѣхъ, кто будетъ на Него надѣяться? Приходящему къ Богу прежде всего нужно вѣрить, что Онъ есть, а не помимо вѣры мелочно изыскивать, что Онъ такое..... И такъ, чему ты, человѣкъ, не вѣришь? Не вѣришь, что Богъ имѣетъ собственнаго Сына, и размысливаешь, какъ родилъ Богъ? Но если спрашиваешь относительно Бога „какъ“? такъ спроси и гдѣ, какъ будто бы въ какомъ-либо мѣстѣ, и когда, какъ будто во времени. Если же странно такъ спрашивать относительно Бога, то было бы еще странно не вѣрить. Или, можетъ быть, ты не краснѣешь за свое невѣріе? Это потому, что ты ищешь для того, чтобы обрѣсти не вѣру, а невѣріе.

Подобно стр. 320: „И такъ оставивъ суетныя изысканія (*πολυπραγμασύνη*) относительно сущности, какъ не достигающія цѣли, нужно вѣрить простому увѣщанію апостола, ибо прежде нужно вѣрить, что есть Богъ и что Онъ является издвоздоятелемъ ищущимъ Его. Ибо не изысканіе того, что такое (Богъ), а признаніе, что Онъ есть, содѣваетъ наше спасеніе. Подобн. стр. 189 II т. 263, 264. Но въ обоихъ изъ приведенныхъ мѣстъ порицается изслѣдованіе (при томъ очевидно такое, слѣдствія котораго не согласны съ ученіемъ Откровенія) касательно вещей, превышающихъ наши познавательныя силы: о томъ, что такое Богъ, помимо того, что мы о Немъ знаемъ на основаніи природы, ума и Откровенія, мы конечно не можемъ точно знать, а лишь гадать, ибо внутренняя жизнь божества намъ недоступна; тѣмъ болѣе странны подробныя изысканія о томъ „какъ родилъ Богъ“? Самое понятіе о Божественномъ рожденіи мы получили изъ откровенія и помимо него ничего не можетъ знать

относительно этого; а отсюда ясный выводъ: что-нибудь одно,— или вѣрить Откровенію и содлаться, что для Бога возможно рожденію, или вовсе не вѣрить Откровенію. Но не говоря о томъ, что Откровеніе имѣеть за себя доказательства, если принять во вниманіе, что въ приведенныхъ словахъ имѣются въ виду еретики, принимавшіе, вообще говоря, св. Писаніе, но относившіеся къ нему, такъ сказать, критически съ желаніемъ исправить то, что въ немъ, по ихъ мнѣнію, сказано не разумно,—то порицаніе такихъ по выраженію Тертуліана *sensum divinitatis*, въ виду указанной дилеммы весьма понятно и законно.

Если кого смутить выраженіе: „прежде нужно вѣрить, что есть Богъ“, то пусть тотъ вспомнитъ выше приведенный отрывокъ (гл. I, 2) изъ твореній св. Василія, гдѣ говорится, что вѣра въ бытіе Божію является слѣдствіемъ познанія этой истины. Та же мысль развивается и въ очень многихъ другихъ мѣстахъ; такъ что призывъ вѣрить тому, что очевидно и всѣми признается, не заключаетъ въ себѣ ничего подобнаго призыву вѣрить слѣпо и не разсуждая. А что св. Василій ничего не имѣлъ противъ изысканія въ дѣлѣ вѣры вообще, то это ясно видно изъ слѣдующихъ за приведенными словъ стр. 320: „Нашъ умъ, испытывая, имѣеть ли Всевышній Богъ какую-либо превышающую Его причину своего бытія, и затѣмъ, не будучи въ состояніи помыслить никакой такой, назвалъ безначальность Его жизни перожденностью“. И такъ законное испытаніе, движущееся въ доступной намъ области, ни мало не порицается, а въ началѣ толкованій на повѣствованіе Моисея о твореніи стремленіе къ изслѣдованію даже прямо полагается необходимымъ качествомъ, приличествующимъ тому, кто хочетъ внимать этому повѣствованію; здѣсь св. Василій прямо выражаетъ желаніе встрѣтить душу „трудолюбивую, испытующую“—*φιλόπονον, ἐξεταστικήν*, тщательно взирающую всюду, какъ бы получить достойное Бога понятіе о Немъ. Равно на стр. 189—псалтирь,

которымъ славится Господь, иносказательно толкуется въ смыслѣ „ума ищущаго горнихъ“—*ψαλτήριον γὰρ τάχα ὁ νοῦς εἴρηται*, говоритъ здѣсь св. Василій, *ὁ τὰ ἄνω ζητῶν*. Подобное видимъ у св. Златоуста. Такъ Иоан. бес. VII, 1, разъясняя, что евангелистъ говоря (Иоан. I, 9) о Сынѣ Божіемъ „возводитъ мысль выше и устремляетъ ее къ бытію безначальному, никогда не скончаемому и непрестающему“, св. Златоустъ, спросивъ: „Но какъ можетъ имѣть, скажешь ты, такое бытіе Тотъ, Кто есть Сынъ?“ затѣмъ отвѣчаетъ: „Мы говоримъ о Богѣ, а ты спрашиваешь, какъ это возможно? И ты не страшись и не ужасаешься? Если бы кто спросилъ тебя, какимъ образомъ, наши души, а потомъ и тѣла будутъ жить вѣчно, ты конечно посмѣялся бы такому запросу, потому что не уму человѣческому извѣдывать такіе предметы, а его долгъ только вѣрить, да и не испытывать того, что сказано, такъ какъ достаточнымъ доказательствомъ сказаннаго служить для него могущество Того, Кто изрекъ это. И ты спрашиваешь у насъ, какъ это возможно, когда мы говоримъ, что безначаленъ Тотъ, Кто создалъ души и тѣла и безконечно превосходитъ всякое созданіе? Кто въ полномъ умѣ и здоровомъ разсудкѣ станетъ говорить это? Ты слышалъ, что бѣ свѣтъ истинный. Зачѣмъ же понапрасну усиливаться обнять своимъ умомъ эту жизнь безконечную? Это невозможно. Для чего изслѣдуешь неизслѣдимое? Для чего извѣдуешь недовѣдомое? Для чего испытуешь не постижимое? Размотри самый источникъ солнечныхъ лучей. Ты не можешь этого сдѣлать; однако жъ ты въ этомъ случаѣ не досадуешь и не скорбишь о своемъ безсиліи. Отъ чего же ты такъ смѣлъ и опрометчивъ въ предметахъ гораздо важнѣйшихъ? Сынъ громовъ, Иоаннъ, возглашающій чрезъ духовную трубу, услышавъ отъ Духа, что бѣ свѣтъ, ничего больше и не испытывалъ. А ты, не имѣя его благодати, разсуждая только по своимъ слабымъ умозаключеніямъ, ты усиливаешься переступить даже за черту его вѣдѣнія. За это ты не возмо-

жешь достигнуть и мѣры его вѣдѣнія. Таково коварство діавола: довѣрившихся ему онъ выводитъ за предѣлы, положенные для насъ Богомъ, какъ будто бы мы могли имѣть гораздо болѣе (знанія). А обольстивъ насъ такими надеждами и лишивъ благодати Божіей, онъ не только ничего болѣе не сообщаетъ намъ (да и какъ онъ, діаволь, можетъ это?), но и не допускаетъ возвратиться въ прежніе предѣлы, въ которыхъ мы были безопасны, а повсюду заставляетъ насъ блуждать и нигдѣ не даетъ остановиться. Такимъ образомъ онъ и первозданнаго человека довелъ до изгнанія изъ рая. Ибо, надѣливъ его надеждою большаго вѣдѣнія и почести, діаволь лишилъ его и того, чѣмъ онъ прежде спокойно пользовался. Ибо человекъ не только не содѣлался равнымъ Богу, какъ обѣщаль ему діаволь, но и подпалъ подъ иго смерти, не только чрезъ вкушеніе отъ древа не получилъ ничего болѣе, но въ надеждѣ большаго вѣдѣнія утратилъ не мало и прежняго знанія. Онъ сталъ стыдиться своей наготы и скрывать ее, тогда какъ до обольщенія онъ былъ выше подобнаго стыда. Даже то, что онъ сталъ видѣть свою наготу и сталъ чувствовать нужду въ прикрытіи себя одеждою,—эти и другія еще большія скорби были слѣдствіями обольщенія. Чтобы не потерпѣть и намъ того же, будемъ повиноваться Богу и пребывать въ Его заповѣдяхъ, ничего болѣе не испытывая; иначе мы лишимся уже и дарованныхъ намъ благъ, какъ наказаны и эти (еретики). Ибо какъ скоро они стали изыскивать начало жизни безначальной, то лишились и того, что могли имѣть. Они и не нашли того, чего искали; да это и не возможно. А между тѣмъ отъ правой вѣры въ Единороднаго они отпали. Но мы не будемъ преступать предѣловъ вѣчныхъ, которые положили отцы наши, а во всемъ будемъ слѣдовать законамъ Духа и, слыша, что бѣ свѣтъ истинный, ничего больше не будемъ изслѣдовать; да и не возможно никому простирается далѣе этого изреченія. Если бы Богъ рождалъ подобно человеку, то необходимо было бы какое-либо раз-

дѣленіе между рождающимъ и рождаемымъ. Но какъ это рожденіе неизреченное и только Богу свойственное, то оставь обыкновенныя понятія: прежде и послѣ. Это выраженіе времени, а Сынъ есть Творецъ и всѣхъ вѣковъ“.

Тоже и также сильно и пространно говорится и въ бес. XXIV, 2, 3. XXV, 1, 2; XXVII, 1. Равно XI, 2. Но очевидно, что всё это не говоритъ непремѣнно за слѣпую вѣру и ни мало не противорѣчитъ всему доселѣ нами видѣнному. Что здѣсь признается невозможность постигнуть для насъ высшія тайны божественной жизни и относительно ихъ признается вѣра авторитета, вѣра голосу Откровенія, это очевидно,—но значить ли, что этимъ признается вся наша увѣренность въ истинахъ вѣры слѣпою? Развѣ не говорится, что эта самая вѣра основывается по Писанію на томъ, что „доказательствомъ сказаннаго служить..... могущество Того, Кто изрекъ это“. А вѣдь истина бытія Божія и Его общихъ свойствъ, а слѣдовательно и всемогущества и непреложности, какъ мы видѣли, близка всякому. Признавать же что-либо несомнѣннымъ потому, что напередъ извѣстно, что сообщающій это что-либо не можетъ сказать ложь, вовсе не значить вѣрить слѣпо. При томъ надо имѣть въ виду, что всѣ эти мѣста, какъ приведенныя, такъ и лишь указанныя, имѣютъ въ виду заблужденія Аріанъ относительно безначальнаго рожденія Сына Божія, не могшихъ отвлечь отъ понятія рожденія, хотя бы то и божественнаго, признака времени и запутывавшими мысль этими упоминаемыми св. Златоустомъ „прежде“ и „послѣ“. Но Аріане сами признавали и значеніе Писанія и всемогущество Божіе, и слѣдовательно относительно ихъ ссылка на то и другое имѣла полный смыслъ, помимо всякаго призыва къ слѣпой вѣрѣ. При всемъ томъ самая истина, которой касается дѣло, какъ излагающая въ доступномъ намъ видѣ и подобіи одинъ изъ моментовъ внутренней жизни божества, очевидно превышаетъ нашъ разумъ и непосредственное разумѣніе, поэтому иное дѣло, еслибъ это

говорилось о всемъ содержаніи вѣры, еслижъ говорится только о нѣкоторыхъ ея истинахъ, то это, въ виду ихъ посредственной доказуемости, какъ мы уже сказали, вовсе не лишаетъ вѣру вообще характера разумнаго убѣжденія, знанія въ общемъ смыслѣ. А что св. Златоустъ вообще не былъ противъ изслѣдованія въ дѣлѣ вѣры, это ясно видно въ его призывѣ къ такому изслѣдованію. Такъ на Иоан. бес. XV, 1 читаемъ: „Богъ хочетъ, чтобы мы не просто слушали имена и слова, находящіяся въ Писаніи, но съ разумѣніемъ. Поэтому блаженный Давидъ многіе изъ своихъ псалмовъ подписалъ такъ: въ разумъ и говорилъ: открой очи мои и уразумѣю чудеса отъ Закона Твоего (ис. 118, 18). Послѣ него Сынъ его, заступившій его мѣсто, учитъ, что мудрости должно искать какъ серебра, приобрѣтати ея больше, чѣмъ золота. А Господь внушалъ Іудеямъ испытывать Писанія и тѣмъ насъ еще болѣе побуждаетъ къ изслѣдованію (ихъ). Ибо Онъ не въ томъ смыслѣ говорилъ это, чтобы, только прочитавъ, можно было съ перваго раза понять Писаніе. Никто конечно не станетъ испытывать того, что находится вблизи и подъ рукою, а испытываютъ то, что остается въ тѣни и можетъ открыться только послѣ долгаго изысканія. Для того-то Писаніе и называется сокровищемъ сокровеннымъ, чтобы побудить насъ къ испытанію его. А это внушается намъ для того, чтобы приступали къ словамъ Писанія не просто, какъ случилось, но съ большою осмотрительностью. Ибо кто станетъ слушать, что читается въ немъ безъ разсужденія; и все принимать такъ, какъ сказано, — буквально, такой можетъ предполагать много нелѣпаго о Богѣ. Онъ, пожалуй, допустить, что Богъ есть и человѣкъ и что Онъ состоитъ изъ мѣди, что Онъ и гнѣвливъ, и яростенъ и много другихъ еще болѣе худыхъ мыслей. Если же кто будетъ вникать въ глубину смысла, то избѣжитъ всякой такой нелѣпости“.

Кратко: во всѣхъ подобныхъ указаннымъ предостереженіяхъ противъ излишка изслѣдованій выражается лишь мудрая осто-

рожность не братья за то, къ чему не готовъ или не способенъ, ибо какъ говорить св. Григорій Богословъ I т. 530: любомудрствовать о Богѣ должно не всякому, и не всегда, и не передъ всѣми, и не о всемъ, но нужно знать когда, и кому, и посколькѣ,—*ἀλλ' ἔστιν ὅτε καὶ οἷς καὶ ἐφ' ὅσον*—не всѣмъ, но испытаннымъ и приобрѣтшимъ опытность въ умозрѣніи—*διαβεβηκότων ἐν θεωρίᾳ* и сверхъ того чистымъ душою и тѣломъ, или очищающимъ себя, и то самымъ умѣреннымъ образомъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ проявляется въ этомъ и та первая мудрость, которая состоитъ, по выраженію того же св. Григорія, въ презрѣніи мудрости, состоящей лишь въ наборѣ словъ и множествѣ двусмысленныхъ противоположеній—*σοφία πρώτη σοφίας ὑπερορᾶν τῆς ἐν λόγῳ κειμένης καὶ στροφαῖς λέξεων καὶ κιβδηλοῖς καὶ περιτταῖς ἀντιθέσεσι*. I т. 225.

γ) Еще нѣкоторыя мѣста, говоряція по видимому за безотчетную вѣру.

§ 1. Помимо приведенныхъ мѣстъ изъ разбираемыхъ нами творений отцевъ и учителей Церкви не мало и другихъ, могущихъ казаться не только говорящими за допустимость безотчетной вѣры, но и за ея, какъ будто, необходимость и даже превосходство. Но такъ какъ эти остальные мѣста такого рода слишкомъ разнообразны для того, чтобы съ пользою для читающаго и удобствомъ для пишущаго могли быть подведены подъ систему, бывъ подраздѣлены по сходству и различію ихъ содержанія, то мы предпочитаемъ ихъ разсматривать не въ логическомъ порядкѣ, а въ хронологическомъ, т. е. слѣдуя времени жизни тѣхъ писателей, которымъ они принадлежать.

§ 2. Прежде всего встрѣчаемъ одно изъ такихъ мѣстъ въ XXXIV отрывкѣ творений св. Ирины, въ словахъ: *Ἀσχημάτιστος γὰρ ἢ ἀλήθεια*, переведенныхъ по русски такъ: „истина не поддается отвлеченнымъ понятіямъ“, чѣмъ замѣтимъ вскользь, какъ бы оправдывается славянофильскій взглядъ на познаніе. Но не говоря уже о томъ, что если что не поддается отвле-

ченными понятіямъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что оно не можетъ быть предметомъ знанія—мысль указаннаго выраженія можно съ полнымъ правомъ передать и такъ: истина хороша и безъ прикрасъ, она проста и не связана непременно съ логическими тонкостями, ибо *σχῆμα* (отсюда *σχηματίζω, ἀσχημάτιστος*) значить не только логическая схема, но и риторическая прикраса; отсюда выраженіе: *λόγος ἐσχηματισμένος*—рѣчь фигуральная, несобственная; потому-то и латинскій переводъ передаетъ эти слова такъ: *veritas enim figura caret* (истина лишена прикрасъ). Что касается до связи рѣчи, то предлагаемое нами пониманіе еще больше оправдывается ею, такъ какъ вслѣдъ за выраженіемъ *Ἀσχημάτιστος γὰρ ἡ ἀλήθεια* непосредственно слѣдуетъ: *καὶ ἐγγύς σου τὸ ῥῆμα ἐστὶν ἐν τῷ στόματί σου καὶ ἐν τῇ καρδίᾳ σου*—близъ тебя слово: во устахъ твоихъ и въ сердцѣ твоемъ. При чемъ тутъ близость истины нашему сознанію, когда и то, и другое—и истина и близость ея—противопологается логикѣ и отвлеченному мышленію. Развѣ логичность, отвлеченность нѣчто далекое отъ насъ, а не признакъ того, что живетъ въ нашемъ непосредственномъ сознаніи? Иное дѣло софистическія хитросплетенія и превыспренняя риторическая болтовня гностиковъ, едва понятныя имъ самимъ мудрованія,—все-го этого дѣйствительно чужда Христова истина, она проста, какъ въ смыслѣ удобопонятностей, такъ и въ смыслѣ отсутствія ненужныхъ, запутывающихъ дѣло, внѣшнихъ прикрасъ, и близка сознанію каждаго.

§ 3. Сравнительно болѣе рѣзки мѣста такого рода у Тертуліана; но здѣсь нужно лишь не быть слишкомъ педантичнымъ, не приставлять къ разбираемымъ произведеніямъ своей педалейкой сухо и лишь внѣшне-логической мѣрки, боящейся всякаго бойкаго и ловкаго выраженія,—выраженія въ существѣ дѣла вполнѣ осмысленнаго и съ логической точки зрѣнія вполнѣ безупречнаго и лишь можетъ быть со внѣшней словесной своей стороны допускающаго, въ виду большей ясности и бо-

лѣе идущаго къ дѣлу оттѣненія мысли, нѣкоторыя своеобразныя особенности, чтобы многое, и даже, думаемъ, все у Тертуллиана оказалось вполне понятнымъ и нимало не противорѣчающимъ тому его взгляду на дѣло, какой мы изложили выше.

Достаточно имѣть въ виду особенности приемовъ и характера автора и ходъ и связь мыслей, чтобы все оказалось весьма понятнымъ. При томъ для русскаго, знакомаго съ обычнымъ характеромъ и приемами нашей просто-народной рѣчи,—бойкой, остроумной, проникнутой почти силою глубокой ироніей, съ обычнымъ ея стремленіемъ представлять вещи съ словесной стороны выраженія прямо противоположными тому, каковы они на дѣлѣ, даже не намекая, что это лишь иронія— такъ, говоримъ, для русскаго въ самыхъ приемахъ автора нѣтъ ничего страннаго,—напротивъ въ нихъ слышится что-то свое, родное, представляется какъ будто бы читаемъ слова хотя ученаго, остроумнаго, но сохранившаго въ себѣ все особенности своихъ народныхъ приемовъ борьбы и спора русскаго писателя. Это сходство приемовъ Тертуллиана съ нашей народной рѣчью тѣмъ понятнѣе, что онъ, какъ можно видѣть отчасти даже изъ приведенныхъ нами мѣстъ, не будучи рѣшительнымъ врагомъ всего культурнаго, тѣмъ не менѣе былъ глубокимъ почитателемъ естественной простоты и искренней прямоты, видя во многомъ культурномъ лишь ненужную обузу, стѣсненіе и порчу естественнаго. Что, въ частности, насмѣшка въ качествѣ приема была ему свойственна болѣе, чѣмъ кому, это видно изъ его собственныхъ словъ *adver. Valent VI*: „Если что возбудитъ въ тебѣ смѣхъ“, обращается онъ къ читателю по поводу своего сочиненія, „то это будетъ знакомъ, что ты отдаешь справедливость подобнымъ нелѣпостямъ“. Многія изъ нехъ и не заслуживаютъ другаго опроверженія: всякій дѣльный отвѣтъ могъ бы только придать имъ болѣе важности.—*Multa sunt sic digna revinci, ne gravitate adorentur*. Смѣшное естественно ведетъ къ суетнымъ понятіямъ. Но и самой истинѣ иногда прилично смѣ-

яться, потому что она не чужда веселости, прилично ей шутить относительно своихъ враговъ, потому что она увѣрена въ своей силѣ (*congruit et veritati ridere, quia laetans, de aemulis suis ludere quia segura est*). Надлежитъ только избѣгать, чтобы смѣхъ ея не возбудилъ въ комъ неумѣстнаго злорѣчія *). Впрочемъ **) смѣхъ, гдѣ онъ приличенъ, исполняетъ свою обязанность—*ceterum ubicunque dignus risus, officium est*. Какъ видимъ подлинникъ выражается рѣзче перевода; смѣхъ у мѣста не только такъ сказать, исполняетъ обязанность, но и самъ есть обязанность съ нашей стороны—*officium est*. Смѣясь и пронизируя Тертуллианъ слѣдовалъ принципу.

Имѣя это въ виду, равно какъ и вообще довольно извѣстную характеристику Тертуллиана ***) , приступимъ къ разсмотрѣнію мѣсть, могущихъ быть приведенными противъ высказаннаго нами доселѣ взгляда на Тертуллиана.

Начнемъ съ одного изъ самыхъ рѣзкихъ мѣсть. Вотъ оно: „Я не нахожу лучшаго предлога къ посрамленію себя, какъ, презирая стыдъ, быть свято безстыднымъ и счастливо безумнымъ. Сынъ Божій былъ распятъ: я того не стыжусь, потому что будто бы надобно стыдиться. Сынъ Божій умеръ: надлежитъ тому вѣрить, потому именно, что разумъ мой возмущается противъ того. Онъ возсталъ изъ гроба, въ которомъ былъ положенъ: дѣло вѣрное, потому что кажется невозможнымъ“ ****).

*) Собственно: *Curandum plane ne risus ejus rideatur si fuerit dignus*, т. е. должно смѣяться справедливо, чтобы надъ самимъ не посмѣялись, а гдѣ дѣйствительно смѣшно, тамъ вездѣ можно смѣяться.

**) Вѣрнѣе: „во всѣхъ другихъ случаяхъ“.

***) Отличительными чертами этой характеристики являются: 1) адвокатское образованіе Тертуллиана и можетъ быть отсюда вытекавшее пристрастіе къ сильнымъ, оставляющимъ глубокое впечатлѣніе выраженіямъ, стремленіе въ полемикѣ все доводить до крайности; 2) необходимость создавать новый языкъ (такъ какъ Тертуллианъ былъ первымъ на своемъ пути между латинскими писателями) для выраженія христіанской мысли, и отсюда неточность и неодинаковость выражений при разныхъ обстоятельствахъ-ли. *Neander's Christliche dogmengeschichte*—I ч. 55—57.

****) *Alias non invenio materias confusionis quae me per con-*

Казалось бы, что может быть рѣзче этого, — какъ еще рѣшительнѣе выразить противоположность вѣры и знанія, ся истинъ и истинъ разума? И между тѣмъ стоитъ лишь выкинуть въ связь рѣчи, чтобы увидать, что это не такъ.

Тертуллианъ доказываетъ дѣйствительность воплощенія Сына Божія и опровергаетъ Маркіона, обыкновенно отдѣльвавшагося словами: это стыдно для Бога, недостойно Сына Божія, глупо. Turpe hoc deo et indignum hoc dei filio et stultum.

Обычными своими приемами нашъ авторъ превращаетъ въ доказательство самое возраженіе, говоря такъ: „дѣйствительно, это глупо для Бога, если мы будемъ судить о Немъ по своимъ обычнымъ понятіямъ — si de nostro sensu judicemus deum (IV гл.), — но прочитай, Маркіонъ, обращается онъ къ своему противнику — если только ты не вымаралъ: буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ (I Корин. I, 27)“. Доказавъ такимъ образомъ, что по утверженію св. Писанія и даже самаго св. Павла, котораго особенно чтилъ Маркіонъ, Христіанство заключаетъ въ себѣ нѣчто съ точки зрѣнія обычной мірской мудрости глупое и безразсудное *), онъ далѣе задаетъ вопросъ: но въ чемъ же и гдѣ это глупое? Quaeenam haec stulta sunt? **) Обращеніе людей къ почитанію истиннаго Бога, отверженіе заблужденія, правила справедливости, цѣломудрія и т. д.? Но все это вовсе не глупо. — Haec quidem stulta non sunt. И такъ въ чемъ же это глупое Христіанства? обращается нашъ авторъ къ своему противнику. О, еслибъ ты смекнулъ —

---

temptum ruboris probent bene impudentem et feliciter stultum. Crucifixus est dei filius, non pudet, quia pudendum est. Et mortuus est dei filius; prorsus credibile est, quia ineptum est. Et Sepultus resurrexit, certum est, quia impossibile est.

*) Само собою понятно, что этотъ доводъ имѣя мѣсто лишь по отношенію къ гностику, подобному Маркіону, который самъ ссылался на Писаніе.

**) Переводъ Карнеева плохо отдѣляетъ истинную главную мысль автора, какъ бы разрывая ее на двѣ не особо связныя. Очевидно, что эта мысль о томъ, что глупо, составляетъ сущность довода Тертуллиана.

si praesumpseris invenisse — о чемъ говоритъ Апостолъ! вѣдь развѣ есть что настолькоъ глупое, какъ вѣрить въ рожденнаго Бога, да еще и отъ дѣвы и даже явившагося во плоти, ввергающагося во всѣ низости нашего естества? Num erit tam stultum quam credere in deum natum, et quidem carneum, qui per illas naturae contumelias volutatus est?

Доказывая глупость (съ точки зрѣнія обыденныхъ понятій) ученія о воплощеніи Бога, Тертуллианъ тѣмъ самымъ доказывалъ, что указанныя слова Апостола относятся прямо къ воплощенію и слѣдовательно поражалъ своего противника. Ясно, что въ его видахъ было выставить на первый планъ глупость и странность этого ученія, — хотя, не забудемъ, глупость и странность лишь съ нашей недалекой точки зрѣнія, а не безусловную, что мы отчасти уже видѣли и еще увидимъ. Но за тѣмъ Тертуллианъ дѣлаетъ оговорку: можетъ быть кто и не найдетъ въ этомъ — въ воплощеніи — ничего глупаго и скажетъ, что глупымъ въ глазахъ міра Писаніе называетъ нѣчто иное? Dicat haec aliquis stulta non esse, говоритъ онъ, et alia sint quae deus in aemulationem elegeris sapientiae secularis. Уступая этому доводу и лишь оговариваясь, что если и такъ, то все таки вѣдь даже сама эта мірская мудрость, скорѣе повѣритъ въ превращеніе Юпитера въ быка или лебедя, чѣмъ Марціонъ тому, что Христосъ истинный человѣкъ *), нашъ авторъ указываетъ на другое глупое въ Христіанствѣ: на страданіе и униженіе Господа (V гл.) съ цѣлью, признавъ это глупымъ и доказавъ, тѣмъ самымъ истинность этого считаемаго глупымъ отъ св. Писанія, вывести затѣмъ и воплощеніе, такъ какъ ни страдать, ни умереть безъ плоти нельзя **). Sunt plane et alia

---

*) Et tamen apud illam — т. е. sapientiam — facilius creditur Iuppiter taurus factus aut cygnus quam vere homo Christus apud Marcionem.

**) Русскій переводъ здѣсь затемняетъ мысль.

tam stulta, говоритъ онъ, *quæ pertinent ad contumelias et passiones dei*. Или можетъ быть увидить премудрость и въ Богѣ распятомъ? *) Отбрось вмѣстѣ и это, Марціонъ,—и даже больше: это то именно и нужно отбросить **). Ибо что недостойнѣе Бога, что постыднѣе: родиться ли или умереть? Плоть носить или крестъ?.... Ты будешь еще мудрѣе, если перестанешь и этому вѣрить ***). Но ты не можешь быть мудрымъ, не будучи глухимъ въ вѣкъ семь, не вѣря буюму Божію. Или ты все это—страданіе и смерть—считаешь лишь призракомъ? Но вѣдь тоже можно сказать и о рожденіи и дѣтствѣ, но при чемъ тогда останется апостоль Павелъ, проповѣдывавшій Христа распятаго, погребеннаго и воскресшаго? Если все это ложь, то ложь слѣдовательно и вѣра наша—*falsa est igitur et fides nostra et phantasma erit totum quod speramus a Christo!* восклицаетъ авторъ. Пощади единственную надежду всего міра,—ты разрушающій необходимое поношеніе вѣры,—*necessaria riuinde decus fidei!* Что не достойно Бога, то мнѣ и полезно. Спасенья, если не стыжусь Господа моего. Кто Меня, говоритъ Онъ, постыдится, постыжуся и Я его*. И затѣмъ сряду слѣдуютъ приведенныя нами слова: я не нахожу....

Такимъ образомъ означенныя слова имѣютъ въ виду лишь доказать необходимость признанія страданій Господа, правда кажущихся недостойными Бога, но недостойными съ точки зрѣнія нашихъ недалекихъ сужденій,—не больше; вся рѣчь ведется примѣнительно къ ходячему взгляду, и очевидно не лишена доли ироніи,—ироніи вполне бывшей у мѣста, такъ какъ Тертуліанъ имѣлъ дѣло не съ язычникомъ, а съ человѣкомъ, такъ или иначе, считавшимъ себя христіаниномъ и основавшемъ

---

*) *Aut prudentiam dicant denm crucifixum.*

**) *Aufer, hoc quoque, Marcion, imino hoc potius.*

***) *Sapientior eris si nec ista credideris sed non oris sapiens nisi stultus in saecula fueris, dei stulta credendo.*

ся на Писаніи, и лишь по какой-то недалекости признававшимъ недостойнымъ Бога рожденіе и допускавшимъ, хотя призрачно, но тѣмъ не менѣе то, что было съ этой точки зрѣнія еще болѣе недостойно Бога страданіе и смерть. Маркіонъ выходилъ изъ мысли о недостойности для Бога того, что онъ отрицалъ; Тертуллианъ хотя и не былъ съ нимъ согласенъ въ этомъ, становится тѣмъ не менѣе на его точку зрѣнія и доказываетъ, что онъ не выдерживаетъ даже самъ своего принципа и противорѣчитъ себѣ *). А что самъ Тертуллианъ, основывающій весь свой доводъ на буссти рожденія и страданій Господа, по крайней мѣрѣ относительно перваго, вовсе не былъ согласенъ съ Маркіономъ, напротивъ считалъ рожденіе—это достопочтенное дѣло природы, *hanc venerationem naturae*—и естественнымъ и нисколько не низкимъ,—это показываетъ вся первая половина IV гл., въ концѣ которой тоже самое рожденіе называется *stultum* и *indignum deo*. Глунымъ и недостойнымъ Бога. Очевидно, все это лишь приноровка къ взглядамъ своего противника,—не больше. За это же говоритъ и то, что Тертуллианъ пользуется въ этомъ случаѣ примѣромъ св. Павла, который, какъ извѣстно, вовсе не утверждалъ того, что Христово ученіе само по себѣ не согласно съ началами нашего разума,—оно не согласно лишь съ недалекими взглядами заблужденія и страстей человѣческихъ. А что Тертуллианъ вѣрно понималъ св. Павла, это доказываетъ во 1-хъ то, что онъ вообще различалъ переносныя выраженія отъ имѣющихъ буквальный смыслъ, какъ напр. *de res car X*, гдѣ онъ вѣрно понимаетъ значеніе словъ апостола о ничтожествѣ и грѣховности плоти **),

---

*) *An ideo passiones a Christo non recidisti, quia ut phantasma vacabat a sensu eorum. Diximus retro aequè illum et natiuitatis infantiae imaginariae vacua ludibria subire potuisse.*

***) По его мнѣнію пренебрежительныя слова апостола о плоти относятся къ обезличенію не сущности ея, а дѣлъ; все это говоритъ апостоль *ut carnis non tamen substantia, sed actus inhonoretur.*

во 2 хъ то, что мы видимъ въ той же V гл. de car. Chris.: сряду за приведенными словами „certum est, quia impossibile est“ (вѣрно, ибо невозможно) онъ начинаетъ доказывать истинность вочеловѣченія Господа, выходя изъ обыкновенныхъ началъ мысли: какимъ образомъ, говоритъ онъ, все это могло быть истиннымъ, т. е. страданіе, смерть и т. под., если Самъ Христосъ не былъ дѣйствительно человѣкомъ? Nam quomodo vera in illa erunt, si ipse non fuit verus?... что тогда умира-ло, погребалось, воскресало, если не плоть? Очевидно, еслибъ онъ вездѣ сталъ слѣдовать своему принципу certum, quia impossibile, то эта самая невозможность страдать и умереть безъ плоти и послужила бы ему лучшимъ доказательствомъ, что это именно такъ и было. Но такъ какъ онъ нигдѣ на дѣлѣ не примѣняетъ такого принципа, то ясно уже изъ одного того, что еслибъ даже не обращать вниманія на связь и ходъ рѣчи, указанныя выраженія въ самомъ крайнемъ случаѣ могутъ быть признаны лишь рѣзкими, сорвавшимися съ языка въ пылу полемики фразами,—не больше.

Тоже должно сказать и о de bapt. II, III. Здѣсь говорит-ся, что тѣмъ болѣе нужно вѣрить, что вода крещенія, какъ бы ни были эти вещи и дѣйствіе, рассматриваемыя со внѣшней стороны, незначительны, производятъ обновленіе человѣковъ,—что это удивительно, при чемъ въ объясненіе приводят-ся тѣ же слова апост. Павла, какъ и выше и мысль о Божи-емъ всемогуществѣ, которому свойственно совершать превышаю-щее наши силы и разумѣніе, чего конечно отвергать ничто не станетъ.—Nam sideus et sapiens et potens, читаемъ мы, тамъ, quod etiam praetereuntes cum non negant, merito in adversariis sapientiae potentiaeque, id est in stulticia et impossibilitate, materias operationis suae instituit. Ибо если Богъ и премудръ, и всемогущъ,—чего не отрицаютъ даже отвергающіеся Его—то естественно; что Онъ избралъ вещество для своихъ дѣйствій въ томъ, что противоположно премудрости и могуществу,—въ

глупости и немощи, и еще *qualia enim decet esse opera divina nisi super omnem admirationem?* каковыми же и прилично быть Божественнымъ дѣламъ, какъ не превышающими всякое удивленіе? Но все это тѣмъ не менѣе не мѣшаетъ Тертуллиану приводить доводы за возможность того, чтобы именно вода употреблялась для обновленія человѣка, чему и посвящаетъ всю слѣдующую III главу. При всемъ томъ нельзя упускать изъ виду и того, что все это пишется христіанамъ, для которыхъ мысль о сравнительной непостижимости дѣлъ Божіихъ и Божественномъ всемогуществѣ была основнымъ убѣжденіемъ, ссылатся на которое предъ ними значило по этому тоже, что доказывать.

Тѣмъ болѣе нельзя чего-либо выводить изъ слѣдующихъ словъ, обращенныхъ къ Гермогену: Видно ты опять обращаешь-ся къ тому же здравому уму, который обыкновенно не доводитъ тебя ни до чего точнаго и вѣрнаго *). Подобно какъ матерія признава тобою ни тѣлесною, ни безтѣлесною, такъ точно дѣлаешь ты ее наконецъ ни доброю, ни злою“.

Очевидно, что это иронія и только. Нельзя чего-либо выводить и изъ словъ: *Naec erit fides, quae contulerit etiam intellectum*—вотъ вѣра, которая принесла даже разумъ *adv Marc. IV. 20.* Слова эти сказаны по частному случаю—исцѣленія кровоточивой чрезъ прикосновеніе съ вѣрою ко Христу. Разбивая доводы Маркіона, которые послѣдній заимствовалъ изъ этого Евангельскаго разсказа, Тертуллианъ между прочимъ утверждаетъ, что женщина здѣсь вовсе не поступила противъ повелѣнія закона о нечистомъ, прикоснувшись къ Господу,—она знала, что запрещеніе закона относится къ здоровымъ, а не къ больнымъ, и что Богъ предпочитаетъ милость жертвѣ—*deum suum confidebat misericordiam malle quam ipsum sacrifi-*

---

*) *Nunc enim video te ad illam rursus rationem reverti, quae tibi nihil certi renuntiare consuevit.*

cium; знала и то, что и для исцѣленія ея нужна божественная помощь—*cui t. e. vitio valetudinis—non madum temporis, sed divinae misericordiae auxilium necessarium sciebat.* Это то вотъ ея знаніе, судя по связи и называется *intellectus*. Теперь что такое *fides*? Насколько можно судить изъ словъ Тертулліана, Маркіонъ видѣлъ въ разбираемомъ разсказѣ нарушеніе закона вѣрою, откуда ихъ противопоставалъ, вѣроятно, какъ имѣющихъ равныхъ виновниковъ и слѣдовательно подъ словомъ *fides* разумѣлъ не увѣренность, ни на чемъ не основанную въ противоположность доказанному знанію, а законъ Христовъ въ противоположность закону Моисееву. На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и Тертулліанъ, и онъ въ данномъ случаѣ понимаетъ вѣру не съ формально субъективной стороны, а съ объективной стороны содержанія, спрашивая какая же была это вѣра, котораго жена разрушила законъ—*qua denique fide ingrupit?* и отвѣчая, что это было *fides creatoris, quae alium deum*—помимо единого Бога, давшего какъ законъ, такъ и вѣру—*ignorabat* *) т. е. вѣра въ того же Бога, который далъ и законъ. Далѣе онъ развиваетъ мысль, что въ этой вѣрѣ заключались и другія истины: и то, что Богъ долженъ явиться во плоти и все то другое, что,—онъ говоритъ, знала жена. И въ томъ и другомъ случаѣ слѣдовательно и *fides* вѣра и *intellectus* (разумъ) берутся со стороны ихъ содержанія и слѣдовательно смыслъ словъ Наес **) *erit fides quae contulerat etiam intellectum* оказывается такимъ: истины и положенія истинной вѣры просвѣщаютъ человѣческій умъ, даруютъ человѣку вѣдѣніе, т. е. вѣрно понятое, это мѣсто не имѣетъ никакого отношенія къ нашему вопросу;—о томъ, какъ приобрѣтаются и усвояются эти истины, здѣсь ни слова.

---

*) Вѣра въ Создателя, не знавшая иного Бога.

**) Самое Наесъ указываетъ кромѣ того, что это не всегда бываетъ, что только вотъ эта вѣра *contulerit intellectum*, а не всякая, не вообще.

Такое же значеніе имѣютъ и слова Adv. Marc. IV, 25: *cujus t. e. obscuritatis propheticæ instrumenti intellectum fides moneatur*, т. е. что разумѣніе темныхъ мѣстъ у пророковъ получаетъ вѣра, вслѣдъ за чѣмъ, подобно какъ и за вышеуказанными словами, приводятся слова Исаіи (VII, 9). *Nisi... credideritis, non intellegetis* (аще не увѣрите, не имате разумѣти). И здѣсь *fides*—это Христіанство, *intellectus*—разумѣніе, въ частности здѣсь: разумѣніе пророческихъ писаній, которыя сдѣлались воиждѣ ясными лишь въ Христіанствѣ, когда исполнились. Какъ показываетъ ad. Marc. V, II сама эти слова Исаіи у Тертуліана понимаются въ томъ же смыслѣ просвѣщающей человѣка увѣренности въ истинѣ Христовой и только,—о томъ, какова эта увѣренность вѣра или знаніе—ни слова *).

§ 4. Не мало сомнѣній могутъ на первый разъ возбуждать выраженія Климента Александрійскаго о вѣрѣ тамъ, гдѣ она противопологается знанію, особенно не рѣдко встрѣчающіяся у него выраженія, что знаніе, какъ вообще, такъ особенно религіозное, исходитъ изъ вѣры и потому не можетъ само утверждать вѣры въ положительномъ смыслѣ. Въ виду такихъ выраженій легко можетъ явиться вопросъ о томъ, что является основой, точкой отиравленія нашихъ убѣжденій въ дѣлѣ вѣры, т. е. знаніе ли является основой и доказательствомъ истинности ученія вѣры, или наоборотъ основаніемъ всякаго знанія въ дѣлѣ вѣры служитъ непосредственная увѣренность, вообще ли то въ истинахъ вѣры, или хотя бы то лишь въ основныхъ и общихъ между ними, какъ-то: въ бытіи Божіемъ, въ существованіи Откровенія и въ Божественномъ происхожденіи Писанія и Преданія св. Цер-

---

*) *Illisenim deus labiis deligentibus eum, corde autem longe assis tentibus ab eo, minatus fuerat; Aure aubietis et non audietis; oculis videbitis et non videbitis, et nisi credideretis nec intellegetis, et: Auferam sapientiam sapientium et prudentiam irritam faciam.*

кви. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ все дѣло будетъ зависѣть отъ того, какъ мы себѣ будемъ представлять эту непосредственную увѣренность: безотчетною или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ на долю разума выпадетъ лишь незавидная, служебно второстепенная роль упорядочиванія, распредѣленія по логическимъ схемамъ—вообще большая или меньшая систематизація разъ принятыхъ безъ разсужденія, равно какъ не допускающихъ его и послѣ, отдѣльныхъ положеній Христiанскаго ученія,—сказать прямо, тутъ разуму—то, собственно говоря, и дѣлать будетъ нечего—все въ такомъ случаѣ будетъ сводиться исключительно къ разсудку или что то же къ формальной логикѣ. Но что касается допущенія участія разума въ дѣлѣ вѣры въ такомъ смыслѣ, то совершенно изгнать его, лишивъ даже такой служебной роли, еслибъ мы и захотѣли, какъ само собою разумѣется нельзя, — нельзя просто физически, понимая это послѣднее слово въ смыслѣ вытекающей изъ независимаго отъ нашей воли устройства душевной природы необходимости;—чтобы чему-нибудь вѣрить, надо это послѣднее хоть темно, хоть больше въ представленіяхъ и образахъ, чѣмъ понятіяхъ, но все таки такъ или иначе представить, номыслить, а вмѣстѣ и отдѣлать это мыслимое и признаваемое за истину положеніе отъ противоположнаго ему отрицаемаго, а слѣдовательно, если не словомъ, то самымъ дѣломъ признать значеніе закона тождества и противорѣчія, а еще прежде того идей тождества и различія—иначе признать основной принципъ логики, котораго вся она является лишь приложеніемъ къ частнымъ случаямъ. Весьма естественно поэтому, что такое значеніе и участіе разума въ дѣлѣ вѣры признаютъ почти все религіи и направленія религіозной мысли, а если нѣкоторые изъ послѣднихъ и отрицали, то это было лишь недоразумѣніемъ,—и слѣдовательно, еслибъ и мы признали за Климентомъ Александрійскимъ лишь только такое допущеніе участія разума въ дѣлѣ вѣры, мы, очевидно, приписали бы ему лишь допущеніе того, чего по крайней мѣрѣ на дѣлѣ,

не отрицалъ еще, просто въ силу невозможности, никогда никто, и за всѣмъ тѣмъ нашъ авторъ явился бы у насъ представителемъ и едвали не самымъ послѣдовательнымъ, разумно обосновывающимъ свой взглядъ *) защитникомъ начала слѣпной вѣры. И дѣйствительно, именно такой взглядъ на Климента и приходится иногда читать и слышать. Какъ понимается въ только что указанномъ смыслѣ мысль о подчиненіи разума вѣрѣ выражается обыкновенно словами Писанія, (2 Кор. X, 5) такъ и подобнаго же рода взглядъ въ частности на философію по отношенію къ вѣрѣ обыкновенно—и при томъ съ такимъ же правомъ—пользуется въ качествѣ краткой, общепонятной формулы выраженіемъ,—(которое, правда, какъ бы стыдѣя и укрываясь отъ самаго себя, употребляется по большей части въ латинскомъ переводѣ), выхваченнымъ изъ твореній разбираемаго автора и вмѣстѣ съ присвоеннымъ ему значеніемъ, прямо возводимымъ къ нему, какъ къ высказавшему его впервые мыслителю *). Такимъ образомъ Климентъ Александрійскій является представителемъ начала слѣпной вѣры, и слѣдовательно, еслибы мы вздумали сопоставить его съ Тертулліаномъ, понимаемымъ точно также въ ходячемъ смыслѣ, разница между тѣмъ и другимъ оказалась бы лишь въ ничтожномъ отгѣнкѣ,—въ принципѣ они были бы вполне согласны,—не говоримъ уже о томъ, что если понять Тертулліана въ настоящемъ свѣтѣ, а Климента въ указанномъ, первый окажется несравненно свободнѣе и свѣтлѣе смотрящимъ на человѣческія пути богопознанія, чѣмъ послѣдній. Но вмѣстѣ съ тѣмъ уже одно это заставляетъ невольно призадуматься: неужели этотъ, обыкновенно считаемый представителемъ самаго свѣтлаго взгляда на философію и естественныя пути богопознанія, Александрійскій богословъ—философъ, стоитъ именно по этой самой чертѣ,—по свѣтлости, такъ ска-

---

*) Разумѣемъ его мысли о недоказуемости первыхъ началъ, см. ниже.

**) Извѣстно выраженіе: *philosophia ancilla theologiae*.

зять, взгляда на человѣческія способности, далеко позади того пылкаго обличителя всего языческаго? При чемъ тогда всѣ его восхваденія, этотъ по мѣстамъ поэтической восторгъ чуть ли ни при одной мысли о философіи? Да и откуда могла языческая философія заимствовать религіозную истину, — что признается за нею Александрійскимъ учителемъ, хотя бы то и не полную, если эта послѣдняя доступна лишь безотчетной вѣрѣ въ сверхъестественное Откровеніе? Или и философія также сверхъестественное Откровеніе? Но почему же она сравнительно такъ не совершенна? Откуда въ ней ложь? Всѣ эти вопросы и недоумѣнія естественно заставляютъ обратиться къ частнѣйшему изслѣдованію понятія Климента Александрійскаго о вѣрѣ. Говоримъ понятія о вѣрѣ, ибо самое положеніе, что вѣра признается Климентомъ исходною точкою не только религіознаго, а даже и вообще познанія, такъ сказать, почвой, на которой развивается послѣднее, не можетъ быть оспариваемо, — оно выражается весьма ясно и недвусмысленно — это съ одной стороны; съ другой самое это положеніе само по себѣ еще не заключаетъ чего-либо такого, что бы безповоротно рѣшало поставленный вопросъ. Такъ, если авторъ утверждаетъ, что для вѣрнаго пониманія и толкованія Писанія нужно пріобрѣсти надежное начало сужденія — вѣру, *κρίσειν εὐλόγησεν τὴν πίστιν*. (Σ. стр. 693), то, очевидно, это весьма естественно; что-нибудь одно: или не вѣрить Писанію и слѣдовательно не ссылаться на него, такъ какъ оно по большей части не содержитъ въ самомъ себѣ какихъ-либо доказательствъ своихъ положеній, а прямо утверждаетъ ихъ, обращаясь или къ ясной для всякаго, непосредственной, очевидности ихъ, или къ вѣрѣ въ свое значеніе какъ божественнаго Откровенія; или вѣрить ему, такъ какъ всѣ доказательства отъ Писанія, какъ видимъ, получаютъ смыслъ только подъ условіемъ вѣры въ него, какъ въ божественное Откровеніе, такъ какъ тамъ, гдѣ оно утверждаетъ очевидное, нѣтъ нужды и въ доказательствахъ. Равно весьма понятно, что

въ основѣ Христіанскаго вѣдѣнія въ дѣлѣ вѣры, необходимо предполагающаго сверхъестественное Откровеніе и основывающагося на немъ, должна лежать увѣренность въ истинности этого послѣдняго; все остальное: логика, непосредственно очевидная истины сознанія *) и ежедневнаго опыта должны въ развитіи этого познанія, сказать точнѣе, въ систематическомъ изложеніи теоретической части Христіанскаго ученія занять мѣсто второстепенное, служа для уясненія и упорядоченія—не больше, все же противорѣчащее откровенной истинѣ должно быть изгнано.— Все это, говоримъ, весьма естественно: догматическое богословіе предполагаетъ вѣру въ Откровеніе и не должно отступать отъ истиннаго смысла послѣдняго; иначе оно будетъ не откровеннымъ ученіемъ, а человѣческимъ измышленіемъ, равно какъ изложеніе мыслей того или другаго философа предполагаетъ точное слѣдованіе смыслу его рѣчей, высказанныхъ въ его твореніяхъ; всѣ иныя соображенія могутъ служить лишь для уясненія его мыслей, равно какъ логика для систематизаціи, если таковой не заключается въ собственномъ изложеніи автора, иначе это будетъ не изложеніе чужихъ мыслей, а собственное измышленіе излагающаго. Слѣдовать вѣрно Откровенію не значитъ слѣпо вѣрить ему,—если мы разъ убѣдились въ существованіи Бога и Его Откровеніи, равно какъ нашли и гдѣ это послѣднее, мы, оставаясь послѣдовательными, должны вѣрить и всему, чему оно учитъ,—вопросъ лишь въ томъ, на чемъ основана эта основная увѣренность. Но такъ какъ эта послѣдняя не необходимо слѣпа, такъ какъ мысль о сверхъестественномъ Откровеніи не исключаетъ возможности убѣдиться въ истинности его разумно, то и положеніе Климента, что Христіанское знаніе должно исходить изъ вѣры **), ни мало не говоритъ о слѣ-

*) Очевидно помимо тѣхъ, которыя входятъ въ содержаніе Христіанскаго ученія.

***) А между тѣмъ высказать означенное положеніе явно для Климента была прямая необходимость, если принять во вниманіе гностиковъ съ ихъ обычными приѣмами толкованія данныхъ Откровенія, въ частности данныхъ св. Писанія; произвольно перетолковывая послѣднее, за частую руководясь рѣшеніемъ отвер-

потѣ послѣдней, а слѣдовательно и всего на ней основывающагося.

Словомъ, что вѣра въ Откровеніе, какъ источникъ истиннаго вѣдѣнія въ дѣлѣ религіи, какъ само собою понятно, основная мысль Христіанства; но вопросъ лишь въ томъ, какова эта вѣра.

И такъ, что разумѣтъ Климентъ подѣ вѣрой, противопоставляя ее знанію, — чему-то доказанному, — какъ нѣчто недоказанное и вмѣстѣ критерій и исходную точку всякаго знанія? Прежде всего не мѣшаетъ помнить широту и извѣстную уже намъ многозначимость слова *πίστις*, чтобы не смущаться, не слишкомъ ослѣпляться обычною, болѣе употребительною его русскою передачею словомъ „вѣра“. Во вторыхъ не нужно упускать изъ виду, что и у Климента въ употребленіи этого слова, едвали больше точности, чѣмъ и вообще у греческихъ отцовъ; пользуясь широтою значенія этого слова и Климентъ Александ., подобно Иринею и другимъ, не говоря уже о другихъ болѣе тонкихъ оттънкахъ значенія, употребляетъ слово вѣра даже прямо въ значеніи жизни, согласной съ Божественными заповѣдями, или же даже вообще съ предписаніями разума *).

гнуть то или другое положеніе его простымъ субъективнымъ и тѣмъ не менѣе безъ дальнѣйшаго рѣшившимъ все „это глупо“, они не рѣдко представляли въ своихъ, составлявшихся съ такимъ легкомысліемъ, системахъ такой сбродъ всякой всячины, что данныя Откровенія почти совсѣмъ въ нихъ затеривались и искажались, равно какъ самыя эти системы всякому непредубѣжденному при первомъ же взглядѣ оставалось лишь вмѣстѣ съ апостолами и отцами назвать лишь безтолковой болтовней, если не больше. И между тѣмъ все это выдавалось за чистую Христову истину, подтверждалось Писаніемъ. Естественно было поэтому сказать, что христіанинъ, если хочетъ быть христіаниномъ, долженъ самъ руководиться Откровеніемъ, а не передѣлывать послѣднее по своему произволу — если оно нигдѣ и никогда, т. е. даже и послѣ того, какъ явилась увѣренность въ истинности Откровенія вообще и въ такихъ вопросахъ, относительно которыхъ естественныя данныя познанія ничего не могутъ сказать, — не можетъ быть руководительнымъ началомъ, если мы во всякой отдѣльной истинѣ должны удовлетворяться естественными путями, то оно и не нужно, послѣдовательно его отвергнуть.

*) См. гл. I. Словоупотребленіе.

Но если такъ неопредѣленно слово *πίστις*, то если можетъ быть и не такъ неопредѣленны, то во всякомъ случаѣ не могутъ быть вполне отождествляемы съ тѣми словами, какими они обыкновенно передаются по-русски, и слова, обозначающія понятія противоположныя *πίστις*, какъ-то: *γνώσις*, *ἐπιστήμη*, *ἀπόδειξις*. Поэтому одной изъ главныхъ задачъ при выясненіи ученія Климента объ отношеніи того, что у него называется вѣрою и что знаніемъ, оказывается точное опредѣленіе и выясненіе на основаніи связи рѣчи самыхъ употребляемыхъ имъ указанныхъ обозначеній, не рѣдко имѣющихъ у него слишкомъ условное значеніе. Начнемъ разсмотрѣніемъ относящихся мѣсть первыхъ 6-ти главъ II книги Строматъ (указываемъ страницы по Венеціанскому изданію 1757 г.).

Во второй главѣ приводится нѣсколько опредѣленій или, лучше, разъясненій понятія вѣры, при чемъ имѣется въ виду показать, что напрасно считаютъ вѣру христіанъ пустою — *κενήν*. Последнее выраженіе можно относить какъ къ содержанію такъ и къ источникамъ и основаніямъ вѣры, и наконецъ къ ея дѣйствию на человѣка и, какъ видно, авторъ, относя его и къ тому, и другому, и къ третьему, показываетъ, что вѣра христіанъ на пуста. Прежде всего онъ ее опредѣляетъ такъ: *πίστις δὲ, ἣν διαβάλλουσι κενήν καὶ βάρβαρον, νομίζοντες οἱ Ἕλληνες, πρόληψις* *) *ἐκούσι ὅς ἐστιν, θεοσεβείας συγκατάθεσις, ἐλπίζομένων ὑπόστασις, πραγμάτων ἔλεγχος σὺ βλεπομένων*, вѣра же, на которую клеветаютъ Эллины, считая ее пустою и варварскою, есть свободное принятіе богопочитанія, сущность надежды, доказательство невидимаго.

Здѣсь очевидно, имѣется въ виду преимущественно то, къ чему относится вѣра т. е. фактъ или ея содержаніе съ субъективной же стороны, указывается лишь одинъ ея признакъ произвольность; Но за тѣмъ сряду приводится и другое мнѣніе — *ἄλλοι δ' ἀφα-*

*) Что слово *πρόληψις* само по себѣ не даетъ чего-либо опредѣленнаго для вывода, увидимъ ниже.

νοῦς πράγματος, говоритъ онъ, ἐνωτικὴν σοφικατάδεσιν ἀπέδω-
 καν εἶναι τὴν πίστιν, ὡσπερ ἀμέλει τὴν ἀπόδειξιν ἀγνοουμένου
 πράγματος φανεράν σοφικατάδεσιν. Другіе считали вѣру при-
 знаніемъ чего-либо не явнаго; тогда какъ доказательство явнымъ
 признаніемъ неизвѣстной вещи. Какъ очевидно, и здѣсь, хотя
 вѣра противопоставляется ἀπόδειξις у (доказательству) но о ея
 основахъ не говорится. Еще ниже читаемъ третью мнѣніе: Θεό-
 φραστος δὲ τὴν αἰσθησιν ἀρχὴν εἶναι πίστεώς φησι *), ἀπό-
 γὰρ ταύτης αἱ ἀρχαὶ πρὸς τὸν λόγον τὸν ἐν ἡμῖν καὶ τὴν
 διάνοιαν ἐκτείνονται. Теофрастъ же признаетъ источникомъ вѣ-
 ры ощущеніе, ибо отъ него исходятъ начала нашего разума и
 мысли. Но если такъ, если авторъ соглашается признать вѣр-
 нымъ положеніе, что источникъ увѣренности бываетъ непосред-
 ственное ощущеніе или чувство, что оно, понимаемое въ обыч-
 номъ смыслѣ, даетъ основныя, исходныя мысли, и называетъ эту
 увѣренность тѣмъ же словомъ πίστις, то очевидно, что онъ не
 думалъ, что вѣра должна быть непременно увѣренностью ни
 на чемъ неоснованною. Принявъ это опредѣленіе за исходную
 точку, мы должны будемъ лишь признать, что вѣра пред-
 ставлялась Клименту какъ непосредственная увѣренность въ
 чемъ-либо, хотя бы то въ самомъ очевидномъ и противопоста-
 вилась посредственному, иначе логическому доказательству, въ си-
 лу чего немного ниже и говорится: οὐκέτ' οὖν πίστις γίνεται
 δι' ἀποδείξεως ὀχυρομένη. Ни въ какомъ случаѣ вѣра не мо-
 жетъ подтверждаться доказательствомъ,—будучи непосредствен-
 нымъ даннымъ сознанія, она, очевидно, не нуждается въ даль-
 нѣйшихъ доводахъ

Что такая мысль дѣйствительно не чужда была автору, что
 онъ ее все таки зналъ, это видно уже изъ словъ III главы,—
 гдѣ послѣдователи Василида представляются считающими вѣру

---

*) Не лишнимъ считаемъ въ поясненіе привести сноску изъ изданія Миня:
 hoc a magistro suo Aristotele dicit Theophrastus: ejus enim
 sententia: nihil est in intellectu, quod non prius fuit in sensu.

τὰ μαθήματα ἀναποδείκτως εὐρίσκουσιν καταλήψῃ, изыскивающейю научныя положенія (непосредственнымъ) постиженіемъ помимо доказательствъ.

Очевидно, и здѣсь доказанное, какъ противопологаемое не бездоказательному, а лишь непосредственно постигаемому мыслию, можетъ означать лишь логически доказанное. Глава IV представляетъ развитіе подобныхъ же мыслей уже отъ лица самого Климента *). Истинное—читаемъ мы тамъ—является въ четырехъ видахъ: въ ощущеніи, умѣ, наукѣ, предположеніи. При этомъ по природѣ первымъ является умъ, по отношенію же къ намъ и для насъ—ощущеніе; изъ ощущенія же и ума составляется сущность науки; общее же у ума съ ощущеніемъ—это очевидность. И такъ вотъ вкратцѣ такъ сказать теорія познанія автора: основа всего нашего познанія непосредственное чувство, ощущеніе, оно даетъ содержаніе мысли, оно ближе къ намъ, съ него начинается познаніе, хотя разсматриваемый самъ по себѣ умъ по своей природѣ нѣчто болѣе первое, высшее сравнительно съ чувствомъ. Когда умъ упорядочиваетъ и систематизуетъ непосредственныя данныя чувства, происходитъ наука или знаніе,—ἐπιστήμη. Много въ ней обосновано и выведено логически, отъ того то, какъ увидимъ ниже, ее нѣкоторые называютъ ἀποδεικτικὴν εἶναι ὑπὸ λόγου—разумно обоснованною. Понятіе ὑπόληψις² а не выясняется, но, судя по употребленію этого слова въ другихъ мѣстахъ и даже непосредственно за приведеннымъ, оно означаетъ предположительное, не твердо обоснованное, лишь вѣроятное мнѣніе. Указавши виды знанія, авторъ опредѣляетъ вѣру, подводя ее подъ одинъ изъ этихъ видовъ и отличая отъ другихъ **), ощущеніе

*) Τεσσάρων δὲ ὄντων, ἐν οἷς τὸ ἀληθές, αἰσθησεως, νοῦ, ἐπιστήμης, ὑποληψεως, φύσει μὲν πρῶτος ἔ νοῦς, ἡμῖν δὲ καὶ πρὸς ἡμᾶς ἡ αἰσθησις, ἐκ δὲ αἰσθησεως καὶ τοῦ νοῦ ἡ τῆς ἐπιστήμης συνίσταται οὐσία, κοινὸν δὲ νοῦ τε καὶ αἰσθησεως τὸ ἐναργές.

**) Γоворя: ἀλλ' ἡ μὲν αἰσθησις ἐπιβάσθρα τῆς ἐπιστήμης ἡ

первая степень науки; вѣра же, прошедши чрезъ данныя ощущенія, оставляя предположеніе, спѣшитъ къ неложному и оставивается на истинѣ. Такимъ образомъ вѣра приравняется къ непосредственному ощущенію, говорится даже, что она начинается съ данныхъ чувства, — *διὰ τῶν αἰσθητῶν ὀδεύσασα*, и затѣмъ прямо противопологается нетвердому предположенію, въ противоположность послѣднему, она стремится къ несомнѣнному. Такимъ образомъ и здѣсь вѣра не мнѣніе, не предположенію, не ни начемъ неоснованная увѣренность; а чтобъ кто не сдѣлалъ съ этой стороны возраженія авторъ прибавляетъ *): если же кто скажетъ, что наука доказывается разумомъ, да услышитъ, что вѣдь и исходныя положенія недоказуемы.

И такъ вѣра не отличается основательностью отъ знанія; если она недоказуема, то въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ недоказуемы и основоположенія знанія, — эти *ἀρχαὶ* его, т. е. недоказуема лишь логически, такъ какъ мы только что видѣли мнѣніе, что источникъ этихъ *ἀρχῶν* познанія чувство, вѣчто непосредственно очевидное, противоположное не знанію вообще, какъ его понимаемъ мы, а лишь доказуемому логически, т. е. при посредствѣ ссылокъ на другія мысли и выводовъ изъ нихъ. Ниже приводится мнѣніе Аристотеля, прямо называющаго вѣру критеріемъ знанія, — вѣру понимаемую конечно въ томъ же смыслѣ непосредственной очевидности. *Κυριώτερον οὖν τῆς ἐπιστήμης ἢ πίστις*, заключаетъ нашъ авторъ, *καὶ ἔστιν αὐτῆς κριτήριον* (346) вѣра важнѣе

πίστις δὲ διὰ τῶν αἰσθητῶν ὀδεύσασα ἀπολείπει τὴν ὑπόληψιν, πρὸς δὲ τὰ ἀψευδῆ σπεύδει καὶ εἰς τὴν ἀλήθειαν καταμένει.
 Нѣкоторые, какъ напр. составители Венеціанскаго изданія, понимаютъ это выраженіе въ смыслѣ словъ: вѣра отъ слуха, но, какъ увидимъ, „слышать“ нашъ авторъ прямо отождествляетъ съ словомъ понимать и слѣдовательно самыя слова „отъ слуха“, судя по этому, по смыслу ихъ у Климента нужно понимать въ смыслѣ изъ непосредственнаго пониманія, такъ сказать ощущенія истины.

*) *Εἰ δέ τις λέγει τὴν ἐπιστήμην ἀποδεικτικὴν εἶναι ὑπὸ λόγου, ἀκουσάτω ἔτι καὶ αἱ ἀρχαὶ ἀναπόδεικτοι.*

науки и есть ея критерій, прибавляя вслѣдъ за тѣмъ: въ качествѣ оговорки, что съ вѣрою имѣеть лишь отдаленное сходство предположеніе, столь же имѣющее общаго съ вѣрой какъ волкъ съ собакой,—*ὑποκρίνεται δὲ τὴν πίστιν* говорить Климентъ *ἢ εἰκασία, ἀσθενῆς οὔσα ὑπόληψις, καθάπερ ὁ κολαξ τὸν φίλον καὶ ὁ λύκος τὸν κύνα*, отличая тѣмъ самымъ и здѣсь вѣру, какъ мнѣніе достовѣрное, твердо обоснованное, отъ предположенія—*εἰκασία*,—последнее лишь похоже на вѣру, какъ волкъ на собаку.

Если во всякомъ ремеслѣ и искусствѣ учащійся вѣритъ и слушается учителя, продолжаетъ авторъ, не тѣмъ ли болѣе должно повиноваться Божію слову. Повинованіе же это состоитъ въ вѣрѣ Ему,—*τὸ δὲ πείθεσθαι τῷ λόγῳ, ὃν διδάσκαλον ἀνηγορεύσαμεν, αὐτῷ ἐκείνῳ πιστεῦσαι ἐστὶ, κατ' οὐδὲν ἀντιβαίνοντα πῶς γὰρ οἶόν τε ἀνεπίστασθαι τῷ Θεῷ*. Такимъ образомъ признается и вѣра, основанная на довѣрїи авторитету,—но какому? Авторитету Бога. Эта мысль повторяется не разъ,—но развѣ она превращаетъ вѣру изъ знанія въ ни на чемъ неоснованное произвольное довѣріе? Если мы вѣримъ свидѣтельству людей—лѣтописцевъ, и не считаемъ исторію предметомъ слѣпой вѣры, то не тѣмъ ли болѣе вѣра Богу не можетъ считаться слѣпою. Могутъ сказать, на чемъ основывается самая мысль о Богѣ и Его Откровенїи? Авторъ здѣсь не касается этого вопроса; но изъ того, что онъ говоритъ въ иныхъ мѣстахъ, не можетъ быть сомнѣнія, что эта основная увѣренность въ бытіи Бога и Его Откровенія для него представлялась чѣмъ то такимъ, чему нельзя не вѣрить, чего нельзя не признавать.

Такъ на стр. 646 читаемъ: Изъ числа того, что мы желаемъ узнать, изслѣдовать, нѣкоторое требуетъ ощущенія, *πάλλιν τῶν ζητημάτων ἃ μὲν αἰσθήσεως δεῖται*—какъ напр. если бы кто хотѣлъ узнать, тепелъ ли огонь или бѣлъ ли снѣгъ; нѣкоторое же потребуеть вразумлѣнія и выговора—*νοῦθεσίας καὶ ἐπιπλήξεως*—какъ говоритъ Аристотель, какъ напр. вопросъ о

томъ, слѣдуетъ ли почитать родителей *). Нѣкоторое же достойно даже наказанія—*κολάσεως ἄξια*,—таково требованіе доказательствъ существованія Божественнаго Промысла—*ὁποῖόν ἐστι τὸ αἰτεῖν ἀποδείξεις, εἰ πρόνοιά ἐστι*. Но почему такъ? Именно потому, что эта истина очень близка всякому, а таковыя и Аристотель даже не считалъ нужнымъ доказывать, что Климентъ Александрійскій именно такъ думалъ, ясно изъ непосредственно слѣдующихъ словъ, если же кто и не видитъ, то какъ ослѣпшій или оглохшій нуждается въ исцѣленіи, а не въ доказательствахъ, равно какъ и огрубѣвшій настолько, что не сознаетъ никакихъ нравственныхъ обязанностей—въ перевоспитаніи всего душевнаго склада Σ VII кн. XVI, такъ и отрицающій Промыслъ нуждается въ подобномъ же. Если же есть промыслъ, говорить онъ, то думать, что всѣ пророчества и относящееся къ Спасителю домостроительство не было дѣломъ Промысла, нечестиво; и можетъ быть, прибавляетъ онъ, не нужно даже и стараться доказывать подобное, такъ какъ Божественный Промыслъ очевиденъ изъ всѣхъ непосредственно видимыхъ мудрыхъ и искусныхъ твореній,—*καὶ ἴσως οὐδὲ χρὴ τὰ τοιαῦτα πειράσθαι ἀποδεικνύναι, φανεραῶς οὕσης τῆς θείας προνοίας ἔκ τε τῆς ὀψεως τῶν ὀρωμένων πάντων τεχνικῶν, καὶ σοφῶν ποιημάτων καὶ τῶν μὲν τάξει γινομένων, τῶν δὲ τάξει φανερούμενων*. И затѣмъ какъ бы въ поясненіе этого прибавляетъ, что мы одарены разумомъ, чтобы жить разумно и нравственно,—*ὁ δὲ μεταδούς ἡμῖν τοῦ εἶναι τε καὶ ζῆν μετέδωκεν καὶ τοῦ*

---

*) Вотъ подлинныя слова Аристотеля: *Οὐ δεῖ δὲ πᾶν πρόβλημα, οὐδὲ πᾶσαν θεσιν ἐπισκοπεῖν ἀλλ' ἀπορήσειεν ἂν τις τῶν λόγων δεομένων καὶ μὴ κολάσεως ἢ αἰσθήσεως. οἱ μὲν γὰρ ἀποροῦντες, πότερον δεῖ τοὺς θεοὺς τιμᾶν καὶ τοὺς γονεῖς ἀγαπᾶν ἢ οὐ κολάσεως δέονται οἰδέ, πότερον ἢ χιῶν λευκῆ ἢ οὐ αἰσθήσεως οὐδὲ δεῖ ὧν σύνεγγυς ἢ ἀπόδειξις, οὐδὲ ἕν λίαν πόρρω τὰ μὲν γὰρ οὐκ ἔχει ἀπορίαν, τὰ δὲ πλείω ἢ κατὰ γυμναστικὴν.*

λόγου, λογικῶς τε ἅμα καὶ εὖ ζῆγγ ἐθέλων ἡμᾶς. Въ частности самое Божественное Слово не неизвѣстно даже тѣмъ, которые его не хотятъ признать—ὁ γὰρ τοῦ πατρὸς τῶν ὄλων λόγος..... οὐδὲ τοῖς μὴ ὁμολογοῦσιν ἀκατανόητος.

За Аристотелевымъ мнѣніемъ приводится Эпикурово: даже этотъ предпочтшій истинѣ наслажденіе, Эпикуръ, говоритъ авторъ: Считаетъ вѣру предвосхищеніемъ мысли, предвосхищеніе же объясняетъ, какъ устремленію (мысли) на вѣчто очевидное и на ясное понятіе предмета, и (признаетъ) что помимо предвосхищенія невозможно никому ни изслѣдовать, ни недоумѣвать, ни представлять, ни обличать *). Какъ бы мы теперь ни представляли себѣ это предвосхищеніе или πρόληψις: **) чѣмъ ли то непосредственно очевиднымъ или общепризнаваемымъ, служащимъ исходною точкою изслѣдованія и доказательства, или просто понятіемъ, или представленіемъ вещи, помимо всякаго утвержденія или отрицанія ея дѣйствительнаго бытія, безъ котораго очевидно, нельзя ни о чемъ ни мыслить, ни говорить, ни спорить, ни сомнѣваться, — несомнѣнно одно, что по своему

*) Πρόληψιν εἶναι διανοίας τὴν πίστιν ὑπολαμβάνει πρόληψιν δὲ ἀποδίδωσι ἐπιβολὴν ἐπὶ τι ἐναργές καὶ ἐπὶ τὴν ἐναργῆ τοῦ πράγματος ἐπίνοιαν· μὴ δύνασθαι δὲ μηδένα μήτε ζητῆσαι, μήτε ἀπορῆσαι, μηδὲ μὴν δοξάσαι, ἀλλ' οὐδὲ ἐλέγξει χωρὶς προλήψεως.

**) Диогенъ Лаоэцій (Епик. lib. 10 fig. 33) опредѣляетъ его такъ: Τὴν πρόληψιν οἰοῦναι κατάληψιν ἢ δόξαν ἐρεῖν ἢ ἐννοιαν ἢ καθολικὴν νόησιν ἐναποκειμένην, τουτέστιν μνήμην τοῦ πολλάκις ἐξῶθεν φανέντος. οἷον τὸ· Τοιοῦτόν ἐστιν ἄνθρωπος· ἅμα γὰρ τῷ ρηῖναι ἄνθρωπος, εὐθὺς κατὰ πρόληψιν καὶ ὁ τύπος αὐτοῦ νοεῖται προηγουμένων τῶν αἰσθήσεων, πᾶν οὖν πράγμα ἐνοματι τῷ πρώτῳ ἐπιτεταγμένῳ ἐναργές ἐστι· καὶ οὐκ ἂν ἐζητήσαμεν τὸ ζητούμενον, εἰ μὴ πρότερον ἐγνώκειμεν αὐτό. Цицеронъ въ de natura deorum lib. передаетъ πρόληψις словомъ anticipatio, говоря quae enim gens, aut quod genus hominum quod non habeat sine doctrina anticipationem quandam deorum? Очевидно здѣсь πρόληψις или anticipatio понимаются въ смыслѣ неяснаго, какъ бы невольнаго и, можетъ быть, врожденнаго предчувствія истины.

основанію вѣра религіозная не отличается отъ того, что принято называть знаніемъ,—она тоже основывается на подобной увѣренности или первоначальномъ представленіи предмета, безъ чего нельзя ничему научиться ничего узнать. „Если вѣра и говоритъ авторъ не иное что, какъ предвосхищеніе (предварительное воспріятіе) мысли о томъ, что говорится, и это-то и называется (въ св. Писаніи) послушаніемъ (слухомъ— вѣра отъ слуха), разумѣніемъ и увѣренностью, то очевидно никто не можетъ научиться безъ вѣры, такъ же какъ безъ предвосхищенія“ *). Въ 6-й главѣ приводится правда опредѣле-

*) *Εἰ τοίνυν ἡ πίστις οὐδὲν ἄλλο ἢ πρόληψις ἐστὶ διανοίας περὶ τὰ λεγόμενα καὶ τοῦτο ὑπακοή τε εἴρηται, σύνεσις τε πεισῶ, οὐ μὴν μαθήσεται τις ἄνευ πίστεως, ἐπεὶ οὐδὲ ἄνευ προλήψεως.* Правда здѣсь можно понимать это предвосхищеніе или πρόληψις лишь какъ самое понятіе о чемъ-либо, такъ какъ слова ἐπιβολὴ ἐπί τι ἐναργές могутъ быть истолкованы въ смыслъ яснаго представленія себѣ того или другаго мыслимаго, а не въ смыслъ очевидности, его истинности, въ послѣднихъ же словахъ ὑπακοή, какъ называетъ по Клименту πρόληψις Писаніе отличается отъ πεισῶ—увѣренности, которая обозначается словомъ σύνεσις; но въ виду того, что самъ авторъ говоритъ τὸ δὲ κατακοῦσαι συνεῖναι ἐστίν, а σύνεσις, какъ только что видѣли толкуется въ смыслѣ πεισῶ и слѣдовательно указанныя слова σύνεσις τε πεισῶ, согласно указанію Венеціанскаго изданія, можно читать σύνεσις τε καὶ πεισῶ, относя такимъ образомъ къ тому же πρόληψις' у, являющемуся такимъ образомъ вмѣстѣ и увѣренностью,—то, говоримъ, въ виду этого, можетъ быть вѣроятнѣе и πρόληψις, понимать въ смыслѣ той же непосредственной очевидности, тѣмъ болѣе, что и буква Эпикурова опредѣленія его со своимъ ἐναργές говорить за тоже. Самъ же Климентъ, какъ показываютъ его слова οὐδὲν αὐτοῦς (грековъ) ἢ πρόληψις τῆς οἰήσεως ἀναπείθει ἀπιστεῖν (Σ. I кн. XVIII) предзанятость мысли ни мало не даетъ повода имъ не вѣрить, понимать πρόληψις—въ смыслѣ увѣренности въ чемъ-либо. Впрочемъ весьма вѣроятно, что авторъ и не имѣлъ въ виду точнаго опредѣленія того, что такое вѣра, ему хотѣлось лишь показать, что она необходима и столько же нужна въ знаніи обычномъ, какъ и религіозномъ. Намъ поэтому кажется болѣе вѣроятнымъ допустить, что, заимствуя у Эпикура подтвержденіе лишь этой послѣдней мысли о тождествѣ и одинаковомъ достоинствѣ вѣры и знанія, авторъ въ самомъ понятіи „вѣра“ не упустилъ изъ виду момента увѣренности, хотя бы то Эпикуръ о немъ и не говорилъ, такъ какъ иначе онъ впалъ бы въ недоразумѣ-

ніе вѣры послѣдователями Василида, опредѣлявшими ее какъ *φυγῆς συγκατάθεσιν πρὸς τι τῶν μὴ κινούντων αἰσθησιν διὰ τὸ μὴ παρεῖναι*, признаніе душою чего-либо не возбуждающаго чувствъ по причинѣ отсутствія, но, какъ показываютъ слѣдующія слова, эта *συγκατάθεσις* не есть нѣчто ни на чемъ не основанное; хотя она и дѣло свободы, но не произвола,—мы вѣримъ Богу, который вѣренъ. Если жъ вѣрить—значить лишь предполагать, то почему философы считаютъ несомнѣнными свои мнѣнія? Поэтому, говоритъ авторъ, что вѣрить не значить довѣряться чему-либо безъ основанія. „Ибо произвольное довѣріе прежде доказательства не есть предположеніе, но довѣріе чему либо сильному но кто могущественнѣе Бога?“ „Невѣріе же есть слабое, отрицательное предположеніе противоположнаго, равно какъ недовѣріе есть состояніе, въ которомъ съ трудомъ усваивается вѣра“ *). Стало быть вѣра не слабое,—*ἀσθενής*, но твердое основательное положеніе,—*βεβαία ὑπόληψις*, имѣющее за себя сильныя данныя. Хотя бы мы вѣрили и помимо постороннихъ доводовъ, *πρὸ ἀποδείξεως* или лишь предварительному доказательству, какъ читаютъ другіе—*προαποδείξεως*, наша увѣренность не безосновательна,—оно доказательство въ вѣрности Бога. Въ томъ же смыслѣ говорится и дальше: Вѣра есть произвольное предположеніе и предвосхищеніе благоразумнаго предварительнаго пониманія..... довѣріе же—твердое воспріятіе чего-либо такого, въ силу чего мы вѣримъ тому, кому мы довѣряемъ во славу

ніе и сомель бы съ Христіанской точки зрѣнія,—вѣра не есть одно лишь представленіе истинъ Христіанскаго вѣроученія, а и увѣренность въ нихъ, равно и говорить язычникамъ, что для того, чтобъ что-либо узнать, прежде всего нужно услышать, получить представленіе о немъ, значило бы утверждать что 2 × 2 = 4, говорить на вѣтеръ, такъ какъ, очевидно, въ этомъ никто не могъ сомнѣваться.

*) *Οὐ γὰρ ἐστὶν ὑπόληψις ἢ ἐκούσιος πρὸ ἀποδείξεως συγκατάθεσις, ἀλλὰ συγκατάθεσις ἰσχυρῶ τι. τίς δ' ἂν εἴη δυνατώτερος Θεοῦ—тогда какъ невѣріе—ἢ δὲ ἀπιστία ὑπόληψις τοῦ ἀντικειμένου ἀσθενής, ἀποφατικῶς καθάπερ ἢ δυσπιστία ἕξις δυσπαράδεκτος πίστεως.*

Божію и во спасеніе; довѣряемъ же мы единому Богу, о которомъ знаемъ, что онъ дастъ обѣщанныя намъ блага *). При этомъ самое это убѣжденіе въ истинности слова Божія имѣеть еще другое основаніе: такъ какъ оно возвѣщаетъ настоящее, прошедшее и будущее, и такъ какъ настоящее свидѣтельствуеть вѣрность предсказаннаго, то мы вѣримъ и тому, что говорится въ этомъ пророчествѣ о прошедшемъ, и тому, что о будущемъ. Πεισὼ δὲ παρέχει ἡ ἐνεσθηκυία ἐνέργεια πρὸς τὴν βεβαίωσιν ἀμφοῖν τοῖν ἄκροισι т. е. прошедшему и будущему εἰ γὰρ ἴδη τελεῖται, τὸ δὲ πεπλήρωται, πιστὸν ἐντεῦθεν καὶ τὸ ἐλπίζόμενον καὶ τὸ παρωχηκὸς ἀληθές. (Σ II, XII) **). Такое же понятіе о вѣрѣ какъ непосредственной, не требующей доказательства очевидности, раскрывается и въ XVI гл. VII кн. Στρ. Если кто будетъ думать, что первое начало нуждается въ чемъ-либо иномъ для своего подтвержденія, то оно уже не будетъ первымъ началомъ. Τὴν ἀρχὴν δ' εἰ τις ἑτέρου δεῖσθαι ὑπολάβοι, οὐκέτ' ἂν ὄντως ἀρχὴ φυλαχθεῖη. Все обсуждаемое еще недостоувѣрно, прежде чѣмъ будетъ обсуждено, такъ что не можетъ быть началомъ нуждающагося въ обсужденіи поэтому естественно предавши недоказуемое начало вѣрѣ, съ избыткомъ получая доказательства перваго начала отъ самого начала мы воспитываемся глазомъ Господнимъ въ познаніе истины ***). Но это пер-

---

*) ἡ μὲν πίστις ὑπόληψις ἐκούσιος καὶ πρόληψις εὐγνώμονος προκαταλήψεως..... πεποιθήσις δὲ διάληψις βεβαία περὶ τίνος δι' ὃ πιστεύομεν, ᾧ ἂν πεποιθότες ὦμεν εἰς δόξαν θεῖαν καὶ σωτηρίαν· πεποιθᾶμεν δὲ τῷ μόνῳ Θεῷ, ὃν γινώσκομεν, ὅτι οὐ παραβήσεται τὰ καλῶς ἡμῖν ἐπηγγελμένα.

**) Если изъ одного пророчества нѣчто уже совершается, а нѣчто неполнилось, то отсюда достовѣрно и то, относительно чего надѣемся, и истинное прошедшее (о которомъ повѣствуетъ Писаніе).

***) Τὸ κρινόμενον δὲ πᾶν ἔτι ἄπιστον πρὶν κριθῆναι· ὅστ' οὐδὲ ἀρχὴ τὸ κρίσεως δεόμενον· εἰκότως τοίνυν πίστει περιβαλόντες ἀναπόδεικτον τὴν ἀρχὴν ἐκ περιουσίας καὶ τὰς ἀποδείξεις

вое начало, требующее вѣры, не бездоказательно, — нѣтъ оно выше доказательства, не нуждается въ немъ, оно не нѣчто *κρίσεως δεόμενον*, мы вѣримъ глагу Божію, но вѣримъ не слѣпо; ибо мы не просто внимаемъ говорящимъ людямъ, которымъ можно бы съ равнымъ правомъ и возразить; коль скоро недостаточно лишь просто высказать мнѣніе *), но подтверждаемъ иско-мое словами Господа, что составляетъ надежнѣйшее изъ всѣхъ доказательствъ, — или вѣриѣ: единственное доказательство **).

Но всего яснѣе раскрывается это понятіе о первыхъ недоказуемыхъ началахъ знанія въ III гл. VIII книги. При умозак-люченіи можетъ случиться, говоритъ авторъ, что или всѣ по-ложенія нуждаются въ доказательствахъ, или нѣкоторыя досто-вѣрны сами по себѣ — *ἢ καὶ τινα ἐξ αὐτῶν ἐστι πιστά*. Въ первомъ случаѣ, требуя для всякаго доказательства новаго до-казательства, мы пойдемъ въ безконечность, — *εἰς ἄπειρον ἐκβη-σόμεθα* — и такимъ образомъ разрушится самое доказательство, — *καὶ οὕτως ἀνατραπήσεται ἡ ἀπόδειξις*. Во второмъ случаѣ эти сами по себѣ достовѣрныя положенія будутъ исходными точка-ми доказательства — *ταῦτα αὐτὰ τὰ ἐξ αὐτῶν πιστά τῶν ἀπο-δείξεων ἀρχαὶ γενήσονται*. Потому-то философы и признають первыя начала недоказуемыми, такъ что если только есть дока-зательство, непременно прежде должно быть нѣчто достовѣрное само по себѣ, которое и называется первымъ и недоказаннымъ ***).

παρ' αὐτῆς τῆς ἀρχῆς περὶ τῆς ἀρχῆς λαβόντες, φωνῇ Κυρίου παιδευόμεθα πρὸς τὴν ἐπίγνωσιν τῆς ἀληθείας.

*) Т. е. если истина мнѣнія не самоочевидна.

**) *Οὐ γὰρ ἀπλῶς ἀποφαινομένοις ἀνθρώποις προσέχοιμεν, οἷς καὶ ἀνταποφαινέσθαι ἐπ' ἰσῆς ἔξεστιν· εἰ δ' οὐκ ἀρκεῖ μόνον ἀπλῶς εἰπεῖν τὸ δόξαν, ἀλλὰ τῇ τοῦ Κυρίου φωνῇ πιστούμεθα τὸ ζητούμενον, ἢ πασῶν ἀποδείξεων ἐχεγγωτέρα, μᾶλλον δὲ ἢ μόνῃ ἀπόδειξις οὕσα τυγχάνει.*

***) *Αὐτίκα οἱ φιλόσοφοι ἀναποδείκτους ὁμολογοῦσι τὰς τῶν ὅλων ἀρχάς· ὥστ' εἰπέρ ἐστὶν ἀπόδειξις, ἀνάγκη πᾶσα*

Такимъ образомъ всякое доказательство сводится на недоказуемую вѣру. Ἐπὶ τὴν ἀναπόδεικτον ἄρα πίστιν ἢ πᾶσα ἀποδείξις ἀνάγεται. Эти первыя начала сводятся или къ вѣрѣ *), или къ очевиднымъ, непосредственно даннымъ чувства и мысленія **). Такимъ образомъ во всемъ томъ, что изслѣдуется, есть нѣчто извѣстное напередъ, которое, будучи такъ или иначе достовернымъ само по себѣ, признается—буквально: вѣрится—помимо доказательствъ, которое и нужно дѣлать исходной точкой изслѣдованія и критеріемъ того, что имѣется въ виду доказать ***). Такимъ образомъ эта первая, недоказуемая вѣра не есть нѣчто буквально недоказуемое,—случись это, самъ авторъ признаеть. исчезнетъ и всякое доказательство,—нѣтъ, она недоказуема лишь логически, не получается въ качествѣ логическаго вывода изъ чего-либо другаго, но, будучи увѣренностью въ непосредственно-очевидной истинѣ, сама служитъ исходной точкой и критеріемъ доказательства. Правда VIII книга Строматы не всеми признается подлинною; но это не лишаетъ ея свидѣтельство полного значенія. Съ одной стороны, будучи произведеніемъ древности, вѣроятно близкой автору и считаеясь вполне тождественною по своимъ взглядамъ съ твореніями Климента—иначе ее не присоединили бы къ его твореніямъ—она

πρότερον εἶναι τι πιστὸν ἐξ ἑαυτοῦ, ὃ δὴ πρῶτον καὶ ἀναπόδεικτον λέγεται.

*) Должно быть религіозной.

**) Εἴεν δ' ἂν καὶ ἄλλαι τῶν ἀποδείξεων ἀρχαὶ μετὰ τὴν ἐκ πίστεως πηγὴν τὰ πρὸς αἰσθήσιν τε καὶ νόησιν ἐναργῶς φαινόμενα.

***) Εἰ πᾶσιν οὖν τοῖς ζητούμενοις ἔστι τι προγινωσκόμενον τὸ πάντως ἐξ ἑαυτοῦ πιστὸν ὄν, ἀναποδείκτως πιστεύεται ὃ χρὴ ποιῆσαι τῆς ζητήσεως αὐτῶν ὀρηγήσειον καὶ τῶν εὐρησῶσι δοκούστων χρητῆριον. Въ этомъ то смыслѣ и говорится, что всякое изслѣдованіе исходить изъ напередъ существующаго знанія,—πᾶσα γὰρ ζήτησις ἐκ προῦπαρχούσης εὐρίσκεται γνώσεως гл. IV. Эти ведущія свое начало отъ Аристотеля слова вовсе не значать, чтобы говорящій ихъ всякое знаніе сводилъ къ авторитету учителя и къ вѣрѣ въ этотъ послѣдній.

свидѣтельствуеть, что его понимали и въ древности не только писатель VIII книги, если только онъ не самъ Климентъ, но и другіе, какъ присоединившіе книгу къ твореніямъ послѣдняго, такъ и тѣ, кто не видѣлъ въ этомъ присоединеніи ничего страннаго, несомнѣннаго съ мыслью о единствѣ взглядовъ всякаго писателя во всѣхъ его твореніяхъ. А, надо полагать, читателей твореній Климента и читателей образованныхъ, было не мало. При всемъ томъ VIII книга, какъ видно изъ предыдущаго, не говоря ничего существенно новаго, лишь яснѣе и отчетливѣе излагаетъ то, что нельзя, если вздуматься, понимать иначе и въ прочихъ книгахъ Стромать. Такимъ образомъ вѣра дѣйствительно является у Климента *ἀληθῶν καὶ ψευδῶν κριτήριον*, (критеріемъ истины и лжи); но это вѣра не слѣбая, ни на чемъ необоснованная,—это непосредственная увѣренность въ непосредственно-очевидной, или вообще недопускающей сомнѣнія, истинѣ. Но если мы доселѣ приводили доказательства этой мысли до извѣстной степени отрицательнаго характера, указывая, что эта вѣра противопологается лишь логически доказуемому, а не вообще доказанному, то III гл. V книги Стромать доставить намъ и положительный доводъ,—она покажетъ, что мысль о непосредственной очевидности истинъ вѣры нашему уму была вовсе не чужда Клименту: И надвѣющійся подобно вѣрующему, *καὶ ὁ ἐλπίζων κατὰπερ ὁ πιστεύων*, читаемъ мы тамъ, умомъ видитъ мыслимое и будущее—*τῷ νοῦ ὁρᾷ τὰ νοητὰ καὶ τὰ μέλλοντα*. Когда мы теперь называемъ нѣчто справедливымъ, или прекраснымъ, или истиннымъ, мы никогда ничего такого не видимъ глазами, но лишь умомъ—*μόνον τῷ νοῦ*. Слово же Божіе говоритъ: Азъ есмь истина. Умомъ зрится слѣдовательно Слово—*νοῦ ἄρα θεωρητὸς ὁ λόγος*. Такимъ образомъ созерцаніе божественнаго Слова приравнивается къ созерцанію истины, красоты. Но чтобы кто не подумалъ, что это лишь игра словъ, приведемъ и слѣдующія слова: „Платонъ въ Федръ представляетъ истину идею: идея же понятіе о Богѣ—

ἡ δὲ ἰδέα ἐννόημα τοῦ Θεοῦ. Это-то и варвары называютъ. Словомъ Божіимъ—*ὅπερ οἱ βάρβαροι λόγον εἰρήκασι τοῦ Θεοῦ* *). Варвары, т. е. по словоупотребленію Климента, христіане. И такъ вотъ что у Климента называется вѣрою,—когда она противопологается знанію, доказательству, это непосредственное созерцаніе. Это мы видимъ и въ другихъ мѣстахъ. Такъ въ II кн. VI гл. говорится, что для обращенія грѣшника необходимо, чтобы онъ повѣрилъ, что грѣхъ то, чѣмъ онъ прежде былъ одержимъ.—*Ἐὰν γὰρ μὴ πιστεύσῃ ἀμαρτήματα εἶναι, ᾧ προκατεῖχεται, ἔδδὲ μεταθήσεται*. Вмѣсто „повѣришь“ мы, держась обычнаго словоупотребленія, сказали бы „сознать“, „убѣдиться“. Но такое же непосредственное созерцаніе душою истинности открываемаго Словомъ Божіимъ указываетъ и сравненіе дѣйствія послѣдняго съ дѣйствіемъ магнита на желѣзо, янтаря на мякину: (тамъ же)—для этого нужно сродство души съ дѣйствующимъ на нее Словомъ Божіимъ, сказать прямо, нужно, чтобы она была способна отозваться на Его призывъ, могла уразумѣть его, понять, такъ сказать, дивную прелесть того, къ чему призывается. Что это именно такъ нужно понимать, что вѣра не есть дѣло невѣдѣнія, равно какъ мы не можемъ и отговариваться имъ, но свободнаго выбора между извѣстнымъ это прямо говорится тутъ же,—*ἐφ' ἡμῶν τὸ παῖδεσθαι τε καὶ μὴ, ὡς μὴ ἔχειν ἄγνοϊαν προφασίσασθαι τινας* **).

За это же говоритъ вообще признаніе Климентомъ человѣка способнымъ къ боговѣдѣнію по природѣ, имѣющимъ данныя и какъ бы стремленіе къ вѣрѣ въ истину,—*ἀφορμὰς πρὸς πίστιν τ' ἀληθεῶς* (гл. XII). Въ частности истина бытія Божія и дѣйствительности Откровенія для него были, какъ мы уже не разъ видѣли, самыми несомнѣнными, такъ сказать, исходными

*) Подробнѣе объ этомъ см. философія отцовъ и учителей Церкви К. Скворцова. Періодъ апостоловъ стр. 228—232.

**) Отъ насъ зависитъ вѣрить или нѣтъ, такъ что никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ.

положеніями *), оттого-то ему достаточно было сослаться на свидѣтельство Писанія, чтобъ безповоротно доказать истину. Это не слѣпая вѣра, не вѣра въ авторитетъ, какъ такой **), это увѣренность въ очевидной, всѣми признаваемой—*ὁμολογουμένη*—истинѣ.—Очевидно, понимаемую въ такомъ смыслѣ вѣру не могутъ подтверждать (Σ. стр. 9, 41) никакія доказательства—онѣ сами изъ нея выходятъ—онѣ могутъ лишь опровергать противныя мнѣнія (I кн. гл. XX) и исполнять служебно-формальную, упорядочивающую и обосновывающую роль, стоя на почвѣ той же вѣры ***). Разумъ по

*) Если же Промыслъ, какъ мы видѣли выше, для него не нуждался въ доказательствахъ, то не тѣмъ ли болѣе эти еще болѣе общія истины.

**) Т. е. въ такой авторитетъ, истинность котораго недоказана, а которому вѣрятъ въ силу уваженія къ его силѣ и значенію вообще.

***) Есть мѣста, въ которыхъ, повидимому, утверждается противная мысль,—что доказательства, утверждаютъ вѣру. Таково напр. мѣсто VI гл. 1 кн. Στρ. *ὁ γὰρ ἀπὸ τῶν ἀποδείξεων λόγος ἀκριβῆ πίστιν ἐντίθησι τῇ ψυχῇ τοῦ παρακλοῦσῶντος, ὥστε μὴδ' ἂν ἄλλως ἔχειν τὸ ἀποδείξεν οἴεσθαι, τοῖς τε αὖ δι' ἀπάτην ὑποτρέχουσιν ἡμῖν ὑποπίπτειν οὐκ ἐᾷ.* (Ибо слово доказательства влагаеъ въ душу слушающаго несомнѣнную увѣренность въ томъ, что невозможно представлять себѣ доказанное иначе и не даеъ намъ спотыкаться.—намъ способнымъ подпадать обману). Но здѣсь само выраженіе *ὥστε μὴδ' ἂν ἄλλως ἔχειν τὸ ἀποδείξεν οἴεσθαι* (что невозможно себѣ представлять доказанное иначе) какъ бы уже даеъ намекъ на то, какого рода это доказательство—оно показываеъ несостоятельность противныхъ мнѣній и въ этомъ смыслѣ утверждаеъ вѣру. Такое подтвержденіе вѣры философіею Климентъ признаеъ прямо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится о томъ, что философія не дѣлаеъ вѣру, т. е. саму по себѣ, какъ исходное начало, тверже; I кн. XX читаемъ: *ἡ γοῦν σαφήνεια συνεργεῖ πρὸς τὴν παράδοσιν τῆς ἀληθείας καὶ ἡ διαλεκτικὴ πρὸς τὸ μὴ ὑποπίπτειν ταῖς κατατρέχούσαις αἰρέσεσιν. Αὐτοτελής καὶ ἀπροσδεῆς ἢ κατὰ τὸν Σωτῆρα διδασκαλίᾳ, δύναμις ἕσα καὶ σοφία τοῦ Θεοῦ· προσιούσα δὲ φιλοσοφία ἢ ἑλληνικὴ οὐ δυνατωτέρα πρὸς τὴν ἀλήθειαν, ἀλλ' ἀδύνατον παρέχουσα τὴν κατ' αὐτῆς σοφιστικὴν ἐπιχείρησιν καὶ διακρουμένη τὰς δολεράς κατα τῆς ἀληθείας ἐπιβολὰς φραγμὸς οἰκτεῖος εἶρηται καὶ τριγυκὸς εἶναι τοῦ ἀμπελώνος.* (Очевидность содѣйствуетъ передаванію истины, а диалектика не даеъ впадать въ ересь Ученіе Спасителя, будучи силою и премудростію Божию, самосовершенно и ни въ чемъ не нуждается; эллинская же философія, привходя, не самую истину усиливаетъ, но показывая безсиліе

пониманію нашего автора въ противоположность его вѣрѣ—это логика; знаніе, — γνῶσις — наука — ἐπιστήμη — это упорядоченныя, приведенныя въ систему данныя непосредственной очевидности — иначе вѣры. Естественно при такомъ пониманіи вѣры и знанія рѣзко противопоставлять ихъ оказывается невозможнымъ, онѣ такъ перепутываются и переплетаются, взаимно заходя одно въ область другаго, черная одно изъ другаго, что дѣлаются неотдѣлимы *),

софистическихъ уловокъ и разбивая льстивыя нападки на истину, является естественной оградой и охраной виноградника). При томъ надо имѣть въ виду широту значенія если отчасти и слова ἀπόδειξις, то тѣмъ болѣе слова πίστις, это послѣднее можетъ примѣняться вообще къ содержанію того, чему вѣримъ, въ которомъ многое можетъ быть выводимо и доказываемо на основаніи напр. Писанія логическимъ путемъ, что ни мало не противорѣчитъ мысли о недоказуемости вѣры, какъ увѣренности въ основныхъ положеніяхъ.

Тоже должно сказать и о нижеслѣдующихъ словахъ: Ἐὰ μὲν γὰρ εὖ λεγόμενα προσίεσθαι, τὰ δὲ ἀλλότρια μὴ προσίεσθαι ἢ ἀπλῶς ἢ πίστις, ἀλλ' ἢ περὶ τὴν μάθησιν πίστις ἐμποιεῖ. (Принимать хорошо излагаемое, а прочее не принимать заставляетъ не просто вѣра, а вѣра научная). Сказанное вполнѣ примѣнимо и тамъ, гдѣ принципъ вѣры остается недоказуемымъ, хотя бы то даже и въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ и тамъ, чтобы видѣть—что согласно съ этой вѣрой и что нѣтъ, нужно съ одной стороны хорошо знать ея содержаніе, съ другой быть пропнцательнымъ и не поддаваться выступающему подъ именемъ вѣры перетолкованію ея истинъ (какое именно и было у гностиковъ, равно какъ и вообще бываетъ у еретиковъ. Не иное что утверждается и во II главѣ той же книги, равно какъ и въ XI.

Книга VII гл. X ясно показываетъ здѣсь доказательство и знаніе, говоря: ἢ μὲν ἔν πίστις σύντομός ἐστιν, ὡς ἔπος εἰπεῖν, κατεπειγόντων γνῶσις, ἢ γνῶσις δὲ ἀπόδειξις τῶν διὰ πίστειος παρελημμένων ἰσχυρά καὶ βέβαιος, διὰ τῆς Κυριακῆς διδασκαλίας ἐποικοδομοῦ μένη τῇ πίστει εἰς τὸ ἀμετάπτωτον καὶ μετ' ἐπιστήμης παραπέμπουσα. И такъ вѣра есть сокращенное и такъ сказать, по необходимости знаніе, знаніе же—твердое и основательное доказательство того, что принято вѣрою, при посредствѣ ученія Господня основывающееся на вѣрѣ и возводящее къ устойчивому и научному пониманію Эта ἀπόδειξις вѣры, какъ видимъ сама ἐποικοδομεῖται τῇ πίστει, такъ что нѣтъ никакой надобности принимать вмѣстѣ съ Неандеромъ (dogmenge hichte томъ I стр. 67) будто-бы, говоря о доказательствахъ вѣры, Климентъ поддавался философскимъ понятіямъ Аристотеля, противорѣча своимъ собственнымъ словамъ въ другихъ мѣстахъ о вѣрѣ, какъ первомъ началѣ всякаго вѣдѣнія.

*) Чтобы не ввести кого въ заблужденіе сходствомъ выраженій, пояснимъ: знаніе обычное и знаніе вѣры вообще не отличаются существенно, но коль ско-

такъ что про нихъ приходится сказать, что ἔτε ἡ γυνῶσις ἄνευ πίστεως, οὐδ' ἡ πίστις ἄνευ γυνῶσεως, Σ. V. I гл.—ни знаніе безъ вѣры, ни вѣра безъ знанія.

Но если нельзя противупологать рѣзко, а тѣмъ болѣе разрывать вѣру и знаніе какъ элементы всякаго познанія, то тѣмъ менѣе можно противупологать знаніе вообще вѣрѣ религіозной; какъ то, такъ и другая равно состоятъ изъ двухъ составныхъ частей—изъ частей болѣе основной и начальной—στοιχειώδες-τέρως—непосредственной—интуитивной—увѣренности въ томъ или другомъ, и изъ начала формальнаго, упорядочивающаго, систематизирующаго данныя непосредственной увѣренности, показывающаго ихъ взаимныя логическія отношенія и т. д. разсудка или логики. Поэтому то и говорится, πιστὴ τοῦτον ἡ γυνῶσις, γυνῶσις δὲ ἡ πίστις; ибо какъ въ вѣрѣ религіозной, такъ и въ знаніи обычномъ равно αἱ ἀρχαὶ ἀναπόδεικτοι (начала недоказуемы) для разсудка и доступны лишь вѣрѣ—πίστει; равно какъ въ обычномъ знаніи на почвѣ этой вѣры развивается логически стройное, систематическое, выводное знаніе,—γυνῶσις ἐπιστήμη, точно также такое же знаніе можетъ развиваться и на почвѣ религіозной вѣры и въ дѣйствительности въ той или иной мѣрѣ и развивается какъ въ той такъ и въ другой, такъ какъ совершенно изгнать логическій элементъ изъ нашихъ представленій невозможно. При этомъ какъ въ обычномъ знаніи αἱ ἀρχαὶ (начала) его ἀναπόδεικτοι (недоказуемы) не безусловно,—напротивъ онѣ основа всякаго ἀποδείξεως (доказательства)—но лишь для логики, такъ и основныя истины религіи недоказуемы лишь въ этомъ же смыслѣ и всѣ разсужденія Климента по этому поводу клонятся лишь къ тому, чтобы показать, что вѣра религіозная ничѣмъ существеннымъ не раз-

---

ро подъ словами знаніе и вѣра разумѣются элементы того и другой, то они противупологаются; знаніе—это логика и при посредствѣ ея выводимыя положенія, вѣра—это данныя непосредственнаго сознанія, факты, общепризнанныя истины здраваго смысла.

нится отъ того, что называютъ знаніемъ; основныя ея истины, какъ то бытіе Бога, Промысла до того очевидны и свидѣтельствуется какъ непосредственнымъ сознаніемъ души, способной къ богопознанію, такъ и цѣлесообразнымъ порядкомъ внѣшней природы, что ихъ нѣтъ никакой нужды и доказывать, ихъ признаютъ всѣ почти невольно — *σχεδόν ἄκωντες*, — онѣ не недоступны даже тѣмъ, которые не хотятъ ихъ признавать, и что касается доказательности въ этомъ общемъ смыслѣ, то христіанское ученіе и развиваемая на основаніи его христіанская философія даже несомнѣннѣ философія естественной, она даже *ἀποδείξει χωριωτέρα* послѣдней (Σ. I кн. XX) *).

Отсюда понятенъ и взглядъ Климента на отношеніе и сравнительное достоинство вѣры и знанія, — знанія естественнаго и знанія, развивающагося изъ религіозной вѣры, изъ данныхъ Откровенія.

И естественное знаніе отъ Бога и можетъ достигать общихъ истинъ богопознанія, но въ силу человѣческой испорченности оно способно впадать въ заблужденіе и нуждается въ руководствѣ Небеснаго Учителя, — Божественнаго Слова (II т. 17). Отъ того то оно въ сравненіи съ откровеннымъ ученіемъ, христіанскою вѣрою, является низшимъ, служащимъ лишь подготовкой къ послѣдней, размягчающимъ и увлажжающимъ почву сердца, чтобы сдѣлать ее болѣе способною воспринять сѣмена истинъ вѣры, равно какъ служить и другими способами, главнымъ образомъ доставляя пользу вѣрѣ формальною своею стороною — логикою. Въ этомъ то смыслѣ и говорится, что оно, или частнѣе философія, является служанкою вѣры; это не значитъ, чтобъ оно должно было рабски подчиняться, противорѣча соб-

---

*) При всемъ томъ само собою разумѣется, что Климентъ былъ далекъ отъ мысли, что мы можемъ непосредственно и волюнѣ знать все въ области вѣры; многое, напр. полное познаніе Бога, намъ недоступно VI кн. X, XII, 124; равно, какъ мы уже видѣли, волюнѣ признавалъ и авторитетъ Писанія и даже (судя по нѣкоторымъ мѣстамъ) св. Церкви, но ясно, что все это съ его точки зрѣнія было волюнѣ послѣдовательно и не нарушало гармоніи его общаго взгляда.

ственнымъ даннѣмъ, требованіямъ вѣры; говоря такъ, Климентъ имѣлъ въ виду не столько то, что должно быть, сколько то, что есть, т. е. что философія служить богословію въ указанномъ выше смыслѣ, которое является по отношенію къ ней госпожей— *κυρία* какъ по полнотѣ и совершенству, такъ и по большей достовѣрности сообщаемыхъ имъ истинъ, является ея развитіемъ, точно также какъ сама философія служитъ завершеніемъ другихъ наукъ, которыя являются ея служительницами, тогда какъ она ихъ госпожа,— *δέσποια* (Σ. I кн. V гл.). Что касается другаго знанія—знанія развивающагося на почвѣ вѣры, которому собственно и приличествуетъ названіе истиннаго знанія, то оно, что и естественно, представляется у Климента высшимъ простой, немудрствующей вѣры, ея завершеніемъ и идеаломъ.

§ 5. Въ подобномъ же смыслѣ нужно понимать противоположеніе вѣры знанію, доказательству и у св. Василія Великаго. Это ясно изъ сказаннаго въ толкованіи 115 псалм. (I т. 525, 526) „Въ разсужденіяхъ о Богѣ преимущество принадлежитъ вѣрѣ,—вѣрѣ, а недоказательству—*πίστις καὶ μὴ ἀπόδειξις*. Вѣра, влекущая душу къ признанію, сильнѣе логическихъ доводовъ: вѣра, появляющаяся не въ силу геометрическихъ необходимыхъ положеній, а въ силу дѣйствія Духа. О имени Іисуса Христа Назарянина встань и ходи! За сѣмъ воззваніемъ слѣдовало дѣло силою Духа. Въ силу чуда признаніе Божества становилось необходимымъ для видящихъ. Что сильнѣе принуждаетъ къ признанію, скажи мнѣ, сплетенія предложеній, влекущія сообразный съ собою выводъ, или такое явно видимое чудо“. Ниже говорится, что по этой чертѣ,—т. е. что въ дѣлѣ вѣры не все доказывается, вѣра ничѣмъ не отличается отъ какой угодно науки, такъ какъ и въ нихъ первыя начала недоказуемы. „Необходимо, чтобъ во всякой наукѣ начала были лишены изслѣдованія для учащихся, ибо невозможно, чтобъ спорящіе относительно основныхъ положеній могли путемъ и по-

рядкомъ дойти до конца. И это можно услышать даже отъ виѣшнихъ. Ибо если не допустить съ геометромъ первыхъ началъ, невозможно ему будетъ довести до конца слѣдующее: И противящійся первымъ, и простѣйшимъ положеніямъ ариѳметики препятствуетъ дальнѣйшему пути. Равно начала врачебнаго искусства недоказуемы для врачей. И вообще въ какой бы то ни было наукѣ проходящимъ ее путемъ и порядкомъ до конца невозможно изыскивать доказательства первыхъ предположеній, но необходимо, принявши безъ изслѣдованій начала мыслительныхъ искусствъ, разсматривать слѣдующій изъ предположеннаго выводъ. Такимъ-то образомъ и таинство богословія требуетъ согласія на основаніи бездоказанной вѣры—*ἐκ τῆς ἀβασανίστου πίστεως*. Согласно съ этимъ и на страницѣ 302 считается достойнымъ смѣха стремящійся логикой доказать нерожденность Бога и другія подобныя общепризнаваемые истины, при чемъ основаніе этой мысли указывается въ томъ, что эти положенія, хотя недоказуемы въ смыслѣ логическомъ, много достовѣриѣе того, что доступно зрѣнію. *Πολλῶ γὰρ δὴ περ ταῦτα τῶν διὰ τῆς ὀψεως φαινομένων τοῖς σφραγισθῆν πιστότερα*. Въ виду этого весьма понятно будетъ и слѣдующее мѣсто т. I стр. 369: „Если станемъ все взмѣрять своимъ пониманіемъ и даже вовсе не предполагать существованія того, что не понятно для мысли, исчезнетъ награда вѣры, исчезнетъ награда надежды. Ибо какъ мы будемъ достойны блаженствъ предложенныхъ за вѣру въ невѣдомое, мы довѣряющіе лишь очевидному для мысли? Почему осуетились язычники и омрачилось ихъ несмысленное сердце? Не потому ли, что они, слѣдуя очевидному для мысли, не вѣрятъ проповѣди Духа?“ Мы знаемъ, что эта проповѣдь Духа выражалась равно какъ въ непосредственномъ дѣйствіи на сердце (I т. 230, 231), такъ и въ чудесахъ (525, 526),—такъ что все указанное нужно понимать не въ смыслѣ противоположенія доказательству вообще, а лишь въ смыслѣ противоположенія логическому выводу. Подобное можно сказать относительно

того, что говорится (стр. 408) по поводу словъ псалма 32 „всѣ дѣла Его въ вѣрѣ—*Πάντα τὰ ἔργα αὐτοῦ ἐν πίστει*. Равно если и—II т. 313—читаемъ: „вѣра есть признаніе безъ разсужденія слышимаго, въ полномъ убѣжденіи истины проповѣдуемаго благодатию Бога“, *) то и здѣсь слова въ полномъ убѣжденіи истины *ἐν πληροφορίᾳ τῆς ἀληθείας* ясно показываютъ истинный смыслъ сказаннаго.

§ 6. Разобранныя уже мѣста легко помогутъ намъ понять въ истинномъ свѣтѣ и слѣдующія два мѣста изъ твореній Григорія Богослова.

а) I т. 576: Если мы будемъ имѣть въ виду силу разума, оставивъ вѣру, и изысканіями разрушимъ достовѣрность, даруемую Духомъ—*τὸ τοῦ πνεύματος ἀξιόπιστον τοῖς ζητήσεσι λύσωμεν*—и разумъ будетъ побужденъ величіемъ предметовъ—а побужденъ будетъ во всякомъ случаѣ, потому что исходною точкою его является слабый органъ нашей мысли—что бываетъ? Слабость разума кажется недостаткомъ тайны—*τὸ ἀσθενὲς τοῦ λόγου τοῦ μυστηρίου φαίνεται* (т. е. εἶναι ἀσθενὲς) и такимъ образомъ происходитъ упраздненіе креста... ибо вѣра является пополненіемъ нашего разума—*ἡ γὰρ πίστις τοῦ κατ' ἡμᾶς λόγου πλήρωσις*. б) „Есть разумъ и въ томъ, чтобъ повиноваться разуму. Если все ясно, то гдѣ вѣра? Ибо вѣра есть согласіе безъ труда“ **) II т. 188.

Въ первомъ отрывкѣ одно выраженіе *τὸ τῆ πνεύματος ἀξιόπιστον* показываетъ, что требуемая вѣра основывается на

---

*) Причемъ не лишне обратить вниманіе на разъясненіе этихъ словъ на страницѣ 191 въ иномъ смыслѣ.

Πίστις μὲν οὖν ἐστὶ συγκατάθεσις ἀδιάκριτος τῶν ἀκουσθέντων ἐν πληροφορίᾳ τῆς ἀληθείας τῶν κηρυχθέντων Θεοῦ χάριτι.
Лат. пер. *veritatem eorum quae dei munere praedicata sunt persuasissimam habens.*

**) *Ἔστι λόγος καὶ τοῦτο πείθεσθαι λόγῳ, εἰ πάντα δῆλα, καὶ τὸ πιστεῦειν λέγει πίστις γὰρ ἐστὶν ἀπράγμων συνένεσις.*

достоверности, — только не на логической достоверности вывода, а на достоверности, подтверждаемой дѣйствіями благодати: непосредственнымъ просвѣщеніемъ сознанія или чудесами *), которыя утверждаютъ истину проповѣди Христіанства и въ частности боговдохновенность св. Писанія, изъ котораго, вѣруя, мы познаемъ недоступныя намъ непосредственно спасительныя тайны.

Во второмъ отрывкѣ достаточно обратить вниманіе на выраженіе: есть разумъ и въ томъ, чтобы повиноваться (или вѣрить — *πειθεσθαι λόγῳ*) разуму“, чтобы вѣрно понять — какова вѣра, о которой говорится ниже, — это и есть повиновеніе и довѣріе Высшему Разуму, Божественному Логосу, довѣріе въ томъ, что неочевидно непосредственно. Понимать такъ заставляетъ ходъ рѣчи и мысли; а между тѣмъ это довѣріе Божественному Разуму самъ св. Григорій называетъ разумнымъ, говоря: *ἔστι λόγος καὶ τὸτο πειθεσθαι λόγῳ*.

§ 7. Нѣчто подобное читаемъ у св. Златоуста, Иоан. бес. XXXVIII: „Вездѣ нужна намъ, возлюбленные, вѣра; вѣра мать всѣхъ благъ, врачевство ко спасенію; безъ нея ничего невозможно усвоить изъ высокихъ догматовъ. Подобно какъ люди, усиливающіеся переплыть море безъ корабля, хотя могутъ немного проплыть, дѣйствуя руками и ногами, но простираясь далѣе, скоро поглощаются волнами; такъ и тѣ, которые руководятся только собственнымъ разумомъ, прежде нежели чему-нибудь научаются, претерпѣваютъ кораблекрушеніе, какъ и Павелъ говоритъ, что нѣкоторые относительно вѣры подвергались кораблекрушенію (I Тим. 1, 19). Чтобы и намъ не потерпѣть, будемъ держаться сего священнаго якоря“. Здѣсь достаточно замѣтить, что все это говорится о „высокихъ догматахъ“, которыя мы узнаемъ изъ Откровенія, слѣдовательно въ силу

---

*) Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ отцы и учителя Церкви особенно часто понимали выраженія, подобныя указанному, какъ науч. доказательство Духа и Силы. См. тольк. привед. выр. св. Павла.

вѣры въ это послѣднее. А эта вѣра, какъ мы видѣли очень ясно выше, имѣетъ за себя многіе непререкаемые доводы.

§ 8. Нѣсколько подобныхъ мѣстъ видимъ и у св. Іоанна Дамаскина. Таковы напирямѣрь слѣдующія слова, утверждающія, что тутъ-то именно и проявляется вѣра, когда мы вѣримъ не только безъ данныхъ, но даже наперекоръ видимости и всякой вѣроятности: *Τὸτο γὰρ πίστις* — читаемъ мы въ толкованіи на посланіе св. Павла Венеціанск. изд. т. II стр. 252—*ὅταν τὰ πράγματα πρὸς τὸ ἐναντίον ἐκβαίνει καὶ τότε δεῖ πιστεῦσαι, ὅτι ἕδεν ἐναντίον γέγονεν, ἀλλὰ πάντα ἀκόλυθα*. Но здѣсь рѣчь идетъ о довѣренности обѣтованіямъ Божиимъ и вообще о твердомъ унованіи на помощь и всемогущество Божіе и слѣд. поскольку эта довѣренность разсматривается сама по себѣ, внѣ связи съ лежащимъ въ ея основѣ убѣжденіемъ въ бытіи, всемогуществѣ и вѣрности Бога,—о каковомъ убѣжденіи здѣсь ни слова—относится къ области нравственно дѣятельной (хотя прежде всего конечно области внутренней), и слѣд. нашего вопроса не касается. При томъ вѣрить обѣтованіямъ Божиимъ, на основаніи убѣжденія въ истинности Слова Божія, но значить вѣрить безотчетно. Нельзя что-либо выводить о необходимости безотчетной вѣры и изъ слѣдующихъ словъ въ началѣ XI гл. IV кн. изд. правосл. вѣры: „Безъ вѣры невозможно спастись. На вѣрѣ основывается все, какъ человѣческое, такъ и духовное. Безъ вѣры и земледѣлецъ не проводитъ бразды на землѣ и купецъ не ввѣряетъ жизни своей малому древу на бурной глубинѣ мореккой; безъ вѣры и браки не заключаются и ничего другаго въ жизни не предпринимается. Вѣрою познаемъ, что все приведено изъ небытія въ бытіе силою Божіею; вѣрою совершаемъ всѣ дѣла какъ божескія, такъ и человѣческія. Вѣра есть согласіе безъ всякой пытливости.

Если имѣть въ виду весь отрывокъ, то очевидно, что здѣсь вѣра понимается не какъ нѣчто вполне безотчетное, но скорѣе какъ довѣріе къ тому, что неочевидно непосредственно чув-

ствамъ и не можетъ быть доказано исключительно логическимъ или даже—въ крайнемъ случаѣ—вообще естественнымъ путемъ. По крайней мѣрѣ непремѣнно выводить что-либо большее не приходится. Въ самомъ дѣлѣ, во первыхъ самое сравненіе съ увѣренностью земледѣльца показываетъ, что вѣра не ни на чемъ не основывается,—увѣренность земледѣльца въ томъ, что посѣвъ принесетъ въ свое время жатву слѣдствіе многолѣтняго опыта всего человѣчества. Не безъ данныхъ, конечно, ведутся и торговныя предпріятія, и брачныя дѣла, и все въ человѣчествѣ. Что наконецъ касается увѣренности въ томъ, что „все приведено изъ небытія въ бытіе силою Божіею“, то это, имѣя въ виду изл. Пр. в. кн. I, гл. III, можетъ быть названо вѣрою лишь въ томъ смыслѣ, что касается такого событія, котораго мы сами не видали, такъ какъ, что касается разумныхъ доводовъ за указанное положеніе, то въ упомянутой главѣ самъ св. Іоаннъ считаетъ мысль о тварности и въ частности сотворенности Богомъ всего измѣняемаго непосредственно и при томъ настолько несомнѣнно очевидно для всякаго мыслящаго истинною, что кладетъ ее въ основу доказательства бытія Божія. Наконецъ самыя слова: „вѣра есть согласіе безъ всякой пытливости“ такъ рѣзко говорящими являются лишь въ русскомъ переводѣ, а не въ греческомъ подлинникѣ. Русскій переводъ на первый взглядъ какъ будто слѣдуетъ латинскому, передающему означенныя слова такъ *Fides porro est assensus omni curiosa inquisitione vacans*; но и это только на первый взглядъ, ибо послѣдній не говоритъ, что вѣра—*assensus omni inquisitione vacans*, согласіе помимо всякаго изысканія, но *omni curiosa inquisitione*, т. е. согласіе помимо всякаго возбуждаемаго любопытствомъ изысканія, а это далеко не одно и то же, равно какъ и не одно и то же сказать, что „вѣра есть согласіе безъ всякой пытливости“ *) или сказать: *πίστις δὲ ἐστὶν ἀπολυπραγμόνητος*

*) Впрочемъ если слово „пытливость“ отождествляется съ понятіемъ *curiosa inquisitio*, тогда русскій переводъ придется признать точнымъ, хотя, какъ

συγκατάθεσις. согласіе помимо излишней мелочной привязчивости

При томъ и здѣсь нужно имѣть въ виду, что эта незанимающаяся большими изысканіями вѣра коренится на довѣріи къ Богу, каковое довѣріе, по мысли І. Дамаскина, вполне разумно. Правда и эта мысль какъ будто отвергается непосредственно предшествующими приведенному отрывку словами; но еслибы это было и такъ, то это свидѣтельствовало бы лишь о противорѣчии Дамаскина себѣ, не отвергая нашихъ утвержденій, такъ какъ мы выше видѣли, что самъ св. Дамаскинъ признавалъ нѣчто совсѣмъ противное. Но думаемъ что можно объяснить дѣло и безъ указанія на противорѣчіе. Вотъ слова, о которыхъ говоримъ: „Все Божественное выше естества, слова и разума—*πάντα γὰρ τὰ τῆ Θεῆ ὑπὲρ φύσιν εἰσὶ καὶ λόγον καὶ ἔννοιαν*. Напримѣръ, кто станетъ разсуждать, какъ и для чего Богъ все привелъ изъ небытія въ бытіе? и захочетъ постигнуть сіе естественнымъ разумомъ—*φυσικῶς λογισμοῖς*—тотъ не постигнетъ, потому что такое знаніе есть душевное, бѣсовское—*δαμονιώδης*. Но кто руководствуясь вѣрою, будетъ размышлять о благодати, всемогуществѣ, истинѣ, премудрости и правдѣ Божіей, для того все будетъ гладко и ровно, и онъ найдетъ путь прямой“. Эти слова можно понимать или въ томъ буквальныйномъ смыслѣ, какой представляется на первый взглядъ, т. е. все что относится до Божества, для насъ непостижимо иначе, какъ при посредствѣ вѣры, которая тѣмъ самымъ признается слѣпою *),—и тогда это противорѣчило бы почти всему тому, что мы до сихъ поръ видѣли—или здѣсь можно видѣть лишь преувеличеніе, гиперболу,—и тогда слѣд. противорѣчіе окажется лишь въ словахъ, а не въ мысли. Наконецъ возмо-

---

очевидно, онъ лишится въ такомъ случаѣ своей рѣзкости и слѣд. по отношенію къ нашему выводу все останется по прежнему.

*) Ибо если она можетъ имѣть доводы, то нельзя будетъ сказать, что все Божественное выше разума.

жень и третій видъ пониманія,—слова φύσις, φυσικός, ἀνθρώπινος можно понимать не въ широкомъ, а въ тѣсномъ смыслѣ. Именно φύσις, передаваемое, какъ видимъ, словомъ „естество“, можно передать словомъ „природа“, которое равно какъ и φύσις можетъ означать и природу вообще, а слѣд. и Божескую, (ибо выраженія: φύσις τοῦ Θεοῦ, θεία φύσις вполне возможны по гречески)—и въ тѣсномъ смыслѣ природу тварную, и даже еще тѣснѣе: внѣшнюю, видимую. Равно и φυσικός можетъ означать какъ вообще естественный, природный, такъ и въ тѣсномъ смыслѣ: относящийся ко внѣшней природѣ, физическій. Также и ἀνθρώπινος, употребляемое немного выше выписанныхъ нами словъ, можетъ значить какъ вообще человѣческой, такъ вмѣстѣ въ виду выраженія; κατ' ἀνθρώπου λέγειν, свойственный большинству, ходячій, общеупотребительный, примѣняющійся къ обычному людскому смыслу, къ понятіямъ толпы. Если теперь понимать всѣ указанныя выраженія въ упомянутыхъ тѣсныхъ смыслахъ, то дѣло приметъ иной видъ,—вѣра будетъ противопоставляться не человѣческому и естественному смыслу, но недалекому смыслу большинства, ходячимъ близорукимъ взглядамъ, не могущимъ подняться выше видимости и заимствованныхъ изъ внѣшней природы представлений о Божествѣ. А что здѣсь дѣйствительно приходится указанныя выраженія принимать въ тѣсномъ смыслѣ, за это говоритъ связь рѣчи; именно: φύσις здѣсь противопоставляется Богу, слѣдовательно это, если уже не φύσις τῶν ὀρατῶν, то во всякомъ случаѣ φύσις πάσης τῆς κτίσεως (природа твари) и уже никакъ не φύσις τοῦ Θεοῦ (не божественная природа). Равно и φυσικός, не относящійся къ природѣ вообще, а слѣдоват. и Божеской, но по крайней мѣрѣ лишь тварной и человѣческой. Но даже и не къ человѣческой во всемъ ея объемѣ, равно какъ и ἀνθρώπινος, неотносящійся къ человѣческой природѣ вообще, ибо въ этомъ смыслѣ и о вѣрѣ, противопоставляемой здѣсь φυσικοῖς καὶ ἀνθρώπινους λογισμοῖς, (естественнымъ человѣческимъ разсужденіямъ), какъ о чемъ-то

такимъ, что свойственно человѣку, относится къ нему; вообще говоря можно сказать, что она *ἀνθρώπινόν ἐστι*, — нечто человеческое. За такое же пониманіе говорить и то, что мысли о благодати, всемогуществѣ, истинѣ, премудрости и правдѣ Божіей противопоставляются человеческимъ измышленіямъ, а между тѣмъ всѣ эти мысли были уже у Платона и Аристотеля, чего св. Іоаннъ не могъ не знать. Наконецъ самое выраженіе русскаго перевода „естественный разумъ“ можетъ быть передано и иначе; *φυσικῆς λογισμῆς* можно едва ли не съ большею вѣроятностію мысли передать и такъ, какъ видимъ въ латинскомъ переводѣ — *naturalibus rationibus*. Сказано не *ratione*, что было бы согласно съ русскимъ переводомъ, но *rationibus*, т. е. доводами, посылками, данными для доказательства и т. п., а это уже не одно и то же: тогда какъ сказать физическій разумъ было бы странно и не совсѣмъ понятно, сказать физическое доказательство было бы сравнительно и не странно и довольно ясно, — это доводъ, доказательство заимствуемое, выходящее изъ данныхъ внѣшней физической природы.

Понимая всѣ разобранныя слова въ предполагаемомъ нами смыслѣ, мы получимъ изъ всего отрывка такой смыслъ: для обычнаго, ходячаго человеческого смысла, имѣющаго дѣло лишь съ видимымъ и тварнымъ и не могущаго подняться выше обыденныхъ, навѣваемыхъ внѣшнею природою и обычными житейскими отношеніями, представленій, какъ-то напр. о томъ, что ничего не бываетъ изъ ничего, что никто ничего не дѣлаетъ безкорыстно, — для такого обыденнаго смысла непонятно то, что относится къ Божеству, какъ-то твореніе изъ ничего и по одной благодати, помимо всякой нужды въ тваряхъ. Очевидно, принимая приведенное мѣсто такъ, мы не будемъ уже въ состояніи сказать, чтобы оно противорѣчило чему-нибудь изъ выше приведенныхъ нами мыслей св. Іоанна. Правда, противорѣчія не оказалось бы и при признаніи въ разбираемыхъ словахъ лишь гиперболы; а въ крайнемъ случаѣ, самое про-

творѣчіе, какъ мы уже замѣтили, говорило бы именно лишь о промахѣ, случайномъ противорѣчіи—не больше, (ибо одно мѣсто не могло же бы уничтожить столь ясныхъ и опредѣленныхъ мѣстъ противнаго характера), тѣмъ не менѣе, въ виду той извѣстной учености, и именно учености философскаго, и въ частности логическаго характера, какою обладалъ св. Іоаннъ съ одной стороны, и въ виду той осторожности, съ какою онъ, какъ то показываетъ его предисловіе къ діалектикѣ, писалъ свой „источникъ знанія“—съ другой, мы не рѣшаемся признать въ указанныхъ словахъ не только противорѣчія автора себѣ, но даже и сильнаго и ничѣмъ особымъ неоправдываемаго преувеличенія. Поэтому мы можемъ лишь допустить что разбираемая мысль о непостижимости для насъ вообще Божественнаго, являясь здѣсь лишь вводною и пояснительною, въ качествѣ какъ бы общаго введенія къ разсужденію о величайшемъ таинствѣ Христіанства, крестѣ Господнемъ,—выражена не совсѣмъ точно.

в) Мѣста, дѣйствительно говорящія за допустимость болѣе или менѣе безотчетной вѣры.

§ 1. Прежде всего за допустимость болѣе или менѣе безотчетной вѣры говорятъ указанія на дѣйственность церковной жизни, именно на то, что вѣрующими весьма часто являлись люди недалекіе и даже вовсе безграмотные. Что это дѣйствительно такъ было, дѣло весьма извѣстное, и потому мы удовольствуемся лишь немногими указаніями на это. Такъ уже св. Іустинъ говоритъ, ап. I, 60: „у насъ“, т. е. христіанъ, „можно слышать и знать это“—то, чему учили и философы и что составляетъ тайны вѣры, въ данномъ случаѣ ученіе о Святой Троицѣ—„отъ тѣхъ, которые и буквъ не знаютъ, отъ людей неученыхъ и говорящихъ варварскимъ языкомъ, но мудрыхъ и исполненныхъ вѣры по духу—*σοφῶν καὶ πιστῶν τὸν νοῦν ἔχοντων*—при всемъ томъ, что нѣкоторые даже слѣпы и лишены зрѣнія“. Подобн. ап. II, 10. Разг. 7, 58.

Равно и Климентъ Александрийскій въ Протретику́ говоритъ, что принятію вѣры ничто не мѣшаетъ „ни необразованіе, ни бѣдность, ни безславіе, ни отсутствіе имущества.....— ἐμποδῶν γὰρ ἴσταται οὐδὲν τῷ σπεύδοντι πρὸς γινῶσιν Θεῶ, οὐκ ἀπαιδία, οὐ πενία, οὐκ ἀδοξία, οὐκ ἀκτημοσύνη..... ὁ Χριστός ἐστι πανταχοῦ σωτήριος. Пр. X. Равно Σ. I кн. VI, 729 прямо говорится: καὶ ἄνευ γραμμάτων πιστὸν εἶναι δυνατὸν φαρμεν. (Признаемъ возможнымъ быть вѣрнымъ и безъ азбуки). А въ Σ. I кн. XX прибавляется, что почти все такъ и вѣрятъ: просто и безъ доказательствъ,—σχεδὸν οἱ πάντες, читаемъ мы тамъ, ἄνευ τῆς ἐγκυκλίου παιδείας καὶ φιλοσοφίας τῆς ἑλληνικῆς, οἱ δὲ καὶ ἄνευ γραμμάτων, τῇ δεῖα καὶ βαρβάρῳ κινηζέοντες φιλοσοφία, δυνάμει τοῦ Θεῶ τὸν περὶ πίστεως παρελήφαμεν λόγον, αὐτοῦργῆ σοφία πεπαιδευμένοι. (Почти все мы безъ общаго образованія и эллинской философіи, а иные и безъ азбуки, будучи тронуты божественною и чуждою философіею, приняли слово вѣры силою Божіею, будучи научены самою премудростію). Подобн. Ир. Лионск. III кн. IV, 2, утверждается, что варвары вѣрують даже не имѣя Писанія.

И это, какъ видимъ, говорятъ писатели Церкви болѣе другихъ, повидимому, склонные возвышать значеніе разума и полной сознательности въ дѣлѣ вѣры.

§ 2 За тѣмъ не рѣдко можно видѣть утвержденіе мысли, что если уже выбирать между ученымъ заблужденіемъ или безвѣріемъ, и простой, недалекою вѣрою, то несравненно лучше избирать послѣднюю, чѣмъ первое. Такъ Иринею Лионскою: „Лучше и полезнѣе оставаться простыми и малознающими, и приближаться къ Богу посредствомъ любви, нежели считая себя многознающими и очень опытными, оказываться хулителями своего Бога, сочиняя себѣ другаго Бога Отца“ *). И потому-то Павелъ и восклицаетъ: „знаніе надмеваетъ, а любовь назидаетъ“; не то, чтобы онъ порицалъ истинное знаніе о Богѣ, ибо

*) Имѣются въ виду гностики.

иначе онъ обвинилъ бы перваго самого себя—но онъ зналъ, что нѣкоторые, надмѣваясь подъ предлогомъ знанія, оставляютъ любовь Божію и, считая себя совершенными, вводятъ несовершеннаго творца, и потому, отвѣкая ихъ тщеславіе такимъ знаніемъ, говорить: знаніе надмѣваетъ, а любовь назидаетъ. Но самое большое надмѣніе состоитъ въ томъ, когда кто считаетъ себя лучше и совершеннѣе Того, Кто создалъ его, даровалъ ему дыханіе жизни и это самое призвалъ въ бытіе. И такъ гораздо лучше, какъ я сказалъ, если кто-либо, ничего не зная, не постигая ни одной причины, почему какая-либо изъ сотворенныхъ вещей создана, вѣруеть въ Бога и пребываетъ въ любви къ Нему, чѣмъ надмѣвался такимъ знаніемъ, отпадать отъ любви, которая животворитъ человѣка; (лучше) если онъ не гонится ни за какитъ другимъ знаніемъ, кромѣ знанія Иисуса Христа Сына Божія, распятаго за насъ, чѣмъ чрезъ хитрые вопросы и тонкія рѣчи впадать въ нечестіе“.

Подобно и Тертуліанъ считаетъ лучшимъ мало знать и быть недалекимъ, чѣмъ быть порочнымъ и заблуждаться, говоря—*et tamen malim eam partem t. e. simplicem et stultum esse—meliori sumi vitio adv. valent. II.* Тѣмъ болѣе это необходимо помнить тамъ, гдѣ стремленіе къ познанію превышаетъ наши силы и мѣру Божественнаго Откровенія; такъ въ сочин. *de animad*, читаемъ: кто откроетъ сокровіе Богомъ? Потому нужно знать и то, гдѣ безопаснѣе всего даже не знать. Лучше по Богу не знать, что не открылъ, чѣмъ по человѣку знать, что онъ самъ измыслилъ. Подобно и Василій Великій II т. 370, изъ словъ Господа Мато. 18, что лучше хрому и безрукому войти въ царство небесное, чѣмъ имѣя всѣ члены быть ввержену въ геенну, дѣлаетъ выводъ, что нужно щадить слабыхъ въ вѣрѣ и заботливо и осторожно возводить къ совершенству.

§ 3. Но лучше всего и полнѣе представляется въ своемъ истинномъ свѣтѣ мысль о допустимости вѣры безотчетной у Оригена и бл. Августина. вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ приводятъ

ся и разумныя данныя за такую допустимость. Такъ Оригенъ, отвѣчая Цельсу на его возраженіе, будто бы Христіане считаютъ глупостью всякую мудрость въ мірѣ и требуютъ слѣпой вѣры, говорятъ: не изслѣдуй, а вѣрь—*μη ἐξετάζε, ἀλλὰ πίστευσον* ссылается на невозможность для всѣхъ вѣрить разумно. „Еслибъ можно было всеѣмъ, говорить онъ на стр. 9, оставивъ житейскія дѣла, заниматься философіею, не слѣдовало бы идти никакимъ инымъ путемъ, какъ только этимъ—ибо въ Христіанствѣ найдется не мало достойнаго и требующаго изслѣдованія и разъясненія, но такъ какъ это невозможно—*εἰ δὲ τοῦτο ἀμύχανον*—въ виду того, что то по житейской нуждѣ, то по человеческой немощи лишь немногіе способны пользоваться разумомъ, то какой можно найти болѣе лучшей способъ помочь большинству, чѣмъ тотъ, какой далъ Иисусъ язычникамъ? „Лучше ли, продолжаетъ онъ, допустить, чтобы вѣрящіе слѣпо—*ἀλόγως πιστεύουσι*—жили честно, чѣмъ не допускать ихъ до обращенія съ одною вѣрою—*μετὰ ψιλῆς πίστεως*—пока не начнутъ изслѣдовать? *ἕως ἂν ἐπιδῶσιν ἑαυτοὺς ἐξετάσει λόγῳ;*“ явно, что большинство, за исключеніемъ немногихъ, не получить и того, что получило отъ простой вѣры—*ἐκ τοῦ ἀπλῶς πεπιστευμένῃ*—но будетъ пребывать въ худшей жизни“. При томъ ничто полезное въ людяхъ не происходитъ безъ Бога—*ὐδὲν γὰρ χρήσιμον ἐν ἀνθρώποις ἄδει γίνεται* а слѣд. и исцѣленіе душъ отъ Бога, а слѣд.—долженъ быть таковъ, хотя не высказывается прямо, выводъ—и простая вѣра. Поэтому-то, заключаетъ мудрый учитель Александріи, мы принимая простую вѣру, какъ полезную для большинства, признаемъ, что учимъ вѣрить и слѣпо—*ὁμολογῆμεν διδάσκειν πιστεύειν καὶ ἀλόγως*—тѣхъ, кто не можетъ, оставивъ все, предаться разумнымъ изслѣдованіямъ. Они же—т. е. Цельсъ и ему подобные—не сознаваясь въ этомъ, поступаютъ такъ на дѣлѣ—*ἐκεῖνοι δὲ τῆτο μὴ ὁμολογοῦντες τοῖς ἔργοις αὐτὸ ποιοῦσι.*

Ниже (стр. 10), какъ на доводъ за допустимость простой вѣры, Оригенъ указываетъ на то, что безъ такой вѣры нельзя

обойтись и въ обычныхъ житейскихъ дѣлахъ, „ибо кто пускается въ плаваніе, или жепится, или рождаетъ дѣтей, или бросаетъ сѣмена въ землю, не вѣря, что дождется лучшаго, тогда какъ возможно, что произойдетъ и противное, какъ то иногда и бываетъ“?

Тѣмъ болѣе слѣдуетъ вѣрить Богу и тому, кто училъ Его одинаго почитать, хотя иной впрочемъ можетъ найти и разумныя доказательства такой вѣры. По подобному же поводу и на стр. 141 говорится: „какой же смыслъ въ упрекѣ, дѣлаемомъ намъ Цельсомъ, будто мы говоримъ: не ходи къ намъ никто ни ученый, ни мудрый, ни смышленный? Пусть приходитъ и ученый, и мудрый, и смышленный, если хочетъ,—но ни чуть не меньше пусть приходитъ, если кто и неученъ, и несмысленъ, и необразованъ, и глупъ—*ἀλλὰ προσίτω μὲν πεπαιδευμένος καὶ σοφὸς καὶ φρόνιμος ὁ βουλούμενος, οὐδὲν δ' ἧττον προσίτω καὶ εἴ τις ἀμαθῆς καὶ ἀνόητος καὶ ἀπαιδευτος καὶ νήπιος*— ибо Слово обѣщаетъ исцѣлить и таковыхъ входящихъ, дѣлая всѣхъ достойными Бога. Вмѣстѣ ложь и то, что преподающіе божественное ученіе стремятся убѣждать лишь глупцевъ, и низкородныхъ, и несмысленныхъ, и рабовъ, женъ и дѣтей. Ибо Слово призываетъ и ихъ, чтобы улучшить, но призываетъ и тѣхъ, кто много ихъ превосходитъ, такъ какъ Христосъ—Спаситель всѣхъ людей, особенно же вѣрныхъ, какъ одаренныхъ смысломъ такъ и простацевъ“ *).

§ 4. У бл. Августина во многихъ мѣстахъ утверждается необходимость допускать различныя степени вѣры, и въ частности вѣру, основанную на довѣрїи сообщающему ее, т. е. такъ называемую вѣру авторитета. Особенно подробно развиваются от-

*) Подобно и на стр. 281 читаемъ: не всякому входящему, говоримъ мы, повѣрь—*πρῶτον πίστευσον*—что тотъ, о комъ я, тебѣ говорю, Сынъ Божій, но обращаемся со всякимъ (стр. 282) сообразно его нраву и состоянію уча, какъ слѣдуетъ отвѣчать намъ всякому. Но есть и такіе, которымъ мы, какъ не способнымъ ни къ чему другому кромѣ довѣрїя, проповѣдуемъ это самое, къ другимъ же по возможности приступаемъ съ доказательствами, при помощи вопросовъ и отвѣтовъ.

носящаяся сюда мысли въ книгѣ *de utilitate credendi*, (о пользѣ вѣры). Укажемъ главныя мысли автора по этому предмету *).

Прежде всего бл. Августинъ прямо говорить, что вѣра по необходимости начинается съ довѣрія достойному авторитету, — это обычный ея путь. Такъ въ § 21 читаемъ: Истинная религія не можетъ правильно начаться, если не будутъ вѣрить тому, что нѣкоторые, если будутъ себя хорошо вести и будутъ достойны, послѣ могутъ постичь и понять **). Правда уже самыя эти слова показываютъ, что здѣсь вѣра авторитета разсматривается какъ переходная ступень къ познанію того (*assequatur, atque percipiat*), чему сперва лишь вѣрятъ, тѣмъ не менѣе необходимость ея выражается очень сильно, хотя съ другой стороны необходимо въ виду другихъ мѣстъ оговориться, что выраженіе *nullo pacto* все таки является скорѣе гиперболическимъ, такъ какъ авторъ не отрицаетъ для нѣкоторыхъ людей возможности и сначала знать то, чему необходимо для спасенія вѣрить ***).

Необходимость вѣры обосновывается прежде всего тѣмъ, что далеко не всѣ способны къ тому, чтобы познать разумомъ и изъ доказательствъ все то, чему учить истинная религія и слѣдовательно приходится выбирать любое: или допустить для такихъ людей вѣру авторитета, или вовсе отказать имъ въ религіи. Вотъ подлинныя слова (излагается въ видѣ вопросовъ противнику и его отвѣтовъ) § 24: Когда дѣло обстоитъ, такъ

---

*) Еслибъ мы захотѣли изложить вполнѣ тѣ основанія, которыя тамъ приводятся за необходимость такой не много мудрствующей вѣры, то намъ пришлось бы, можетъ быть, выписать половину указанного сочиненія, но мы считаемъ достаточно для нашей цѣли указать лишь главныя мысли автора.

***) *Nisi credatur ea, quae quisque postea, si se bene gesserit, dignusque fuerit, assequatur, atque percipiat, et omnino sine quodam gravi auctoritatis imperio inire recte nullo pacto potest*

***) Хотя конечно, имѣя въ виду всю область вѣры, по необходимости придется сказать, что эти слова даже и не гипербола, ибо мы всего въ этой области ясно и доказательно непосредственно познать не можемъ.

что Богъ оказывается познаваемымъ для тебя посредствомъ разума, думаешь ли ты, что всѣ способны принять доводы, ведущіе человѣческой умъ къ познанію Божества, или многіе или немногіе? Думаю, говоришь, немногіе..... Чтожъ по отношенію къ другимъ людямъ, недареннымъ столь яснымъ разумомъ, думаешь, пужно отрицать религію? При томъ это не мало не вредитъ тѣмъ, кто, будучи способенъ къ большому, можетъ обойтись безъ вѣры,—*quod ergo istis, читаемъ мы тамъ же quorum de genere te esse jam credo, qui facillime divina secreta ratione capere possunt, si hac via veniant, qua illi qui primitus credunt, num quid tandem oberit?* Отсюда, какъ мы уже замѣтили выше, ясно, что вѣра далеко не всегда необходима,—ибо не всѣ идутъ одной дорогой *). Тѣмъ не менѣе если гдѣ, то въ цѣломъ обществѣ, состоящемъ въ большинствѣ изъ необразованныхъ, вѣра является въ виду указаннаго прямо необходимостью и уже безъ сомнѣнія самымъ удобнымъ путемъ къ истинѣ и ея сохраненію, и это тѣмъ болѣе, что мы и въ обыденныхъ вещахъ многому вѣримъ, не зная вполнѣ, далеко не понимая всего того, въ чемъ увѣрены (§ 34, 26, 29. Тоже о колич. души гл. VII). Потому-то и Господь ведетъ тѣхъ, кто не способенъ, по причинѣ внутренней нечистоты и неразумія, къ непосредственному пониманію истины, путемъ болѣе имъ доступнымъ путемъ авторитета чудесъ и большинства. *Haec (т. е. divina auctoritas), autem, seposita ratione, quam sinceram intelligere ut saepe diximus, difficillimum stultis est, dupliciter nos movet, partim miraculis, partim sequentium multitudine* § 34. Тоже видимъ § 33. Слѣдовало самымъ глазамъ представить нѣкоторыя чудеса, которыми недалекіе пользуются несравненно удобнѣе, чѣмъ умомъ, чтобы подъ вліяніемъ авторитета сперва очистились жизнь и нравы людей, а затѣмъ они стали бы спо-

---

*) Тоже § 34. *Nihil horum (т. е. то, что служить авторитетомъ) est necessarium sapienti: quis negat?* Ничто таковое не нужно мудрецу, кто отрицаетъ?

собны къ принятію разумныхъ доводовъ, *oppotebat quaedam miracula ipsis oculis admoveri, quibus utuntur stulti multo, quam mente commodius, ut commotorum auctoritate hominum prius vita moresque purgarentur et ita rationi accidiendae habiles fierent.* Этимъ то путемъ авторитета, какъ болѣе удобнымъ, шелъ и Господь нашъ въ утвержденіи истины,—и Онъ, принявъ врачевство, имѣвшее силу исцѣлять самыя развращенныя нравы, чудесами приобрѣлъ авторитетъ, авторитетомъ заслужилъ довѣріе (вѣру), довѣріемъ привлекъ большинство, большинствомъ получилъ древность, древностью утвердилъ религію, которую не можетъ ни мало поколебать ни лукавая и недалекая новизна еретиковъ, ни сильное своею древностью заблужденіе язычниковъ *). Правда, какъ видно уже изъ послѣднихъ словъ, вѣра авторитета далеко не означаетъ вѣру слѣпую, ни на чемъ неоснованную,—нѣтъ, она засвидѣтельствована неопровержимыми данными, только не непосредственнаго, а посредственнаго характера. Въ частности авторитетъ Церкви утвержденъ непоколебимо слишкомъ различнаго рода данными, чтобы относительно его можно было сомнѣваться (§ 35); а судя по *de vera religione* § 46 самый авторитетъ выбирается и обсуживается разумомъ и его доводами. Не удивительно послѣ этого, что Августинъ во все не склоненъ смѣшивать вѣрующаго, *credentem*, съ легко-вѣрнымъ *credulum*, *ut.... inter curam habentem atque coriosum, ita inter credentem et credulum plurimum interest*, говорить онъ. § 22.

Но какъ бы то ни было, во всемъ этомъ видно лишь стрем-

---

*) *Afferens medicinam, quae corruptissimos mores sanatura esset, miraculis conciliavit auctoritatem, auctoritate meruit fidem, fide contraxit multitudinem, multitudine optimuit vetustatem, vetustate roboravit religionem quam non solum haereticorum ineptissima novitas fraudibus agens, sed nec gentium quidem veteribus error violenter adversans, aliqua ex parte convelleret* (32).

ловіе поставить истину Христову виѣ всякаго сомнѣнія,—но больше; на самомъ же дѣлѣ нельзя отрицать, что приведенныя мѣста заключаютъ въ себѣ и мысль о допустимости вѣры безотчетной. Въ самомъ дѣлѣ что Церковь имѣетъ Божественный авторитетъ, это объективно неоспоримо, но дѣло въ томъ, какъ узнаеть объ этомъ большинство,—эти недалекіе *stulti*? или они будутъ вѣрить *auctoritate multitudinis*? (большинству)? но вѣдь чтоже это какъ не слѣпая вѣра? вѣдь не можетъ же она въ самомъ дѣлѣ буквально не имѣть не только достаточнаго, а и вовсе никакого повода. При томъ и изъ приведенныхъ разсужденій бл. Августина, что тамъ, гдѣ не можетъ быть разумнаго усвоенія, приходится, чтобы не отказывать въ религіи, допускать, что есть, т. е. недалекую вѣру, въ случаѣ найдутся неспособные ни къ чему, кромѣ слѣпой вѣры, какъ напр. дѣти, очевидно слѣдуетъ придти къ заключенію, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ допустима и прямо слѣпая вѣра.

§ 5. Подобныя же мысли встрѣчаемъ и у Григорія Богослова I т. стр. 457, 458: „Если кто избыточествуетъ умозрѣніемъ“, говоритъ онъ, „и превосходитъ большинство..... пусть восходитъ, и руководствуется, и возносится умомъ, и если хочеть до третьяго неба..... къ чему завидовать похвальному восхожденію?... Но если кто не силенъ мыслию и бѣденъ языкомъ и не знаетъ оборотовъ рѣчи, изреченій мудрыхъ и загадочныхъ выраженій.... есть ли ему чѣмъ спастись и какими рѣченіями? Ничто такъ не избыточествуетъ, какъ благодать.... близко къ тебѣ, говоритъ, слово.... признай Іисуса Христа и повѣрь, что Онъ возсталъ изъ мертвыхъ, и спасешься—*ὁμολόγησον Ἰησοῦν Χριστὸν καὶ πίστευσον ὅτι ἐκ νεκρῶν ἐγήγερται καὶ σωθήσῃ*—ты, т. е. мудрый, идешь не утоптанымъ путемъ и неудободоступнымъ, а я избитымъ и спасшимъ многихъ. Ничего бы не было несправедливѣе нашей вѣры, братіе, еслибъ она была доступна лишь мудрымъ и сильнымъ въ словѣ и въ логическихъ доказательствахъ—*οὐδὲν ἂν ἦν τῆς πίστεως ἡμῶν, ἀδελφοί, ἀδικότερον, εἴγε εἰς τοὺς σοφοὺς*

ἔπιπτε μόνον καὶ τοὺς περιττοὺς ἐν λόγῳ καὶ τοῖς λογικοῖς ἀποδείξει αὐτῷ а большинству приходилось бы быть лишеннымъ ея, такъ же, какъ оно лишено золота, и серебра, и другого, что цѣнится и съ трудомъ достается большинству, и еслибъ Богу было пріятно и свойственно лишь высокое и достигающееся немногимъ, а близкое и доступное многимъ пренебрегалось и отвергалось“.

Согласно съ этимъ и на 48 стр. совѣтуется большинству оставлять болѣе точныя изысканія въ дѣлѣ вѣры служителямъ Слова, а самимъ проявлять свое благочестіе не столько въ словѣ и разумѣ, сколько въ дѣлѣ—λόγῳ μὲν εὐσεβοῦντες ὀλίγῳ, ἔργῳ δὲ πλείονα. Подобно стр. 530.

§ 6. Отсюда, изъ признанія допустимости даже и безотчетной вѣры, вытекаетъ и признаніе вообще различныхъ степеней вѣры. Такъ, бл. Августинъ признавалъ, что вѣра можетъ проходить всѣ тѣ степени, какія проходить и вообще знаніе (*de utilitate credendi* § 34), начинающееся съ безотчетной вѣры и стремящееся къ непосредственному познанію вещей. Подобн. и *de utilit. cred.* § 25 читаемъ: Находимъ первый родъ блаженныхъ, вѣрящихъ самой истинѣ, и за тѣмъ второй родъ стремящихся къ истинѣ и любящихъ ее, вѣрящихъ авторитету. *invenimus primum beatorum genus ipsi veritati credere, secundum autem studiosorum amatorumque veritatis, auctoritate.* Равно въ книгѣ о количествѣ души говорится, что душа на 4-й степени, сравнительно низкой, повинуется авторитету и заповѣдямъ мудрыхъ и вѣритъ, что чрезъ нихъ говорить ей Богъ, тогда какъ на 5 стремится къ „самому созерцанію истины“, на 6-ой приходитъ въ такое состояніе „совершеннѣе, лучше котораго нѣтъ для души, т. е. достигаетъ самаго этого высшаго созерцательнаго состоянія, ибо что скажу я тебѣ объ этихъ радостяхъ, говорить нашъ авторъ, объ этомъ наслажденіи высочайшимъ и истиннымъ благомъ, о тихомъ мерцаніи свѣта и вѣчности, присущихъ этому вѣдѣнію и созерцанію истины, которое составляетъ седьмую и послѣднюю степень души, да да-

же и не степенъ, а нѣкоторое постоянное пребываніе, въ которое восходятъ тѣми степенями?“ гл. XXXIII.

Подобно у Оригена противъ Цельса стр. 284 читаемъ: „И такъ Божественная мудрость—*θεία σοφία*—будучи отлична отъ вѣры—*ἐτέρα οὐσα τῆς πίστεως*—есть первое изъ такъ называемыхъ дарованій Божіихъ; за нею во вторыхъ для разумѣющихъ эти точныя положенія (слѣдуетъ) такъ называемое знаніе—*γνώσις* и въ третьихъ—такъ какъ нужно спастись и болѣе простымъ, приступающимъ по силѣ къ благочестію—вѣра—*πίστις*.

Равно у Григорія Богослова I т. стр. 463 читаемъ: „Если бы, подобно тому, какъ единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ и Отецъ всѣхъ, и чрезъ всѣхъ, и во всѣхъ, также былъ бы и одинъ какой-либо путь спасенія, при помощи разума и умозрѣнія, и отпавшимъ отъ этого пути приходилось бы во всемъ грѣшнить и быть отвергнутыми отъ Бога или лишаться надежды на Него, то ничего не было бы страннѣе того, чтобъ совѣтовать имъ это и убѣждать. Но какъ въ человѣчествѣ вообще много различій въ жизни и томъ, кто что собѣ избираетъ,—есть большее и меньшее, болѣе яркое и не такъ замѣтное, такъ и въ божественномъ спасающимъ является не что-либо одно и не одинъ путь добродѣтели, но многое, и причина того, о чемъ говорятъ и что у всѣхъ на языкѣ,—что у Бога „обители многи суть“ не другое что, какъ то, что много ведущихъ туда путей, то болѣе опасныхъ и славныхъ, то болѣе низкихъ и безопасныхъ“.

§ 7. Но не смотря на различіе степеней вѣры, по отношенію къ содержанію вѣры и спасенію вообще всѣ эти степени вполне равны и безразличны. Такъ Иринеѣ Лионскій I кн. X, 2, 3 говоритъ: „Такъ какъ вѣра одна и таже, то и тотъ, кто многое можетъ сказать о ней, не прибавляетъ и кто малое не умаляетъ. Большее или меньшее значеніе нѣкоторыхъ, по мѣрѣ разумѣнія, состоятъ не въ измѣненіи самаго содержанія,—не въ томъ, чтобъ измышляли иного Бога..... но въ томъ, что

тщательно изслѣдуютъ мысль сказаннаго въ притчахъ и соглашаютъ съ содержаніемъ вѣры, — въ томъ, что раскрываютъ ходъ дѣлъ и домостроительство Божіе относительно рода человѣческаго, ... объясняютъ, почему одинъ и тотъ же Богъ сотворилъ одно—временное, другое—вѣчное“ и т. д.

Безразличіе степеней вѣры по отношенію къ спасенію вообще яенѣ всего *) высказываетъ Климентъ Александрійскій. Такъ, сказавъ, что сила Божія можетъ спасти и одною вѣрою—*διὰ φιλήσ τῆς πίστεως*—помимо доказательствъ—*ἄνευ τῶν ἀποδείξεων* (II т. Венец. изд. 20, 21) въ Строматахъ кн. I гл. XX онъ говоритъ: „Чего же еще не достаетъ познавшему Бога?“ разумѣя подъ познавшимъ Бога вообще вѣрующаго какимъ бы то нибыло образомъ *τί γὰρ ἔτι λείπεται τῷ Θεῷ ἐγνώσῃτι*; и ниже прибавляетъ: „Итакъ нельзя говорить, что одни духовные, другіе душевные въ одномъ и томъ же ученіи, но всѣ оставившіе плотскія вожделенія равны и духовны предъ Господомъ“.

Заключеніе относительно ученія св. Преданія о вѣрѣ.

§ 1. Послѣ всего того, что мы видѣли въ ученіи приведенныхъ нами представителей преданія Православной Церкви—представителей, которыхъ раздѣляютъ не только сотни лѣтъ по времени, но и народность, страна, языкъ и все то, что съ ними связано, въ другихъ отношеніяхъ,—едва ли нужно говорить, что все это нами видѣнное, вообще говоря, вполне согласно какъ одно съ другимъ, такъ и съ тѣмъ, что мы видѣли въ св. Писаніи; сыны знойной Африки и прекрасной Элады, жители Сирія, Рима и Египта—всѣ, не смотря на раздѣляющіе ихъ вѣка и страны, согласно утверждаютъ **), что вѣра,

*) Безразличіе ко спасенію вообще,—что мы видѣли и въ только что указанныхъ выше мѣстахъ,—а не къ степенямъ награды; эта мысль, какъ видимъ, исключается, по видимому, приведенными словами св. Иринея.

**) И мы даже вовсе не знаемъ какого-либо исключенія въ комъ-либо изъ

какъ увѣренность въ истинѣ Христовой, въ своей идеѣ—это вполне свободное, разумно-созпательное убѣжденіе, твердое и непоколебимое признаніе за несомнѣнную истину христіанскаго ученія на основаніи неподлежащихъ сомнѣнію данныхъ, хотя не всегда непосредственныхъ;—или даже больше: если собственно говорить объ идеаль—вѣра это видѣніе истины. Но все это въ идеѣ, точно также какъ и во всей нравственной области нашъ идеаль, тотъ первообразъ, по которому мы созданы—это все-совершенный, всевидящій Отець Небесный. Но коль скоро мы отъ идеи обратились къ дѣйствительности, то какъ вообще въ нравственной области ни отъ кого не требуется сверхъ силъ,— даже прямо утверждается, что мы никогда не сравниемся въ совершенствахъ съ нашимъ Вѣчнымъ Прообразомъ, такъ и здѣсь

представителей христіанской древности относительно сущности нашего вопроса; въ самомъ дѣлѣ казалось бы, что можетъ быть рѣше известнаго произведенія Ермія философа *διασυρμὸς τῶν ἔξω φιλοσόφων*? но стоитъ лишь прочесть его, чтобы увидать, что даже оно не имѣетъ ничего противъ вѣры, какъ знанія. Вотъ сущность его: замѣтивъ, что св. Павелъ *οὐκ ἀσκόπως*—не безъ намѣренія—сказалъ въ посланіи, что мудрость міра—буесть предъ Богомъ, а гдѣ эта мудрость міра—ни слова, тогда какъ въ этомъ-то все и дѣло—Ермія прибавляетъ: *δοκεῖ γάρ μοι*—кажется мнѣ—замѣтивъ: ему лишь кажется, а такъ ли на дѣлѣ—вопросъ—что она получила начало отъ падшихъ ангеловъ, по причинѣ чего не одинаково и не согласно говоря одинъ съ другимъ, философы излагаютъ свои ученія (*δοκεῖ γάρ μοι τὴν ἀρχὴν εἰληφέναι ἀπὸ τῶν ἀγγέλων ἀποστασίας, δι' ἣν αἰτίαν οὐδὲ σύμφωνα, οὐδὲ ἐμόλογα οἱ φιλόσοφοι πρὸς ἀλλήλους λέγοντες, ἐκτίθενται τὰ δόγματα*). и затѣмъ все дальнѣйшее на примѣрахъ и развиваеъ эту послѣднюю мысль о взаимномъ противорѣчїи философовъ. Это то послѣднее и составляетъ цѣль сочиненія, какъ утверждаетъ самъ авторъ, говоря въ концѣ: *ταῦτα μὲν τοίνυν διεξῆλθον βουλόμενος δεῖξαι τὴν ἐν τοῖς δόγμασιν οὕσαν αὐτῶν (т. е. философовъ) ἐναντιότητα καὶ ὡς εἰς ἄπειρον αὐτοῖς καὶ ἀόριστον πρόεισιν ἢ ζήτησις τῶν πραγμάτων καὶ τὸ τέλος αὐτῶν ἀτέλεμαρτον καὶ ἄχρηστον, ἔργῳ μηδενὶ προδήλω καὶ λόγῳ σαφεῖ βεβαιούμενον*. это и разсмотрѣлъ желая показать противорѣчіе ихъ (философовъ) ученій и что изысканія ихъ безконечны и безпредѣльны, а завершеніе ихъ бездоказательно и бесполезно, какъ не подтверждаемое никакимъ ни явнымъ дѣломъ, ни точнымъ доводомъ мысли. Но кто не согласится, что все это можно вполне примѣнить и ко многимъ новѣйшимъ произведеніямъ, якобы философїи и науки не измѣняя взгляду на значеніе разума въ дѣлѣ познанія вообще и истинѣ вѣры въ частности?

въ области вѣры, ни отъ кого не требуется того, что сверхъ его силъ *) какъ тамъ для насъ обязательно возможное совершенство, такъ и здѣсь возможная разумная сознательность и отчетливость убѣжденія. Но если въ виду того, что вся эта сторона вѣры: большая или меньшая обоснованность, сознательность ея, является какъ бы прибавочною, могущею быть и не быть,—во всякомъ случаѣ быть въ той или иной степени,—такъ если говоримъ, въ виду этого отвлечь въ ея понятіи это могущее быть или не быть и въ этомъ смыслѣ не существенное, то у насъ останется одинъ непреходящій признакъ ея—признакъ увѣренности, какъ такой, въ истинахъ Христова ученія. Да, признакъ увѣренности въ истинѣ Христова ученія и только, такъ какъ даже признакъ свободы исчезнетъ самъ собою съ отрицаніемъ разумности вѣры, ибо неразумное, если и есть дѣло воли, то все-таки не свободы ея, а произвола, если не инстинкта и св. Дамаскинъ ясно говоритъ, что то, что по неведѣнію, а не по сознательному выбору, то и не свободно, почему онъ отрицаетъ въ собственномъ смыслѣ свободу даже у дѣтей **). Такимъ образомъ, если бы насъ спросили—какой непремѣнный существенный признакъ вѣры христіанской? мы смѣло могли бы отвѣтить съ православной точки зрѣнія: это признакъ увѣренности въ истинѣ ученія Церкви. Отсюда ясно, что, собственно говоря, православіе не отвергаетъ и вѣры буквально слѣпой

---

*) Если кому покажется страннымъ говорить о невозможности для нѣкоторыхъ вѣрить разумно послѣ всего того, что б. сказано о средствахъ убѣжденія въ истинахъ вѣры, то пусть опъ приметъ во вниманіе съ одной стороны, что не всѣ эти средства всегда, легко и всѣмъ доступны, во всей полнотѣ,—съ другой, что и говоря о допустимости вѣры безотчетной отцы и учителя Церкви разумѣютъ подъ нею обыкновенно лишь сравнительную безотчетность, такъ какъ поводы и основанія ея вездѣ какія бы то нибыли, но непремѣнно должны быть, хотя бы и не сознавались всегда ясно и отчетливо

**) Мы не вносимъ признака благодатнаго содѣйствія, это содѣйствіе общій признакъ всего добраго въ человѣкѣ, дѣйствуетъ ли благодать всеобщая и предваряющая въ некрещеномъ, или благодать даруемая получившимъ благодатное освященіе въ таинствахъ, у крещенныхъ; во очевиднo, что еслибъ мы стали пересматривать всѣ общіе признаки, то прежде всего намъ пришлось бы упомянуть признакъ бытія, затѣмъ появленія, измѣненія и т. д.

тамъ, гдѣ не можетъ быть ничего большаго. Св. Церковь готова снисходить вездѣ, гдѣ можно;—если угодно она не требуетъ даже и слѣпой вѣры тамъ, гдѣ не можетъ быть рѣчи ни о какой вѣрѣ,—неразумнаго, новорожденнаго младенца она принимаетъ въ свое благодатное общеніе, не требуя отъ него вѣры, крестить его помимо собственнаго исповѣданія на порукахъ *). Это послѣднее обстоятельство не даетъ намъ конечно права исключить изъ понятія вѣры даже признаковъ увѣренности, такъ какъ въ младенцѣ не признается вовсе и вѣры, тѣмъ не менѣе какъ указанное исключеніе не исключаетъ общаго правила что „безъ вѣры невозможно угодить Богу“, а слѣд. и спастись, такъ и допущеніе вѣры слѣпой не исключаетъ общаго взгляда на вѣру, какъ на сознательное и свободное убѣжденіе въ дознанной истинѣ. Если при томъ принять во вниманіе, что и то, что называемъ обыкновенно знаніемъ, начинается съ вѣры (напримѣръ у ребенка родителямъ) и лишь стремится къ знанію въ полномъ смыслѣ; что чѣмъ болѣе совершенствуемся мы въ знаніи въ иныхъ областяхъ, тѣмъ скорѣе является потребность въ такомъ же совершенствованіи и въ дѣлѣ вѣры, въ случаѣ отсутствія чего является безпокойство, внутренній разладъ и даже появляется сомнѣніе и невѣріе,—словомъ если имѣть въ виду, что при естественномъ и здоровомъ ходѣ развитія вѣра всегда заявляетъ потребность стоять на одной ступени съ нашимъ знаніемъ въ другихъ областяхъ, чего дѣйствительно и достигаетъ и что при томъ не только порицается, но даже, какъ видимъ, похваляется Церковію; если прибавить наконецъ, что слѣпая вѣра въ дѣйствительности возможна лишь тамъ, гдѣ все знаніе слѣпо и основано больше на безотчетной привычкѣ, чѣмъ на разумной сознательности и слѣд. совпадаетъ съ вѣрою, то

---

*) Липше говорить, что св. Церковь поступаетъ такъ въ высшей степени послѣдовательно; не признавая въ младенцѣ ни разумной свободы, ни слѣд. личныхъ грѣховъ и добродѣтелей, но лишь не по его волѣ происшедшую испорченность и грѣховность его природы, она вполне справедливо помиловала его и въ виду заслугъ другого и очищаетъ то, что и получено въ силу воли и проступка другого.

въ виду всего этого и можно сказать, что вѣра и вообще по взгляду православія тождественна съ знаніемъ—каково одно, такова и другая. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что не только въ идеѣ, а и въ дѣйствительности, по православію, вѣра—это знаніе. И такъ кратко мы можемъ выразить православный взглядъ на вѣру, какъ увѣренность, такъ: вообще говоря вѣра тождественна съ знаніемъ; еслижъ имѣть въ виду существенный ся признакъ, въ случаѣ исчезновенія котораго исчезнетъ и самое понятіе вѣры,—она есть увѣренность и только.

§ 2. Вотъ что дало намъ изслѣдованіе св. Преданія писаннаго; но если обратимся къ преданію самой жизни, то увидимъ и здѣсь то же самое. Во всѣ вѣка св. Церковь какъ съ одной стороны считала въ числѣ своихъ членовъ много людей научно-образованныхъ, занимавшихся раскрытіемъ и разумною обосновкою и защитою отъ нападенія невѣрныхъ ся истинъ,—людей, которые за такую свою дѣятельность не только не порицались, но похвалялись и прославлялись;—какъ нигдѣ не чуждалась доказательствъ своей истинности, неимѣла ничего противъ заведенныхъ съ цѣлью проводить разумнымъ путемъ къ Христіанству училищъ (напр. въ Александріи, равно какъ и по сейчасъ вездѣ заводитъ и содержитъ просвѣтительныя заведенія) такъ съ другой стороны не только принимала вѣру дѣтей и считала ихъ, слѣдуя своему Господу первыми членами Царствія Небеснаго, но не справлялась и у взрослыхъ, какъ и почему они увѣрились, а лишь вполнѣ ли убѣдились и искренно ли и отъ всего ли сердца вѣрятъ, проповѣдуя свое ученіе равно грекамъ и варварамъ, ученымъ и неграмотнымъ, считая въ числѣ своихъ членовъ и недалекихъ женщинъ и рабовъ, и грубыхъ обитателей степей и лѣсовъ сѣверной Европы, которые вступали въ Церковь даже во времена св. Иринея и даже, по его свидѣтельству, не зная св. Писанія, а вѣря лишь устному слову Преданія *). Такъ дѣйствуетъ св. Церковь въ частности

*) IV кн. XXXVIII.

и теперь; что она не изгоняетъ изъ своей среды людей недалекихъ, это вещь общеизвѣстная, — еслижъ нужны примѣры того что она не гнушается и доказательствами и разумнымъ засвидѣтельствомъ своей истинности, коль скоро является въ томъ нужда, укажемъ на окружное посланіе восточныхъ патріарховъ 1848 г., почти все занятое опроверженіемъ латинской ереси на основаніи данныхъ св. Писанія, Преданія, разбора смысла и связи рѣчи тѣхъ или иныхъ мѣстъ, исторіи, археологіи, логики и т. п., и обращенное отъ лица самой Церкви ко всѣмъ ея чадамъ. Словомъ, какъ училъ Господь, апостолы и вся Церковь прежде, такъ учитъ она и теперь, и теперь читаемъ мы въ обще принятомъ ею катихизисѣ вопросъ: „почему въ ученіи благочестія требуется не только знаніе, но и вѣра?“ а слѣд. и признаніе того и другаго; равно какъ и далѣе: „человѣкъ можетъ познавать Бога изъ разсматриванія со-творенныхъ отъ Бога вещей“. Читаемъ и то, что Церковь представляетъ признаки божественности своего ученія и что они таковы: „1) Высота сего ученія, свидѣтельствующая, что оно не могло быть изобрѣтено разумомъ человѣческимъ. 2) Чистота сего ученія, показывающая, что оно произошло отъ чистѣйшаго ума Божія. 3) Пророчества. 4) Чудеса. 5) Могущественное дѣйствованіе сего ученія на сердца человѣческія, собственное только силѣ Божіей“. И наконецъ видимъ, что если тѣмъ не менѣе опредѣлять сущность вѣры, то она окажется лишь увѣренностью, — „Вѣровать въ Бога“, читаемъ мы тамъ, „значитъ имѣть живую увѣренность въ Его бытіи, свойствахъ и дѣйствіяхъ; и всѣмъ сердцемъ принимать откровенное слово Его о спасеніи рода человѣческаго“. Въ концѣ концовъ нельзя такимъ образомъ не подивиться какъ точности избраннаго слова, такъ и твердости Церкви въ храненіи завѣщаннаго ей. Господь имѣлъ въ виду не однихъ ученыхъ и не однихъ недалекихъ; не только вполнѣ сознательныхъ взрослыхъ лицъ, но и дѣтей и имъ подобныхъ, и не желая требовать ни отъ кого

того, что не согласно съ ихъ состояніемъ, требуетъ отъ всѣхъ нихъ того, въ чемъ всѣ они могли сойтись—увѣренности въ истинѣ Его ученія и только; что, какъ намъ показало самое словопроизводство, только и значить слово „вѣра“, и св. Церковь въ продолженіи вѣковъ вѣрно сохранила не только смыслъ ученія, но даже оттѣнокъ значенія самаго слова—она не разширила (что впрочемъ едва ли и было можно) и не сѣздила его значенія (что было такъ легко),—вѣра и въ ея устахъ осталась лишь увѣренностью.

Общее заключеніе, представляющее собою бѣглую оцѣнку православнаго ученія о вѣрѣ въ виду его отношенія къ общему характеру Православія и къ потребностямъ человѣческой природы.

Послѣ долгихъ трудовъ и изысканій, развѣдокъ и раскопокъ на обширномъ полѣ Писанія и преданія обрѣтши дивную жемчужину—православное ученіе о вѣрѣ—полюбуемся на обрѣтенное,—на то, какъ полно и вѣрно отражаетъ эта, повидимому небольшая, жемчужинка лучи всего солнца—Православія; какъ успокоительно и вмѣстѣ привлекательно дѣйствуетъ ея тихій блескъ на нашъ глазъ. Говоря проще: въ заключеніе нашего изслѣдованія бросимъ хотя бѣглый взглядъ на то отношеніе; въ какомъ стоитъ частное ученіе Православной Церкви—ученіе о вѣрѣ—къ общему характеру Церкви, въ частности къ ея ученію о Богѣ и природѣ человѣка,—на то, какъ и здѣсь она—св. Церковь—вѣрна самой себѣ, какъ даже въ этомъ отдѣльномъ членѣ ея убѣжденій вѣрно выражаются однѣ изъ самыхъ привлекательнѣйшихъ ея чертъ. Обратимъ вмѣстѣ вниманіе и на то, какъ благотворенъ взглядъ Церкви на вѣру для нашихъ человѣческихъ стремленій равно ума, сердца и воли,

какъ онъ вѣрно отвѣчаетъ потребностямъ всей нашей природы, какъ согласенъ съ общими данными нашего разума,—словомъ, хотя слегка коснемся оцѣнки добытаго нами взгляда съ точки зрѣнія обычнаго человѣческаго разума. Въ виду всего доселѣ видѣннаго не можетъ быть сомнѣнія, что наше послѣднее намѣреніе ничуть не идетъ въ разрѣзъ съ ученіемъ Церкви, что мы можемъ смѣло исполнить это намѣреніе, вполнѣ оставаясь на точкѣ зрѣнія Православія. А между тѣмъ это будетъ и далеко не бесполезно: раскрытіе—хотя бы то и бѣглое—связи и полнѣйшаго согласія взгляда Православія на вѣру съ общими положеніями его ученія, со всеѣмъ его характеромъ, равно какъ и съ потребностями нашей природы еще болѣе убѣдитъ насъ, что мы не заблуждаемся въ своихъ утвержденіяхъ, что мы нашли дѣйствительно православный взглядъ на дѣло. Какъ мы видѣли, вѣра по Православію, по крайней мѣрѣ въ ея идеалѣ,—это вполнѣ свободное, разумно-сознательное убѣжденіе въ истинѣ Христовой. Если жъ такъ, то очевидно, что съ такимъ признаніемъ вѣстѣ утверждается законный и естественный путь къ такому убѣжденію, признается вполнѣ разумная свобода изслѣдованія, широко растворяются двери наукѣ, и не только богословской, а и вообще всякой, такъ какъ вся природа признается вѣщающею величіе Божіе, и естественныя познавательныя силы считаются способными доходить до истины вообще и до богопознанія въ частности. Что можетъ быть лучше этого, что согласнѣе съ характеромъ Православія, съ нашею общечеловѣческой природою и ея потребностями *)? Человѣкъ по существу созданіе разумно-свободное, разумъ и свобода такія существенно отличительныя черты его природы, что, не будь ихъ, не было

---

*) Собственно мысль о согласіи съ законными потребностями человѣческой природы уже заключается *implicite* въ мысли о согласіи съ Православіемъ, ибо согласіе его съ нашей природою одно изъ основныхъ чертъ его; но мы ставимъ эти мысли на ряду какъ бы не подчиненными одна другой для большей ясности. Но далѣе мы не выдѣляемъ этихъ мыслей рѣзко одну отъ другой, говоря о томъ и другомъ совмѣстно.

бы и человѣка,—было бы лишь особаго рода двурукое животное. Поэтому-то и другое—и разумъ и свобода—признается и превозносится и св. Писаніемъ; въ твореніяхъ мужей древняго Завѣта есть чуть не цѣлая книга, посвященная восхваленію мудрости и разума; да и вообще это уваженіе къ вѣдѣнію и разумѣнію, какъ мы отчасти уже имѣли случай убѣдиться, проходитъ сквозь все Писаніе, не исключая и Ветхаго Завѣта. Равно и признаніе свободы лежитъ въ основѣ всѣхъ заповѣдей и предписаній, равно какъ на ней же основывается и смыслъ вмѣненія дѣйствій. Даже больше: намъ кажется, здѣсь-то, въ этой свободѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, и проявляется подобіе Божіе въ человѣкѣ: въ силу своей свободы онъ самъ является существомъ до нѣкоторой степени безусловнымъ; ему представлено на собственную волю быть, чѣмъ онъ захочетъ, въ предѣлахъ возможнаго для него,—предложилъ ти есть огонь и воду, говоритъ Писаніе, еже хочещи возмещи,—и чего онъ захочетъ, что и какъ рѣшить, того не мѣняетъ и и признаетъ для Себя какъ бы неприкосновеннымъ и недоступнымъ Самъ Богъ. Самъ Богъ насъ ставитъ какъ бы наравнѣ съ Собою, обращается къ намъ, какъ къ равноправнымъ личностямъ съ увѣщаніями и угрозами, но Самъ за насъ не рѣшаетъ и помимо воли насъ ни къ чему не принуждаетъ. Если жъ Самъ Богъ такъ высоко ставитъ и такъ вѣрно хранитъ въ насъ этотъ величайшій даръ свой—свободу, то неужели же его захочетъ отнять у насъ св. Церковь? Если, не смотря на всю свою безконечную благость, не пожалѣвшую Сына, Богъ предпочитаетъ лучше послать насъ на вѣки въ бездну, чѣмъ спасти помимо нашей воли, то неужели св. Церковь будетъ стремиться спасать насъ насильно, при помощи лишенія всѣхъ человѣческихъ правъ и преимуществъ и превращенія въ безсловесныхъ, дѣйствующихъ по какому-то безотчетному, разъ вложенному и затѣмъ уже неизмѣнно дѣйствующему влеченію; неужели она захочетъ вмѣсто людей населить Небесное Царствіе какими-то подобіями четвероногихъ?

Да и зачѣмъ тогда былъ-бы разумъ и свобода? Вѣдь не плоды же это дѣятельности какого-то злаго диміурга? Если жъ это дѣло Всеблагаго, то для чего же —нибудь они даны. А если такъ, то воевать противъ нихъ значить идти на Бога.

Да и при чемъ бы осталось тогда Православіе, еслибъ оно вздумало посягнуть на свободу и разумъ?

Одинъ изъ самыхъ лучшихъ, вѣрнѣйшихъ, неотразимѣйшихъ доводовъ, — доводовъ, оправданныхъ исторіей и заставляющихъ и заставлявшихъ не разъ и не одинъ народъ преклоняться предъ Христіанствомъ и обыкновенно приводимыхъ въ его защиту заимствуется изъ того, что „душа по природѣ христіанка“ и что Христіанство какъ нельзя болѣе вѣрно понимаетъ природу человѣка, возвышаетъ, животворитъ ее, ведетъ къ совершенству, удовлетворяетъ всѣмъ лучшимъ, высшимъ, законнымъ потребностямъ ея; но будемъ ли мы въ состояніи сказать, что это такъ, коль скоро признаемъ, что свобода и разумность не совмѣстимы съ Христіанствомъ, что оно любитъ лишь рабство и духовное самоубійство, любитъ не людей, а лишь безсловесныхъ? Тогда наша апологетика и основное Богословіе лишается почвы, на которой они держатся: равно исчезнуть какъ потребность, такъ и возможность ихъ существованія. Люди, послѣдовательно держащіеся принципа слѣпой вѣры, конечно, должны будутъ этому лишь радоваться, — съ глазъ долой соблазнъ. Но насколько это будетъ согласно съ характеромъ Православія? Стремленіе подавить свободу убѣжденія свойственно главнымъ образомъ католичеству и магометанству, а никакъ не Православію; наоборотъ, съ православной точки зрѣнія мы должны признать, что стремленіе это противорѣчитъ самому духу Христіанства, его высокому взгляду на человѣка; будучи же отчетливо сознано и послѣдовательно проведено оно непременно приведетъ къ магометанскому предопредѣленію съ одной стороны или къ гностическо-протестанскому взгляду съ другой. Если свобода и разумъ злы, то это или потому, что такъ создано Богомъ, пре-

допредѣлены быть злыми, или природа человѣка—нѣчто по существу злое, или если и не по существу злое, (или если и не по существу), то въ силу паденія:—если же свобода и разумъ сами по себѣ не злы, то ихъ нечего ни преслѣдовать, ни бояться.

Какое жалкое презрѣніе къ человѣку, какой низкій взглядъ на него, какъ на неразумное животное, какое разочарованное и лишь затаенное и внѣшне прикрытое невѣріе,—невѣріе въ силу и истинность своего ученія сквозить въ такихъ стремленіяхъ подавить человѣческую свободу, мѣтко и прекрасно развилъ покойный Достоевскій въ характеристикѣ католичества *). Въ самомъ дѣлѣ, какой поводъ, гдѣ причина и основаніе бояться свободы изслѣдованія и разумнаго убѣжденія въ дѣлѣ вѣры, да и вообще человѣческихъ свободы и разума? Очевидно источникъ этой боязни или въ недовѣрїи къ человѣку, къ его добросовѣстности и вообще къ его силамъ и достоинству,—и здѣсь эта боязнь дѣйствительно имѣетъ основаніе,—или въ недовѣрїи къ истинности своего ученія, въ недовѣрїи во внутреннюю силу и дѣйственность Христіанства, невѣріе въ слова Господа относительно будущности Его Церкви. Помимо всего этого бояться ни свободы, ни разума нѣтъ причины: истина не боится свѣта

---

*) Оно какъ бы такъ говоритъ у него человѣчеству: охъ вы, что задумали: свободными быть, разумными,—гдѣ вамъ? Не ваше это дѣло; вамъ бы ѣсть побольше, да грѣться на солнышкѣ, слушаясь безпрекословно запугавшаго васъ пастуха! Дай вамъ всего этого вдоволь, вотъ вы и счастливы и довольны и послушно будете лизать кормящую васъ руку, а въ случаѣ чего-либо, такъ есть у насъ па васъ и кнутъ.

Въ виду такого взгляда на человѣка и само Откровеніе является—тамъ же у Достоевскаго—до того дерзко—либеральнымъ, до того немирящимся съ подобными взглядами, что инквизиторъ и Самого Христа запираетъ на ключъ, чтобы не возмущалъ народъ, какъ бы говоря Ему: что задумалъ: милостью спасти людей! Да вѣдь это значитъ совершенно не знать, что это за вещь такая эти люди! Надо вовсе не знать дѣйствительности, чтобы надѣяться, что стоитъ лишь придти и сказать, какъ тотъ часъ всѣ послушаютъ и станутъ добродѣтельными! Дать имъ свободу.... да вѣдь они истребятъ другъ друга! (Братя Карамазовы гл. Великій инквизиторъ).

и не требуетъ помощи лжи, насилія и коварства, — она сильна сама собою и властвуетъ свободно. Если недовѣріе къ человѣку и возможно, и до извѣстной степени не безосновательно, то все же надо помнить, что его нельзя доводить до крайности, тѣмъ болѣе власть основнымъ началомъ нельзя уже потому одному, что вѣра въ Бога и вѣра въ человѣка тѣсно между собою связаны, одна не мыслима безъ другой, и не вѣріе въ Одного влечетъ за собою не вѣріе въ другаго. Въ самомъ дѣлѣ: если мы вѣримъ въ человѣка, въ силу и значеніе его разума, стремленій его сердца, мы должны вѣрить и въ Бога и въ Христіанство, ибо въ томъ и другомъ мы видимъ лишь вѣрное удовлетвореніе самымъ лучшимъ, самымъ завѣтнымъ и глубокимъ чаяніямъ человѣческой природы, — и наоборотъ, подрывая значеніе этихъ такъ сказать инстинктовъ человѣческой души, мы подрываемъ по необходимости и вѣру въ Бога. Равно, вѣря въ Бога Всоблагого и Премудраго, мы вмѣстѣ по необходимости признаемъ цѣль и значеніе какъ всего міра, такъ въ частности человѣка, признаемъ цѣлесообразность и объективное значеніе его стремленій куда-то далеко, за предѣлы всего этого земнаго и быстро мелькающаго предъ нашими глазами, признаемъ, что онъ не то, что звѣрь, что не даромъ даны ему эти стремленія; признаемъ вмѣстѣ, что коль скоро даны стремленія, то дана и возможность и силы достигнуть ихъ объекта, и человѣкъ является для насъ чѣмъ то великимъ, безконечно прекраснымъ въ своемъ идеалѣ, назначеннымъ къ чему-то такому что даже не уявился ему теперь и лишь смутно чувствуется, неясно влечетъ его къ Себѣ, захватывая духъ своею дивною прелестью! Наоборотъ, съ отверженіемъ Бога отвергается все разумное въ мірѣ, все дѣлается случайно и безцѣльно, и человѣкъ является лишь какою-то загадкою, пустою игрой случая, ничтожной, скоропреходящей безъ смысла и цѣли тѣнью, на минуту поднимающейся и сейчасъ же исчезающей легкой зыбью среди безбрежнаго моря; всѣ его планы и задушевные мысли пустая мечта, всѣ его

стремленія и дѣятельность одна суетливость, — пахнулъ вѣтеръ и все исчезло, отъ человѣка не осталось и слѣда, лишь мятеть и крутить все въ своемъ водоротѣ, съ какой-то бессмысленной яростью, будто съ досады, губить и раждаетъ бурный вихрь и какъ бы въ насмѣнку, самъ того не зная, жалобно и пронзительно, раздирая душу, завываетъ надъ этой вѣчно-глупой, роковой трагедіей міра. Въ силу этой связи вѣры въ Бога и вѣры въ человѣка и Христіанство, полагая въ основу всего, требуя отъ человѣка прежде всего вѣры въ Бога, съ своей стороны само какъ нельзя болѣе вѣрить въ человѣка, въ его возвышенность, честность, въ силу которыхъ, она вѣрить, человечество само придетъ къ нему, само покорится ему сознательно и свободно, по любви, за его внутреннюю истинность и красоту.

Правда, существуетъ не мало и возраженій противъ признаваемого нами православнымъ рѣшенія вопроса, — но сильны ли они поколебать это послѣднее? Разсмотримъ это ближе и подробнѣе. Прежде всего нужно замѣтить, что собственно о свободѣ убѣжденія здѣсь не можетъ быть и рѣчи, — мы можемъ говорить лишь о свободѣ изслѣдованія, иначе о томъ: какъ вѣрить: просто, не размышляя много, по возможности крѣпко и безотчетно, или на основаніи свободно разумнаго, сознательнаго убѣжденія? Что же касается до того, что даже, еслибъ мы признали, что должно вѣрить слѣпо, то и тогда все-таки принуждать къ этой слѣпой вѣрѣ внѣшней силой, а не оставлять дѣло на добрую волю всякаго желающаго, оставаясь на точкѣ зрѣнія Христіанства нельзя, — это ясно само собой, поэтому мы собственно о свободѣ убѣжденія, хотя бы то и слѣпаго, не считаемъ вовсе нужнымъ говорить, но лишь о свободѣ изслѣдованія и разумнаго убѣжденія въ дѣлѣ вѣры. И такъ что можетъ говорить противъ того и другаго? Прежде всего за безотчетную, слѣпую вѣру говорить слабость силъ человѣка, въ частности познавательныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли думать,

чтобъ человѣкъ могъ самъ собой при посредствѣ лишь своего разума достигнуть познанія Бога и религіозныхъ истинъ? Если такъ, то къ чему и Откровеніе? или оно дано лишь для глушцовъ? Но въ такомъ случаѣ его судьба ужь слишкомъ незавидна. А что разумъ самъ по себѣ слишкомъ ужь безсиленъ, это сознаеть и онъ самъ, а тѣмъ болѣе свидѣтельствуеть объ этомъ исторія. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите исторію философіи, что она вамъ покажетъ, какъ не безконечный рядъ ошибокъ, споровъ взаимно одно другое исключаящихъ противорѣчій, изъ которыхъ ни одно не имѣеть за собой достаточной силы, чтобы быть принятымъ? Это безсиліе признаеть само Писаніе, оправдывая не много мудрствующую вѣру тѣмъ, что „зане премудростію не разумѣ міръ Бога“, благоволилъ Богъ „буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ“. Видите ли, говорятъ, это не насиліе, а енисхожденіе къ вашимъ слабостямъ, что съ васъ не требуютъ много раздумывать.

Кромѣ того говорятъ: да и какимъ образомъ можетъ св. Церковь допустить свободу изслѣдованія,—вѣдь это будетъ чистой нелѣпностью, внутреннимъ противорѣчіемъ себѣ самой. Въ самомъ дѣлѣ: какія тутъ изслѣдованія, когда вѣришь? Ищутъ, изслѣдуютъ то, чего не знаютъ, въ чемъ не увѣрены; но какимъ образомъ будетъ изслѣдовать свою вѣру христіанинъ? Тутъ что-нибудь одно: или онъ вѣритъ, и тогда изслѣдованіе напрасный трудъ, или не вѣритъ, и тогда онъ не христіанинъ. Поэтому, говорятъ, Церковь пожалуй еще можетъ позволять свободу изслѣдованія чуждымъ ей, лишь ищущимъ съ ней общенія, но никакъ не своимъ чадамъ. Но и это послѣднее кажется лишь на первый взглядъ; и стоять лишь вкликнуть въ дѣло, чтобъ понять, что даже въ такомъ допущеніи, въ такой, такъ сказать, уступкѣ со стороны Церкви заключалась бы ужасная бессмыслица, прямое противорѣчіе себѣ,—сказать безъ утайки: ни больше не меньше какъ невѣріе въ себя и полнѣйшій скептицизмъ. Вдумайтесь, говорятъ вамъ,---ну положимъ, Церковь

признала законнымъ свободное изслѣдованіе внѣ ея области, въ обществѣ чуждомъ ей, но вѣдь коль скоро она соглашается на такое изслѣдованіе, одобряетъ его, она по необходимости должна будетъ согласиться и на всѣ его послѣдствія, одобрить и всѣ тѣ конечные выводы и заключенія, къ которымъ оно приведетъ, хотя бы эти послѣдніе и не были согласны съ ея ученіемъ, и такимъ образомъ признать законною человѣческую ложь и поставить ее наряду съ своей богодарованною истинной! А что свобода изслѣдованія дѣйствительно до добра не доводитъ, этому примѣровъ не мало; если угодно самый наглядный,—взгляните на протестанство: раздѣленіямъ конца нѣтъ, и все перепуталось, переплелось до пельзя, такъ что сами протестанты начинаютъ ожидать лучшаго будущаго лишь подъ условіемъ непосредственнаго вмѣшательства свыше.

Вотъ главнѣйшія, извѣстныя намъ, возраженія противъ свободы изслѣдованія. Но очевидно, что при всей своей кажущейся вѣрности они не въ силахъ доказать, что хотятъ. Во первыхъ, что до слабости силъ человѣка въ познаніи о предметахъ вѣры, то прежде всего, какъ вы думаете, откуда идетъ это возраженіе? Замѣчате ли вы, кто вамъ его дѣлаетъ? Думаете богословъ или изучающій Писаніе? Вовсе нѣтъ! Это говорятъ скептикъ, позитивистъ или кто либо иной изъ того же лагеря. Опровергать здѣсь скептицизмъ, позитивизмъ или иное подобное ученіе мы конечно не будемъ,—во всякомъ случаѣ можемъ ли мы знать что либо и особенно сверхъчувственное, это еще вопросъ; вложенное же въ насъ стремленіе къ такому познанію невольно говоритъ намъ, что оно не даромъ. Еслижъ мы обратимся къ Писанію и ученію Церкви, то какъ мы видѣли, и то и другая ясно признаютъ, что намъ такое познаніе доступно. Еслижъ намъ приводятъ въ качествѣ доводовъ исторію заблужденій философіи, то мы наоборотъ можемъ привести съ тѣмъ же правомъ исторію заблужденій религій,—скажутъ ли, что всѣ онѣ заблуждались велѣд-

ствіе свободы изслѣдованія, а не на оборотъ, не оттого, что руководились главнымъ образомъ лишь смутнымъ религіознымъ чувствомъ, отсылая на задній планъ разумъ? Какъ показываетъ исторія, разумъ и философія дѣлали скорѣе поворотъ къ истинѣ отъ заблужденій язычества, по большей части не изъяслявшаго притязаній на научную обосновку. Что до того, что будто бы при признаніи свободы изслѣдованія уничтожается значеніе Откровенія, то это, очевидно, недоразумѣніе,—никто не говоритъ, что свободное изслѣдованіе должно обходить въ своихъ изысканіяхъ откровенное ученіе, Церковь и другіе историческіе или научные факты, которымъ усвоается сверхъ-естественное или откровенное происхожденіе,—все это ужь потому, что существуетъ, подлежитъ и изслѣдованію и можетъ помогать дополнять то, чего разумъ и не въ силахъ достигнуть самъ. Разумъ и вездѣ не изъ себя творить, а увѣряется въ томъ или другомъ на основаніи данныхъ, между прочимъ опыта и наученія другихъ,—откровеніе и является ему въ данномъ случаѣ на подмогу въ качествѣ опыта и руководства въ познаніи предметовъ вѣры, хотя и не навязывается насильно; оно указываетъ вѣрный путь къ истинѣ и тѣмъ даетъ возможность слѣдить и сравнивать Божественное и истинное съ человѣческимъ и ложью.

Если наконецъ само Писаніе не рѣдко говоритъ о недостаточности и злоупотребленіяхъ человѣческой мудрости, то, во въ 1-хъ, какъ мы видѣли, оно по большей части указываетъ на язычество и его философію, не знавшую и не имѣвшую подъ руками христіанскаго ученія; во 2-хъ, если въ чемъ-либо возможны ошибки и злоупотребленія, то не значитъ, что непременно въ силу этого должно быть изгоняемо и то, чѣмъ злоупотребляютъ или что дало лишь поводъ къ ошибкамъ. Безспорно, что и въ нравственно-дѣятельной области человѣкъ постоянно блуждаетъ и путается, но слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ все не можетъ стремиться къ добру что и слѣдуетъ. нужно

уничтожить его свободу даже въ этой области и вести къ добру насиліемъ.

Въ дальнѣйшемъ возраженіи сущность дѣла сводится къ тремъ мыслямъ: во 1-хъ, будто бы во что я вѣрю, того не могу изслѣдовать. Замѣтимъ на это, что Православіе, согласно съ Писаніемъ постоянно различало въ своемъ ученіи двоякаго рода истины: необходимыя, начальныя, безъ которыхъ нельзя было быть христіаниномъ, то что апостоль называетъ „млеко“, и затѣмъ дальнѣйшее содержаніе ученія Христіанскаго, равно какъ и вообще предѣловъ по знанію и по ученію въ законѣ Вожіемъ не полагало, напротивъ ставило поученіе въ законѣ Вожіемъ день и ночь идеаломъ благочестиваго мужа, и слѣдов. область для изслѣдованія съ этой стороны всегда открыта. Затѣмъ, есть ли что неразумное, противорѣчивое въ томъ, что человѣкъ пытается найти разумное, отчетливо сознаваемое подтвержденіе тому, во что онъ почему либо вѣритъ? Подобное стремленіе, намъ кажется, естественно и разумно,—вѣдь всѣ мы, конечно, увѣрены же въ существованіи внѣшняго міра и другихъ людей, но неужели вы назовете безумнымъ, противорѣчащимъ себѣ того, кто сталъ бы искать разумнаго, научнаго доказательства этой всеобщей вѣры, особенно въ виду существованія у нѣкоторыхъ сомнѣнія въ такой обыденной истинѣ? Тѣмъ болѣе возможно свободное изысканіе разумнаго подтвержденія истинамъ вѣры въ виду невѣрія или опроверженія ихъ другими,—и чѣмъ сильнѣе вѣра, тѣмъ смѣлѣе изслѣдованіе, и, если эта вѣра по содержанію истинна, а разумъ дѣйствуетъ вѣрно, то кромѣ хорошаго ничего не придется ожидать отъ такого изслѣдованія.

Вторая мысль утверждаетъ, будто бы признаніе свободнаго изслѣдованія заранѣе одобряетъ всѣ плоды такого изслѣдованія. Странное недоумѣніе! И всякая наука, всякій ученый признаетъ за каждымъ другимъ въ этой области полную свободу изслѣдованія, но значитъ ли, что онъ вмѣстѣ признаетъ и все то, къ чему приводитъ другихъ это изслѣдованіе? Возможности оши-

бокъ въ дѣлѣ ли то изслѣдованія вѣры, или въ другихъ областяхъ никто конечно не отрицаетъ, но вѣдь никто не считаетъ себя и обязаннымъ признавать истиннымъ все то, до чего дошли ученые и наука, подобно какъ и Богъ, давъ человѣку свободу и признавая ея права, вовсе не одобряетъ ея злоупотребленій. При всемъ томъ изслѣдуетъ во всякомъ случаѣ не Церковь, какъ такая, а лишь тотъ или иной изъ ея членовъ, который, можетъ быть, много не знаетъ, въ иномъ сомнѣвается, въ чемъ нѣтъ ничего не естественнаго, хотя все это и не приложимо къ Церкви, какъ такой.

Что до 3-й мысли, что исторія указываетъ лишь на заблужденія отъ свободы изслѣдованія, то она, какъ мы уже и замѣтили, показываетъ не меньше заблужденій, и не менѣ дикихъ и чудовищныхъ, и отъ слѣпой вѣры,—припомните египетскихъ монаховъ, представлявшихъ себѣ Бога въ видѣ большого старца или, чѣмъ далеко ходить, взгляните на нашъ расколъ съ его нелѣпостями.

Но если такъ, если ничто не можетъ говорить противъ допущенія полной свободы изслѣдованія и разумнаго убѣжденія, то значить ли, что непременно вездѣ и всегда должно требовать вполне вѣры разумной и сознательной, обоснованной строго научнымъ путемъ? Очевидно, нѣтъ; допускать еще не значить требовать и изъ перваго не слѣдуетъ непременно втораго. А что дѣйствительно совершенно нельзя изгонять и вѣру слѣпую, до известной степени безотчетную, коренящуюся болѣе въ чувствѣ и неявно сознаннымъ стремленіи души, чѣмъ въ разумѣ, это ясно само собой. Иначе какъ у васъ будутъ вѣровать дѣти и неученые? Или вѣра исключительно достояніе взрослыхъ и философовъ? Или и въ ея области господствуетъ не равенство и братство, не снисходительность и покрывающая недостатки, любовь, а тотъ же аристократизмъ, что и во всемъ мірѣ? И даже худшій аристократизмъ, ибо это аристократизмъ не происхожденія отъ знаменитыхъ предковъ, не имуществен-

ный, даже не аристократизмъ мысли, но исключительный въ своемъ родѣ, превосходящій все другіе—аристократизмъ, если можно такъ выразиться, человѣчности, изъясляющій единственно и исключительно для себя притязанія на убѣжденія, на жизнь сообразно имъ, а слѣдоват. и на человѣческое достоинство, и оставляющій всехъ другихъ на степени безсловесныхъ. Но пусть такъ; допустимъ на мгновеніе этотъ аристократизмъ,—но какой знаменитый ученый осмѣлится поручиться за себя, что онъ сполна все частныя ученія Православной вѣры, равно какъ и все свои убѣжденія, можетъ доказать строго научно? Здѣсь невольно припоминаются слова поэта,—поэта настолько извѣстнаго, что нѣтъ нужды даже приводить его имя,—невольно припоминаются слова Мефистофеля, которыми онъ старается склонить Фауста къ подачѣ ложнаго свидѣтельства. Вотъ они:

О, праведникъ! ужели въ первый разъ
Тебѣ свидѣтельствовать ложно?
Не ты ли все сокрытое для васъ
Въ природѣ, въ сердцѣ человѣка,
Вопросы естества и вѣка
Самонадѣянно рѣшалъ?
Не ты ли темныя гаданья
За непреложный свѣточъ знанья
Съ челомъ открытымъ выдавалъ?
А если вникнуть въ сущность дѣла,
Объ этомъ столько же ты зналъ,
Какъ и о томъ, что Марта овдовѣла *).

Кто, хоть немного знакомый съ тѣмъ, что называется наукой знакомый даже въ лицѣ и твореніяхъ ея лучшихъ представителей, не согласится, что въ приведенныхъ словахъ ловко и мѣтко высказывается полная правда, весьма и весьма нерѣдкая дѣйствительность? Если жъ такъ, если многое изъ сказаннаго примѣнимо даже къ самымъ столпамъ человѣческой науки,—то

*) Русскій переводъ Фауста Гете, стр. 133.

кто будетъ вѣрить, кто будетъ въ состояніи быть членомъ Церкви, если необходимымъ условіемъ для этого поставить вполне отчетливое, сознательное, даже въ мелочахъ научно обоснованное, убѣжденіе въ истинахъ вѣры? Весьма вѣроятно, что такой научной обосновки всѣхъ своихъ убѣжденій не найдется ни у одного человѣка, у всякаго въ числѣ ихъ найдутся принятія на вѣру,—но развѣ это мѣшаетъ убѣжденію, какъ такому. Развѣ не бываетъ, что голосъ сердца говоритъ намъ несравненно сильнѣе, яснѣе, непосредственнѣе, чѣмъ всѣ доводы разсудка? Почему же бы мы стали предпочитать послѣдній первому? Представьте въ самомъ дѣлѣ: вы долго боролись съ возникшими такъ или иначе недоразумѣніями, невольно закрапившимися въ душу сомнѣніями, которыя хотя еще не успѣли овладѣть вами совершенно, тѣмъ не менѣе вызвали въ душѣ тревожную борьбу; вы подыскивали всевозможные доводы за ваши христіанскія убѣжденія, старались, выгнавъ сомнѣніе, убѣдить себя въ непреложности вашей вѣры,—и все напрасно: не смотря на всѣ ваши усилія, сомнѣнія, такъ сказать, невольно подмываютъ васъ. И вотъ вы, измученные долгой борьбой, съ горечью махнувъ на все рукой, вздумали развлечься прогулкой, воспользовавшись теплымъ лѣтнимъ вечеромъ. Идя безъ опредѣленной цѣли, минуя равнодушно раскинувшуюся зелень огородовъ и блестяція окна домовъ, вы вдругъ поражаетесь прекрасной картиной виднѣющейся неподалеку, какъ бы утонувшей среди зелени, кустовъ и изгороди окружающихъ садовъ, небольшой церкви. Повинуясь непосредственному впечатлѣнію, вы подходите къ ней ближе и, видя отворенныя двери, входите внутрь. И вотъ предъ вами новая картина: растворяются царскія двери, старый причетникъ слабымъ, дребежжающимъ голосомъ начинаетъ стариннымъ паѣвомъ „въ чермнѣмъ мори“. Серебристый, звонкій альтъ стоящаго рядомъ его сынишка—ученика вторитъ ему. Изъ алтаря выходитъ священникъ и, ставъ предъ растворенными вратами, пачинаетъ подпѣвать басомъ. Полныя ноты его сильнаго

голоса переливаются съ какимъ то величіемъ; дребезжащій голосъ дьячка получаетъ какую-то особенную, трогаящую прелесть, невольна задѣвая сердце: вся эта длинная, полная горечи, лишений, незаслуженнаго презрѣнія жизнь старца, все то, что могъ перечувствовать лишь нашъ пренебрегаемый всѣми русскій дьячекъ, какъ бы само собою выливается въ этой его старческой пѣсни предъ Господомъ;—и рядомъ тутъ же какъ будто для контраста его подростокъ—сыннокъ съ видимымъ удовольствіемъ и огонькомъ во взорѣ ловко выдѣлываетъ чудные переходы, и звонкій альтикъ, отдаваясь подъ сводами, сливаясь въ дивной гармоніи съ басомъ священника, то замирая, то оживляясь, несется по церкви. Мѣрно и въ тактъ, дымаясь, покачивается кадило въ рукѣ священника, и тихо колеблется складки фелони... Ко всему этому заходящее солнце заглянуло въ стекла входной двери, и красноватые вечерніе лучи заиграли на золотѣ иконостаса,—въ общемъ получилаея какая то дивная, глубокопоражающая картина. Контрастъ съ тѣмъ, что занимало васъ досель, неимовѣрно усиливаетъ впечатлѣніе; вы внѣ себя отъ восторга. Руки сами собою складываются для изображенія крестнаго знаменія; такая—то радостно-сладкая, умиленная и вмѣстѣ полная глубокаго упрека себѣ, невольнаго стыда и раскаянія слеза блеститъ въ вашихъ рѣсницахъ и катится изъ глазъ... „И я еще могъ сомнѣваться, —я, этотъ глухой, ничтожный червь!“ —думаете вы,—„да это только для того и возможно, кто невидаль, не испытывалъ этихъ дивныхъ восторговъ! Какія тутъ доказательства! Вотъ она сама жизнь и истина въ ся непосредственной, живой доступности нашему сердцу!“ Представьте подобный случай, если только можете, если вы испытывали хоть разъ что либо подобное, и спросите себя: можете ли вы назвать эту вѣру, эту непосредственно, такъ сказать, ощущаемую истинную жизнь и невыразимое блаженство слѣпою увѣренностью; незнаніемъ, а вѣрою? Или если и назовете такъ, то рѣшитесь ли пренебречь ею, какъ чѣмъ-то ничтожнымъ? Да

на чемъ же основываются всѣ ваши знанія, спрошу я васъ, если вы съумѣете отвѣтить: „да“? Даетъ ли что-либо логика? Или, если и даетъ, то развѣ она въ концѣ концовъ коренится не на той же непосредственности? Развѣ не изъ нея она черпаетъ свой матеріаль, все то, надъ чѣмъ упражняется? Сберите, перетряхните въ себѣ все то, что заставляетъ васъ вѣрить Христовой истинѣ и вы увидите, что данныхъ за эту вашу вѣру окажется, можетъ быть, несравненно болѣе, чѣмъ за любое другое ваше убѣжденіе, хотя, можетъ быть, эти данныя и не распределены по различнымъ полкамъ логическихъ шкафовъ нашимъ разсудкомъ. Еслижъ такъ, то и отрицать такую вѣру было бы верхомъ безумія.

Да и вообще различіе между слѣпой безотчетной вѣрой и свободно-разумнымъ убѣжденіемъ хорошо проводить лишь въ мысли, и стоитъ лишь спуститься въ обыденный міръ, чтобъ увидать, что на дѣлѣ почти безъ исключеній существуетъ лишь нѣчто смѣшанно-переходное. Всѣ мы во всемъ томъ, что называемъ знаніемъ, начиная съ вѣры, лишь стрѣмимся къ тому, что могло бы быть названо этимъ послѣднимъ въ собственномъ смыслѣ, и вообще говоря, всегда и остаемся на этомъ пути, лишь на дорогѣ къ знанію,—не больше, такъ что, если съ одной стороны, какъ мы уже сказали, трудно найти человѣка, который бы могъ представить неопровержимые, строго научные доводы всѣхъ своихъ убѣжденій, каковы бы они ни были, то съ другой стороны едва ли мыслима и исполнѣ безотчетная вѣра. Будь она основана лишь на довѣріи къ авторитету, на сочувствіи сердца, на иномъ чемъ подобномъ,—все же это доводы которыхъ не чуждается и наука, и въ концѣ выходитъ разнина лишь въ степени сознательности и разумности, такъ какъ кто бы гдѣ бы чему бы ни вѣрилъ, все же вѣдь онъ почему нибудь да вѣритъ, а не такъ, какъ говорится, ни съ того ни съ сего. Конечно, чѣмъ разумнѣе вѣра, тѣмъ лучше; но иное дѣло идеаль и иное дѣйствительность. Какъ въ нрав-

ственно-дѣятельной области идеаломъ для насъ является Самъ Отецъ Небесный, такъ и въ познаніи остается имъ Онъ же; но какъ тамъ мы лишь по мѣрѣ силъ приближаемся къ подобію Его, такъ и здѣсь. Потому и св. Церковь, ставя для насъ идеаломъ вѣру, какъ знаніе, не требуетъ ея непременно. Да, не требуетъ и не гонитъ, проявляя тѣмъ какъ нельзя лучше свою мудрость и превосходство. Она признаетъ свободу изслѣдованія и разумность убѣжденія, если хотите, призываетъ къ нимъ; вслѣдъ за своимъ Основателемъ, говорившимъ: испытайте писанія, яко тая суть глаголющая о Мнѣ,—и наша св. Церковь какъ бы говоритъ всякому: погляди и убѣдись, что во мнѣ истина, и не отвергаетъ никакихъ способовъ убѣжденія въ истинѣ. Но съ другой стороны, видя слабость многихъ и недоступность для нихъ научныхъ или иныхъ какихъ доводовъ, какъ любвеобильная мать довольствуется, съ ихъ стороны, лишь вѣрой, не входя въ разсужденія и не требуя отъ нихъ того, что выше ихъ силъ. Не будетъ слишкомъ большимъ преувеличеніемъ сказать, что Православіе почти не вдается въ нашъ вопросъ, оно лишь говоритъ; если хочешь быть моимъ, вѣрь, чему я учу, а откуда будетъ эта увѣренность, не спрашивается, давая это на добрую волю каждаго. И дѣйствительно, отрицать свободу изслѣдованія и разумнаго убѣжденія, какъ мы уже видѣли, противно человѣческой природѣ; непременно же требовать полной научной обосновки всего своего ученія опять выше силъ человѣческихъ. Напротивъ протестанство, поставляя каждому задачей добиться самому на основаніи Писанія истинной вѣры, запутывается въ противорѣчія и на практикѣ по неволѣ признаетъ преданіе и безотчетную вѣру, тогда какъ католичество, любя другую крайность, идетъ на перекоръ лучшимъ и законнымъ стремленіямъ человѣчества. Между тѣмъ совершенно не требовать какой бы то ни было вѣры нельзя, такъ какъ безъ принятія, безъ увѣренности въ истинности тѣхъ или другихъ принциповъ не мыслима и нравственная дѣятельность,

получающая цѣну и смыслъ, лишь поскольکو является сознательною выразительницею этихъ цѣнностей. Понятно поэтому, что не требовать вѣры значило бы не требовать отъ человѣка быть человѣкомъ. Это послѣднее было бы возможно лишь подъ условіемъ полнѣйшаго скептицизма относительно всего человѣка вообще, разсматриваемаго какъ съ познавательной, такъ и съ дѣятельной стороны; но св. Церковь далека отъ этого,—она вѣритъ въ человѣка, въ крайнемъ случаѣ признаетъ, что гдѣ ослабѣваютъ наши естественныя силы, тамъ является всевосполняющая благодать. Съ ея точки зрѣнія невозможно, чтобы искренній и достойный искатель истины оставался всегда въ заблужденіи,—вспомнимъ примѣръ Корнилія сотника и апостола Павла. Потому-то она и виѣняетъ вѣру, что эта послѣдняя дѣло не невѣдѣнія или безотчетнаго произвола, но сознательной свободы и для желающаго возможна. Св. Церковь убѣждена, что свѣтъ пріидетъ въ міръ и что если встрѣчается невѣріе этому свѣту, то лишь потому, что люди не рѣдко любятъ больше тьму, чѣмъ свѣтъ. Потому-то, наконецъ, Православіе не боится въ частности и такъ называемой свободы изслѣдованія, допуская ее вполнѣ, безъ всякихъ ограниченій,—вѣра свободная, сознательная—идеаль Ею. Напрасно стали бы опасаться, боязливо озираться въ виду практическихъ послѣдствій такого допущенія для будущности Православія,—въ такомъ опасеніи прежде всего сказалось бы или непониманіе самаго Христіанства или, что еще хуже, затаенное недовѣріе къ его внутренней силѣ и состоятельности, къ его дивному дѣйствию на сердца людей, къ словамъ Спасителя,—недовѣріе, можетъ быть, боящееся даже внутренно предъ самимъ собою сознаться въ этомъ, но оттого неперестающее быть невѣріемъ. Христіанство не боится свѣта и свободы, но первый ихъ другъ и нигдѣ не только не идетъ противъ нихъ, но само же первое поселяется и дружится тамъ и съ тѣми, гдѣ и у кого видить ихъ развитіе,—стройное и вѣрное развитіе всѣхъ лучшихъ задатковъ человѣческой души, зная, что эта

послѣдняя по самой природѣ своей самая вѣрная его союзница. Если нуженъ примѣръ, вспомните Грековъ: кто какъ не они, этотъ свободолюбивый, не ставившій предѣловъ своему пытли- вому уму, такъ любившій, такъ увлекавшійся красотой міра и человѣка народъ, кто какъ не они явились первыми и самыми многочисленными послѣдователями ученія Христова? Кто больше ихъ потрудился для него и изъ за него и кто остался вѣр- нымъ хранителемъ его на всѣ вѣка, какъ не они? Само Хри- стіанство, пришедши къ этимъ свободолюбивымъ дѣтямъ пре- красивой Эллады, одѣлось въ ихъ эллинскую одежду, и какъ на Ветхомъ Заветѣ лежитъ печать еврейства, такъ Правосла- віе и по сей часъ носитъ на своей оболочкѣ неотразимый от- печатокъ дивнаго эллинскаго генія. Наоборотъ, что сдѣлалъ рабъ внѣшности и грубой силы, суровый поработитель вселен- ной Римъ? Онъ и здѣсь явился лишь поработителемъ и иска- зилъ божественную истину. Что сдѣлали наши—не въ укоръ будь имъ сказано—темные ревнители Христова ученія временъ царства Московскаго? Они не сумѣли отличить Христа отъ аза, запутались до того, что, какъ нѣкто выразился, по- гань и нечистоту пищи очищали святой водой, а грѣхи смы- вали въ банѣ. Но не сюда стремитесь, не мракъ умественный, не рабство ставитъ своею цѣлію Христіанство;—его цѣль сво- бода; стройное, вполне свободное, гармоническое сліяніе въ од- ной общей жизни Божества и человѣчества идеаль его, идеаль его Церкви. Оттого-то Церковь православная никогда не шла ни противъ личной, ни противъ народной самостоятельности ея членовъ, вполне признавая самостоятельность и законность все- го человѣческаго, желая любви и свободы, а не господства и рабства и не боясь за себя, тѣмъ болѣе не требуя никакихъ постороннихъ, чуждыхъ ей, слабыхъ подпорокъ въ видѣ угне- тенія, обмана, насилія, коварства, невѣжества народныхъ сло- евъ и т. д., которыми ее старалась подпереть недалекая че- ловѣческая близорукость или трусость. Не нуждается она въ

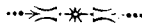
этихъ слабыхъ свидѣтеляхъ человѣческой трусости и обиднаго для нея недовѣрія къ ней; она помнитъ слова ея Основателя: созижду Церковь Мою и врата адова не одолѣютъ ей,—помнить она эти слова и, вѣря въ ихъ непреложность, безъ боязни живетъ и въ цѣпяхъ турка и среди насмѣшекъ и угнетеній австрійца, и среди бѣдности и убожества, а подь часъ и равнодушія, а то такъ и презрѣнія къ ней и безчисленныхъ укоровъ ея пастырямъ на святой Руси. Смѣняются вѣка, а она все та же; какъ грибы, растутъ противныя ей ученія и какъ снѣгъ, какъ легкой иней таютъ и исчезаютъ, а она все стоитъ,—стоитъ и видитъ, какъ начинается уже рѣдѣть мгла, и какъ даже съ дальняго высокоумнаго Запада, прищурясь глядятъ на нее и недоумѣваютъ. А она съ бодрымъ взглядомъ на будущее, съ радостной надеждой увѣрена достоять до тѣхъ поръ, пока не грянутъ громовые раскаты трубъ вѣстниковъ скоро грядущаго вѣчнаго міра, пока не сверкнетъ отъ края до края небесъ своими разрывающими мглу зигзагами молнія пришествія Сына человѣческаго, пока Онъ не явится и не приметъ ее въ свои объятія—ее, свою невѣсту, свободную, непорочную, вѣрящую въ Него, вѣрящую въ человѣка.

К О Н Е Ц Ъ .

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вѣра, какъ увѣренность, по ученію православія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВВЕДЕНІЕ.

Страницы.

§ 1. Предметъ изслѣдованія. § 2. Невозможность основательнаго рѣшенія вопроса на почвѣ небогословской науки вообще и философіи въ частности. Догматическій характеръ изслѣдованія. Значеніе вопроса. § 3. Необходимость обстоятельнаго изслѣдованія вопроса. § 4. Нѣкоторыя частныя особенности изслѣдованія	3—18
--	------

Вѣра по ученію св. Писанія.

а) Сравнительное значеніе св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта въ вопросѣ о вѣрѣ.	19—21
б) Краткій очеркъ состоянія Боговѣдѣнія въ Ветхомъ Завѣтѣ. § 1. Преимущественно опытный и историческій характеръ богопознанія. § 2. Слѣды философски-разсудочнаго начала въ богопознаніи. § 3. Подготовка данныхъ для принятія истины новозавѣтнаго ученія.	22—30
в) Вѣра по ученію св. Писанія Новаго Завѣта. Исходное начало и приемы изслѣдованія	31—33

І. С Л О В О „В Ъ Р А“.

а) Филологическій разборъ слова „вѣра“. § 1. Предварительныя замѣчанія. § 2. Значеніе словъ „вѣра“, „вѣрить“ въ еврейскомъ языкѣ. § 3.—въ	
---	--

арабскомъ. § 4.—въ сирскомъ. § 5	Заключение о значеніи слова „вѣра“ въ семитическихъ языкахъ.	
§ 6.	Значеніе словъ „вѣра“, „вѣрить“ въ греческомъ языкѣ.	
§ 7.	Заключение	33—46

б) Употребленіе словъ „вѣра“, „вѣрить“ въ св. Писаніи. § 1.	Употребленіе словъ „вѣра“, „вѣрить“ въ значеніи тождественномъ словамъ „знаніе, знать“. Безразличное употребленіе тѣхъ и другихъ словъ.	
§ 2.	Употребленіе словъ „вѣра“, „вѣрить“ въ смыслѣ противоположномъ словамъ „знаніе, знать“.	
§ 3.	Приложеніе словъ „вѣра“ къ нравственно-дѣятельной области.	
§ 4.	Еще нѣсколько смысловъ, соединяемыхъ съ словомъ „вѣра“.	
§ 5.	Заключение.	46—58

II. ВѢРА МОЖЕТЪ ИМѢТЬ ОСНОВАНІЯ, ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, ПРИЗНАКИ СВОЕЙ ИСТИННОСТИ.

а) Предварительныя замѣчанія		58—61
б) Чудеса, какъ доказательства истинности вѣры.		
а) Чудеса по представленію Евангелій свв. Матвея, Марка и Луки. § 1.	Взаимоотношеніе чудесъ и вѣры. Значеніе вопроса о цѣли чудесъ.	
§ 2.	Мѣста св. Писанія полагающія цѣль чудесъ въ доказательства вѣры.	
§ 3.	Причины отказовъ Господа отъ чудотворенія.	
§ 4.	Мѣста, указывающія что вѣра, какъ уже существующая предварительно, не составляетъ необходимаго условія чуда.	
§ 5.	Мѣста говорящія, по видимому, за необходимость для вѣры предшествовать чуду.	
§ 6.	Причина запрещенія говорить о чудесахъ	61—93
б) Чудеса по представленію Евангелія св. Іоанна. § 1.	Чудеса, какъ доказательства вѣры.	
§ 2.	Причины отказовъ отъ чудотворенія	93—99

γ) Чудеса по представлению остальных книг
Новаго Завета . . . . . 99—104

в) Иного рода доказательства истинъ вѣры, пред-
ставляемые намъ св. Писаніемъ. § 1. Господь и
Его служители доказываютъ свое ученіе: α) отъ св.
Писанія Ветхаго Завета и нѣкоторыхъ произведе-
ній языческихъ; β) указаніемъ на свой собственный
опытъ и опытъ слушателей; γ) непосредственно са-
мымъ дѣломъ; δ) обращеніемъ къ непосредственному
сознанію; ε) логическими приемами мысли; ζ) указа-
ніемъ на порядокъ природы. § 2. Причина при-
кровенной рѣчи Господа и отказовъ отвѣчать на
вопросы. . . . . 104—115

г) Нѣкоторые признаки истинной вѣры и предо-
стереженія вѣрнымъ, представляемые св. Писаніемъ. 115—116

д) Общій выводъ изъ доселѣ разсмотрѣннаго. . 116—120

III. ВѢРА ПО ИДЕѢ—СВОБОДНОЕ РАЗУМНО-СОЗНАТЕЛЬНОЕ УБѢЖДЕНІЕ.

а) Намъ дано все необходимое для познанія въ
дѣлѣ вѣры. α) Естественные пути познанія въ дѣ-
лѣ вѣры. β) Сверхъестественный источникъ вѣдѣнія
въ возрожденномъ человѣкѣ . . . . . 120—130

б) Свобода и вмѣняемость вѣры. α) Участіе бла-
годати въ дѣлѣ вѣры не исключаетъ ея сознатель-
ности и свободы. β) Свобода вѣры и невѣрія какъ
условіе ихъ вмѣняемости. . . . . 130—134

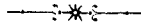
в) Заключение. § 1. Намъ даны все средства
для познанія истины. § 2. На этой доступности
познанія истины основывается вмѣняемость вѣры и
невѣрія. Отсюда: вѣра по идеѢ—разумно-сознатель-
ное убѣжденіе. . . . . 134—138

IV. ДОПУСТИМОСТЬ ВѢРЫ БОЛѢЕ ИЛИ МЕНѢ БЕЗОТЧЕТНОЙ.

- а) Мѣста св. Писанія, говоряція, повидимому, за безотчетную вѣру. α) Кажущіеся примѣры безотчетной вѣры . . . . . 138—142
- β) Мѣста св. Писанія, противуполагающія вѣру видѣвшихъ вѣрѣ невидѣвшихъ; вѣру—видѣнію. § 1. Ублажаются вѣрующіе не видя. § 2. Противуположеніе вѣры видѣнію. § 3. Мѣсто посланія къ Евр. XI, 1. . . . . 143—152
- γ) Мѣста св. Писанія, противуполагающія вѣру мудрости міра. § 1. Мѣста изъ Евангелій. § 2. Мѣсто 1 Кор. I, 17—31. § 3. Совѣты уклоняться отъ пустыхъ споровъ. § 4. Другія мѣста подобныя вышеуказаннымъ . . . . . 152—159
- δ) Мѣста св. Писанія лишь повидимому относящіяся къ нашему вопросу . . . . . 160—162
- б) Мѣста св. Писанія дѣйствительно говорящія за допустимость болѣе или менѣе безотчетной вѣры. § 1. Приемлемость вѣры дѣтей. § 2. Примѣры не много разсуждающей вѣры . . . . . 162—168
- Общій выводъ относительно ученія св. Писанія о вѣрѣ . . . . . 168—173

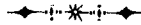

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вѣра, какъ увѣренность, по ученію Православія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Вѣра по ученію св. Преданія.

Предварительныя замѣчанія.

Различные виды пониманія слова св. Преданіе.	Страницы.
Наше пониманіе этого слова въ данномъ случаѣ.	
Оправданіе такого пониманія. Отцы и учителя Церкви, твореніями которыхъ мы будемъ пользоваться.	
Нѣчто относительно способа изложенія ихъ ученія	3— 7
Вѣра по ученію отцевъ и учителей Церкви первыхъ VII вѣковъ.	

I. СЛОВОУПОТРЕБЛЕНІЕ.

1) Безразличное названіе предмета какъ вѣрою, такъ и знаніемъ.

2) Употребленіе слова „вѣра“ въ смыслѣ яснаго, сознательнаго убѣжденія, знанія.

3) Употребленіе словъ „вѣра, вѣрить“ въ смыслѣ противоположномъ словамъ „знаніе, знать“.

4) Употребленіе словъ „вѣра, вѣрить“ въ смыслѣ увѣренности въ недоказуемомъ логически.

5) Употребленіе слова „вѣра“ въ смыслѣ увѣренности, какъ такой.

6) — въ смыслѣ содержанія Христіанскаго ученія и даже въ смыслѣ религіи вообще.

7) Употребленіе слова „вѣра“ въ смыслѣ низшей степени вѣры, вѣры простодушной. Страницы.

8) — въ смыслѣ жизни, сообразной съ вѣрою и даже вообще въ смыслѣ разумной, нравственной жизни.

Заключеніе относительно словоупотребленія . . . 9—16

II. ВѢРА МОЖЕТЪ БЫТЬ ЗНАНІЕМЪ.

§ 1. Людямъ свойственно знать Бога.

§ 2. Источники Богопознанія.

α) Внѣшняя природа. β) Внутренняя природа души. γ) Врожденная идея Бога. δ) — нравственнаго закона. ε) Аналогія души. ζ) Умъ чело^ввѣчскій. η) Философія. θ) Поэзія . . . . . 16—52

ι) Сверхъестественные источники Богопознанія. Божественное Откровеніе Ветхаго и Новаго За^вѣта. Доказательства Откровенія. Согласіе его съ данными естественнаго познанія о Богѣ и нравственности. κ) Пророчества. λ) Чудеса. μ) Непосредственное благодатное дѣйствіе души.

§ 3. Возможность полнаго отождествленія по степени достовѣрности вѣры и знанія въ дѣлѣ вѣры 52—63

III. ВѢРА ПО ИДЕѢ—СВОБОДНОЕ, РАЗУМНО-СОЗНАТЕЛЬНОЕ УВѢЖДЕНІЕ.

а) Странно вѣрить недоказанному. б) Разумная свобода вѣры, какъ основаніе ея вмѣняемости.

§ 1. Свобода необходимый признакъ грѣха и добродѣтели. Пониманіе свободы отцами и учителями Церкви. Свобода вѣры и невѣрія, какъ основаніе ихъ вмѣняемости.

§ 2. Указаніе вѣрности нашего представленія того, какъ понимается отцами и учителями Церкви

свобода вѣры, въ виду нѣкоторыхъ возможныхъ возраженій. Страницы

в) Превосходство вѣры разумной. . . . . 63—79

IV. ДОПУСТИМОСТЬ БОЛѢЕ ИЛИ МЕНѢ БЕЗОТЧЕТНОЙ ВѢРЫ.

Предварительныя замѣчанія.

а) Мѣста, говорящія повидимому за безотчетную вѣру.

α) Мѣста утверждающія относительно нашего познанія въ дѣлѣ вѣры. β) Мѣста, поражающія излишнюю пытливость и безпредѣльныя изысканія въ дѣлѣ вѣры.

§ 1. Нѣкоторыя предувѣдомленія. Мѣста изъ твореній св. Иринея. § 2. Тертулліана. § 3. Василия Великаго и Златоуста.

γ) Еще нѣкоторыя мѣста, говорящія повидимому за безотчетную вѣру.

§ 1. Предварительныя замѣчанія. § 2. Мѣста изъ твореній св. Иринея. § 3. Тертулліана. § 4: Климентя Александрійскаго (о недоказуемости вѣры). § 5. Василия Великаго. § 6. Григорія Богослова. § 7. Златоуста. § 8. Св. Іоанна Дамаскина. . . 79—142

в) Мѣста, дѣйствительно говорящія за допустимость болѣе или менѣ безотчетной вѣры.

§ 1. Указанія на принадлежность къ Церкви людей недалекихъ. § 2. Лучше вѣрить, не учась, чѣмъ, бывъ мудрымъ и ученымъ заблуждаться. § 3. Защита не мудрствующей вѣры у Оригена. § 4. У бл. Августина. § 5. Подобное же у св. Григорія. § 6. Степени вѣры. § 7. Равное достоинство ихъ по отношенію къ спасенію вообще. 142—153

Заключеніе относительно ученія св. Преданія о вѣрѣ. Страницы.

§ 1. Ученіе о вѣрѣ писаннаго преданія. Свободно-разумное убѣжденіе — идеаль вѣры. Допустимость всѣхъ степеней вѣры. Въ какомъ смыслѣ можно сказать, что вѣра вообще не отличается отъ знанія.

§ 2. Ученіе неписаннаго преданія. Принятіе въ Церковь ученыхъ. Похвалы просвѣтительнымъ трудамъ ихъ. Заведеніе училищъ. Принятіе дѣтей, варваровъ и неученыхъ. Посланіе восточныхъ патріарховъ. Православный катихизисъ. Слово „вѣра“ по отношенію къ точности обозначенія выражаемаго имъ понятія. Вѣрность Церкви завѣщанному ей ученію . . . . .

153—159

**Общее заключеніе, представляющее собою бѣг-
лую оцѣнку Православнаго ученія о вѣрѣ въ ви-
ду его отношенія къ общему характеру Право-
славія и къ потребностямъ человѣческой при-
роды.**

Отношеніе ученія о вѣрѣ къ ученію о Богѣ и человѣкѣ и общему характеру Православія. Благотворность православнаго ученія о вѣрѣ для человѣка, соответствіе его потребностямъ человѣческой природы. Польза раскрытія указанныхъ сторонъ ученія о вѣрѣ. Признаніе значенія разума и науки. Человѣкъ — разумно-свободное существо. Душа по природѣ христіанка. Христіанство вѣрно понимаетъ человѣческую природу. Стремленіе подавить свободу противорѣчіемъ духу Христіанства. Характеристика католичества у Достоевскаго. Недовѣріе къ человѣку и силѣ Христіанства, какъ

источникъ стремленія пригнетать свободу и разумъ въ дѣлѣ вѣры. Связь вѣры въ Бога съ довѣрiемъ къ человѣку. Возможныя возраженія противъ нашего рѣшенія вопроса. Возможный предметъ сомнѣній. Слабость силъ человѣка. Противорѣчиво вѣрить и изслѣдовать, Рѣшеніе возраженій. Скептицизмъ и позитивизмъ, какъ почва на которой держится первое возраженіе. Исторія религіозныхъ заблужденій. Значеніе Откровенія. То не худо, чѣмъ злоупотребляютъ. Различіе истинъ Христіанскаго вѣдѣнія. Стремленіе къ сознанію основаній своей увѣренности въ чемъ либо не заключаетъ въ себѣ противорѣчія. Признаніе свободы изслѣдованія не заключаетъ въ себѣ признанія законности всѣхъ возможныхъ послѣдствій ея. Заблужденія слѣпой вѣры. Можно ли вездѣ требовать разумной вѣры? Вѣра — достоиніе всѣхъ. Трудность полного проведенія въ дѣйствительности начала разумности въ дѣлѣ вѣры. Не основательно лишать значенія данныя чувства. Трудность указать предѣлы вѣры слѣпой и разумной въ живой дѣйствительности. Мудрость Церкви и ошибки протестантства и католичества. Невозможность не требовать вѣры, какъ увѣренности. Христіанство не боится свѣта и свободы

О П Е Ч А Т К И

Ч А С Т И П Е Р В О Й .

Стр.	Строки	Напечатано:	Слѣдуетъ читать.
3	1	сверху Превѣчное слово	Превѣчное Слово
12	1	снизу значенія	значенія
39	11	сверху на-ность	выпустить
53	25	сверху ἀκηκόαμεν	ἀκηκόαμεν
54	4	снизу ἐποχοδομοῦμενοι	ἐποχοδομοῦμενοι
55	16	снизу ἐν	ἐν
		Тамъ же βεβαιούμενοι	βεβαιούμενοι
56	6	сверху и	и
56	2	снизу разумѣемъ	разумѣть
58	9	сверху и	изъ
63	2	сверху издревне	издревле
69	9	снизу ἐσμιρισμένον	ἐσμιρισμένον
72	8	сверху здѣлалось	сдѣлалось
86	5	снизу ἀλαβων	ἀλαβῶν
92	6	снизу говорить	говорить
92	14	снизу ποιήσωσι	ποιήσωσι
113	13	снизу неразумеютъ	неразумеютъ
117	1	сверху признаемъ	признаетъ.
121	15	снизу οὐκ ἀμαρτυρον	οὐκ ἀμαρτυρον
123	17	снизу πρόσωπον	πρόσωπον
126	10	сверху αἰδις	αἰδιος
126	2	снизу τῆλον	ζῆλον
148	25	снизу πραγμάτον	πραγμάτων
149	14	сверху etst	est
170	9	сверху вѣры	вѣры

О П Е Ч А Т К И

Ч А С Т И В Т О Р О Й.

Стр.	Строки	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
14	1	сверху къ подробной	къ подобной
17	2	сверху δ	ὀ
17	4	снизу ζτρωματεῖς	Στρωματεῖς
25	14	снизу καιλογον	καὶ λόγον
25	13	снизу τη	τῆ
26	5	сверху ныне	нынѣ
26	8	снизу всякое	всякое
29	3	сверху προσαγορευμα	προσαγόρευμα
29	9	сверху воли признають	воли признають
29	7	снизу ἔννοια	ἐννοια
30	1	снизу сужденіе	сужденія
33	2	снизу философы	φιλοσοφῆ
34	6	снизу cariositate	curiositate
34	2	снизу persecutoresque	persecutoresque
35	8	сверху animaе	animae
37	14	сверху haeticorum	haeticorum
40	13	снизу κόινον	κοινόν
41	15	сверху вещь	вещи
		Тамъ же ποιεῖο	ποιεῖν
41	11	снизу которое	который
41	2	снизу οἷκα	ὀ καὶ
41	1	снизу δ	ὀ
43	5	сверху υἱτοὶ καταρηγνυκται	υἱτοὶ καταρηγνυνται
44	1	сверху προηγομένως	προηγούμεως
44	17	сверху ἀνθρώπων	ἀνθρώπων
44	4	снизу εἰς τὸν Κύριον	ἤ εἰς τὸν Κύριον
46	6	снизу φιλοσοφον	φιλοσόφου
46	5	снизу φιλαλήτους	φιλαλήτους
46	2	снизу φιλοσοσοφον	φιλοσόφου
47	8	сверху ἐπεικούριόντε	ἐπεικούριον τε
47	10	сверху τυ	τὀ
47	12	сверху εἶποим	εἶποим'
47	6	снизу παραπλητίων	παραπλησιών
47	5	снизу Γραφῆ πανκῆλως	Γραφῆ παγκάλως

Стр.	Строки.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
50	17	снизу δι'	дѣ
50	9	снизу προνοιαν	прѣноиαν
51	11	снизу αὐτίς	αὐτίς
51	10	снизу ἐστιν ὁμοιοῦσθας	ἐστιν ὁμοιοῦσθαι
52	11	сверху τοίνου	тоίνου
52	18	снизу мѣжду	между
55	9	снизу ихъ	имъ
58	12	сверху δείξω	δείξω
60	4	сверху чудо	чуда
60	8	снизу полатится	нолатился
61	21	снизу ученіямъ	ученіемъ
61	7	сверху τὰ σκευή	τὰ σκευή
61	5	снизу χάριν	χάριν
62	12	снизу 111	III
62	2	снизу quum	quem
63	7	сверху постигаетъ	постигаемъ
63	10	сверху сознаниемъ	со знаниемъ
63	21	сверху pascuntur	pascuntur
67	14	сверху πᾶσις	πᾶσιν
67	4	снизу δικαιοπραξίαν	δικαιοπραξίαν
68	1	сверху εἰσι	εἰσι
69	15	снизу quum	quem
70	3	сверху dici	dicii
70	7	сверху appeuabas	appellabas
89	5	снизу духъ	духъ
89	4	снизу приѣмлющимъ	приѣмлющемъ
90	10	сверху обрящите	обряцете
90	17	снизу condltionem	conditionem
92	15	снизу πολυπραγμοσύνη	πολυπραγμοσύνη
96	8	сверху противорѣчить	противорѣчатъ
99	19	сверху Ἄσχημάτιστος	Ἄσχημάτιστος
101	12	снизу dignus	indignus
102	5	снизу имѣя	имѣетъ
104	14	сверху phautaxma	phantasma
104	16	сверху necessa riumdedecus	necessarium dedecus
104	5	снизу denm	deum
105	5	снизу eorum	eorum
106	7	снизу sideus	si deus

Стр.	Строки.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
106	6	снизу cum	eum
106	5	снизу potentiaque	potentiaequē
107	1	сверху decet	decet
107	2	сверху admirationem	admirationem
108	2	сверху modum	modum
109	2	сверху obscuritatis	obscuritatis
109	2	снизу aubietis	audietis
111	1	снизу ancilla	ancilla
120	3	сверху ὁ ποῖόν	ὁ ποῖόν
120	6	снизу ἀπορήσειεν	ἀπορήσειεν
121	1	сверху ζῆγ	ζῆγ
121	17	снизу ἀποδίδωσι	ἀποδίδωσι
121	12	снизу ἔννοιαν	ἐννοιαν
122	11	снизу οὐδέν	οὐδέν
124	9	сверху ἦδη	ἦδη
124	8	снизу ὄν	ὄν
126	11	снизу ἀποδείξεων	ἀποδείξεων
128	10	сверху повѣришь	повѣритъ
129	18	снизу οἴεσθαι	οἴεσθαι
130	6	снизу dogmengo hichte	dogmengeschichte
145	16	снизу λόγω	λόγων
145	14	снизу πεπιστευμένι	πεπιστευμένοι
146	15	сверху ὁ	ὁ
148	3	снизу hogenu	hoguni
149	4	сверху accidiendae	accipiendae
150	6	снизу ἐγγεῖρται	ἐγγεῖρται
151	17	сверху и и	и
173	14	снизу такая-то	какая-то
174	18	сверху стрѣмимся	стремимся
174	5	снизу разнина	разница

